

ДЕТИ ВОЙНЫ – ВЛАДИМИРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

**Сборник воспоминаний юных свидетелей
Великой Отечественной войны**

Работа над сборником осуществлялась
членами ВРОО «Неравнодушные Сердца»
и другими неравнодушными активистами.

Книга издана на средства Президентского гранта,
выигранного в 2021 году
ВРОО «Неравнодушные Сердца».

Владимир
АРКАИМ
2021

УУДК 82-3
ББК 84Р6
М19

М19 Дети войны. Сборник воспоминаний юных свидетелей Великой Отечественной войны – Владимир: Аркаим, 2021. – 434 с., илл.

УДК 82-3
ББК 84Р6

Оглавление

Дети войны –	1
владимирская летопись	1
Абрамова Нина Ивановна	15
Аверина Лидия Федосеевна	16
Андреева Валентина	18
Алемасов Лев Семенович	19
Анисимова Лола Васильевна	22
Антипова Таисия Петровна	27
Афоница Тамара Антоновна	29
Балашова Тамара Семеновна	30
Барина Галина Ивановна	32
Бегунова Раиса Андреевна	33
Белкина Вера Васильевна	35
Белова Людмила Васильевна	38
Белокопытова Валентина Афанасьевна	42
Белякова Нина Викторовна	53
Большакова Людмила	57
Бондарева Галина Васильевна	59
Борисова Алевтина Сергеевна	66
Будкин Владимир Иванович	69
Быкова Татьяна Николаевна	71
Былинкин Николай Васильевич	72
Былинкина Каламбина Алексеевна	73
Вагина Галина Ивановна	75
Вахромеева Алевтина Кузьминична	77
Власова Анастасия Васильевна	79
Волкова Валентина Александровна	80
Герасимова Фаина Павловна	84
Григорьева Галина Борисовна	86
Гусаков Василий Дмитриевич	92
Гуськов Юрий Михайлович (Барышев Юрий Савельевич) ..	94
Доронов Рудольф Руфович	95

Дубинина Анастасия Петровна	119
Дубовская Валентина Николаевна	121
Дядин Иван Андреевич	124
Ежов Николай Иванович	126
Епанчина Анна Алексеевна	133
Ершова Евгения Александровна	141
Желтов Альберт Васильевич	143
Захарова Валерия Константиновна	153
Земскова Валентина Александровна	156
Каманина Евдокия Дмитриевна	158
Камкина Ксения Александровна	160
Кийкова Ольга Ивановна	164
Кирсанова Светлана Владимировна	167
Кислякова Дина Александровна	173
Коврижных Валентина Яковлевна	179
Коншин Михаил Сергеевич	185
Коншина Наталия Альфредовна	189
Копылов Валерий Всеволодович	194
Корниенко Луиза Владимировна	196
Кочеткова Валентина Алексеевна	200
Кулдышева Тамара Васильевна	201
Кулькова Анна Васильевна	205
Куриной Леонид Кириллович	211
Кучма Зинаида Ивановна	217
Лазарева Нина Сергеевна	222
Лапшина Галина Ивановна	224
Левина Зинаида Захаровна	225
Лозицкая Майя Евгеньевна	229
Лушкина Любовь Андреевна	232
Лыкова Валентина Петровна	234
Любахина Надежда Григорьевна	235
Макарова Римма Михайловна	237
Малинкина Тамара Сергеевна	240

Мигушина Нина Ивановна	242
Митюхляева Раиса Ивановна	243
Молотникова Антонина Николаевна	244
Молчанова Роза Ивановна	251
Мусатов Геннадий Георгиевич	253
Назарова Ольга Степановна	255
Наумова Валентина Георгиевна	257
Огурцова Лидия Сергеевна	259
Орлова Елена Васильевна	261
Осипова Эльвира Викторовна	265
Паркачева Нина Андреевна	268
Пелевина Лидия Ивановна	275
Пескова Валентина Ивановна	277
Петрова Галина Васильевна	279
Поташёнков Валерий Сергеевич	281
Проненко Галина Фёдоровна	283
Рябоненко Юрий Тарасович	287
Рогаткина Екатерина Ивановна	294
Садунина Мария Николаевна	298
Сараева Зинаида Евгеньевна	300
Свиттен Эльвира Павловна	303
Сергеев Аркадий Дмитриевич	306
Серебрякова Валентина Яковлевна	336
Сидорова Генриетта Ивановна	337
Сипакова Валентина Николаевна	342
Сметанин Михаил Иванович	345
Смирнова Лидия Николаевна	352
Сняtkова Нина Николаевна	355
Сосновская Клавдия Ивановна	356
Сырская Людмила Ивановна	358
Таболина Зинаида Алексеевна	359
Тенёткин Игорь Александрович	360
Тимонина Валентина Ивановна	363

Толстова Роза Антоновна	365
Федотова Анастасия Алексеевна.	370
Филатова Раиса Ильинична	371
Чекалина Алевтина Ивановна	381
Черноглазова Галина Константиновна	383
Чернышова Тамара Сергеевна.	386
Чистякова Римма Николаевна.	390
Шмуратко Лидия Геннадьевна.	392
Яремчук Галина Ивановна	394
Доронова (Данилова) Галина Алексеевна.	395
Коншина Наталия Альфредовна.	396
Кучма Зинаида Ивановна	398
Рябоненко Юрий Тарасович.	401
Сараева Зинаида Евгеньевна	403
Сергеев Аркадий Дмитриевич.	404
Тимофеева Людмила Ивановна.	406
Воспоминания детей войны «с той стороны»	407
Эмили Пауль.	407
Хайде Магтишек	413
Хелла Рейнке.	417
Инге Айхель	419
Отмар Кох Эриннерюнген	421
Вальтер Росс	424
Работы Лолы Васильевны Анисимовой	426

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках поистине уникальный материал, повествующий об ужасных событиях, постигших советский народ в середине двадцатого века. В сборнике воспоминаний «Дети войны – владимирская летопись» очевидцы событий рассказывают о стойкости наших соотечественников перед лицом врага, о самоотверженности, самопожертвовании и, в то же время, о низменных качествах, проявляющихся у некоторых людей в стремлении сохранить свою жизнь. В этих воспоминаниях есть место описанию примеров героизма и предательства.

История Великой Отечественной войны, рассказанная юными очевидцами, которые жили в самых разных местах нашей Родины, а будучи взрослыми, оказались на Владимирской земле, позволяет глубже проникнуть в суть борьбы советского народа против коричневой чумы, дает возможность осознать страх, боль и ужас, который несет в себе война.

Сборник воспоминаний «Дети войны – владимирская летопись» непременно должен стать методическим пособием по изучению истории Великой Отечественной войны во учебных заведениях Владимирской области и за ее пределами. Прочитав этот сборник, школьники с большой долей вероятности перестанут воспринимать романтический образ войны, пропагандируемый западными средствами массовой информации.

Внедрение подобных материалов в учебно-воспитательный процесс сможет реально способствовать формированию социально-ответственных граждан России, воспитывать настоящих патриотов своей страны, любящих свою Родину, помнящих свою историю и подвиг предков.

Иван Осипов

*Председатель ВРОО «Неравнодушные Сердца»,
Депутат Совета народных депутатов города
Владимира,
Руководитель проекта «Дети войны –
владимирская летопись»*

Дорогой читатель!

Великая Отечественная война сохранилась в памяти российского народа как символ горя и бед. Победа в этой войне досталась ценой огромных потерь.

Войне, отдельным ее эпизодам и событиям, героическим, боевым и трудовым подвигам бойцов и командиров Красной Армии, тружеников тыла посвящено множество произведений. О малолетних же участниках войны написано и издано мало книг. А сколько подвигов совершили дети!

Наряду со взрослыми все тяготы войны испытывали на себе дети того времени. Они, как и их родители, ощутили на себе весь ужас войны, по-детски переживали ни с чем не сравнимые бедствия и всеобщее горе. В меру своих еще неокрепших сил и возможностей трудились они на колхозных полях и заводах, находились под бомбежками, испытали голод и холод, перенесли оккупацию, блокаду и концлагеря. Война отобрала детство у этих детей.

Эта книга о войне, увиденной непосредственно детскими глазами, о том, как война лишила их детства, как под воздействием суровых обстоятельств, очень рано подростки становились взрослыми. Они остались живыми, и уже этим совершили подвиг, в нечеловеческих условиях военного времени выжили и выросли достойными гражданами своей Родины. Их поколение внесло огромный вклад в восстановление страны от военной разрухи.

Война велась не только на территории СССР, но и на территории Европейских государств, дети которых также столкнулись с нелегким военным детством. В конце книги вы найдете несколько воспоминаний людей, чьи детские годы пришлось на время боевых действий в Германии.

Людмила Бундина

Председатель Владимирской региональной общественной организации «Дети войны», Член редакционной коллегии книги «Дети войны – владимирская летопись»

Роман Александров

Президент Национальной ассоциации субъектов общественной дипломатии «Диалог», куратор проекта «Дети войны – владимирская летопись»

Уважаемый читатель!

Одной из самых страшных страниц нашего государства остается Великая Отечественная война. Все дальше и дальше уходят от нас страшный июнь 1941 и цветущий май 1945. Однако память о тех событиях остается с нами. Данная книга – проводник в недавнее прошлое.

Воспоминания детей войны, собранные волонтерами в этой книге поистине бесценны. Они передают все тяготы и невзгоды, боль и страдания, постигшие детей в годы Великой Отечественной войны, страх, ужас и при этом героизм советского народа, не сдавшегося врагу.

Убеждены, что это замечательное издание внесет свою лепту в сбережении нашей исторической памяти, будет интересно широкому кругу читателей, и станет хорошим подарком для всех, кто искренне любит Россию и гордится героическими страницами ратной летописи страны.

С каждым годом все меньше и меньше становится свидетелей той страшной войны, но каждый человек может сохранить память о войне, записав воспоминания очевидцев тех страшных событий. Это уникальная возможность узнать правду о годах войны из первых уст и передать ее следующему поколению. Надеемся, что эта книга не последняя. Мы будем рады видеть в своих рядах ребят, готовых записать за детьми войны воспоминания для следующей книги.

Сергей Попов

Руководитель регионального добровольческого центра «Волонтеры, Культуры» во Владимирской области, Член редакционной коллегии книги «Дети войны – владимирская летопись»

Татьяна Буянова

Региональный руководитель движения «Волонтеры Победы» во Владимирской области, Член редакционной коллегии книги «Дети войны – владимирская летопись»

Дорогие читатели!

«Когда земля от крови стыла,
Когда горел наш общий дом,
Победу труженики тыла
Ковали праведным трудом.
Когда фашизму рвали тело
Отцы, мужья и сыновья,
В тылу бурлило и кипело –
Трудилась Родина моя.
Сильнее стали женщин плечи,
Взрослели дети на глазах.
Горели доменные печи,
Рожь колосилась на полях.
Все для Победы! Все для фронта!
А сами – в поле и к станку,
Чтобы отправить хлеб и танки.
На фронт солдату-мужику.
Все отдавали: силы, средства...
Война тащила за собой
Детей, не ведающих детства,
И женщин с горькою судьбой.
Кто был в окопах, те – герои,
Остановившие фашизм,
Но тыл решительным настроем,
Не меньший выдал героизм.
Жива еще в потомках память,
Тех героических времен –
Советским труженикам тыла
Низкий наш земной поклон!»

*Б. Поляков .
«Труженикам тыла»*

Эти строки как нельзя кстати описывают Владимирскую землю в годы Великой Отечественной Войны. Каждая годовщина Победы напоминает нам о рождении Владимирской области, которая появилась на карте СССР в разгар Великой Отечественной. Создавая новую область, руководство страны явно учло тот вклад, который владимирцы внесли в разгром врага.

Владимирская область была образована 14 августа 1944 года, за полгода до Победы. До этого Владимирская губерния входила в состав Ивановской области. На фронт ушли около 300 тысяч владимирцев и, по подсчётам историков, домой вернулось меньше половины из них. Численность населения Владимира составляла около 60 тысяч человек, и почти 25 тысяч из них ушли на фронт. В народном ополчении участвовали более трёх тысяч человек.

На территории нынешней Владимирской области сформировались 34 воинские части. Во Владимире и пригородах были сформированы 20-я, 21-я и 45-я танковые, 32-я и 53-я мотострелковые бригады, 180, 250 и 262-я стрелковые дивизии. По железной дороге на фронт ушли: бронепоезд «Илья Муромец», бронепоезд «Ковровский большевик», Владимирский бронепоезд «Феликс Дзержинский». Край поставил в Красную Армию почти 19 тысяч лошадей, 3 тысячи автомобилей, 252 трактора.

К началу войны только во Владимире работали 20 заводов – в основном, металлообрабатывающие, химические, швейные и пищевые. Промышленность в короткие сроки перевели на военные нужды.

Химический завод производил продукцию из пластмассы, запчасти для артиллерии и авиации, а также пластмассовые советские медальоны. Станкостроительный завод производил оборудование для других предприятий. Предприятия и артели лёгкой промышленности обеспечивали советскую армию обмундированием, обувью, патронташами, сумками, лопатами и лыжами. Владимирский моторо-тракторный завод

был построен за несколько месяцев в 1943 году и до конца войны выпустил 500 тракторов.

Активно работали другие предприятия региона, в том числе прибывшие из оккупированных территорий. Знаменитый стекольный завод в Гусь-Хрустальном производил триплекс-стекло для самолётов. В Вязниках изготавливали походное снаряжение, мануфактура в Лакинске – ткани для обмундирования. В Коврове в 1943 году конструктор Василий Дегтярёв создал противотанковое ружьё, в 1944 году – новую модель ручного пулемёта. Там же было налажено производство авиационных пушек, пистолетов-пулемётов и станковых пулемётов.

В годы войны в регионе возродились трудовые соревнования, рабочие заводов в несколько раз перевыполняли порученные им нормы. Для увеличения объёмов производства изобретались рационализаторские предложения, недостающее сырьё и запчасти заменяли тем, что имелось в наличии. Также Владимирская область поставляла на фронт сельскохозяйственную продукцию, хотя в самом регионе царил голод.

Эта книга – сборник воспоминаний людей, чье детство выпало на те ужасные события 1941-1945 годов, которые, несмотря на свой возраст, сделали немислимый вклад в победу советского народа над фашистско-немецкими захватчиками.

Собирая воспоминания, наша команда хотела, чтоб будущее поколения знали, что такое ужасы военного времени, что значит лишиться детства, пережили эмоции, чувства, которые испытывали авторы воспоминаний, помнили подвиги предков, которые пожертвовали многим, чтоб над нашей головой небо было мирным и никогда не повторялись те, страшные события времен Великой Отечественной войны.

Владимир Бекзаян

*Руководитель интеллектуального клуба «ВИЛКА»,
Помощник депутата Совета народных депута-
тов города Владимира,
Координатор проекта «Дети войны –
владимирская летопись»*

**Коллектив проекта
«Дети войны – владимирская летопись»:**

- Иван Дмитриевич Осипов,
- Роман Сергеевич Александров,
- Людмила Александровна Бундина,
- Владимир Степанович Бекзадян,
- Вероника Александровна Муреева,
- Сергей Александрович Попов,
- Татьяна Владимировна Буянова,
- Светлана Николаевна Солоухина,
- Екатерина Витальевна Назарова,
- Данила Евгеньевич Лобанов,
- Анастасия Ивановна Барина,
- Лидия Николаевна Смирнова,
- Зинаида Николаевна Карманова,
- Лола Васильевна Анисимова,
- Леонид Кириллович Куринной,
- Александр Алексеевич Волков и другие.

В книге использованы графические работы Л.В. Анисимовой, жительницы блокадного Ленинграда.

Коллектив проекта «Дети войны – владимирская летопись» выражает особую благодарность за содействие в реализации проекта и публикации сборника воспоминаний юных свидетелей Великой Отечественной войны «Дети войны – владимирская летопись»:

- Лоле Васильевне Анисимовой, автору графических работ для сборника, юной жительнице блокадного Ленинграда;
- Лидии Николаевне Смирновой, председателю Совета ветеранов КТОС № 10 Октябрьского района города Владимира, автору воспоминаний;
- Зинаиде Николаевне Кармановой, председателю Совета ветеранов КТОС № 11 Октябрьского района города Владимира, автору воспоминаний;
- Светлане Николаевне Солоухиной, председателю совета Октябрьского района ВРОО «Дети войны»;
- Петеру Штегеру, ответственному за партнерские связи в магистрате Эрлангена (Германия).

Благодарность выражается волонтерам проекта, членам Владимирской региональной общественной организации общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи»:

- Светлане Викторовне Плаксиной,
- Алине Александровне Емелиной,
- Алине Алексеевне Осиповой,
- Алене Алексеевне Паневой,
- Любове Андреевне Долинской,
- Елизавете Владимировне Назаровой,
- Валентине Дмитриевне Вожанниковой
- Василию Андреевичу Ладыну.

Абрамова Нина Ивановна

Родилась 30 июня 1939 года в селе Новое Суздальского района Ивановской области (ныне Суздальский район Владимирской области)

Мои родители: Алексеев Иван Сергеевич 1907 года рождения, мама Алексеева Евдокия Яковлевна 1909 года рождения. Когда началась Великая Отечественная война, мы жили в Новом селе, в июне 1941 года. Папа ушел на войну, нас у мамы было трое дочерей. Есть было нечего, и мы голодали. Младшая Лидочка, умерла с голоду. Мама работала на двух работах, а платили очень мало, нам на двоих с сестрой платили пенсию 56 рублей.

Во время Войны нам принесли документы, что папа пропал без вести, а мама не верила и ждала мужа всю жизнь, но так и не дождалась, она говорила, хоть бы пришел без рук и без ног и поглядел бы на детей. Но потом мой дядя Иван Яковлевич в Книге Памяти № 1 у своего товарища, нашел моего папу. Выяснилось, что он в октябре 1941 года умер от ран и похоронен в г. Стародуб Брянской области.

Мы очень голодали. Однажды сестренка старшая пошла с ведром собирать старую картошку, которая осталась в поле после зимы. И когда она набрала полведра этой сморщенной зеленой картошки и увидела, что едет на лошади верхом объездчик. Тот стал кнутом бить сестренку, чтобы она уходила. Она уронила это ведро, и оно покатилося под гору, и она туда покатилося вслед за ведром. А внизу текла речка. Собрав немного оставшейся картошки, она вернулась домой. Мама напекла из этой картошки оладий, и мы, наевшись их, отравились. Пошли в больницу, а я не могла идти, ползла за ними на четвереньках. Хлеба, мы не видели, его иногда давала подружка сестры, в обмен на эти оладьи.

Тяжело обо всем вспоминать, о нашем тяжелом, голодном детстве, но славу Богу, что мы все это пережили и остались живы.

Аверина Лидия Федосеевна

**Родилась 25 апреля 1936 в деревне Чернево
Небыловского района Ивановской области (ныне
Юрьев-Польский район Владимирской области)**

В семье нас было 7 человек: 2 брата и 5 сестёр. На войне у нас никто не был. Отец был на брони, потому что у него было больное сердце, работал в тылу налоговым агентом.

Война от нас была далеко, мы её не чувствовали. Но всё равно нам приходилось тяжело, голодали. Жила я в деревне, где ничего никому не давали. Всё было для фронта и для победы.

А после войны ещё тяжелее было. Собирали с поля колоски после жатвы, которые оставались, обмолачивали, получали муку и что-то пекли. Весной собирали с запаханного поля картофель. Был севооборот: в этом году картошка была, а в следующем году зерно сеяли, перепахивали поле. Высохшую картошку собирали, делали из неё крахмал, промалывали его, потом пекли лепёшки. А когда деревья покрывались листвой, мы собирали листья с липы, также сушили, в ступе толкли – получалась мука. Ходили по лугам, собирали траву, сушили, стоговали. Ходили по полям босиком, потому что нечего было обуть.

В хозяйстве у нас было 2 козы. Когда ужинать садились, никаких прогулов не было, все садились за стол организованно. Суп варили: щи со свёклой, а на десерт деревянной ложкой столовой делили молоко.

Света не было, была лампа керосиновая, но это у тех, кто побогаче. А в основном были «гасочки» – в бутылочку наливался керосин, и уроки учили с таким освещением.

Мы все спали на полу: расстелем матрасы и ляжем – вот и одна кровать на всех. Наматрасники мы стирали к праздникам, к Пасхе, например, а набивали их соломой. Одеяло одно

на всех было, уляжемся спать, одному не хватает. Холодно и тянем это одеяло друг на друга.

Два брата у меня было: старший с 1930 года, а младший с 1942. Отец умер в 1947 году. Старший брат служил в армии в Германии, младший брат к моменту смерти отца не учился ещё – ему было 5 лет.

Все выросли, получили образование семилетнее в школе. Школа наша находилась за километр. Когда разливались реки, таял снег, мне не в чем было ходить в школу. На валенки не было галош. Отцу выдавали какие-то талоны на одежду, поскольку детей в семье было много. Но он эти талоны отдавал другим: считал, что они ещё тяжелее живут, беднее, поскольку мы при отце. Мы со всем мирились, семья была дружная, трудолюбивая. Я дальше пошла учиться и одна в семье отучилась, остальным надо было работать. Я поступила в Юрьев-Польское педагогическое училище по специальности учитель начальных классов. Добираться было тяжело на перекладных, автобусы тогда не ходили так, как сейчас. Поехала я на машине зерновой. А зерно везли на завод «Зерно». И прежде чем пойти в училище, эту машину с зерном я разгрузила лопатой и потом уже училась.

В каникулы мы не отдыхали, всё время работали. Работали в поле. А когда начиналась жатва – комбайн жнёт, а у него ещё был копнитель, который прицеплен был. И мне приходилось стоять на его площадке, и все бока у меня были в синяках, ужасно болели. Вечером, ложась спать, говорила маме: «Мама, я не пойду завтра на работу», но утро наступало, и мама опять будила, ведь не работать было нельзя. Все работали!

Было трудно, но трудности преодолели, вышли в люди. Мы сделали всё для страны, и пусть вас никогда не коснётся ни война, ни её последствия.

Андреева Валентина

Родилась в 1934 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

А нам суждено было выжить

В первые дни войны отца нашего сразу же отправили с военным заводом неизвестно куда. Забрали прямо с работы, даже не было возможности проститься с нами.

И остались мы: бабушка, мама, мой старший брат Виктор (ему было 9 лет), я (7 лет) и трехгодовалый Славик. Мама сутками не приходила с завода.

Помню, жили мы на пятом этаже. Когда начиналась воздушная тревога, нас как можно быстрее уводили в бомбоубежище. В квартире не было отопления, света, воды (за водой мы ходили на Неву). В основном жили на кухне – там было теплее, так как топили плиту.

Нас с Виктором пытались увезти из Ленинграда, но не смогли – кругом немцы. В феврале 1942 года Виктор умер от дистрофии. Мама выкупила наши пайки хлеба (давали по 125 г на день) и все отдала, чтобы похоронить брата.

Когда была открыта «Дорога жизни» через Ладогу, нас эвакуировали на Урал к отцу. Он ничего о нас не знал, поэтому встреча эта для него была неожиданной. Мы приехали в Нижний Тагил, нашли, где он жил...

Отец нас не узнал. Мы все были больные и опухшие – переболели дистрофией. Виктор и бабушка умерли, а нам, видимо, суждено было выжить.

Алемасов Лев Семенович

Родился в 1937 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Мой отец, Семен Алексеевич, был призван с первых дней войны и служил (воевал) где-то под Ленинградом. Мы с матерью к нему ездили несколько раз. В памяти осталось, что отец был очень высокого роста. В строю матросов был выше всех. Иногда он приходил на шлюпке, а на рейде был виден корабль. Позже мать получила небольшую бумажку и очень плакала. Я спрашивал, что случилось, а она отвечала: «Вырастешь – узнаешь». В Ленинграде мы жили по адресу: Краснокабацкое шоссе, теперь Южное шоссе. Это была, очевидно, окраина города и немцы стреляли по домам прямой наводкой. Поэтому мать увезла нас с братом 1939 г.р. к отцу родного брата Михаилу Алексеевичу, который тоже был на войне. У него было двое детей, две девочки. Тоня – старшая – еще до войны получила паспорт. Мне это запомнилось. Она приезжала к нам по этому случаю. Какого года рождения она, я не знаю. Другая дочь, Нина, 1939 г.р., это точно. Жили мы у них вшестером: две матери и нас четверо. Было очень голодно и холодно. Спасала печь. Помню, сидели все у огня, дом был одноэтажный на две семьи. В памяти остался случай: мать принесла кусок конины, тихо говорила, что они с другими женщинами с топорами напали на лошадь военного и зарубили ее. Солдат, говорила она, не будет стрелять по голодным женщинам.

С наступлением зимы трудности возросли. Заболел Славик (брат). Он сильно опух, очевидно от воды, больше ведь ничего не было. Славик уже не мог есть и умер. Женщины тоже уже не могли вставать. Сначала умерла жена Михаила (как ее имя не помню). Потом умерла наша мать. Помню, ее одели в ее любимое зеленое платье, потом раздели, завернули в простынь и увезли на санках. Где захоронена, не знаю. Осталось нас трое: Тоня, Нина и я. В то суровое время умирало много людей, и военные ходили по домам, проверяли.

Пришли к нам и, похоже, вовремя, потому что мы были очень плохи. Дали Тоне направление, и она увезла нас с Ниной в детский приемник № 25 города Ленинграда. У меня было подменное свидетельство о рождении, а у Ниночки не было. Запомнилось, как стоим мы перед окошком регистрации, Нину спрашивают: «Как девочка тебя звать?». Она отвечает: «Нина, а как фамилия, не знаю». Так и дали ей фамилию Младшева. Под этой фамилией она жила до 1946 г. Потом ее усыновил отставной военный из Иваново и увез ее в г. Ташкент. Там она пошла в школу, затем в Ташкентский мединститут. Я ее нашел в 1958 г. Она в то время закончила 2 курс. Встречи у нас по некоторым причинам не получилось.

Из детского приемника нас эвакуировали через Ладогу в Ивановскую область с. Княжево. Я уже в 1945 г. пошел в школу, школа стореда, и нас с Ниной разлучили. Всех школьников из двух детских домов перевезли в г. Кохму Ивановской области. Дошкольников оставили в Княжеве. В Кохме я был в детском доме для ленинградских детей.

В 1951 году меня направили в ремесленное училище Кольчугинского района Владимирской области, где я получил специальность столяра-краснодеревщика. Никто не спрашивал меня, хочу я этого или нет. Вообще из детского дома выпускали мальчиков в ремесленное училище, а девочек на Кохомский хлопчатобумажный комбинат в возрасте 14 лет. Товарищ Сталин говорил, что нужны трудовые резервы. В 1953 году я окончил училище и по распределению попал во Владимир. Три года работал в артели «Красный строитель». Жить было негде, ни общежития, ничего другого не было. Случалось, спать приходилось прямо в цехе на стружке. Так и выживали дети блокадного Ленинграда.

В 1956 году меня призвали на военную службу во флот. Служил в Выборге, Ленинграде, Ломоносове. Тогда я начал искать родственников, ведь у отца был еще старший брат Дмитрий Алексеевич. По возрасту он на войну не попал. Я помню, он с женой приходил к нам в детский приемник

и принес нам с Ниной валенки, горбушки хлеба, кусок сахара – от себя оторвал. У дяди Дмитрия был сын Петя, года на два старше меня. На все мои запросы я получал ответ – «сведений не имеем».

После службы на флоте я 4 года работал матросом на Азовском и Черных морях. Хотелось в загранку, но так как родственников не было, я был холост, по военной специальности я был секретчик, то мне говорили: «Много знаешь, погуляй и обзаведись семьей». Пришлось флот оставить, все-таки восемь лет моря, устал или надоело.

Вернулся во Владимир в 1964 году, работал на мебельной фабрике до 64 лет. У меня 2 дочери, старшая закончила педагогический институт, а младшая – политехнический. Работают по специальности. Жена умерла. Исповедь моя больше похожа на автобиографию. Да и не хочется вспоминать весь ужас блокады, хотя есть что вспомнить.

Анисимова Лола Васильевна

**Родилась 2 мая 1936 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Мичурина, по мужу Анисимова Лола Васильевна, родилась в г. Ленинграде 2 мая 1936 года. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 5 лет. Вовремя мы не эвакуировались с завода № 23 им. Чкалова, потому что папа был на курсах военной подготовки под Ленинградом. По специальности папа был инженер-конструктор, до войны он работал в Гипром. В сентябре папа попал в госпиталь с крупозным воспалением лёгких. Мы носили ему клюквенный сироп. Мама решила не эвакуироваться, поскольку папа в Ленинграде. Думали, что война скоро кончится, как это было с финской кампанией, откуда папа только что вернулся. Вот так мы и остались с мамой в Ленинграде.

Когда немцы стали подходить к городу, в Ленинграде оставалось много родителей с детьми. Правительство решило эвакуировать детей эшелонам, а родителей отправить на рытье противотанковых рвов (за отказ грозил расстрел). Первую партию детей отправили в тыл, тех, кто находился в детских домах и садиках. Меня готовили во вторую партию. Помню, как мама вышивала на одежде мое имя, собирая мои вещи. Помню, как мы с ней стояли в очередях, чтобы получить эвакуационные справки на меня. Мне мама рассказывала, что я очень переживала, что нас с ней разлучат. У меня поднялась температура – 40 градусов. На следующий день немцы сомкнули кольцо, эвакуация была отменена. Так мы оказались в блокаде.

Мы жили на окраине Ленинграда, Петроградская сторона на Черной речке, там, где была дуэль Пушкина. На севере за местом Пушкинской дуэли располагался Чкаловский аэродром, который в основном ночью и бомбили немцы. Во время налета все освещалось прожекторами. От артналетов нам особенно доставалось: то недалёт, то перелёт снарядов.

Когда по радио объявляли воздушную тревогу, мы прятались в траншеях, выкопанных соседями во дворе. Дом наш был двухэтажным и деревянным. Помню, как мама толкнула меня в окоп, я там оказалась одна. Сама она вернулась в дом за вещами. В это время рядом разорвался снаряд, и меня засыпало. Потом соседи меня откопали. Некоторые люди устраивались в погребках, у них были буржуйки, им было тепло.

В конце сентября, когда земля покрылась снегом, начался голод. В начале сентября мама с соседями еще успела сходить на поля, где они собрали капустные листья и кочерыжки. Но вскоре подножный корм закончился. Земля покрылась снегом. Хлеб стали выдавать маме как иждивенке и мне, ребенку, по 125 грамм в день. Мама стала ходить на рынок обменивать вещи. Чем питались? На рынке покупали столярный клей, готовили кисель вместо масла, поливали его натуральной олифой. Одежду меняли на жмых и дуранду. Особенно тяжело от голода умирали мужчины. Наш сосед, умирая, так кричал перед смертью. Нам иногда вместо хлеба давали пиво, а иногда кофе в зернах. Очень вкусные были лекарства – «Капли датского короля». Однажды мама с рынка принесла пирожок со сладким мясом и сказала: «Запомни на всю жизнь его». Это был пирог из человеческого мяса. По нашей Гусевой улице из госпиталей возили покойников на Серафимиевское кладбище, трупы возили обнаженными и сваливали их, не закапывая. Температура была 40 градусов мороза, и люди пользовались этим, они вырезали у покойников мягкие места и все несли на рынок.

Из-за артобстрелов аэродрома ночью невозможно было спать, и мы с мамой уходили в центр Ленинграда к родственникам переночевать. Однажды воздушная тревога застала нас у кинотеатра АРС на Большом проспекте. Мы спустились в бомбоубежище, и начался обстрел. Две бомбы упали с одной и другой стороны здания. Одна бомба не взорвалась, а другая повредила водопровод, и подвал начало затапливать водой. Паники не было, и люди спокойно выбрались наружу. Я очень

хорошо помню, как горел Ленинград после очередного артобстрела. Над городом стояло зарево от пожаров. Мы видели, как горели Бодаевские продуктовые склады. Это было такое страшное зарево, все кругом полыхало. Потом мы ходили собирать растопленный чёрный от пожара сахар, замерзший в снегу и смешанный с землей. В феврале 1942 года уже стали прибавлять хлеб. В наш двор попала бомба и разрушила полностью стену соседнего дома, наш дом тоже значительно повредило. В это время открыли Ладожскую дорогу жизни. Мама обратилась в местный комитет от завода № 23, чтобы нам выдали эвакуационный лист. От Финляндского вокзала нас довели до Ладожского озера. Потом мама завернула меня в одеяло и всю дорогу в напряжении крепко держала меня на руках, чтобы в случае обстрела (машина могла уйти под лед) она смогла бы меня выбросить на лед. На другой стороне Ладоги нас уже ждал состав пассажирского поезда. Нам сразу дали гречневую кашу с сарделькой. Проходя по вагону, мы увидели мертвого мужчину, у которого во рту была сарделька. Он подавился едой. Все были дистрофиками. Провезя нас немного в пассажирском поезде, нас перевели в товарные вагоны и эвакуировали в Новосибирск. По дороге на нас напали вши, моя пуховая белая шапочка стала серой от вшей. На станциях нам выдавали усиленный паек. Так мы ехали до Омска, где мы прошли санобработку, а затем нас отправили в Новосибирск. Там мама сразу же устроилась на завод им. Чкалова, на котором раньше работала. Прежде чем устроиться на завод мама отдала свои документы в отдел кадров, в том числе прописку и эвакуационный лист. Обратные документы не вернули, сказали, что они затерялись.

В 1945 году в Ленинград после окончания войны с фронта (из Германии) вернулся папа. Квартиры в Ленинграде уже не было. На инженерную должность папа уже не мог устроиться, пришлось работать дворником. Жилье предоставил Институт охраны труда. Так к папе в Ленинград мы и приехали из Новосибирска. В 1959 году я окончила Ленинградский

архитектурно-строительный техникум и по распределению приехала во Владимир во Владимирскую специальную экспериментальную научно-реставрационную производственную мастерскую. Во Владимире я продолжила образование в Политехническом институте на заочном отделении строительного факультета. Работала здесь до пенсии и после в должности архитектора, художника-реставратора. В возрасте 59 лет мне посчастливилось закончить курсы повышения квалификации в Москве во Всероссийской академии художеств, живописи, ваяния и зодчества им. И. И. Левитана под руководством Ильи Сергеевича Глазунова. Обучение в академии мне организовал Левитановский комитет. Я сделала проект реставрации дома Попкова в городке ст. Пекши, где Левитан написал знаменитую Владимирку. Я обучалась на факультете портрета. Теперь моя жизнь связана непосредственно с живописью. В 2009 году у меня проходила выставка в Москве (Чистые пруды).

Работы, выполненные мною за период работы во ВСЭ-НРПМ:

- 1) Приспособление Николо-Кремлевской церкви под планетарием (г. Владимир, 1959 г.);
- 2) Проект реставрации Преображенской деревянной церкви из Козлятьева в Суздаль, Музей деревянного зодчества (1965 г.);
- 3) Проект реставрации Воскресенской церкви и перевозка из села Патакина Камешковского района в Музей деревянного зодчества;
- 4) Дом Табачникова, приспособление под Суздальскую лавку (г. Суздаль, 1967 г.);
- 5) Перевозка и реставрация амбаров в Музее деревянного зодчества;
- 6) Перевозка и реставрация деревянной Георгиевской церкви из села Егорий в музей Михаило-Архангельского монастыря (1967 г.);
- 7) Перевозка и реставрация дома Кузовкова из с. Лог в г. Суздаль;

8) Проект реставрации и перевозка двух мельниц из села Мошок в Музей деревянного зодчества;

9) Дом Лихонина, проект реставрации и приспособления под первоначальное жилье, производство кожи (г. Суздаль, 1978 г.);

10) Усадьба Голицыных, проект реконструкции и благоустройства парка (с. Сима Юрьев-Польского района, 1977 г.);

11) Памятник Багратиону, проектирование и установка (с. Сима Юрьев-Польского района);

12) В 1969-1970 гг. совместно с В.М. Снегиревым, Л.В. Додуровой собран исторический материал по зданиям гражданской застройки г. Суздаля.

Антипова Таисия Петровна

**Родилась 13 марта 1937 в деревне Ерыкла
Клявлинского района Куйбышевской области
(ныне Самарская область)**

Отец мой в деревне работал бригадиром. Раньше же в деревнях света не было нигде, в городах то был свет, а у нас, в деревне, не было. Только жгли лампы керосиновые. Семилитровые были лампы, десятилитровые были. Стекла ставили.

Нас у отца осталось пятеро детей. Пятеро нас было. Его проводили. Я помню, как он меня на руки взял. Вот помню, а мне было года четыре, наверное. Помню, как он меня взял, к себе прижал. Было сильно много народу.

Письма писал домой. Писал много. Читал их брат мой, Виктором звали его. Он тридцать второго года был. И мама нас соберет, посадит за стол и говорит: «Сынок, читай отцовы письма». И мы садимся возле стола, возле лампы. Там горели лампы, керосиновые лампы были. И сидели мы, слушали. Брат читает письма отцовы, а мама плакала все, сидела и плакала. Вот так вот.

Писем много было. Вот тоже, была маленькая, не хватало ума, надо было письма отцовы все переть, оставить их. Сейчас бы с удовольствием читала эти письма. Но тогда мне было года четыре, наверное, пятый год шел. И не хватало ума, наверное, и не оставляли мы письма. И мама их убрала, сожгла, наверное.

Мама ждала все отца с фронта. Думала, может быть, вернется, может быть, в плен попал он. Чего-то ждали. Ждали, что придет домой. И он так и не вернулся. Он не вернулся. Ждали-ждали мы... Письма мама, видно, все сожгла или куда-то дела, я не знаю...

Он, отец, раньше (свету-то не было, в деревнях лампы были только) ходил по дворам, по домам и будил всех жителей, чтобы они не проспали, чтобы вставали и шли на работу. Мама рассказывала, что так он делал. Ну, и вот ждали мы отца, не дождалось. Он не вернулся.

У него, у отца, медаль даже есть. За что не знаю. Он погиб, а мы не знаем.

Нас было пятеро. Мама шестая была. Утром она вставала рано. Ну что ж, пятеро детей. Она одна работала. Работала в колхозе. У нас там встают в 5 часов утра. Встают и уходят на работу. Она нас оставляла дома. Мы оставались дома. Подрастали, взрослые уже все стали. Мама наказывала то делать, то делать.

Мы в деревне дрова на телегах возили, на конях. Жили возле леса, рядом. Ходили в лес, печку топить надо – дома холодно. И мы ходили в лес и ломали эти сухостой, ломали и тащили на себе. Ну не было, ничего ж не было, сейчас машины есть, а раньше на телеге мы возили все домой.

И мы стали жить, голодные были. В лес пойдём – с лесом рядом жили – там были всякие травы. У нас мешки были такие – сейчас в таких картошку покупают. А мы туда накладывали траву, которую рвали, и приносили домой. Тащили уже на себе. И мы эту траву ели. Раньше трава-то была чистая, это теперь уже грязная, все химикаты.

Мама стала работать. Я уже тоже подрастала, братья тоже выросли. Они учились. Мой брат закончил десятилетку, потом в армии служил тоже. Раньше же по 3 года служили. Учился он хорошо. Что надо делал, конечно.

По соседству с нами женщина с мужем жила. Я тоже подросла уже, вышла замуж, и у меня был сын третий.

Они уже семейными стали. Внуки у меня растут. Правнуки уже есть. Живут они хорошо, живут дружно. У них тоже уже семьи.

Вот, конечно, был бы отец живой, радовался бы, с внуками радовался бы, с детьми бы радовался. Ну нету его в живых, нету. Вот это сильно больно.

Вот мы росли, а мама работала в колхозе, ходила на работу. У нас были поля ровные, чернозем у нас был. Сажали, хлеб сеяли, убирали. Мы тоже ходили убирали, нас заставляли работать. Мама брала с собой нас. Мы маме помогали.

Афони́на Тама́ра Антоно́вна

**Родилась 17 июля 1939 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Афони́на Тама́ра Антоно́вна (в девичестве –Эйсымонт) родилась 17 июля 1939 года. Жили в Ленинграде в Васильевоостровском районе.

Отец и мать работали на Октябрьской железной дороге. Отец водил поезда Ленинград-Москва. Мать работала нормировщицей и училась в вечернем институте. Оба вступили в комсомол в Смольном. Бабушка и дедушка тоже жили в Ленинграде.

Когда началась война и был окружен Ленинград, мы все были там. Моя тетя (сестра мамы) в 1932 году окончила Химико-технологический институт, и была направлена во Владимир.

В мае 1942 года моему отцу удалось меня с мамой вывезти во Владимир. Он тут же был призван в армию и воевал на южном фронте – водил составы с боеприпасами и техникой. Он вернулся в 1946 году, но моя мама не перенесла тяготы блокадной жизни, тяжело заболев, умерла в 1944 году. Отец умер в 1953 году, он был похоронен в Ленинграде на Большом Охтинском кладбище.

Всю остальную жизнь я жила с тетей во Владимире. Здесь закончила школу, техникум и работала на руководящих должностях до выхода на пенсию.

Балашова Тамара Семеновна

Родилась 22 июня 1931 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Война началась 22 июня в 1941 г. В этот день у меня был день рождения. Мне исполнилось 10 лет, т.к. я родилась 22 июня 1931 года. Было воскресенье. Мы должны были поехать на дачу. Но все получилось не так.

Папа сразу пошел на работу. Он работал на Ленэнерго на Марсовом поле. И вступил в ополчение. И где-то через 1-2 месяца он ушел на фронт, а мы с мамой должны были выехать в Челябинск от папиной работы. Сдали вещи и когда пришли к месту сбора, объявили, что дорога закрыта. И мы стали жить как все блокадники. Мама ходила рыть оборонительные траншеи и меня с собой брала. Был случай, когда нас бомбили, и одна бомба не разорвалась. На ней было написано «Чем могли, тем помогли». Бросали листовки с самолетов, в которых было написано «Чечевицу доедите, сами город отдадите». Зима была очень холодной. Мама заболела, слегла. Буржуйку я топила книгами, ходила за водой, за хлебом. У меня на шее висел мешочек с карточками, чтобы не потерять, и никто не отнял. Туда я клала кусочек хлеба (норму 125г).

Мама умерла 26 марта 1942 г., и соседка по площадке (т. Марина) помогла мне завернуть маму в простынь и отвезти на санках к месту сбора покойников. Это был крытый рынок, подобие нашего на Батурина. Он был полон. Мы положили маму с краю. Т. Марина мне не велела сообщать в домком, что умерла мама. Т. Марина объяснила, так как мама умерла 22 марта, скоро будут давать карточки на апрель месяц. И я тогда смогу получить две карточки. И предложила мне пожить у них в квартире. Она жила с мужем больным и две девочки. Я ночевала у них две ночи. Собрала документы, вещи свои и ушла в детдом.

Детский дом был в школе, в которой я училась 1 и 2 класс. Я смогла написать письма бабушке в Арзамас и папиной

сестре в г. Горький. От папиной сестры пришел ответ, и мне читала воспитательница вслух. Мне написали, чтобы я не теряла связь. Весной все детдомовцы ели траву, листочки с деревьев. Мы были острижены наголо, так как по нам ходунуном ходили вши и по голове, и по белью, одежде. Детдом и меня вывозили через дорогу жизни «Ладожское озеро» на паромках. Было 2 паромки. Началась бомбежка, один паром ушел под воду, а мы доплыли. Потом нас везли в товарных вагонах с полками и соломой. В дороге кормили на станциях. Подходили жители, смотрели на нас истощенных, голодных. Эвакуировали в Ярославскую обл., Ростовский район, село Высоково. Поселили в деревенской школе. Вдоль стен поставили «козлы» доски, солому, чтобы спать. Ходили на поле собирать колоски, полоть.

В июне 1943 г. за мной приехал муж папиной сестры из Горького. Вскоре он попал в аварию. Тетя привезла его домой после лечения, а сама поехала в командировку. И пропала. Ее и шофера убили, а дядя не смог за мной ухаживать и отправил меня к бабушке в Арзамас. Время было тяжелое и мне приходилось жить то у бабушки, то у маминой сестры. После смерти бабушки я постоянно жила у маминой сестры. Она дала возможность учиться.

Я закончила 10 классов в 1951 году в 20 лет, т.к. до войны кончила 2 класса, а в 1942-1943 не учились в блокаду, была в детдоме. И в 1951 г. поступила в Горьковский политехнический институт на химфак, т.к. там была стипендия 300 руб. В институте познакомилась с будущим мужем. Закончили институт. Замуж вышла. Оба работали на химзаводе. Муж трагически погиб в 1978 г. Вырастила двух сыновей. В 2010-2011 г. вышла книга «Памяти», в которой ленинградцы собрали данные по месту захоронения блокадников. В этой книге узнала, что моя мама захоронена на Пискаревском кладбище в 1942 году.

Баринова Галина Ивановна

Родилась в 1938 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я родилась в Ленинграде в 1938 году в большой семье, где уже было 4 девочки – мои сестры – и родители. Жили хорошо, дружно. Началась война, а с ней голод, не было воды, света. Во время бомбёжки мы спускались в бомбоубежище. Помню у входа лежали люди, я тогда думала, что они спят, старалась мимо них пройти тихо. Папа работал на заводе имени Молотова. Сам, не доедая свою норму, старался приносить кусочки нам – детям. Даже когда он от истощения попал в санчасть, то и тогда откладывал кусочки детям. Он так и умер в санчасти. Вскоре умерла моя сестра от голода, а за ней умерла мама.

Меня передали в детский приемник, откуда в мае 1942 года эвакуировали из Ленинграда в Ивановскую область, Гаврило-Посадский район, село Подольское. Нас детей-ленинградцев расселили по семьям. Я жила в семье Самсоновых. Они относились к нам очень хорошо, кормили, одевали. Всем нам ленинградским детям там очень нравилось. Много позже я узнала, что меня разыскивала старшая сестра. Она хорошо рисовала и сделала портрет, где я стою в галошах. Других документов у нее не было.

Но чтобы нас (откормленных) отправить в другое место, стали собирать в пункт сбора. Но мы несколько человек убежали и скрывались, очень не хотелось отсюда уезжать. Помню, как мы прятались в высокой ржи с васильками. За нами была погоня. Мы как услышим едет лошадь с телегой, тут же приседаем, чтоб не увидели. Обманным путем нас заманили в какой-то огород и всех забрали и отправили в Кинешму в детский дом.

В Кинешме я закончила 7 классов и поступила в текстильный техникум.

В 1957 году, окончив техникум, была направлена в Оргтруд. Здесь я живу по настоящее время. Работала контрольным мастером, инженером. Вышла замуж. Вырастила сына, у которого сейчас 2 дочери и 3 внука. Таким образом я – трижды прабабушка.

Бегунова Раиса Андреевна

Родилась в 1929 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

К началу блокады мне исполнилось 13 лет. Наша большая семья жила на улице Коммуны в пятнадцати минутах от центра. Отец был пожарным, мама трудилась на заправочной станции. Старшая 16-летняя сестра Евгения работала на химзаводе, другая сестра Зоя – училась в ФЗУ, а младшему брату Косте было девять. Вместе с нами жила и бабушка. Как только началась война, папа ушел на фронт добровольцем. Последнюю весточку от него мы получили в июне 1942 года из Свердловска, где он лежал после ранения в госпитале. Но, как оказалось потом, до своей части отец не добрался, пропал без вести.

С начала блокады в городе наступили голодные времена. На нашу семью из пяти человек по нормам выходило 875 граммов. Иногда выдавали крупу, которую расходовали более чем экономно: в одной кастрюле с водой варили два стакана пшена или риса, получалась «мутная водичка». Люди умирали от истощения прямо на улице. Их грузили в саночки и везли в общую могилу. Мама с сестрой держались, а мы с братом ослабели. А дома – ни света, ни воды, мороз. Дров не было, и чтобы истопить печь и хотя бы нагреть воды, ломали стулья, табуретки, мебель. Окна в домах тщательно маскировали темной тканью, чтобы не было ни одной щелочки. Кстати, лампочки в то время использовали не прозрачные, а синего цвета. Потом к пайку хлеба стали добавлять сушеную картошку, лук. Весной на помощь пришла природа – люди собирали крапиву, лебеду-пекли из них лепешки.

В июне 1942 года решили выехать из блокадного Ленинграда. До Ладожского озера добирались пешком. Там людей сажали на катера и отправляли на большую землю. Помню, как фашистские летчики беспощадно расстреляли одно из таких суденышек. Когда переехали Ладогу, нас начали от-

кармливать. Мама нам давала еду понемногу, чтоб организм привыкал. А вот старенькая бабушка н смогла сдержаться. Это ее и погубило. Она умерла в дороге. В Муром приехали настоящими дистрофиками. Бывало, подниму юбку, а у меня только кости коленок торчат.

В декабре 1943 года устроилась на работу в специальную заводскую лабораторию, где проработала 34 года. Вырастила двух дочерей. Сейчас трое внуков и четверо правнуков.

Белкина Вера Васильевна

**Родилась 11 января 1923 года в деревне Кузнецово
Костромской области**

Белкина Вера Васильевна (до замужества Балашова) родилась в большой дружной крестьянской семье в деревне Кузнецово Антроповского района Костромской области.

У ее мамы, Екатерины Протасьевны было семеро детей: три сына и четыре дочери. Старшая дочь, Вера Васильевна родилась 11 января 1923 года.

Все поколения, все мужчины с 1900 по 1925 года рождения встали на защиту Родины, от фашизма в Великую Отечественную войну. Ушли на фронт ее отец, Балашов Василий Геннадьевич (1882 г.р.), брат Балашов Николай Васильевич (1925 г.р.).

В начале войны Вера Васильевна училась на втором курсе педагогического техникума в городе Павловск Ленинградской области. Занималась очень серьезно, чтобы быть учителем физкультуры и пионервожатой. Жили, учились и питались студенты в красивейшем старинном Павловском дворце.

Война резко изменила условия жизни, учебу, мечты и судьбы шестнадцати – восемнадцатилетних мальчишек и девочек. Первые месяцы войны все студенты рано утром, в темноте, уходили пешком за 3-4 километра от Павловска, чтобы рыть противотанковые рвы, окопы. Возвращались в ночи, гуськом по тропинке. Дружили, помогали друг другу. Было холодно, голодно и страшно без родителей.

Под Ленинградом уже бомбили фашисты, горели Бадаевские склады с продовольствием. Весь курс, на котором училась Вера Васильевна, добровольно пошел в военкомат. На Ленинградском фронте в г. Ленинграде.

2 августа 1941 года официально началась военная карьера рядового солдата Балашовой Веры Васильевны. Ленинградская блокада, Ленинградский фронт, Псковская область, Третий Прибалтийский фронт остались в памяти хрупкой,

миловидной девушки Веры. В 1946 году в звании лейтенанта, в связи с рождением дочери, закончилась военная карьера уже Белкиной Веры Васильевны.

Сейчас Вере Васильевне исполнилось 93 года, но память легко восстанавливает и радостные, и печальные события военных лет. С благодарностью вспоминает она начальника отделения полевой почты, подполковника Софию Борисовну (фамилию забыла). Девочки, ее солдаты, худели на глазах, болели, голодали. В самые тяжелые блокадные 1942-1943 годы она заставляла их есть противную розовую колбасу – холодец. Этот студень из сосновой коры и иголок спас жизнь Веры и ее подружек.

Часть, в которой служила рядовым Балашова Вера, собирала, проверяла и доставляла личные письма солдат по всему Ленинградскому фронту. Нельзя было разглашать, где находятся части, сколько там солдат. Это военная тайна. Жили девочки-солдаты на проспекте Обуховской обороны в двухэтажной деревянной школе около Володарского моста на реке Нева.

Учили девочек стрелять, ползать по-пластунски, чистить, собирать и вставлять патроны в винтовку. Самое трудное для хрупкой Верочки – стоять в карауле ночью, страшно, но надо.

Электричества не было. Работали при свечах, но чаще – при коптилках. Работа была очень ответственная, у каждого бойца был свой личный номер. Одна на всех была только сажа от коптилок: в носу, в ушах, на лбу, в морщинках, вокруг глаз пряталась черная сажа.

Знает Вера Васильевна цену фронтовой дружбе: «Сам погибай, а товарища выручай». Павловск немцы заняли стремительно. За сутки до этого страшного события Веру Васильевну с подружкой Ниной Цыгановой (из Пскова) отпустил командир за личными теплыми вещами в Павловск. Взяли девочки свои валенки, пальто и платица. Уложили все в чемоданы, и... началась бомбежка. Как бежали с тяжелыми чемоданами, как падали и вставали, как помогали друг другу

добираться от Павловского дворца до станции, как садились в переполненный вагон поезда (Павловск-Ленинград), девочки не помнят. В штаб армии № 67 подружки добрались вовремя, без опоздания.

Все 872 дня блокады Ленинграда остались в памяти Веры Васильевны, но никогда она об этих событиях не рассказывала своим детям. Ничего не рассказала она и нам, но всегда подчеркивала, что мирному гражданскому населению в блокаду было еще тяжелее, чем в армии.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом приближался День Победы над фашисткой Германией. Познакомилась Верочка с молодым капитаном Белкиным. Полюбили друг друга и в Риге сыграли полковую свадьбу, а свидетельство о браке под номером 2 хранили, как семейную реликвию (свидетельство о браке № 1 было выдано командиру полка).

В мирное время Вера Васильевна, как супруга кадрового офицера Советской Армии, переезжала из одного гарнизона в другой, воспитывала троих детей. Дала всем детям высшее образование. Научила учиться, преодолевать жизненные трудности, любить свою Родину. Трудовой стаж Веры Васильевны 52 года. Последнее место работы – агент Госстраха. Вера Васильевна любит жизнь. Своим оптимизмом, трудолюбием щедро делится с детьми, внуками, правнуками. 9 мая навещают ее и учащиеся школы № 13 города Владимир. Поздравляют с Днем Победы. Для всех она найдет ласковое слово, внимание. Может вспомнить что-то смешное или просто поговорить по душам.

Белова Людмила Васильевна

**Родилась 24 января 1941 в городе Сердобск
Пензенской области**

Во время войны я жила в Сердобске с папой Колесовым Василием Ивановичем 1903 года рождения и мамой Колесовой Марией Васильевной 1909 года рождения, сестрой Ларисой 1933 года рождения и братом Анатолием 1929 года рождения. Потом нашего папу направили на Сахалин. Вызов он делал, но мама ехать как-то побоялась. Он сам из Москвы, но как двадцатипятилетний был в деревню заслан. Так что Толя и Лариса родились в Москве, а я уже родилась в городе Сердобске. Это между Пензой и Саратовым.

Бомбили Ртищево, там же недалеко этот узел большой. Его бомбили, конечно, здорово. Слава Богу, что до Волги не добрались, но самолеты залетали. Во время учебы у нас ребята ходили в степи. В поле находили оружие. Вот у нас с параллельного класса, мальчики из 7 класса, нашли гранату. Понесли в школу. И пожалуйста, ни рук не было, ни ног. Другой ослеп. Прямо в классе взрыв был. Это же кошмар. Больше никто не пострадал, потому что большой зал был. И из него сделали класс. Они в стороне были. Была выставка по биологии. Они в стороне были около этой выставки. Они вдвоем там оказались. Конечно, там нарушение было, и взрыв попортил все. Все перепугались. Мы в параллельном классе до смерти перепугались.

А так, собственно, когда мне было 5 лет, еще у бабушки жила. Дом большой был, пятистенный, и мама ушла, и там старший брат месил. Что месил, это я потом узнала, мякину. Это отруби, даже еще хуже. Вот из этого суп сварили. А топили так: был большой зал, в этом зале кухня была большая, и невозможно было топить, потому что надо было углем. У нас же не было деревьев. Вот и привозили уголь. А тут уже ни угля, ничего не было. И вот Лариса с Толей поспорили, я это хорошо помню, и пролили половину супа. Собственно,

обстановка была хорошая, все из Москвы привозили. Я так посмотрела: хороший такой запах. И все это ложкой с пола. Очень хорошо помню, всю жизнь помню. Эту самую мякину. Так было вкусно. И, конечно, страшно было.

Уже 42 год был. Морозы были страшные, не успевали убирать картошку, поля были огромные. Пшеница и тому подобное. Народу было много. Работали все. Дети работали и с 7 лет, и с 10 лет – все-все-все. Потому что в селении было очень много детей, раньше по 5, по 7 детей было. Конечно, народу осталось мало – все же на фронт ушли. Работали, мерзлую картошку собирали. И там калачики ели, дядили такие чистили, потому что в 41 году померзли все сады. Все померзло абсолютно. Хотя у нас климат очень хороший. Там же арбузы и помидоры. Поэтому работали все – от мала до велика. Но потом, собственно говоря, я из города своих девочек из класса водила в деревню поесть. Хоть что-то. Тяжело было очень. Поэтому все это и запоминается.

Папа, конечно, работал хорошо. Но, что характерно, народ был настолько сплоченный, настолько вместе все, и тому подобное. Наш родственник 9 мая погиб, в Берлине. Как сейчас помню. Вся деревня плакала. Приходили похоронки.

Ну а потом, конечно, начали все восстанавливать. В деревне у нас школа – десятилетка. Учились все. Я потом в город уехала, когда в третьем классе училась. Потому что детишки подросли. Что характерно, поколение наше очень хотело учиться. И ребята учились, и брат вот мой учился. Папа, как мог, помогал, конечно, но и он сам на стипендию учился. И вагоны разгружали. В Ленинграде. Лариса тоже у меня в Ленинграде училась. Я окончила десятый класс. Нас было 10. Несмотря на то, что после войны, но все равно тяжело было. Работали в деревне. Как только наступали каникулы – мы сразу в деревню. Надо же помогать. Дядя мой, у него был призыв с 27 года, когда пришел, отправился в Донецк работать. Организовывали совхозы. Многие пришли раненые, без ног. Но все работали. Досталось, конечно. Хоть мы и родились в 41, а досталось хорошо.

Я уехала в Новосибирск поступать, но заболела в академ-городке. То ли климат другой, то ли после смерти дяди, которого я очень любила, детей которого я вырастила. Приехали в деревню отдыхать, посмотреть, как хлеб растет. Дети ведь думали, что прямо булки растут. Так вот, попил холодного молока и на речку пошел купаться. И все, воспаление легких. И умер. И я получила телеграмму, когда готовилась. Такой стресс. Пришлось лежать в больнице. И потом мама приехала за мной. Нам не разрешили климат менять.

Потом я поступила на завод. И уже в Новосибирске я работала. Так что уже здесь был космос. Нас проверяли 6 месяцев. Так как папа у меня был военнообязанный. И мама нас троих растила. Что интересно, мой сын служил в охране президента 90-92 год. Часть стояла за Тбилиси. И мой дедушка служил в Тифлисе. Он ушел в 1910 до 1917, так долго. Гражданскую войну захватил. Такое вот поколение. Друг другу передавали, чтобы друг друга берегли. Мама меня забрала, и хоронили мы ее здесь, во Владимире.

Я вышла замуж. Мы работали на военном предприятии. Когда Гагарин полетел, мы пошли на Красную площадь. Мы ходили на демонстрацию и нас приветствовали: «Цементный завод». Так было обидно! А он же обнесен был, там солдаты, кругом комендатура.

Я родила, и мальчик у меня умер. Подействовало все это. И приехали свекор со свекровью. А свекор у меня был военный -полковник. И просто вынуждены были уехать. В Новосибирск. Они настояли. Там было сурово. Мы сразу заявления подали и подписали 25 лет неразглашения. То есть 25 лет мы не имели права выехать никуда. 25 лет.

Дочке у меня 55, она в Брянске, внучке 32, она в Королеве, живет в Москве. У нее двое детей: девочка пойдет в 1 класс, правнук 5 лет.

Свекор у меня воевал с японцами. В сентябре 1945 закончилась война с Японией. Он сам из Калуги, прибавил себе год и в 1915 пошел сам в армию. Потом он закончил

училище, и его направили на Дальний Восток, и он был под руководством Блюхера. И так он там остался, и жил. И муж мой родился в Южно-Сахалинске. Я – в Новосибирске. И вот мы на середине встретились. Когда я приехала во Владимир, работала в электромоторном, и пришлось экстерном за 2 года закончить техникум. Преподаватели были изумительные. Просто изумительные. И мы взрослые уже были. Папа с мамой, то есть свекор со свекровью, помогали. Он уже демобилизовался. Его с дальнего востока направили во Владимир. Папа умер в 1974 году. А свекор умер в 1985. На годовщину 40 лет победы. Он так хотел в форме пройти парадом. Но не дожил. А сейчас его фотографию Толя пронес в бессмертном полку. Военных фотографий папы у меня не осталось. Вот фотографии свекра остались. В парадной форме.

Муж у меня умер 18 лет назад. Сердце. Чего уж там говорить. Я сама 5 операций перенесла. Вот недавно операция была. Так что просто так не дается. Радиация, чего спрашивать. Все это еще не освоено было. Мы все живем очень дружно. Созваниваемся постоянно. И двоюродные. Со стороны мужа и с моей стороны. Двоюродные здесь во Владимире, потому что мама (свекровь), когда вышла замуж, их сюда прислали, она и сестру свою с собой сюда забрала. А их отец был учителем в Благовещенске. Его в 37 году арестовали ни за что и расстреляли. Их 6 человек осталось. Свекровь потом получила пенсию как репрессированные. Так что всем досталось. Но мы все выдержали и дружно живем.

Белокопытова Валентина Афанасьевна

**Родилась 13 февраля 1933 года в городе Петергоф
Ленинградской области (ныне входит в состав города
Санкт-Петербург)**

Я Белокопытова Валентина Афанасьевна. В девичестве у меня фамилия Бунина была. Родилась 13 февраля 1933 года в Петергофе. Раньше учились с 8 лет. Когда началась война, мне было 8 лет, я собиралась в первый класс. Был уже куплен портфель и азбука. С учительницей мы познакомились. Потом школу закрыли. Это было летом.

23 сентября 1945 года к нам в Петергоф пришли немцы. До этого мы прятались в окопах. Нас постоянно бомбили. Кронштадт был рядом, его постоянно обстреливали. Наши отступали уже. Постоянно снаряды мимо нас летели, свистели. Мы же сидели в окопах. Окоп у нас обрушился – мы перебрались в другой. И снова прячемся в окопе или в блиндаже.

Пошли мы как-то с папой собирать картошку. Кушать что-то надо было. И вдруг налетели бомбардировщики. Начали бомбить. Такая паника была, все разбежались, я только вот помню, какая-то яма была. Папа меня бросил в эту яму и лёг на меня. Я так кричала... И с этих пор у меня начали сильно моргать глаза, начался нервный тик. Даже потом в Германии, когда нас угнали, хозяйка все говорила, что я сильно моргаю глазами. И после войны уже в техникуме преподаватель тоже это отмечал.

Еще до прихода немцев мама работала на окопах. Часто говорят, что не знали, что будет война. Как же не знали? Мы все знали. Мама была домохозяйка, но и ее обучали. Учили надевать противогаз, тушить зажигательные бомбы, даже стрелять. Мама домой приносила противогаз, и мы тоже его надевали. Так что войну чувствовали и к ней готовились. Раньше показывали кино, давно его не видела. «Клятва»

называлось. Отличный фильм! И вот там, я помню, Сталин награждал главного героя орденом Героя Социалистического Труда. Сидела с ним пожилая женщина, и вот они сидят за столом, беседуют. Она спрашивает: «Иосиф Виссарионович, скажите, а война будет?». А он на нее смотрит и говорит: «Будет, по всей вероятности, будет».

Так вот в сентябре 41-го как-то мы вышли из блиндажа, а наши военные бегут, кричат. Только помню, винтовки кидали даже. Они бежали в Кронштадт, в ту сторону. Взрослые кричат: «Вы что бежите?». А те говорят: «Там немцы, немцы!». Мы смотрим, а немцев нет. Они убежали. Это было днем. Вечером мы, как обычно, легли спать. Утром папа вышел, я вышла. Кушать что-то же нужно. У нас дом сгорел, картошка обуглилась. Не было ничего. И тут начали стрелять. Смотрим, а немцы напротив нашего дома. Госпиталь там был военный, а они уже там сидят, немцы. Мы ведь даже не слышали, как они пришли. Тихо-тихо, без всяких выстрелов пришли и все. Мимо нас бежали все военные. Не танки, просто пехота. Немцы пришли, они увидели, что мы здесь шевелимся, и сразу пришли к нам в блиндаж. Прикладами стучат. Открыли – они на нас ноль внимания. Солому стали шебуршить. Искали военных, видимо. Не нашли. Нас всех выгнали. В общем, отогнали нас в этот госпиталь. Мы там спрятались в какое-то подвальное помещение. Думали, что там отсидимся. К немцам-то не хочется. Чтобы немцы нас забрали, не хочется. Сидим вот так вот смотрим, как сапоги идут, больше ничего не видно. А один нашелся, начал орать, кричать. Все на него набросились. А он кричит немцам, что мы здесь. Есть же такие... Но все равно бы нас нашли, конечно. Ну, нас выгнали.

Мы жили на улице Гостилицкая. До этой улицы дошли немцы. Всё дальше отрезали. Моя крёстная, мамина родная сестра, жила 500 м от нас ближе к Ораниенбауму, улица Ломоносова сейчас называется. Они остались у наших, а мы остались у немцев. Ведь, вот такая судьба.

Ораниенбаум остался у наших, у советских. Фашисты ни шагу дальше не сделали. После уже на том месте, где нашу улицу отрезали, поставили памятник – пушку. Не ней было написано: «до этой улицы дошел немец». Получается, я очутилась на историческом месте.

А почему мы остались всей семьей вместе? Мой папа, Афанасий Николаевич Бунин, работал у нас в Ленинграде на «Красном треугольнике». Завод так назывался. Вот он там работал столяром, сосед наш работал там же, они там вместе работали. Как война началась, им сразу дали бронь. Так что он не служил. И получилось так, что мы все попали к немцам. Все мужчины, все оказались у немцев.

«Красный треугольник» выпускал галоши. Он рядом с вокзалом. Раньше не электрички, раньше паровозы ходили. Доедет и сразу на работе. В Ленинграде он так и работал. Потом немцы, значит, нас стали выгонять. У нас была родственница, мы спрятались у нее. И там нас нашли. Немцы нам так объяснили, что сейчас начнется бой. И поэтому из города нас всех выгнали. У нас гора такая была. Помню, мы поднялись на эту гору и начался бой. Это был какой-то кошмар, вообще ничего не было видно. Такая стрельба была... Они, конечно, больше не Петергоф бомбили. Кронштадт, в основном.

А папин брат там служил моряком. И вот их, когда разбомбили, еще немцы не пришли. Крейсер их разбомбили. И его направили в Ленинград, защищать город. Мой дядя там погиб. А папа мой остался, и мы попали к немцам.

Немцы нас гнали до мая месяца. Вот остановимся где-то, дальше гонят. И так гнали они нас до мая 42 года. И вот остановились мы в деревне Березка. И нас поселили, муж с женой там были, и вот они с нами не разговаривают. Родители с ними разговаривают, а они молчат, ни звука. Папа пошел к старосте. Говорит: «Что такое? Они с нами не разговаривают». Староста ответил, что им только вчера разрешили снять дочь. Дочь была целый месяц повешена около окон, болталась. Целый месяц, и немцы не разрешали ее снимать. И они только накануне

схоронили дочь. Дочь повесили, потому что она помогала партизанам. Она искала им пищу, видимо. Вот ее повесили, и целый месяц они висела... Каково родителям? Целый месяц перед окнами. Не разрешали до мая месяца. Староста нас потом к себе взял. Березка – это Ленинградская область. Мы там и в Гдове были. Нас гнали к западу, к Польше.

Старосте дали задание, сколько человек отправить. А он своих не трогает, только всех беженцев. Вот собрал и всех дальше, в Германию. Подогнали этот товарный вагон. И вот маленьких детей не брали, это такой был крик ужасный. Маленьких детей матери прячут, раньше ведь всегда юбки длинные носили. Детей из рук вырывали маленьких. Они говорили, вернётесь – заберёте, когда война закончится. А уж куда их потом? В концлагерь или еще куда, я не знаю, конечно. Я была побольше ростом, меня как-то пропустили с родителями. В семье я одна была вообще.

В городе Гдов в Псковской области, я видела, как вешали партизан троих. При мне. А получилось, как? И мы с девочкой одной там гуляли. Вышли на площадь, которая была вся брусчаткой выстеленная. И вдруг всех сгоняют. Всех, кто там был, всех сгоняют. А нам интересно. Мы всех растолкали с ней, встали вперед. Стоят машины в ряд, а на них трое партизан было. Что там написано было, я уже не помню. И вот они что-то кричали. Мне запомнилось «За Сталина». А, может, еще «За Родину» кричали. «За Сталина» мне почему-то запомнилось. Я со Сталиным выросла. Мы Сталина любили, а когда он умер, ревели, не знаю как. Сталина так любили. Сталин, когда сказал, что «враг будет разбит, победа будет за нами», мы, даже когда в Германии жили, знали, что враг будет разбит, победа будет за нами. Потому что раз Сталин сказал, значит так и будет. Вот мы так верили.

И вот на площади что-то прокричали, и потом этот грузовик отъехал, а солдаты повисли в своих петлях. Запомнились мне их высунутые языки. Как мы с девочкой испугались. Мы с ней бежали, ревели. Бежим и режем. Это на наших глазах было. Такие вот яркие моменты...

Ну и, в общем, нас повезли в Германию. Привезли нас в Гамбург. Мы ждали. Из Гамбурга нас отправили в какой-то лагерь. Только помню, что там были трёхъярусные нары. Днём взрослых угоняли на работу. А детей заставляли подметать территорию, убираться в помещении. И вот это мы делали. Ну, кормили, помню, давали нам щи, давали хлеб с опилками, давали даже картошку. Кушать-то хочется, что угодно съешь... Сколько мы там были в этом лагере, я не помню, конечно. Ну не очень уж долго, видимо. У них была биржа. Стали продавать этим хозяевам. Приезжали крестьяне и покупали. И нас купили. И вот всех раскупили, и мы остались втроём, нас никто не берёт. Приехал Пауль, хозяйский сын. Мама рассказывала, что ему сказали, что нужно брать только троих. А то обычно разъединяли. Жену в одно место, детей в другое. Видимо, и там есть люди. Он так и взял нас троих. Мы проработали у него в сельском хозяйстве прямо до конца войны, до 3 мая. 3 мая 1945 года нас освободили американцы. Мы были в Западной Германии около Гамбурга.

Работали много, но нам еще повезло по сравнению с другими. Нам, детям. Взрослые давали какие-то задания. Например, нам с соседским мальчишкой Колей дали задание собирать окурки. Курить-то хотелось взрослым. Баночка висела. Мы должны были за день набрать целую такую баночку окурков. Вот мы с Колей ходили и собирали эти окурки. Однажды, это была уже весна, идет офицер, высокий. А у него сигара в зубах. Колька говорит: «Ой, смотри, у него сигара». И мы за ним. Он идет, оглянется, улыбнется и дальше идет. Мы встали. Он пошел, мы опять за ним. Он шел-шел, курит и курит. Я говорю: «Когда же он выбросит сигару?». А он не выбрасывает сигару. Потом он ее выбросил и ногой в снег втоптал. И пошел дальше. Засмеялся и пошел. А мы с Колькой подбежали, раскопали эту сигару. Там был какой-то окурочек. Это был смешной случай.

Еще в том же месте, помню, воронка из-под бомбы была. Немцы все выбрасывали туда, что гнилое было. Мандарины

даже туда выбрасывали. А мороз был. Мы с Колькой полезли туда, в эту яму и давай выкапывать эти мандарины. И мороженые прямо ели. Ну, есть что-то надо было.

Ещё в Германии был случай – мы собрались бежать. Мы жили у французов. Французы такой народ замечательный, я влюблена в этих французов! Они нам помогали. Только уговаривали не бежать, говорили, что нас все равно поймут. Но они нам карту принесли. По вечерам мы собирались. Они все показывали, где бежать. Только твердили, что нас все равно поймут. Мы с ними общались, как могли: и на немецком, и на русском, и жестами. Хорошо мы с ними жили. Французы замечательные были. Они нам все докладывали. Тайком услышат по радио, придут, сводку скажут, что они услышали. И, в общем, собрались мы бежать. Готовились. Но один поляк нас предал, и маму с папой пришел забирать в тюрьму полицейский. Знаете, как их уводили? Я вцепилась в маму мертвой хваткой. Он, здоровый мужчина, не мог меня оторвать от мамы. Как я орала, как я кричала, в нее вцепилась. Мама меня уж уговаривала по-всякому. Кое-как уговорила, я их отпустила. Их увели, посадили. Они недолго сидели, но, сколько, я не знаю. Французы меня навещали каждый вечер. Они меня успокаивали, все мне рассказывали, где мои родители сидят, что с ними. Я даже как-то у хозяйки наворовала хлебных корок. Говорю, я пойду к маме с папой туда, а то они там голодные. А мне Роберт говорит: «Вали (Вали меня звали), нет, тебя убьют». Там же канал, через мост надо было идти. И отговорили, а то я собиралась корки нести кормить родителей. Ума-то не было! Они же чуть в концлагерь не попали.

Как их освободили, мне мама рассказала. Папа – рабочий ленинградский интеллигент. Всегда «пожалуйста» говорил. Когда они вышли, папа спрашивает немца: «Скажите, пожалуйста, где у вас тут туалет?». А он его сапогом в зад как толкнул. Назвал его «Russisches Schwein» («русиш швайн»), означает русская свинья. Ну, а папа вскипятился и бросился драться. А тот на него автомат. Завязалось у них. Мама упра-

шивала немцев, чтобы их не забрали. Она говорила «*mädchen kleines, mädchen kleines*», что мол у нее маленькая девочка. Уж как он отпустил?... Мама долго его упрасивала. Отпустили все-таки, и они пришли. И после этого, я иду, и если полиция увижу где-то, обязательно обойду. Я так боялась полицаев! Ужасно! С тех пор я поляков не люблю за предательство одного из них.

В последний год войны весной, как обед, постоянно летали бомбардировщики американские. Они так красиво летели, клином, как правило. Такие быстрые они все. Вот мы сидим, обедаем, гул такой. Мы все выскакивали на улицу. Самолеты летели на Гамбург, он был в 65 километрах от нас. А у нас посуда тряслась вся, как они бомбили. Бросали бомбы, куда попадет. Обратно уже летели они налегке. Все время бомбили. И тут затишье... Перед этим еще американцы кидали листовки на русском языке, там было написано: «русские, прячьтесь, потому что заметим, будем без предупреждения расстреливать всех». Значит, нужно прятаться было, когда самолеты летят. И здесь, значит, не вызывают никуда на работу, тишина какая-то, не бомбят, не стреляют, а самолеты летают американские. Летят, что-то бросают. В поле летят какие-то бумажки. А мне интересно. Я туда, значит, ползком. Французы мне кричат «Вали, не надо, убьют, не надо». А я ползла-ползла. Поднимаю – черная бумага, потом еще. А оказывается, мы же не знали, умер Рузвельт, и у них был день траура. Они уже не бомбили, а разбрасывали просто черные бумажки без надписей. Вот этого никто из моих знакомых не знал. Даже из Гамбурга женщина, с которой мы переписывались, подтверждала, что они этого не знали и меня просила, рассказать об этом. Сама она не жила там в войну.

Вот так мы выживали и работали, а отдыхали, когда уходили на обед. В обед хозяин заставлял, чтобы обязательно все спали, лежали чтобы, отдыхали. Потом постучит в дверь, «*aufstehen*» (пани, вставай), и мы снова шли работать. А, ближе к весне 45-го, как-то тут не стучит. Мама мне говорит: «Валь,

сходи, посмотри, что хозяин нас не будит?». Это был уже не хозяин, а руководитель. Я вышла. Дом стоял хозяйский, рядом была штольня, там хранились удобрения, трактор там стоял. Смотрю, солдаты немецкие бьют винтовки. Приклады отбивают и кричат «Hitler kaputt!». И ко мне все. Я руки подставила, они мне мыло, какие-то открытки, конфеты кладут. И кричат «Hitler kaputt!». Такие радостные все. Немцы радостные. Это на моих глазах. Я пришла и сказала «всё». У нас в переулке стоял дом. Мы вышли, а там уже висят эти белые знамена. Капитуляция. Приехали на мотоциклах американцы. К нам подъехали три или два, я уже не помню, мотоцикла. Такие все в береточках, бриджи ниже колен, гетры какие-то. В общем, хорошо одетые такие, симпатичные. А мы стоим в чем попало. У хозяина работали русские, украинцы, поляки, французы и белорусы. Мы стоим в одной стороне, а хозяйка с другой стороны. Один смотрел, смотрел на нас. Потом поднял руку и говорит «good Stalin». И уехали.

Лошади ходили, телеги. Русские лошадей запрягли и 5 мая мы двинулись, поехали сами, куда не знаю. Никто нас не организовывал. Сколько нас, пять телег, я уже не помню. И поехали. Доехали до какого-то города. Нас американцы остановили. И не пускают дальше. Говорят, что войска СС ходят по лесам, всех русских убивают. Остановились мы. Кормили хорошо американцы, замечательно к нам относились. День или два, не помню, сколько мы там были. Там и театр заняли, кто-то на сцене сидел. Ну, народу много. И потом подошли машины такие американские громадные. Нас посадили и повезли. Куда, мы не знаем. Привезли в лес. А там озеро было. На берегу озера стояло здание хорошее.

В общем, нас распределили. Каждому дали комнату. Мы там прожили месяц точно. Там много парней было. Кто-то забеспокоился, прослышал, что они нас хотят в Америку отправить. И вот парни собрались и пошли к коменданту города. А мы все ждем, переживаем. Вот они к вечеру пришли, собрались мы в зале. Я так понимаю, это был санаторий. Пианино было.

И вот они вышли. Почему вы нас не вывозите? А к вам не проедешь. А как вы нас сюда привезли? И один сказал: «Если завтра вы нас не увезете, мы пешком к Сталину дойдем». Вот такой разговор был. Наши говорили, американцы придут и дальше с нами войну продолжат. Все немцы так говорили, что они ждали американцев, и вот мы вам дадим жизни.

Мама сказала, что опять война, наверное, война. Посмотрели в окошко. Подошли опять громадные машины. Нас в эти машины погрузили, повезли, нам ничего не говорят. Привезли на вокзал. Опять там стоит товарный вагон, нас распределили по несколько человек, мама рассказывала, человек по 10 в каждый вагон. На каждый вагон нам дали ящик где-то метр на метр, на 10 человек. А там была у них и тушенка, и сгущенка, и печенье, концентраты всякие. Мы еще не знали, что такое сгущенка. И тушенку-то не знали. До войны мы не знали такой еды. Откуда мы знали? У нас такого не продавалось. Нас повезли в товарных вагонах. Все раскрыто было. Доехали мы до реки. Оказывается, это Эльба была. Едем через Эльбу. Чувствуем, нас встречают, оркестр играет. А два парня выскочили на вагон, залезли, саратовские. Проезжали под мостом, и они, видимо, не успели Насмерть обоих... Уже к своим ехали и погибли.

Когда мы приехали, остановился поезд, и смотрим, тишина. Никто не поймёт, куда нас привезли. Наших с погонами мы не видели. Когда нас угоняли, у советских военных петлицы были. А теперь с погонами. Фуражки такие, каких у нас и не было. К кому нас привезли, никак не поймут. Немцы или кто? А потом кто-то там спросил, видимо. Когда узнали, что там творилось... Как они бросались друг на друга, целовались, оркестр играет. Вот так нас русские встретили.

Но потом нас поселили также в лагерь, концентрационный называется. Разбили по району, наверное. Вот там ещё, наверное, месяц или больше жили. Освободили нас 3 мая, на родину мы приехали только в сентябре. Вот мы все ехали-ехали. Долгий путь на Родину. А увезли-то когда!.. Везли нас

уже не в товарных вагонах. Что-то вроде электричек тепе-решних. На сиденья мы настилали одежду, матрасы и спали. Вот едем-едем, в тупик загнали и все. Все разбегаются, можно стоять и день, и два. Сколько – неизвестно. Кто коров доил, кто чего делал.

Примечательный момент я запомнила по дороге домой. Когда останавливался поезд, начинались похороны младенцев. Причем хоронили довольно много младенцев. Прямо около дороги рыли и хоронили. Кто, может, нагулял в Германии. Кто знает, откуда они? Может заболели, может еды не хватало... Только я слышала, кто-то говорил, подушкой задушили. Не хотели мол привозить на Родину детей от немца. Может, на самом деле не выживали. Тут трудно сказать, почему.

Ехали мы в Ленинград, но приехали в Лугу под Ленинградом. Там мы остановились, офицер вышел, на грузовике стоял. И сказал, что все разбито, жить негде, будете жить только в окопах. Поэтому у кого есть родственники, поезжайте на два, на три года. Проезд у вас будет бесплатный, поезжайте туда. У нас все сгорело. У нас не частный дом, жактовский, двухэтажный. У нас деревянный дом был. Жили наверху еврейки, они сбежали мигом, как только война началась. А мы все верили. И мы поехали к папиной сестре в Саратовскую область, город Пугачев.

Уже из Пугачева мама поехала в Ленинград. Там в Ленинграде у нее брат жил двоюродный. Она сходила куда надо, конечно. Там сказали, приезжайте. У нас даже прописка. В Ленинграде много свободных квартир, видно, было. Дали нам сразу помещение, только приезжайте. Она приехала в Пугачев, договорилась. Остановимся у дяди Васи, а потом нам комнату дадут. Папа поехал. Сказал: «Как я устроюсь, я вам дам телеграмму». В Пугачеве у нас ничего же не было, мы приехали из Германии голые вообще. Ни одежды, ничего не было... И вдруг папа дает телеграмму «срочно выезжайте во Владимир». Мама говорит: «Почему во Владимир, при чем тут Владимир?». У нее родственники здесь, родители здесь

во Владимире. Но он хотел захватить во Владимир. А почему мы-то должны ехать во Владимир? Ну что же делать? Раньше мобильных телефонов не было, телеграмма пришла – собрались и поехали.

Приезжаем во Владимир, а оказывается, что папа надорвался. Здесь мамин брат строился, и он ему помогал. И вот они в лесу таскали бревна. И он надорвал позвоночник. Ну, в общем, так и остались. Папа выздоровел. Это уже был пятидесятый год. Решили, что мама снова поедет в Ленинград. Она опять там договорилась. Не квартиру, но комнату какую-то давали. И все, решили ехать в Ленинград. На дворе уже пятидесятый год, мне уже 17 лет. И я им истерику устроила, у меня же любовь началась. Говорю им: «Поезжайте, я здесь останусь». Ну а куда они без меня? Никуда. А я ни в какую. Они меня уговаривали по-всякому: жила бы в Ленинграде, вышла бы замуж за молодого моряка... А у меня уже был молодой человек, три года мы с ним дружили. В 20 лет я вышла замуж. И 62 года прожили вместе. Я прожила, и жалуюсь, нормально мы прожили.

Вот так вот судьба сложилась, и остались мы во Владимире. И не думали даже, но остались.

Долгое время я не могла получить подтверждение, что я была в Петергофе в оккупации. Нигде никаких документов. Что я там родилась, даже документов нет, ничего. Пропало, сгорело, – кто знает? Только вот в Германии в городе Мёльн бургомистр ответил на мое письмо, что всё было именно так, и я смогла подтвердить свою историю и статус малолетнего узника немцев.

Белякова Нина Викторовна

Родилась в 1937 году в Смоленской области

Я, Белякова Нина Викторовна, родилась в 1937 году в деревне Бухвалово Ярцевского района Смоленской области.

Во время войны мой отец, Елисеенков Виктор Васильевич, родился в семье колхозников и всю жизнь прожил в селе. Умер мой отец в возрасте 76 лет в 1986 году. С моей мамой, Елисеенковой Варварой Дмитриевной, тоже познакомился в селе. Мама моя прожила 94 года и умерла в 2000 году. Мы родились до войны: в 1932 году родилась старшая сестра, в 1935 году родился старший брат, и в 1937 году родилась я. Папа был активным комсомольцем, ячейка была маленькая, но деньги во время коллективизации всё равно собирал. Потом его из бригадиров перевели в председатели. В 1941 году он был председателем колхоза.

Но так случилось, что перед войной он и ещё несколько человек ехали с собрания вечером, и случилась авария. Машина перевернулась, и мой папа поломал ребро. В связи с этим моего папу комиссовали и на войну не взяли. Но на решении собрания от 12 июля 1941 года ему и секретарю партийной организации с семьями поручили гнать скот. Это значит, что на телегах через Днепр.

К войне мы были не готовы. Случилось так, что немцы шли уже очень близко к нам, и когда папе сказали, что ему с семьёй уже надо уезжать, он был в другом управлении. Папа хотел взять одежду и прочее из своей квартиры, но ему не дали это сделать, т.к. так объявили фронтную зону. И мы выехали на телегах в летней одежде. Было 15 человек: 8 человек взрослых, 6 детей и 1 бабушка. Этим составом мы отправились со скотом. Количество скота была огромным: 120 коров, 60 дойных коров, 48 лошадей и 120 овец. И только мы переправились, как на той стороне сразу появились немцы. Самолеты всегда летели вперёд, поэтому взрослые днём загоняли скот в лес и пересаживали день. Ночью они

выгоняли стадо и шли. Немец шёл быстро, и нам пришлось быстро уходить на телегах.

Начались трудности с едой. Тогда придумали следующее: они доили коров, продавали молоко и с этих денег покупали одежду и еду. Одежда была очень нужна, ведь мы гнали скот с 12 июля 1941 до февраля 1942 года. Все дети и взрослые тогда переболели.

Но нам повезло: нас остановили под Москвой у немецкого колхоза. Отца моего поставили председателем колхоза, он ещё собрал смоленских ребят к себе в этот колхоз. Мы собрали весь урожай и всё остальное, как вдруг опять сообщают, что немцы подходят! И, по словам отца, мы только снялись со скотом, как через два дня немцы уже заняли этот совхоз. Мы тогда поехали через Егорьевское, через Рязань в Меленковский район Владимирской области. Уже в Меленковском районе в феврале 1942 года мы передвигались на телегах. Затем прибыли в Меленковский район и всё было распределено по колхозам. Данный скот был при колхозе, всё шло на фронт.

В Меленковском районе моего отца поставили председателем в деревне Данилово. Также во время войны отец занимался дезертирами. Потом мы подросли и стали ходить в школу. В школу я пошла в Меленковском районе. Школа у нас была в середине деревни, и мы все в неё ходили. Помню, как мы идём в школу, и кто-то говорит, что там целую семью дезертиры убили. Поскольку мы были председательские дети, мы никогда не сидели без дела, мы также работали, ходили и всё собирали.

Мы выживали, потому что были хорошие урожаи: большой загон картошки, большой загон моркови, свёклы, брюквы. Также старались завести скот: корову, порося, кур. Но очень не хватало муки! Раньше мы сами себе носили хлеб и молоко в школу, чтобы как-то пообедать.

Когда война закончилась, мы пришли в школу, и у меня было какое-то волнение. Смотрю, а дети бегают счастливые и шепотные, кричат. Оказывается, в честь Победы всем детям

на парту положили по конфете и говорят: «Война кончилась!» И нас всех отпустили домой.

Затем мы переехали в другой колхоз. Отец снова был председателем. Было очень тяжело, ведь мужчин не было. Были женщины и школьники.

В 1953 году мы переехали в Лакинск. Но нам не особо повезло: в тот момент расширялась дорога, и наш дом помешал, и его снесли.

Я поступила в 1956 году в строительный техникум, затем в институт (правда, его я не закончила, родила двух дочек). В 1958 году ездила в совхоз Михайловское на целину по комсомольской путёвке. Мы сначала приехали стоговать сено, затем на пшеницу.

Школу закончила без троек. С 10 класса я заняла разряд по лыжам. По моим стопам пошла моя младшая дочь и сейчас она является КМС по спринту.

Моя тётя Наташа была партизаном. Один раз они пошли на диверсию и их схватили. Но партизаны смогли им помочь, и моей тёте удалось спастись. Сейчас она живёт в посёлке Боголюбово.

Мой дядя по маминой линии – Ивчаков Василий Дмитриевич. Прошёл всю войну, был полковником и командиром танковых войск в Целинограде в Казахстане (сейчас Нур-Султан называется). Но 12 июля 1972 года на 55 году жизни трагически погиб при исполнении служебных обязанностей.

Все сестры по папиной линии работали на Московском Военном Заводе. Другая тётя работала медицинской сестрой.

По рассказам я слышала, что в Меленковском районе в последние месяцы войны брали пленных немцев, но желания у них воевать не было.

Когда война закончилась мы поняли, что стали больше внимания обращать на свой быт: стали больше сами облагораживаться, в колхозе стали более сами активные. Делали не для кого-то, а для себя. Стали лучше и больше учиться, ведь

у нас были октябрята, пионеры, комсомолы. Поездки в колхозы на уборку урожая... Прямо был послевоенный всплеск!

Война – это тяжело, но всегда был и есть человеческий фактор! Когда мы были раздеты, разуты, в тяжёлые моменты находились люди, кто помогал, кормил, одевал или обувал.

Большакова Людмила

Родилась в 1935 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Искала глазами крошки

Некоторые моменты войны, той страшной блокады, я, понятно, помню очень смутно – мне было всего 6 лет. По словам старшей сестры, которая все помнила и впоследствии очень много мне рассказывала про блокаду, пережить пришлось многое.

В первые дни войны папу забрали на фронт. Я хорошо помню тот летний день. Это было в парке. Папа подбежал к нам, обнял всех и несколько минут побыл с нами. Больше мы его не видели. В 1943 году он пропал без вести.

Мама работала, получала по 250 г хлеба. На каждую из нас, трех сестер, давали по 125 г. Весь хлеб делили поровну на четыре части. Я (самая младшая) свою порцию съедала самая первая. Но из-за стола не уходила. С жадностью смотрела, как доедают остальные. Видя мои голодные глаза, все отщипывали от своей порции. Но я все равно не наедалась. Искала глазами крошки, но их не было. Мама глядела на меня и плакала.

Еще один момент. Началась бомбежка. Одна бомба угодила в Дом малютки, который был неподалеку от нашего дома. Все побежали в бомбоубежище. Воцарилась страшная паника, и меня потеряли. Но нашли. Меня держала на руках незнакомая женщина. Я обнимала ее, почувствовав заботу и внимание. Увидев меня живой и здоровой, все обрадовались.

...В мае 1942 года умерла моя средняя сестренка Галя. Почти сразу же после нее умерла мама. Мы со старшей сестрой остались вдвоем. Нина работала, поэтому устроила меня в детский распределитель. Потом перевели в детский дом, где я жила до сентября 1949 года, пока не приехала в этот город вместе с семьей сестры.

Что еще запомнилось? Постоянные ночные бомбежки. Спать нас укладывали в спальне, а когда начинался обстрел, будили. И мы с подушками спускались в бомбоубежище. И нас укладывали спать уже там.

Жизнь в детском доме текла своим чередом. Мы учились в школе. И пели в хоре, часто выезжали на радио, где нас записывали. И транслировали, так как большинство артистов было на фронте.

Когда наступила победа, мне еще долго не верилось, что война закончилась.

Бондарева Галина Васильевна

Родилась в 1935 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Бондарева Галина Васильевна, родилась в Ленинграде в простой семье. Мама работала в детском саду воспитателем до 1940 года, пока не родился мой брат. Папа работал на заводе. Мы жили в пяти минутах ходьбы от метро «Московские ворота». Квартира у нас была коммунальная, где кроме нас жили еще две семьи. С соседями мы жили очень дружно, праздники отмечали всей квартирой, тогда играл патефон. Мы, дети, тоже все дружили, вместе играли.

Летом 1941, мы жили на даче недалеко от города. К началу войны мне исполнилось 7 лет. За несколько дней до 22 июня мы приехали с дачи домой в Ленинград, видимо, по каким-то делам, и в воскресенье 22 июня собирались возвращаться. Я, уже одетая в белый сарафанчик, была выпущена во двор к песочницам, где играли дети и сидели взрослые. От мамы был наказ не садиться в песок и не пачкаться. Они в это время собирали в дорогу малыша. Погода была солнечная, теплая, окна открыты настежь. Оттуда были слышны звуки радио, да и на улице, недалеко от дома, был установлен громкоговоритель. Вдруг взрослые как-то насторожились и стали очень внимательно слушать радио. Оказывается, выступал Молотов. Затем они все заволновались, зашумели, повторяя: «Война! Война!». Стали забирать детей и уходить домой, дети плакали, из окон кричали и звали детей вернуться домой. Я тогда толком ничего не понимала, почему все так волнуются. Мама взяла меня за руку и привела домой. Однако, очень скоро мне пришлось почувствовать, что такое война. Так кончилось мое безоблачное детство. Вскоре папу проводили на фронт, он успокаивал плачущую маму и говорил, что война скоро кончится, а он вернется домой, но не вернулся.

Начались бомбёжки и обстрелы города. Несколько раз за сутки радио повторяло: «Воздушная тревога» или «Обстрел города Ленинграда».

Кажется, я слышу этот противный вой немецких самолетов, летевших бомбить город. Этот противный звук я помню до сих пор, как и свист снарядов, и грохот взрывов. Огонь, дым, всё хорошо помню. Особенно запомнилось, как осенью 41-го горели Бадаевские продовольственные склады. Они горели очень сильно, наверное, целую неделю. Небо было все красное. Пахло горелым сахаром, а по асфальту текла горящая жидкая масса из сахара. Люди собирали ее с земли, заливали водой, наш сосед, подросток Боря приносил ее.

Во время воздушной тревоги мы сначала спускались в бомбоубежище, иногда приходилось сидеть там целую ночь. Помню, там горела синяя лампочка, когда было электричество. Лица у всех были тоже синие, сидели все как-то тихо, прислушиваясь к взрывам наверху. Очень хотелось спать, но спать приходилось сидя, прижавшись к маме, которая на руках держала ребенка и сумку с документами, продовольственными карточками и всей едой, какая была в доме. А чтоб лечь, на лавочке не было места. Но потом, позднее, когда мы все ослабли, в бомбоубежище уже не ходили, тяжело было ходить с 4 этажа. На наш дом тоже падали зажигательные бомбы, но их старались быстро тушить, не допуская большого пожара, дежурившие на чердаке и в подъезде дома жильцы. Дежурила там и мама, во время дежурства на ней висела сумка от противогаза, а на рукаве была красная повязка. Дежурили по очереди все соседи. На чердаке и лестничных площадках стояли ящики с песком, а вот фугасная бомба помню упала у нас перед самыми окнами, была очень большая воронка, но, к счастью, она не взорвалась, а то бы от нашего дома ничего не осталось. Эту воронку быстро отгородили, никого близко не подпускали, всех жильцов отправили в бомбоубежище и бомбу ликвидировали. Дежурные также следили, чтобы соблюдалась светомаскировка, чтобы свет из окон не был виден. Город жил в темноте, чтобы немцы не видели, куда сбрасывать бомбы, но по небу «бегали» лучи сильных прожекторов, и везде в небе висели азростаты. И всё равно немцы бомбили.

Помню, у нас окна были заклеены бумажными ленточками крест-накрест и завешаны одеялами. В доме не было электричества и воды, не работала канализация. Мы пользовались коптилкой, от которой было очень мало света, но зато много копоти. Зима 1941-1942 была очень холодная, мороз был под 40 градусов. В квартире было тоже очень холодно. В комнате стены были покрыты льдом. Мы и наши соседи переселились жить из комнаты на кухню. Одна семья эвакуировалась. Кухня была большая, кроме столов и плиты туда поместилось 2 большие и 2 детские кровати. В последних спали мой братик и соседский мальчик такого-же возраста. В кухне была маленькая железная печка-буржуйка с длинной трубой. Топили печку сначала дровами, а когда их не было, то ломали и жгли мебель. На ней кипятили чай (воду) и варили еду, когда было из чего. Она обогревала нас, но правда быстро остывала, и опять становилось очень холодно. Но еще страшней вражеской бомбежки, мучительней и злей, была сорокоградусная стужа, овладевшая землей. «Казалось, солнце не взойдет, навеки ночь в золотивших звёздах, навеки лунный снег и лед, и голубой свистящий воздух», – писала тогда Ольга Берггольц, поэтесса.

Да, зима 1941-1942 гг. была очень тяжелой для Ленинграда и для нас, его жителей. Кроме обстрелов, бомбежек, холода, отсутствия света и воды в домах, страшнее всего был голод. Мама всеми силами старалась что-то добыть для нас из еды. Она осенью ездила за город, где рыли окопы, привозила тёмные и грязные капустные листья, кочерыжки. Затем на рынке меняла ценные вещи на дуранду – жмых от переработки масличных культур, которым кормят животных. Эту дуранду мы с удовольствием ели, нам казалось, что она вкуснее довоенной шоколадки. Иногда мама откуда-то, видимо из столовой, приносила чечевичный суп, но он был такой жидкий, что лишь кое-где попадались редкие крупинки. Иногда приносила столлярный клей и варила нам что-то типа киселя из него. Хлеб по карточкам выдавали по 125 граммов на человека, но он был

какой-то очень черный, сырой и попадались там картонки. «125 блокадных грамм с огнём и потом пополам», – писала Ольга Берггольц. Но чтобы получить этот хлеб, маме приходилось занимать очередь с ночи у булочной. Она приходила утром вся промёрзлая и давала нам с братом по маленькому кусочку, мы их быстро проглатывали, и братик начинал плакать и просить еще. Он же был совсем маленький и не мог понять, почему раньше, до войны, его хорошо кормили, кашку варили на деревенском молоке (тогда ходила по квартирам молочница и мы всегда покупали у нее молоко). Витя тогда был полненький, здоровый ребенок, уже ходил. А теперь он сидел на кровати и плакал, просил есть, ходить он уже не мог, а вскоре и сидеть не мог, лежал как скелетик и плакать уже не мог, попискивал тихонько. Изю рта не вынимал свои пальчики, а они были уже просто косточки. Очень тяжело вспоминать это. Я тоже была дистрофик, еле ходила, но помогала чем могла своей ослабевшей маме. Я ходила на улицу и приносила снег для воды, иногда с ней ходила в булочную. Однажды, когда мы подошли к своему парадному, мама отдала мне сумку с 375-ю граммами хлеба и с карточками на декаду, а сама стала набирать снег. В это время сзади ко мне тихо подошел какой-то мальчишка и вырвал у меня сумку. Я упала, закричала, мама подбежала ко мне, стала меня поднимать, спрашивать, а след мальчишки с сумкой уже простыл. Мама куда-то ходила, просила, чтобы нам восстановили карточки. Мы тогда несколько дней сидели на одной дуранде, чуть не умерли. Но потом, помню, пришли к нам из райсовета 2 женщины, они пришли как раз к нашему обеду, а у нас на столе только жмых и кипяток. И нам восстановили карточки. Но мама совсем ослабла, легла и больше не вставала. Стали приходиться к нам девушки-дружинницы и приносили нам из булочной хлеб, воду, помогали нам ломать мебель и топить печку. Также они выносили трупы из квартир и с лестничных площадок.

В нашей квартире из 6 человек первым умер Алик, сын соседей, ровесник моего брата, а потом умерла и наша мама.

Я была как во сне, как в тумане, когда мамина подруга тетя Поля и соседка тетя Таня унесли маму в холодную комнату, завернули ее в простынь и вынесли из квартиры. До меня тогда, как будто, не дошло, что свершилось что-то ужасное, невозвратимое. Дружинницы взяли чуть живого Витеньку и куда-то унесли. С тех пор я ничего о нем не знаю. Разыскивали его и я, и мои две тётки, но нам приходил ответ «через детские приемники-распределители г. Ленинграда не проходил». Итак, изо всей нашей семьи выжила я одна, вернее осталась одна, хочется думать, что мой брат не умер, а где-то живет, ведь обо мне он ничего не помнит. А я попала в детский приёмник, где меня побрили наголо и положили в кровать «валетом» с девочкой. Это было что-то типа больницы, нас лечили, делали уколы, поили горьким хвойным отваром или настоем, поили соевым молоком, кормили чечевичной кашей. Мы лежали, не вставали, некоторые дети умирали. Потом, летом 1942 года, когда мы уже немного окрепли, нас эвакуировали. Везли нас по Ладожскому озеру на самоходной барже в трюме. Было очень жарко железная баржа от солнца нагрелась. Мы хотели пить, но воды не было. Наверху баржи стояли пушки, солдаты и моряки отстреливались от немецких самолетов, которые нас бомбили. Говорили потом, что одну баржу с детьми немцы потопили. Когда мы высадились на берег, помню, там было много раненых и забинтованных военных, они лежали на траве, ходили, сидели. У нас на поясе висела железная ложка и кружка, и нам из походной кухни положили по целой кружке густой каши. Потом нас пропустили через санпропускник. Говорили, что повезут нас на Северный Кавказ, но потом оказалось, что предыдущий эшелон с детьми попал к немцам, и нас повезли в центральную Россию. Ехали мы на грузовых машинах, замаскированных под лес, держа в руках зеленые ветки, ехали на поезде. Везде бомбили. Некоторые вагоны горели. Потом ехали пароходом по Волге, а в гору нас на руках носили колхозники из колхоза «Творчество» Рыбинского района Ярославской области. Мы

ехали 8 суток, совсем ослабли. Разместили нас в бывшем доме помещика Лязгафта. Место красивое на берегу Волги. Что меня поразило так это тишина: небо чистое, голубое, нет рёва немецких самолетов и с неба не сыплются бомбы и снаряды. Но нас всегда сопровождало чувство голода, и мы ели всякую растительность, начиная от листьев липы и кончая стеблями лопухов. По приезду все болели, ни для кого блокада так просто не прошла. Болели кто чем, меня замучили фурункулы. Тем не менее 1 сентября я пошла в 1 класс. Школа была в 3-х километрах от дома. Помню, тетрадей не было, писали на каких-то плакатах, обёрточной бумаге, старых газетах. Ручек тоже не было, перо привязывали к палочке, учебников тоже было 1-2 на весь класс, один читал вслух, все слушали. Но учились хорошо, ведь это был наш вклад в победу, так нам говорили.

Наступила зима, в доме, да и в школе было холодно, дров не было. Мы ходили собирать хворост, вместе с ленинградскими воспитателями рубили и пилили тонкие деревца, но они были сырые, не горели, да и печи были неисправные, только дымили. В общем, замерзали мы как и в Ленинграде, да и одеты мы были очень скромно, своя одежда осталась в Ленинграде. К следующей зиме положение немного изменилось, были сделаны новые небольшие печки в комнатах. Летом мы каждый день до обеда работали: в колхозе пололи грядки, ломали веники, собирали колоски с убранныго поля. Потом детдому была выделена своя земля, мы на ней сами сажали капусту, картошку, овощи, сами ухаживали, поливали под руководством завхоза Ивана Федоровича. Ходили босиком до самого 1 сентября, даже в лес. Нас учили шить на машинке, вязать, вышивать, я всему этому научилась в детдоме. Мы все делали с ранних лет сами: мыли полы, убирали территорию около дома, помогали на кухне, носили воду из колодца, чистили картошку, мыли посуду, собирали урожай, солили капусту, мололи зерно на ручной машинке, сами ходили на ферму за молоком, собирали грибы и ягоды для кухни. Держали

в детдоме только до 14 лет. Затем отправляли в ремесленное училище. У нас не было никаких игрушек кроме мяча. Мы играли в основном в лапту, кукол шили сами, лицо рисовали химическим карандашом.

Наконец наступила победа. Помню, 9 мая утром к нам в спальню вбежала кастелянша тётя Зина с гитарой. Она что-то пела и играла на гитаре. Кричала: «Девчонки, вставайте, победа». Мы очень обрадовались, прыгали, кричали ура, бросались подушками, думали, что скоро вернемся в Ленинград. Вскоре все ленинградские во главе с директором Андреем Андреевичем уехали в Ленинград, а нас оставили. После войны меня разыскала тётя, сестра моей мамы. Она тоже жила в Ленинграде, но после потери квартиры от бомбёжки, смерти дочки, получения похоронки от мужа, она уехала из Ленинграда и осталась жива. После войны она вышла замуж, у мужа была дочь моего возраста, и я жила в их семье. По окончании школы я закончила Московскую сельхоз академию имени К. А. Тимирязева. Работала. Сейчас на пенсии.

Не дай бог никому пережить то, что пережили мы, чтоб еще когда-нибудь в нашей стране была война. А ведь во время блокады ленинградцы, ослабленные голодом и холодом, работали под обстрелом и бомбежками. Заводы производили снаряды, патроны, танки и другую технику, необходимую для победы.

Да, мы не скроем, в эти дни ели землю, клей, ремни,
И съев похлебки из ремней, к станку
вставал упрямый мастер,
Чтобы точить деталей части, необходимые войне,
Но он точил, пока рука могла производить движенья,
И если падал у станка, так падает солдат в сраженьи.
Ольга Берггольц

За 900 дней и ночей блокады погибло много ленинградцев. От обстрелов и бомбежек – 21 тыс. человек, от голода – более 624 тыс. человек. Такую большую цену пришлось заплатить, чтобы отстоять город на Неве.

Борисова Алевтина Сергеевна

Родилась в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Мы с мамой прожили в блокадном Ленинграде почти год. Зимой 1941 г., когда от голода и холода стали часто умирать ленинградцы, мы дети-блокадники превратились в грустных стариков. Быстро потеряли детство, повзрослели. Поняв, что такое война, смерть, холод и голод. Мы ничего не требовали, вместе со взрослыми преодолевали молча трудности и бомбежки.

Первое время мы прятались от бомбежек и обстрелов в траншее, одна стена которой была обита досками, чтобы можно было сидеть облокотившись. Другая стена траншеи была земляная, внизу вырыта ниша, в которой зажигали фитилек. Мама расширяла нишу, чтобы я могла там поместиться, свернувшись калачиком. Было удивительно то, что как только мы спускались в траншею, как у меня начинало чесаться все тело. Но стоило прозвучать словам «отбой воздушной тревоги!», и тело переставало чесаться. И так каждый день. Потом мы перестали прятаться, ложились в постель, мама крепко прижимала меня к себе, мы накрывали голову одеялами и так засыпали.

Вскоре мама определила меня в детский дом. Там были дети от трех до тринадцать лет. С четырнадцати отправляли работать на заводы. Детдом был круглосуточным. Отпускали домой тех, у кого были родственники и условия для ночевки. Я ходила в детдом с маленьким чемоданчиком, в который собирала крошки и оставшиеся корочки для мамы.

Однажды, когда я собиралась идти в детдом, мама где-то раздобыла сухую горчицу и решила испечь оладушки. Мне она не разрешила даже пробовать, а сама ела, вытирая слезы.

В детском доме нам читали книжки, учили, как могли, по школьной программе. Во время бомбежек мы все спускались в бомбоубежище и тихо сидели, прижимаясь друг к другу,

и ждали отбоя тревоги. Иногда и засыпали там, а в детдоме часто ложились спать одетыми, чтобы было теплее и можно было быстрее спрятаться в бомбоубежище.

У дома, который стоял рядом с нами, во время бомбежки обвалилась одна стена. Квартиры первого этажа были завалены строительным мусором, на втором этаже вся мебель была поломана и перевернута, зато на четвертом квартиры сохранялись в полном порядке. Мебель стояла нетронутой, как декорация на сцене театра. Часы, абажур, кровати, стол, постель – все было в полном порядке, казалось, что вот-вот откроется дверь, выйдут артисты и начнется спектакль. Но, увы, квартиры были без жителей. Странное чувство: после войны я несколько раз была в Ленинграде и всегда с волнением вспоминала этот трехстенный дом, грустно стоявший без жильцов.

В сутки нам давали каждому по 125 граммов хлеба. Мама ходила за ним с салфеткой, чтобы ни крошки не пропало. Еды не хватало, поэтому мама на рынке обменивала все, что можно было обменять, на дуранду. Я очень любила ее сосать. В первую эвакуацию мы не попали, так как мама не успела оформить документы, потому как работала в госпитале без оформления нянечкой за одну тарелку супа в день.

Однажды она из дома принесла в госпиталь рогожу, а дядя Федя сделал из нее половые щетки, за что оба получили по дополнительной тарелке супа. Мама долго об этом рассказывала. Голод и холод очень угнетали. Жгли всю мебель и даже паркет, чтобы согреться. Дело дошло до сундука, в котором хранили овощи. Когда его отодвинули от стены, то обнаружили чуть подсохшую картофелину. Радости всех коммунальцев не было границ. Картошину нарезали на мелкие кусочки и сварили отвар, который пробовали все шесть семей, проживающих в этой шестикомнатной коммунальной квартире. Жили все дружно, относились друг к другу внимательно и с пониманием, стараясь помочь соседям.

В июле 1942 г. нас с мамой эвакуировали из блокадного Ленинграда во Владимир. Мы вышли из вагона на привокзальную площадь. Было солнечно и тихо, не слышно было взрывов, и меня очень удивило, когда я увидела двух женщин, которые о чем-то разговаривали и громко смеялись.

«Мама, смотри как здесь красиво и тихо, даже смеются женщины», – сказала я и тоже улыбнулась.

О жизни в блокадном Ленинграде мне нравится это стихотворение:

Голодный год – сорок второй,
Кто пережил – тот не забудет,
И вот тогда, делясь бедой,
Добро творили тоже люди.
Соседка – мать двоих детей,
Сварив последнюю картошку
Для матери моей больной,
Суп принесла – кормить из ложки.
И встала мать, еще шатаясь,
Сказала тихо улыбаясь:
«Ну, вот уж и здорова я».

С тех далеких пор мы живем во Владимире, где тихо, красиво, мирно, и где часто смеются люди.

Будкин Владимир Иванович

Родился 12 октября 1933 года в деревне Маркино Петушинского района Московской области (ныне входит в состав Пекшинского сельского поселения Петушинского района Владимирской области)

Во время войны работал пастухом, пас коров с дядей. Мой отец – Будкин Иван Дмитриевич 1906 года рождения. Мою маму зовут Будкина Матрёна Ивановна 1909 года рождения. Зимой они работали столярами и плотниками, а летом работали в колхозе.

Помню, как в 1941 году отца забрали на фронт, и я ездил провожать его до Петушков на лошадях. После мать осталась со мной и с двумя сестрами (Лидией 1932 года и Валею 1939 года) и братом. Лидия работала в Костерево. Валя работала в Петушках на фабрике.

Сестра старшая с 1932 года ушла в Костерево работать, училась там и работала. А Валя в Петушках жила с матерью. После по своей улице старостой стала в Петушках. У нее один сын. Так что мы в войну не бедствовали. Нормально жили. Брат мамы был председателем колхоза, поэтому жили хорошо.

Когда Москву бомбили, у нас в деревне было видно зарево, как стреляли. Когда самолеты летели бомбить Кольчугино, гнались за немецким самолетом, и он сбросил 3 бомбы, одна попала в овраг, у нас даже двери тряслись, мать держала дома двери, переживала.

Один самолет подбили, который летел Кольчугино бомбить, все ёлки наши скосил и упал в поле. Солдаты приехали, сняли с него все пушки, красную резину из-под колес на рогатки мы забрали. Не знаю, выкопали ли самолет потом, но оружия сняли с него и увезли на военный завод в Кольчугино.

У нас в Маркино была школа до 4 класса, а в 5 класс я ходил в Караваево. После уроков помогал матери по хозяйству, у нас были коровы, овцы, гуси, куры. Окопы мы не рыли, у нас не было.

Жили мы нормально. В другой деревне у меня жила бабушка. Они жили богато, у них был небольшой колхоз, поэтому были деньги. Я, бывало, схожу, принесу хлеба, бабушка у меня навяжет, так что мы не голодали. Одежда у меня была хорошая. В Маркове напротив нас жила соседка, у которой было 2 дочки и сын, после сына она отдала мне шубу и кожанки, просто дедушка у них был сапожник. Вот я и ходил.

Мать моя с Валею ходили на болото, по колено в воде дергали осоку, чтобы скот прокормить. Сырую осоку рвали, сушили, помогал и я. Сестры работали, сейчас все на пенсии, сын и дочка тоже.

Отец с фронта не явился, пропал без вести. Внучка по интернету нашла его могилу в Польше, в лагере он был.

Я выправил паспорт в Петушках и поехал во Владимир. Выучился, стал наладчиком на тракторном заводе, из тракторного меня в армию взяли, это был 1953 год. В военном городке жил, нас отправили в Германию. Я 3 года был в Германии, выучил язык. В 1956 году демобилизовался, меня обратно отправили на завод. В Германии я служил, был связистом, а после был командиром хозяйственного отделения, кормил солдат, а войска были артиллерия. Солдат вывозили на полигон, стреляли из ружей и пушек, а я кормил свой дивизион. Помню многие города, в которых был, они были очень красивые, даже поразили меня. Видел немецкие лагеря.

После познакомился с женой – Будкиной Антониной Ивановной, вот так и живем уже 62 года вместе. Всё у нас хорошо.

Быкова Татьяна Николаевна

**Родилась 28 января 1940 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Быкова Татьяна Николаевна (урождённая Воронина), родилась 28 января 1940 г. в г. Ленинграде.

Являясь жителем блокадного Ленинграда, мне пришлось испытать все тяготы этого времени. Было очень холодно и всегда хотелось кушать. Мама работала сутками на заводе, а нас у неё было четверо. Папа ушёл на фронт. К сожалению, пятилетнего брата мы потеряли. Он сильно простудился и умер. Во время блокады я перенесла тяжелейшее воспаление лёгких и чудом выжила. Полученная мною в настоящее время инвалидность, думаю, и есть последствия этого времени. Хотя я и была в то время совсем маленькой, но очень долго я просыпалась от звуков воздушной тревоги.

В 1942 г. (точную дату не знаю) меня вместе с другими детьми эвакуировали сначала в г. Ковров, а затем в г. Суздаль. До сих пор вспоминаю, как нас встречали жители этого города. Столько теплоты и внимания было с их стороны. Каждый стремился накормить нас чем-то вкусненьким.

Из детдома меня в 9 лет взяли на воспитание две женщины (Ф. И. Норина и Н. И. Шукина). Я до сих пор благодарна им за их доброту. Я получила два хороших образования: медицинское училище и Педагогический институт. Более 30-ти лет я проработала в Ящурном институте, принимая активное участие в культурной и общественной жизни.

Санкт-Петербург (для меня Ленинград) был и остаётся любимым и родным городом.

Былинкин Николай Васильевич

**Родился в 1940 году в деревне Желдыбино
Киржачского района Ивановской области (ныне
входит в состав Кипревского сельского поселения
Киржачского района Владимирской области)**

Я, Былинкин Николай Васильевич, родился в деревне Желдыбино Киржачского района Владимирской области в 1940 году. Когда началась война, я был совсем маленьким. На фронт ушли мой отец и старший брат. Они присылали нам письма, после лет в 7-8 я сам мог их прочитать. К сожалению, с войны они не вернулись, пропали без вести. Мать работала в колхозе.

Судьбы наших семей с Былинкиной Каламбиной Алексеевной очень похожи: в годы войны пережили город, холод и суровые трудовые сельские будни, а отцы и старшие братья без вести пропали на полях сражений Великой Отечественной войны.

Былинкина Каламбина Алексеевна

Родилась 17 февраля 1939 года в селе Красное Юрьев-Польского района Ивановской области (ныне Юрьев-Польский район Владимирской области)

Я, Былинкина Каламбина Алексеевна (до замужества Майорова), родилась в селе Красное Юрьев-Польского района Владимирской области 1939 году 17 февраля. Мое имя дали мне старшие братья в честь их любимой песни. Мама с папой работали на фабрике Авангард, старший брат работал писарем в райвоенкомате. С началом войны их призвали служить родине, и в первые годы войны они пропали без вести. Нас тогда осталось 5 человек в семье.

Как началась война, я не помню. В воспоминаниях остались только голод, холод, всегда хотелось хлеба. Нам давали продовольственные карточки. Дров не было, топили хворостом и полыню, было очень трудно. Наш дом был крытый соломой, когда шел дождь, приходилось подставлять ведра и корыта. Весной мы собирали мороженую картошку и пекли из них «тошнотики», так называемые пирожки. Ели много травы и то, что выросло в огороде. Также старались помогать колхозу, собирали колоски; выкапывали корни кок-сагыза, которые отвозили в Ленинград, там из них делали резиновую обувь. На каждый дом давали борозды, где выращивали картофель, морковь, свеклу. Я помогала маме, как могла. Из школы нас тоже направляли в поле, ухаживать за этими бороздами. Было очень весело и дружно собирать картошку и печь ее. Помимо этого, у нас было много игр: лапта, прятки, штандер, катались всю зиму на лыжах. Также мы отмечали разные праздники. 1 мая везде расставляли ветки, украшали их бумагой, делали цветочки. На новый год устраивали елки, одевались в платья, тогда они были очень простыми. Новости узнавали по радио, в нашем доме весела тарелка. К нам приходили человек 10 солдат, мама стирала их одежду, а они на улице готовили еду.

Каждый месяц мы сдавали налог на продовольствие и скот. Яблоки, картофель, морковь, молоко, яйца, шерсть и другое. Электричества у нас не было, учили уроки с маленьким фитилем в бутылочке.

В день победы помню, как мама запела песню «Священная война» и заплакала, вместе с ней заплакали и мы. Трудно было смотреть, как отцы возвращаются домой, а у нас такая большая семья и никто к нам не пришел. Нам прислали письмо, что папа и старший брат без вести пропали. И только в 2019 году мой внук поехал в командировку в Смоленскую область и нашел там на доске почета моего отца Майорова Алексея Ивановича. Брат так и не нашелся.

Вагина Галина Ивановна

**Родилась в 1940 году в городе Минск, Белорусская
Социалистическая Советская Республика
(ныне Республика Беларусь)**

Меня зовут Вагина Галина Ивановна, девичья фамилия Вертельникова, 1940 года рождения. Мы дети войны, наши отцы защищали отечество, а мы его восстанавливали из руин. Первые удары войны прились на Минск, оттуда отец нас с матерью отправил в тыл. Мать была в положении, беременная вторым ребёнком. Во Владимир мы приехали к моей бабушке.

Сам отец, Веретельников Иван Сергеевич, из Белгорода. Родители познакомились во время Финской войны. Видно в госпитале были, она медсестрой, а он был пациентом и с тех пор прошли они по жизни не много, но всё-таки были вместе.

Отец погиб в 1943 году, когда была Курская битва. Тогда в 1943 в августе пришла похоронка, и в этот день был как раз первый салют за всю войну, когда взяли Курск, Белгород и Харьков. Волей судьбы мы с матерью оказались в Уяре, Красноярский край. В Красноярском крае она также медиком была, а я всегда была в круглосуточных садиках. В Уяре я запомнила, что недалеко от дома проходила железнодорожная ветка, по ней шли искорёженные танки, пулемёты, в общем, чего там только не было, а из Уяра шли уже эшелоны, закрытые брезентом, под охраной, это уже шло наше новое оружие. В 1948 году нам пришлось обратно вернуться во Владимир из-за того, что мама заболела, в том же году она умерла, в то время мне было 8 лет. Осталась я с бабушкой, ей было 65 лет, болела, ходила с палочкой, согнутая. За отца я получала пенсию, вот на эти деньги мы и жили.

Училась в первой школе у Золотых ворот, училась хорошо. После окончания школы, я хотела пойти учиться на медика, но бабушка сказала: «а кто на хлеб будет зарабатывать?»

И пришлось мне искать работу. Мне помогли устроиться на Завод Точмаш. При заводе был вечерний техникум, и я стала ходить туда после работы, было очень тяжело, но всё-таки обучение закончила. На заводе получила повышение, пошла по экономической стезе, сначала технологом работала, на литьевых машинах, на станках, на чём только не работала, в общем, куда пошлют, туда и идёшь, за работу все держались.

Вахромеева Алевтина Кузьминична

**Родилась в 1931 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Когда началась Великая Отечественная война наша семья жила в Кронштадте. Мне было 11 лет, и я хорошо помню первый день начала войны.

Весь город с тревогой слушал у репродукторов на улице и дома сообщение правительства о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. По просьбе наших родителей нас, детей, на время каникул отправили на отдых под Ленинград, но пробыли мы там недолго – приближался фронт, и были слышны выстрелы и звуки бомбежек. Было решено эвакуировать нас в Сибирь или на Урал, но родители наши не согласились с этим решением, и нас перевезли в Кронштадт. Дорога была уже опасной, некоторые эшелоны с ленинградскими детьми подверглись бомбардировке, и много детей погибло. Нас предупредили, чтобы мы не шумели, не смотрели в окна поезда и в случае бомбежки бежали или ползли в лес. Это было нам, детям, слушать непривычно и страшно. Доехали мы до Кронштадта благополучно. В городе была введена карточная система. Начинаясь новый учебный год. Сначала мы занимались в школе, а потом в бомбоубежище, где нас кормили куриным бульоном и хлебом, но потом из-за бомбежек и артобстрелов и там прекратились занятия. Стало очень голодно и холодно.

Бомбежки стали более интенсивными и длительными. В одну из таких бомбежек бомба попала в угол дома, где находилось наше бомбоубежище, погас свет, началась паника, крики. Мы просились выйти на улицу, но бомбежка продолжалась. Когда мы вышли на улицу, то увидели много осколков от бомб и большую глубокую воронку, угол разрушенного дома, разрушенные квартиры. Нам повезло, мы все остались тогда живы, благодаря тому, что наше бомбоубежище находилось не под всем домом.

Затем начались артиллерийские обстрелы, они начинались внезапно, и не всегда удавалось добежать до бомбоубежища. Зимой 1941-1942 гг. начался голод и холод. Мы с братом получали по 125 граммов хлеба, а мама по рабочей карточке 250 граммов. Не было дров, но все соседи собирались в одной комнате и топили печку чем могли. Мечтали только о еде. Голод – это очень страшно, и его трудно было пережить. Мама нас спасла от голода, сдавала 4 раза кровь, а мы с братом стояли у проходной морского госпиталя и ждали ее с пайком, который ей полагался за сдачу крови. А потом мама заболела, и соседка рисовым отваром и черникой спасла ее от смерти.

Весной 1942 года после пережитой с трудом холодной и голодной зимы мы эвакуировались во Владимир. Ехали «дорогой жизни» через Ладожское озеро. Затем ехали долго 2 недели. Дорогой нас кормили хорошо, но все равно многие люди были так истощены, что после приема пищи умирали. На остановках трупы снимали с поезда. Когда мы, дети, ехали через Ладожское озеро, мы не знали, что наша полуторка может уйти под лед. Об этом знали только взрослые. Всего этого никогда не забыть.

Власова Анастасия Васильевна

**Родилась 26 июля 1932 года в деревне Ордаты
Ордатского сельского совета Шкловского района
Могилёвской области Белорусской Социалистической
Советской Республики (ныне Республика Беларусь)**

В семье нас было шесть человек детей. В 1937 году у нас умер отец. Жили мы очень бедно. Матери колхоз выделял один пуд хлеба, она не могла нас прокормить и ей помогли отдать нас в детский дом – троих нас младших, а троих постарше оставили с ней. И до 1948 года я находилась в детском доме.

В детском доме мы занимались сельскохозяйственными работами и все детские забавы проходили мимо нас, ведь мы много работали.

И вот началась война. Мы летом находились в лагере. Однажды, когда мы проснулись, никого не было, даже воспитателей. Мы пришли в группу, затем пришёл повар и нянечка, которые отвели нас в лес. Мы долго находились в лесу днём и не знали, что делать, ведь всю уже бомбили, но нас не на чем было вывезти, но всё же прислали три военные машины и повезли сначала младшие, а затем средние группы. Машина, на которой нас везли, сломалась в дороге и мы долго не могли уехать. Всё же нас повезли, но в другую сторону и мы больше не виделись с мамой. Как оказалось, нас эвакуировали на Урал. Несколько раз ещё мы попадали под немецкую бомбёжку.

А мама искала меня, очень долго подавала во Всесоюзный розыск, но для неё я стала без вести пропавшей. Мама искала меня больше 10 лет.

Позже выяснилось, что мою сестру Марию угнали в Германию, а маму чуть не убили немцы, но она выжила.

Вот такая краткая история о моей непростой жизни.

Волкова Валентина Александровна

**Родилась 25 марта 1927 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Кузнецова Светлана Александровна, хочу поделиться своими воспоминания о моей маме Волковой Валентине Александровне, записанных со слов бабушки Смирновой Елизаветы Дмитриевны

Моя мама, Волкова Валентина Александровна, родилась в городе Ленинград 25 марта 1927 года. Ее отец, Смирнов Александр Иванович, был капитаном и водил торговые суда по морям Северного Ледовитого океана. Ее мама, Смирнова Елизавета Дмитриевна, была домохозяйкой. У них была большая и дружная семья: трое сыновей и две дочери. Жили они на улице Желябова, дом 5.

Когда началась Великая Отечественная война, моей маме было 14 лет. Она окончила шестой класс. Была принята в пионеры. С началом блокады Ленинграда был издан приказ об эвакуации детей из города. Но эвакуировать детей семьи Смирновых не было возможности. Ленинград бомбили постоянно.

Торговый флот в начале войны был переведен на север Красноярского края в порт Дудинка. С детьми осталась наша бабушка Елизавета Дмитриевна. На целый день она уходила рыть окопы, а дома за старшего оставалась моя мама. Она выстаивала длинные очереди за хлебом, который получали по карточкам. Кто работал, получали по 450 грамм, неработающие по 150 грамм. Хлеб пекли из ржаной муки с добавками. Он быстро черствел, но его было так мало, что всегда хотелось еще. Бабушка отдавала свой хлеб детям. Сама пила соленую воду, чтобы заглушить голод. От этого она сильно отекала, у нее отнимались ноги. Немцы, не переставая, бомбили город. Водопровод был разрушен, за водой ходили на Неву. Однажды моя бабушка послала мою маму на капустное поле, чтобы набрать там мешочек кочерыжек. Мама верну-

лась и сказала бабушке, что, зачем ты меня мамочка послала, там одни мертвые. В городе съедено было все, не было нигде ни одной травинки. Съедены были кошки, собаки, мыши, крысы. Из родственников к моей бабушке приезжала Ефросинья Романовна Орлова. Она защищала Ленинград, служила в медсанчасти. Я несколько раз со своей семьей гостила у тети Фрузы, так мы ее звали. Она тоже много нам рассказывала о нашей маме, о всей семье Смирновых. У матери тети Фрузы сохранился мешок кускового сахара. Она выдавала его по куску, когда удавалось приехать в Ленинград с фронта. Этот кусок сахара щипчиками делили на много мелких кусочков. Часть она отвозила на фронт, а часть отдавала моей бабушке. Из-за этого сахара тетю Фрузу везде очень ждали.

Квартира, где жили Смирновы, состояла из двух комнат. Но во время войны они жили все в одной. Там находилась печка буржуйка. Стекла, из-за частой бомбежки, были выбиты и окна забиты досками. Комната была вся заполнена. Было очень холодно. В конце зимы 1942 года начали умирать дети семьи Смирновых. Не выдержали мальчики. Все трое умерли один за другим. Бабушка зашивала их в простыни и выносила в коридор, а оттуда их забирала похоронная бригада. Александр Иванович Смирнов не знал, что у него в Ленинграде погибает семья. Но однажды один сослуживец дедушки узнал о тяжелом состоянии семьи и сообщил ему об этом. Тогда дедушка обратился к начальнику порта Дудинка и тот посоветовал ему послать в Ленинград вызов. По этому вызову было разрешено выехать оставшимся в живых. На тот момент в живых остались бабушка Елизавета Дмитриевна и две дочери: моя мама Валентина, ей было 15 лет, и моя тетя Галина, ей было 5 лет.

Бабушка с детьми приехала в поселок Хатанга Новосибирской области. Там моя мама пошла в школу. И там же она вышла замуж за Волкова Василия Ивановича. Мой отец, Волков Василий Иванович, уроженец деревни Парфентьево Муромского района. К началу войны окончил Муромский

учительский институт. Из-за очень слабого зрения его не взяли на фронт, а направили в поселок Хатанга Новосибирской области. Туда был эвакуирован лесной техникум. Там он работал учителем истории. В Хатанге жилось тоже тяжело, все переболели цингой. По состоянию здоровья моей мамы им разрешили уехать и поселиться в поселке Шушинском Красноярского края. В 1946 году родились в их семье две дочери – Наташа и Светлана, а в 1948 году – дочь Ольга. В этом же году семье дали возможность выехать на малую родину отца в Муромский район Владимирской области. За ним наша семья переезжала в поселок Степанцево. Там отец работал директором школы, мама – библиотекарем. Жизнь по немного стала налаживаться. Подрастали дети. Никто не ожидал беды.

1 августа 1950 года наш отец, Волков Василий Иванович, утром рано брился, собираясь на августовскую конференцию учителей. Бабушка топила печь. Галя ей помогала. А мама чистила грибы. Она сидела на лавке у окна и случайно взглянула в окно. Увидела большую черную тучу и сказала нашей бабушке, чтобы быстрее закрывала печь, идет гроза. И в это самое время очень сильно сверкнула молния, она ударила в лампочку, произошла вспышка, следом сильный грозовой разряд. От испуга у нашей мамы произошла остановка сердца. Мы дети находились рядом, сидели на кровати, и это все происходило на наших глазах. Из комнаты на кухню выбежал отец, его откинуло от лампочки, где он брился. Бабушку у печки обожгло огнем, она обернулась в сторону мамы, которая медленно сползала с лавки. Она увидела сильную вспышку, как в блокадном Ленинграде, когда сбрасывала зажигательные бомбы с крыши дома, где жили и ее сердце не выдержало. Их дом находился недалеко от Невского проспекта, а это центр Ленинграда, его бомбили особенно часто. На тот момент моей маме было 23 года. Наша бабушка Елизавета Дмитриевна не спела ни одной песни и глаза ее были очень добрые и очень грустные всегда. Умерла бабушка 2 ноября 1975 года.

В 1953 году отца Волкова Василия Ивановича перевели в деревню Холуй. Он работал заведующим учебной частью и вел уроки истории. Всю свою жизнь он был нам, и за отца, и за мать. Умер 31 марта 2000 года в возрасте 79 лет. Вот такая история нашей семьи.

Герасимова Фаина Павловна

**Родилась 17 февраля 1937 в селе Болхуны
Владимировского района Сталинградской области
(ныне Ахтубинский район Астраханской области)**

22 июня 1941г года – начало Великой Отечественной войны. Детская память все запечатлела в мои 3,5 года жизни. Стук, звон каких-то предметов, крики по всему селу: война, война, началась война. Вскоре началась мобилизация жителей на фронт. Снова крики, плачь женщин детей. Провожали отцов, братьев, сестёр. К селу велись несколько дорог, но на фронт провожали только по одной дороге, мимо кладбища. За провожаемыми бежали дети, падали, вставали, громко плакали. Этого никогда не забыть. Из моей семьи взяли отца, трёх братьев. Проводы обязательно сопровождались игрой на гармошке через плач и слёзы. Вскоре в село пошли «похоронки». И снова слёзы, крики. Их читали и оплакивали всем селом. Мужчин в селе осталось всё меньше, село как бы вымирало. Никаких радостей.

Город Волгоград (Сталинград) в 200 км от моей малой родины. Мы знали, что там идут бои. Со слов слышали, что «горит» река Волга, пароходы, рельсы, вагоны. Все страшнее было жить. Самолёты бомбили город Сталинград, летали они и через наше село. До сих пор представляю самолёты с чёрными крестами. Увидев их, тут же падали на землю, как взрослые, так и дети. Никогда этого не забыть. Одна из немецких бомб была брошена на сельский клуб. Здание совсем разрушено. Жить становилось все труднее и тревожнее, с обеспечением продуктами все беднее. Жизнь как бы остановилась.

В 1944-м году я пошла в школу местную на учёбу в первый класс. Одежды, обуви, книг, тетрадей нет. Писали на старых пожелтевших газетах, чернила-мутная водичка из печной сажи. В школе очень холодно. Появились беженцы голодные, раздетые. Стали в селе пропадать кошки, собаки. Их съедало

прибывшее население. Съедали всех степных зверьков-тушканчиков, сусликов, мышей. От голода появлялись отекавшие, умершие.

Зимы 1941-1945 годов были очень холодные. Появлялись на улице и трупы замёрзших. Эти тяжелые, холодные и голодные годы до сих пор перед глазами, их невозможно вывести из памяти.

Через наше село пошли, именно пошли, пленные в рванье, на головах какие-то тряпки, на ногах очень рваная обувь. Жалко было на них смотреть. Это вызвало жалость.

9 мая 1945 года – День Победы: раннее солнечное утро, в селе затишье и вдруг сообщение об окончании войны. Первые слова об окончании войны, о победе были произнесены мальчиком (лет 10-12). Он с мамой жил в одном доме с правлением колхоза. Связь телефонная находилась в этом правлении. Все выходили, выбегали из дворов, домов с криками: «Ура! Ура! Война окончена! Победа!». Летели в воздух шапки, непонятные предметы. Вскоре митинг на площади провела администрация села и колхоза.

С войны папа вернулся очень больным, один из братьев погиб в первые дни войны. Второй, в городе Севастополе тяжелораненым попал в плен немцам, прошел концлагерь. Третий брат вернулся раненым. Более 50% односельчан не вернулись с войны. Было много инвалидов.

Войны нам не нужно. «Дети войны» прожили эти годы, годы без детства, здоровье потеряно.

Григорьева Галина Борисовна

Родилась 10 октября 1937 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Григорьева Галина Борисовна (в девичестве Павлова), родилась в Ленинграде 10 октября 1937 года. Проживали мы в двухэтажном доме на первом этаже на Ярославском проспекте Сталинского района. У нас была двухкомнатная квартира и большая кухня с плитой, которую топили дровами и углем. Жили мы, получается за Смольным в сторону Выборга. Где работал папа, я не знаю, но у него в квартире был свой кабинет. Жили мы хорошо.

Своих бабушек я не помню и не знаю, маму и папу я знаю, но описать сложно. Мама была темноволосой, а папа был русым.

Начало войны я помню. Был такой двухэтажный автобус, мы ездили на нем за водой в центр, мать возила. Где мы жили, петухи еще бегали поначалу, колонка тоже была. Потом, конечно, петухов не стало, всех быстро съели. У нас бомбоубежище рядом было. Там то ли склад был, то ли еще что-то. Мы туда бегали, когда была воздушная тревога. Мы же детьми были, и поэтому всякие стеклышки брали и игрушки брали.

Когда война началась, мы этого еще не ощущали сразу. Ощутили уже где-то осенью 1941-го, когда бомбежки стали регулярными, когда еды не было. Папа с первых дней ушел на фронт. Помню, сухари сушили в коробке, и когда отец на фронт ушел, мать отдала ему эту коробку с сухарями. Но новый год мы встречали. Около окошка в маленькой комнате рядом с кабинетом отца, у нас там елка стояла. Я зажигала свечки и себе обожгла палец, бинт загорелся. Рёву было!...

К нам приехала мамина сестра. Я ее звала мама Вера. Начались холода. Топили немного и только на кухне. Мама Вера очень болела, она лежала на кухне, у нее были пролежни. Начался голод, жарили лепешки из травы. Так как мама Вера ничего не ела, я потихоньку ее лепешки съедала. Вскоре мама

Вера умерла, но я не помню, чтобы ее хоронили. Она лежала на кухне, завернутая в простынь под столом.

Помню холод, голод. Питались мы очень плохо, даже траву всю съели. Вроде бы даже человеческое мясо было... Один раз мама куда-то пошла и пропала. Потом пришел милиционер, и меня сдали в детский дом – приемник. Это был 1941 год, а мне было всего 4 года. В детском приемнике, помню, нам надели белые платочки и сказали: «Кто хочет уехать, встаньте в строй!» В большом помещении нас хотели покормить, но началась бомбежка, посыпались на нас стекла, началась паника, мы все кричали и плакали. Когда мы в приемнике были, очень много бомбили. До сих пор не забуду, какая тогда была воздушная тревога. В другой раз уже сейчас здесь где-то начинают гудеть, а мне напоминает воздушную тревогу.

В 1942 году нас посадили в поезд, чтобы эвакуировать, еще не совсем ведь дорога была закрыта. Детей много, все голодные, нам дали в тарелках суп. Но, как только вагон тронулся, у меня тарелка с супом упала и разбилась. Я заплакала, мне очень хотелось покушать, но мне больше ничего не дали, только стакан компота. Потом я, конечно, не помню, куда нас привезли. Там же в Ленинграде, что-то такое было стеклянное, светлое, нас детей туда отвели вроде покормить, и началась бомбежка. Мне трудно вспоминать и говорить об этом, я вообще не люблю вспоминать этот промежуток военный, потому что всегда очень трудно.

Как нас везли, не помню. Только помню, что поезд бомбили, и еще на какой-то станции нас привели в большой зал, где были накрыты столы с очень душистой картошкой-пюре. Позже я узнала, что это было во Мстёре. Нас там очень хорошо накормили, но после этого многие заболели. Я тоже болела очень долго, думала, что умру. Меня, конечно, вывели и потом в Шую отправили в детский санаторный дом. А из Шуи, когда я немного окрепла, привезли в село Сокольское в детский дом. Там я прожила до лета 1948 года, а затем нас четырех человек отправили в г. Кинешма в специализирован-

ный детский дом, где жили эвакуированные дети из Ленинграда. Там я жила до 1953 года. Сокольское это село такое на Волге, Кинешма тоже на Волге.

В столько детских домах я была в течение 11 лет! Когда уже мы в детдом попали, очень хотелось материнской ласки. Об отце я точно так ничего и не знаю. Писала я в Подольск, в архив, через 7 месяцев мне пришел ответ, сообщили, что он пропал без вести, потому что в войну многие пропадали без вести, хоть и на фронте были. Правда после я получала письмо из Иванова, что мои родители в действительности погибли. Была у них какая-то информация на этот счет.

Помню, как на Волге росла, как в Волге купалась, переплывала ее. Тогда она не была очень широкая, но была очень опасной, у нее были воронки. Потом к нам приехала немка Роза, тоже в детском доме была. Помню, я в воронку в Волге попала, и Роза меня спасла, вытолкнула оттуда. А я очень любила купаться, по-разному, сейчас уже устарела. В детдоме нас кормили хорошо, говорить нечего. Но хлеб мы прятали, замораживали зимой, а потом ели. Нам казалось, что у нас его отбирают. Любила очень собак, лошадей, дружила с овчарками. Также мы в детстве играли в казаки-разбойники, в чижику – игру, похожую на лапту; любили бегать, играть, прятаться.

Кончала я школу в Кинешме, тогда было 7 классов. До десятого класса в детском доме никого почти не держали, сейчас классов 9, а раньше было 7. А затем меня трудоустроили на Красноволжский комбинат там же в Кинешме. На комбинате, значит, там отделочная фабрика, прядильная и ткацкая. В 15 лет я пошла работать, вывели уже из детского дома. В техническое училище я не попала по глазам, зрение было немного слабовато, поэтому не прошла, пошла работать. Сначала в прядильной работала, потом в отделочный пошла, где уже отбеливали ткани, в лаборатории работала там. На заводе много отработала, а всего 53 года я отработала вообще.

В 1956 году уехала в город Норильск, где работала в шахте. Там я вышла замуж. Муж мой в Норильск после армии

поехал, в то время там были заключенные по 58 статье, политические были. Работали мы вместе в шахте, на руднике, было интересно. Я там прожила 3 года с лишним.

Так как муж был из Владимира, мы переехали сюда. Валентина, дочь, уже здесь родилась, во Владимире. Приехали сюда, была маленькая дочка, оставляла ее со свекровью, потом пошла работать в торговле. Ну, в торговле работать неинтересно, поэтому устроилась работать на Завод «Точмаш», на заводе отработала с лишком 40 лет. Работала в разных категориях, работала и станочнице, и на вакуумной установке, работала и завхозом. Ну, в общем вот такая жизнь у меня.

Во Владимир я приехала в 1960 году, город мне тогда не понравился. Во-первых, мне не понравился народ, народ очень грубый такой был, потом стала привыкать. И теперь, вроде, лучше Владимира и нет, уже тут все свое. Я вышла замуж в 1957 году, когда мне было 20 лет, и вот в 1960 я приехала во Владимир. Дочь я родила на 22 году.

Я никак не поддерживаю связь с людьми, с которыми была в детском доме, потому что все разъехались по разным углам. Кто-то в Кинешме остался работать. Вот, например, мальчишки там остались, они были мастерами, помощниками мастеров, окончили ремесленное училище. Одна из детдома жила недалеко, но мы так и не увиделись, она умерла, встретиться нам с ней так и не пришлось, только созванивались. Она увидела, что книжку напечатали 1 и 2 том сборника «Страницы блокадного детства», и вот там она увидела меня и позвонила. Алевтина Сергеевна Борисова очень много помогала, она нас и свела, телефон нам дала, но увидеться нам не пришлось. Она упала, и у нее, видно, шейка бедра была сломана.

Когда мы приехали во Владимир, мы жили, на Верхней Калининской. Нас дровами снабжали. Там сейчас муромская дорога и мост в Загородный парк. А на нашей Нижней Калининской сейчас стоит только розовый дом железнодорожников. Дома наши старые уже сломали, наверху был сад 16 республик, сейчас он называется по-другому. Мы жили

внизу, а на горе был теперешний Патриарший сад. Троллейбусы ходили 5, 6, автобусы ходили, комсомольский парк был, рынок был. На одном рынке продавали молоко, на другом зелень, фрукты.

Мы ездили с мужем в 1958 году в Ленинград, ощущения были тяжелые: стены черные, дома были не очень, обломы и обвалы были, а вот были 2 года тому назад, уже город отличается по-другому, старый Невский проспект, Смольный, все осталось. Но не пришлось как-то все обойти, потому что мы с группой ходили. Но сбылась мечта побывать на Авроре. Аврора стояла там, уже отремонтированная, нас там водили там, рассказывали, очень интересно. Ездили мы конечно и туда, где все ленинградцы похоронены, на Пискаревское кладбище.

В молодости, когда я разыскивала своих родителей, искала свой старый дом. У нас еще был старший по дому, домком Спицын, но никого не осталось. Дом разбомбили. Были на месте дома: вот тут стоял наш дом, тут дорога, а там лес. А дома и нет, по всей вероятности, разбомбили. Впрочем, я и не искала сильно, на все нужны были деньги. Тогда не было такой возможности, зарплата у нас тогда была 300 рублей, это на старые деньги, сейчас это «3 рубля».

Позднее уже тут во Владимире мы довольно много общались с жителями блокадного Ленинграда. Алевтина Сергеевна нас тут как-то всех сплотила. В 1996 году мне прислали знак Блокады Ленинграда. До 90-х годов нас, детей войны, мало принимали во внимание. Т. к. было еще много ветеранов и участников войны.

Как я говорила, я много в своей жизни работала, и мой трудовой стаж – 53 года. Больше 40 лет из них проработала на владимирском Заводе «Точмаш». Я считаю, очень важно в жизни не лениться. Только труд и упорство помогают преодолеть жизненные испытания. Сейчас, хотя я на пенсии, продолжаю общественную деятельность на заводе – в Совете ветеранов завода, где, работая с пенсионерами – ветеранами, стараемся

всегда прийти на помощь оказать поддержку нуждающимся. Пенсия у меня хорошая, сама сейчас инвалид 1 группы.

Сейчас, когда езжу по Владимиру, много каких мест не узнаю. Я уже 2 года не хожу никуда. К сожалению, когда со мной случилась беда, потеряла сознание, я глаз повредила. Сейчас за эти 2 года Владимир очень разросся, очень много улиц незнакомых. Но город хорошеет, приятно смотреть.

Гусаков Василий Дмитриевич

Родился в 1924 году

Исполняя просьбу, ну, чтобы вам было ясно, что это не одна баба рассказала, я приведу свою, так сказать, боевую характеристику.

Гусаков Василий Дмитриевич, ну сейчас я полковник в отставке, 1924 года рождения. «Член ВЛКСМ, образование 10 классов, в партизанском отряде состоит с 12 мая 1942 года. Дисциплинирован, в бою смел и решительный, на местности ориентируется быстро. Товарищ Гусаков много предоставлял разведывательных данных о расположении гарнизонного противника и баз его, все эти сведения направлялись в западный штаб партизанского движения, ну а дальше там уже непосредственно в генштаб. Товарищ Гусаков принимал активное участие в боевых операциях и засадах, имеет на своем счету спущенный немецкий пояс, это попутно, и под откос 2 их грузовые машины. Товарищ Гусаков как лучший разведчик отряда награжден Орденом Красной Звезды в 1943 году. Дважды Гусаков является вполне возможно использованным разведчиком у противника». Подписал командир партизанского отряда Лысенко, в армии майор Лысенко, подпись товарища Лысенка удовлетворяет НКБ КГБшниками.

Так, ну, эту информацию я выдал, чтобы вы знали, что это вам не одна мама рассказала, а человек, который действительно участвовал в войне. После войны я окончил училище, летал на истребителе, на английских, на 12 типах истребителей. Что еще сказать? Может у вас вопросы, чем запомнились военные годы. Ну, я думаю, тут понятно, чем запомнились. Очень тяжелые времена были. И как ответ на вопрос «Какие эмоции вы испытывали?» можно ответить – «никакие» эмоции. Причем эмоции – слово такое... Мы испытывал страдания, самые сильнейшие. И в самых сильных моих воспоминаниях хорошего, конечно, мало. Иметь такие воспоминания не дай Бог никому. И далее на вопрос «Что вы хотите пожелать

будущему поколению?», хочу пожелать нашему будущему поколению, чтобы учили нашу историю и сохранили нашу великую Россию от всяких завоеваний.

Вот, например, дело было в селе Каминске Сурожского района Брянской области. В этом селе раньше было больше, чем тысяча человек. А когда я родился и жил было 76 дворов. Так вот из этих 76 дворов были 16 человек расстреляны немцами, 15 человек погибли на фронте, 35 человек были на фронте, 41 человек воевали в партизанских отрядах. 22 человека воевали на фронте и остались живы, это их 35 человек. Короче, 114 человек, 76 дворов. Такого села уже не существует, и памяти о людях, которые воевали, не сохранилось. А следовало бы помнить, хотя бы поставить какую-нибудь плиту бетонную от старого дома и перечислить этих людей.

Надо помнить свою историю и сохранять памятники. Чтобы никогда впредь такой беды не было!

Гуськов Юрий Михайлович (Барышев Юрий Савельевич)

**Родился 03 января 1940 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Гуськов Юрий Михайлович (Барышев Юрий Савельевич), родился 03.01.1940 г. в г. Ленинграде, в Петродворцовом районе. Отец, Барышев Савелий Егорович, военный офицер, служил в Кронштадте. Мама – Павлова Александра Ильинична. До февраля 1942 года мы жили в Ленинграде.

Последние дни жизни моей мамы – в блокаде. Отец пришел навестить нас с мамой, принес какую-то еду, в основном столярный клей, который употребляли в пищу. Он увидел мертвую маму и меня, ползающего по ней, и принял какие-то меры. Написал мои данные и повесил их мне на шею. Тогда меня эвакуировали с другими детьми. Но я этого не помню.

Мои воспоминания начинаются с детского дома в г. Вязники, в то время Ивановской области. Самое большое воспоминание – это постоянное чувство голода. От нас прятали все отходы, но мы их откапывали и ели. За это нас ругали, но мы все равно это делали. Нас все жалели. В 1948 году меня усыновил Гуськов Михаил Иванович и Гуськова Валентина Ивановна. Они были простые люди, шофер и продавец. Я им очень благодарен. В настоящее время проживаю в городе Владимире, ул. Университетская, 9/127. У меня дочь и сын, пять внуков. Я окончил военное училище лётчиков. Служил в различных гарнизонах. В 1985(86) гг. в Афганистане.

Доронов Рудольф Руфович

Родился 10 января 1942 года в поселке Савино
Савинского района Ивановской области

Крестины

Одно из моих первых детских воспоминаний – крещение. Было мне в ту пору года три с половиной. Война уже закончилась, но жизнь оставалась тяжёлой. Моя мать работала в районной больнице медсестрой и скиталась по частным квартирам. Отец служил с начала войны в Ленинграде и ещё не демобилизовался. Поэтому я почти с рождения жил в деревне у бабушки по матери.

В округе в радиусе километров четырёх стояли три села, но все церкви в них были закрыты. Из-за этого я долго оставался некрещёным, хотя и жил в православной семье.

Однажды летом для деревенских была организована поездка с зерном на мельницу. Действующая мукомольня была не близко – в соседнем районе километрах в двадцати от деревни. Колхоз выделил быка и телегу. Мельница находилась в селе, где была и работающая церковь. С зерном поехал мой дедушка и ещё кто-то из деревенских. Они решили прихватить с собой и некрещёных детишек. Это был я и маленькая, ещё не ходившая девчушка.

Чтобы успеть обернуться за день, выехали чуть свет. Телега скрипела, переваливаясь с боку на бок, подпрыгивала и тряслась на неровностях. Не зря у нас такие телеги называли дрóгами. Бык медленно переступал ногами, непрерывно размахивая хвостом. Монотонное движение и мерное раскачивание бычьего хвоста перед глазами, кажется, сморило меня, и от дороги никаких впечатлений не сохранилось. А может в этом виновато и моё малолетие.

Подъезжали к месту мы уже жарким солнечным днём. Первое впечатление – восторг от увиденного. Белая стройная церковь возвышалась на крутом берегу реки Тезы. Её силуэт ясно отражался в мерно текущей спокойной воде. В тени обрыва

было видно – вода настолько чиста, что хорошо просвечивает дно, хотя глубина была, видимо, немаленькая! Для меня всё было внове – в нашей деревне ни церкви, ни реки не было.

Среди редких кос широкой плоской травы, плавно раскачивающихся в течении реки, были видны рыбы стаи. Мне казалось, что рыбы плавают плашмя – так серебристо-холодно сверкали они в воде своими боками. Я был настолько заворожён этим невиданным зрелищем, что едва не свалился в воду. Меня окликнули и повели в церковь.

Однако, я вырвался из рук и затопал сам впереди всех. Тяжёлые металлические двери церкви были открыты – только что закончилась воскресная служба, но народ уже разошёлся. С любопытством заглянув внутрь, я в мерцающем полумраке разглядел опять же необычное для меня внутреннее убранство.

Высоко вверх уходили этажи икон и красочные росписи, завершавшиеся ослепительным пятном света, льющегося из-под купола. Я загляделся с запрокинутой головой и снова чуть не потерял равновесие.

Взрослые уже тоже входили в проход, и я протопал дальше. Глаза постепенно привыкали к полумраку помещения, освещаемого лишь полупрозрачными зарешечёнными окнами да мерцающим светом ещё непогашенных свечей. Проявился большой блестящий чан на высокой ноге – купель. Возле неё стоял благообразный священник в блестящих одеждах и длинной седоватой бородой.

Первой крестили мою напарницу. Её поставили в купель и несколько раз омыли голову водой. Всё это сопровождалось гудящим песнопением дьякона, перемежаемым распевным речитативом священника. Девчужка отчаянно кричала и захлёбывалась от плача. Сопровождающие терпеливо успокаивали её и, похлопывая по ещё несформировавшемуся детскому задку, вынули из купели и завернули в полотенце.

Со мной всё было гораздо проще. В купель меня не ставили из-за уже великоватых размеров, а лишь, приподняв, наклонили над ней и совершили омовение головы. Прои-

зошла, правда, некоторая заминка с записью в церковной книге. Родители назвали меня модным в то время именем Рудольф. Среди сверстников до сих пор встречаешь Эдуардов, Альбертов, Альфредов и других носителей чужеродных имён. Перелистали святцы и сошлись на церковном имени Руф, тем более, что так звали и моего отца.

Так я стал обладателем на западный манер сразу двух имён, правда нигде одновременно не зарегистрированных.

Взрослые заодно причастились, и мы отправились на мельницу. Там было немало народу и возов, но наши сообразительные селяне не все ходили в церковь, а прежде отрядили гонца на мельницу – занять очередь.

Мужики перетаскивали мешки с зерном в мукомольный зал. Я тоже вошёл по некрутому помосту за ними. Внутри всё было покрыто белой пылью и вкусно пахло тёплой мукой.

Зерно засыпали в большой бункер над мерно со скрежетом вращающимся жёрновом. Оно тонкой струйкой стало стекать в жерло. Жёрнов вращался от толстого деревянного вала, идущего откуда-то сверху. На валу было своеобразное зубчатое колесо в виде толстых, равномерно вбитых по диаметру цилиндров. Второе колесо было скрыто за жерновами.

Вверх к отверстию, через которое проходил вал, вела лестница. Там было какое-то устройство. Мельник постоянно поднимался туда и что-то делал.

От жерновов по лотку толчками стекала белая мука в стоящий внизу мешок. Мельник время от времени поправлял его, чтобы мука не сыпалась мимо.

Помол занял немного времени – зерна-то было всего мешка три-четыре. Пока мы, не торопясь, перекусывали прихваченной с собой снедью, почти всё и закончилось.

Обратный путь помню смутно. Вероятно, я опять всю дорогу спал, утомлённый впечатлениями и долгим монотонным движением. Девчужка тоже вела себя тихо.

Так я стал православным, хотя это не очень-то мне пришло и по жизни я, скорее, атеист.

Никогда более в жизни побывать мне на своей христианской родине, селе Хотимле, не довелось.

P. S. В то время, конечно, я далеко не всё понимал в происходящем и лишь по прошествии времени, вооружённый жизненным опытом, память без моего прямого участия произвела реконструкцию событий.

Весной

Весна быстро набирала обороты. Солнце трудилось на совесть. Снег, напитанный влагой, быстро оседал, хотя оставался ещё по-деревенски чистым.

Между нашим и соседским домом был довольно большой свободный участок. Вдоль него посередине стояли молодые белоствольные берёзы. Завершало строй очень старое дерево. Толстый, не охватить, ствол уходил в землю мощными, кряжистыми корнями и был покрыт на высоту человеческого роста тёмной, изборождённой глубокими трещинами корой. Солнце раскаляло кору, и вокруг ствола образовалась большая, глубокая проталина. С её оплывших краёв стекали сверкающие капли талой воды.

В проталине было видно, как из верхних огородов начала поступать вода. В доме из взрослых была только моя бабушка, ещё далеко не старая женщина. Она работала в колхозе, но по ранней весне работ там было мало, и она зачастую днём занималась домашними делами.

Бабушка достала тяжёлую, вытесанную из целика, берёзовую лопату и занялась водоотводной работой – стала прокапывать в снегу посередине участка вдоль берёз траншею, чтобы не подтопило двор. Я вертелся возле.

Работа была тяжёлая и продвигалась небыстро. Но всё же к обеду траншея вышла на переднюю улицу, и путь для воды был проложен. Под ярким и уже горячим солнцем стенки траншеи быстро подтаивали. На дне прокопа вспухала вода, вздымая остатки снега.

Бабушка проходила вдоль траншеи, продвигая снег к выходу. Я ей старательно помогал. Наконец, вода заструилась по всей длине. Бабушка удовлетворённо оперлась на лопату.

– И-и-и, как журчит, – протянула она.

Мне стало немного жаль её, потому что журчал соседский ручей по другую сторону берёз, а наш был ещё очень слаб. Но я ничего не сказал бабушке, чтобы не расстроить её.

Уже через пару дней вода с огородов пошла широким потоком, со своими звонкими водоворотами и пенными водопадками. К соседскому дому уже было не перебраться. Поток на глазах съедал снег. Промоина, где проступала земля, быстро ширилась. Было видно, как в витых струях шевелились, сплетаясь и расплетаясь, длинные косы прошлогодней жухлой травы. Со двора вышли гуси и с радостным гоготом стали купать в талой воде свои гибкие стройные шеи.

Вода незаметно пошла на убыль. Лёд в пруде, куда она стекала, потемнел, оторвался от берега и стал крошиться на отдельные льдины. Парни и старшие мальчишки, проверяя свою смелость, тешили самолюбие и катались на льдинах, отталкиваясь шестами. Бывало, неустойчивая льдина вставала на ребро, и незадачливый путешественник, оказавшись в воде, с криками и руганью выползал на соседнюю льдину или скользкий илистый берег пруда.

Вода продолжала свой бег из пруда вдоль деревни в поля к неизвестной мне реке, что протекала в соседней деревне километрах в четырёх от нас. Земля на пригорках парила, и уже кое-где обозначилась изумрудная зелень свежей травы. По влажной земле с независимым видом разгуливали грачи, занятые своими весенними хлопотами.

Кряканьем, гоготом, кудахтаньем, хрюканьем, бляением, мычанием и прочими звуками встречала приход весны домашняя живность.

Пасха

Пасха в том году выдалась ранняя – 4-го апреля. Однако и весна не теряла времени – полая вода спала, тропинки окрепли, и на пригорках появились нежные ковры изумрудной травы. Детвора с радостными криками носилась вдоль улицы: мальчишки со звоном катали стальные обручи специальными проволочными крючками, гоняли мячи; девчонки – со скакалками, играли в догоняшки.

Накануне Пасхи под вечер через деревню потянулись богомольцы. Дорога в соседнее село из других деревень проходила поперёк улицы, где стояла кирпичная часовенка. С куполообразной крышей, небольшой главкой и с четырьмя иконами на все стороны света она походила на маленькую церквушку. Проходящие останавливались перед ней и истово крестились.

Посреди деревни возле пруда стоял старый пустой пожарный сарай. Дверей в нём не было, но крыша и бревенчатые стены находились ещё в довольно приличном состоянии. Деревенские парни, среди которых водились и охотники, задумали отметить праздник своеобразным салютом. Они раздобыли обрезок толстой трубы и сделали из него подобие бомбы, начинив её порохом и забив пыжами. Потом развели, ни мало не смущаясь, прямо у стены сарая со стороны пруда, костёр и положили туда эту «бомбу».

Все разбежались по сторонам. Парни посмелее спрятались за угол сарая, остальные – за противоположную стену. Детвора замерла на другом конце пруда, издали наблюдая за происходящим.

Ждали долго – не менее получаса. Смелчаки время от времени выскакивали из-за угла и подкидывали в костёр хворост. Огонь лизал уже стену сарая, и смолистые сухие брёвна стали сочиться чёрным тягучим дымом. По ним временами зигзагами пробегали юркие огоньки. Сарай вот-вот загорится!

Все уже отчаялись. Цепочка прохожих у часовни стала редеть – скоро всеночная. И вдруг на глазах детворы стена сарая беззвучно подпрыгнула. Через мгновение глухой мощ-

ный звук заложил уши, раскатился между дворами и вернулся эхом из ближнего леса. Над кладбищем, что находилось за деревней на полпути к селу, взметнулась тёмная туча грачей и беззвучно (было далеко) закружилась в воздухе. Богомольцы разом повернулись к пруду, испуганно крестясь.

В деревне с минуту стояла звенящая тишина – даже птицы и домашняя живность не издавали ни звука. Наконец, парни опасно выглянули из-за угла, и нарастающей волной по деревне покатился гул ликования. Всё задвигалось и зашумело. Костёр разметало, но сарай уже занялся, и огонь уверенно лизал стену.

Кто-то догадался вызвать пожарных. Приехала конная телега с ручной помпой и тремя мужиками. Мужики споро развернули рукав и запустили его в пруд. Затем двое вскочили с двух сторон на телегу и взялись за насосные траверсы. Раздались хлюпающие звуки и из шланга в руках третьего мужика сначала робко, потом всё увереннее стала фонтанировать вода.

Начавшийся пожар был потушен. Парни и мужики-пожарники уселись в кружок на корточки и затянули сигарки. Оттуда то и дело раздавались взрывы хохота. Спать разбрелись затемно.

На другое утро, после прихода богомольцев из церкви, деревня стала оживать. Кругом – радостные лица и приветствия «Христос воскрес – воистину воскрес!». Дети с радостными возгласами бегали по деревне, обмениваясь крашеными освящёнными яйцами, выпечками и другими деликатесами.

Яйца были окрашены на любой вкус: изумрудные от зелёнки, синие, красные, лиловые от чернил и химических карандашей, однотонные и пёстрые, простые и с рисунками. Все они нещадно пачкали руки, и дети ходили с радужно раскрашенными ладонями.

Взрослые предпочитали не такие яркие, но не пачкающиеся яйца, окрашенные в луковых перьях. Но и эти яйца отличались большим разнообразием расцветки от светло-жёлтых до кофейных.

Ближе к полудню на свежей траве стали организовываться игры. Самая распространенная – на выбивание яиц. Яйца разных владельцев устанавливались в ряд на некотором расстоянии друг от друга (чтобы свободно проходил мяч) остриём к играющим. Претендент на выигрыш становился на проведённой черте и старался мячом выбить понравившееся яйцо из ряда. Если это удавалось, владение трофеем переходило к игроку. Иногда мяч задевал яйцо вскользь, и оно раскручивалось на одном месте. Такое попадание не засчитывалось. Разбившиеся яйца тут же съедались.

Хорошо вкусно поесть после поста!

«Поганник»

Мой дедушка Алексей в свободные зимние вечера занимался плетением корзин. Обеспечивал ими всю округу – и жителей, и колхоз.

Корзины, надо сказать, были знатные, нигде я таких больше не встречал. В ходу были бытовые «верюшки» – круглые корзины с одной ручкой, колхозные – с двумя ручками для полевых работ и сенные – тоже круглые, но без ручек и большие, до метра высоты. В дно сенных корзин вплеталось кольцо и получалось отверстие, которое использовалось для переноски пустой корзины.

Плелись корзины из многолетних сучкастых тальниковых прутьев – «дубцов». Заготавливал их дедушка обычно по осени, и до зимы они стояли в пучках. Зимой с мороза (а зимы тогда были не чета нынешним) дубцы заносились в дом, и комната сразу заполнялась натуральной морозной свежестью и горьковатым запахом тальника.

Дедушка прибавлял свет в семилинейной керосиновой лампе, брал острый складной нож и садился на низенькую скамейку. Он тщательно обрезал остатки сучьев на дубце, пропуская его между ног и начинал ножом щепать его на половины. Дубец с потрескиванием выползал из-под скамейки. Затем скол зачищался и готовый для плетения прут укладывался сбоку.

При плетении дубцы укладывались на ребро сколом внутрь. Каждые один-два ряда простукивались молотком. Ритмичный звук поворачиваемой при плетении корзины, монотонный шорох заплетаемых дубцов и стук молотка до сих пор звучат в моих ушах, стоит только закрыть глаза и представить эту картину. Корзины получались прочные, устойчивые и долговечные. Снаружи они были зеленовато-серыми от тальниковой коры, а изнутри – белыми с прожилками коричневой сердцевины.

Я сидел возле деда и играл обрезками сучков, похожих на башмачки, как солдатиками.

К ужину ставился самовар, здесь же у лежанки. Я любил слушать его сипловатое пение. Нередко укладывался рядом с самоваром на пальтишко и засыпал под его убаюкивающее посапывание.

Однажды под осень дедушка с большой тачкой отправился на заготовку дубцов. Я напросился с ним. Тальник рос в болотце километрах в двух от деревни. Болотце местные называли «Поганником». Наверное, потому, что там в изобилии росли несъедобные грибы – поганки.

Дедушка толкал перед собой тачку, а я семенял рядом, то отставая, то забегая вперёд. Через прогон посреди деревни выехали в поле. Проехали через чавкающую низинку, которая из-за росшего в ней невысокого ивняка называлась «Кустиками». Немного передохнули у часовенки, стоявшей в поле.

Наконец впереди, справа от дороги, затемнели заросли тальника и невысокой ольхи. Оставив тачку у обочины, дедушка углубился в болотце и начал размашисто рубить дубцы тяжёлым, остро отточенным косарём. Он споро обрубал на них сучья и вершинки и складывал в кучу. Я, по мере сил, путаясь между высоких травянистых кочек, волоком перетаскивал дубцы к тачке.

Дубцов было много – многолетние прутья никто в округе больше не использовал, и скоро тачка превратилась в большую ёжиковатую серую копну. Дедушка поправил мою укладку,

уложил остатки, туго – с упором ногой – перевязал прутья толстой верёвкой.

– Вяжи – реви, поезжай – песни пой, – подытожил он, и мы тронулись в обратный путь.

Теперь дедушка с видимым усилием, как бурлак, тянул тачку за собой. Я временами на подъёмах подталкивал тачку сзади. Остановок уже делали гораздо больше, чем по пути к болотцу.

Не знаю почему, но мне чем-то приглянулся этот мрачно-ватый Поганник, и я решил один навеститься туда. Но совсем одному идти как-то не хотелось, и я уговорил соседскую, лет пяти, девчущку Лизку.

И вот мы без тени сомнения направились за деревню. Протопали, наверное, уже половину пути, когда нас нагнал старший брат Лизки, уже отслуживший в армии парень. Кто-то всё-таки видел нас на выходе из деревни. Обошлось без порки, но словесное внушение я получил хорошее.

Довелось побывать мне в Поганнике и зимой, когда мы с дедушкой снова ездили за дубцами, но уже не на тачке, а на «дровешках». Это такие большие «грузовые» санки. Выглядело заснеженное болотце в морозный солнечный денёк куда привлекательнее, чем осенью.

Сейчас за деревней уже нет никаких Кустиков. На месте полевой дороги – шоссе. Да и от самого Поганника не осталось и следа.

По ягоды

В нашей местности почему-то было не принято собирать ягоды, особенно низкорастущие. Хотя иногда взрослые приносили из леса чернику, костянику не только ягодами, но и прямо на веточках. Так что я имел представление, что это такое. Земляника же росла прямо за деревней, по овинам, и я знал её хорошо.

И вот в один из июльских дней (мне было тогда лет шесть) я задумал пойти за черникой. Друзей у меня не было – несколько

мальчишек жило на другом порядке в конце деревни, и из-за удалённости я с ними почти не общался. В двух соседских домах были одни девчонки, и именно они стали моими друзьями детства.

Соседки на мои уговоры сходить в лес не поддались – в прошлом году в том лесу из-за денег застрелили из охотничьего ружья почтальонку. Про это даже была сложена песня на известный мотив. Я решил идти один – может кого встречу «теконцевских» (на том конце деревни, в сторону леса, тоже жили девчонки).

Я взял неудобнейшую посуду – коричневое «обливное» блюдо и такую же кружку и в шортах и сандалиях на босу ногу отправился за добычей.

Пройдя через деревню, я никого из девчонок не встретил. В домах в это время тоже, конечно, никого не было, и я в одиночестве смело вступил в неизвестность.

За деревней был забор из жердей и такие же ворота – от скотины, чтобы не потравить поле. Я приоткрыл скрипучую преграду и вышел в поле. По сторонам пыльной, раскалённой солнцем дороги, так что жар чувствовался даже через подошвы сандалий, рос хилый овёс, расцвеченный яркой, до рези в глазах, желтизной сурепки, по-местному – «жёлтого цвета». В конце поля темнел редкий, малорослый сосняк, за которым в дрожащем мареве синел настоящий крупный лес.

Пройдя через поле, я углубился в сосновый лесок, росший на песчаных увалах. Я шёл по едва видимой тропинке, так как этот путь был короче, чем по дороге. Под ногами потрескивала пересохшая трава, то и дело залезая в просечной рисунок сандалий и больно покаявая ноги. Сухо шуршали невзрачные цветки «кошачьих лапок».

Кое-где попадались полусухие веточки перезрелой мелкой земляники. Она была очень сладкой, но я ни тогда, ни позднее в своей жизни не брал ягоды вперемешку: если землянику, то только её, чернику – тоже отдельно. И никогда не ел, даже для пробы, то, что собирал. Поэтому, съев на ходу несколько

ягод, я не стал задерживаться и продолжал путь через песчаные почти дюны.

Вскоре тропинка вывела меня к стоянке коров, которая в это время дня пустовала. Здесь травы не было вовсе. Над тёмно-зелёными коровьими «блинами» летали большие рыжие мухи. Среди уже высоких сосен были протоптаны десятки глубоких, затейливо переплетающихся тропинок. Я покрутился на месте, выглядывая дорогу. С трудом разглядев её за соседними деревьями, я двинулся по ней дальше.

Наконец, в прогалине между елей я увидел освещённую солнцем зелёную, с ярким голубым отливом поляну. Сердце радостно застучало – черника!

Я вышел на поляну, поставил блюдце и стал собирать ягоды в кружку. Как только кружка наполнилась, я высыпал её в блюдце – оно было ещё неполным. Набрал и высыпал ещё кружку – черника в блюдце лежала горкой.

Я начал уже уставать. Донимали комары, беззастенчиво облепившие голые руки, ноги, лицо. Я с трудом набрал третью кружку ягод и, прижимая блюдце и кружку к животу, пошёл обратно. Идти было неудобно – нельзя было размахивать руками, и я шёл домой гораздо дольше, чем в лес.

За весь поход мне не встретился ни один человек. Я вернулся домой. Бабушка, увидев меня, всплеснула руками.

– Ай да сынок! – воскликнула она.

Затем натолкла мне черники, залила её молоком и дала горбушку свежеспеченного ржаного хлеба. Я с наслаждением поел, довольный забрался на голбец и уснул.

Синюшкино болото

Как-то в конце июля старшие девчонки – моя тётка и соседки – собрались по грибы. Я был их лет на семь-восемь младше, но увязался за ними. Девчонки взяли корзины, я же – небольшую лубянку с одной ручкой. Прихватили также перекусить – хлеб, огурцы, яйца.

Краем поля вышли к небольшому озеру возле леса. Озеро называлось «Палёво». Его заросшие травой болотистые берега были истоптаны скотиной и представляли собой вязкое месиво. Лишь со стороны леса в озеро был удобный песчаный заход. Дно там медленно понижалось, и деревенская ребятня повзрослее (озеро было далековато от деревни) с удовольствием купалась там. Нередко туда ходили и взрослые смыть усталость после трудового дня.

На озере никого не было, и мы решили искупаться – было довольно жарко. Деревенские девчонки летом редко под платьями-юбками носили трусики. Поэтому купались голышом. В отсутствии взрослых это было вполне обычным и естественным и ни малейшей неловкости ни у кого не вызывало. Зато после купания вся одежда оставалась сухой. Мы радостно бросились в воду, поднимая фонтаны брызг – только замелькали белые попы. Недолго поплескавшись, мы оделись и углубились по слабо наезженной дороге в лес. Через какое-то время нашего похода берёзы с правой стороны дороги стали значительно ниже, часто с разнокалиберными пеньками-сломышами. Это место и было нашей целью. Называлось оно Синюшкино болото.

Мы свернули с дороги и углубились в заболоченный кочкарник. Было довольно сухо, и только кое-где под ногами жамкалась вода. На высоких кочах стояли хилые берёзки и сосенки. Раздвинув на кочке траву, я с восторгом увидел там сразу несколько шляпок подберёзовиков. Вытащив один за длинную-предлинную ножку, я разглядел, что шляпка у него почти совершенно белая с голубоватым отливом по краям. Также белая ножка заканчивалась тёмным утолщением с интенсивно синим оттенком. Такая же синева проступала и на сломах берёзовых пеньков. Наверное, поэтому болото и звалось Синюшкиным.

Я очистил ножку от прилипших к ней нитей мха и листьев, отрезал шляпку и опустил ножку и шляпку в корзинку – начало грибной охоты было положено.

Грибов было много. Кроме белоголовых попадались и тёмные, без синевы, подберёзовики-челыши, подосиновики, маслята. Я их все тщательно очищал и отделял шляпки от ножек. Эта техника сбора накрепко засела во мне, и я никогда не кладу в корзину грибы целиком – только очень маленькие. Хотя, если корзина большая, грибы попадают домой настолько плотно слежавшимися, что их приходится извлекать из корзины поштучно.

Первую набранную корзинку я высыпал в большую корзину тётки. У девчонок дело спорилось – чувствовался опыт – и корзины уже часа через полтора были полны.

Мы вышли из болотца на дорогу, выбрали удобный бугорок за ней и уселись передохнуть и перекусить. После хождения по неудобным кочкастым тропинкам было приятно расслабиться. С наслаждением поглотив принесённую снедь, мы улеглись на спины и, закинув руки за головы, стали следить за облаками, быстро меняющими свои причудливые очертания. Девчонки сплетничали.

Лежать на голой земле было не очень-то удобно. Глаза от яркого цвета неба стали слезиться. К тому же хотелось пить – воды-то с собой не захватили. Мы поднялись, побродили по траве под берёзами в поисках ещё кое-где сохранившейся земляники (всё-таки какое ни есть утоление жажды) и, наконец, тронулись в обратный путь.

Дома грибы разобрали и, хотя не терпелось их попробовать, трапеза была отложена до утра. Ведь, кроме печки, никаких средств для готовки не было, а печку топили только с утра именно из-за поварских нужд и скотины.

С утра по дому разлился дразнящий аромат жареных грибов с картошкой. За завтраком все с удовольствием «уминали» их, но мне они не приглянулись и я выбирал из «жарёхи» только картошку.

На жарку грибов было многовато, и часть их, которые помельче, отварили в чугушке с укропом и чесноком. Вот эти грибы пришлись мне по вкусу. Это предпочтение я сохранил

на всю жизнь и всем грибным блюдам предпочитаю отварные и маринованные грибы. Несмотря на это, поход по грибы я воспринимаю как лучший отдых и всегда испытываю при этом большой эмоциональный подъём и азарт.

Дядя

Я был совсем мальцом, когда впервые осознанно узнал о своём родном дяде – Ване. Он был на далёкой и жуткой войне. Иногда от него приходили сложенные треугольником письма или солдатские открытки с рисунками на военную тематику со штампом «проверено военной цензурой». В тексте попадались вымаранные места – цензура не дремала!

Однажды пришло известие, что дядя тяжело ранен и находится на излечении в г. Горьком в госпитале. Один раз навестить его в Горький ездил мой дедушка Алексей с моей матерью Валентиной, но впечатлений об их поездке в их же пересказе у меня по малолетству не сохранилось.

Далёкая война подошла к концу, дядя был жив, но всё не возвращался, хотя его очень ждали. По рассказам помню, что дядю ранило разрывом гранаты, когда он со своим подразделением, преследуя убегающих немцев, вскочил через окно в избу, занятую врагами. А ведь был военфельдшером и мог бы не бросаться впереди всех в пекло! При операции в госпитале из него было извлечено множество осколков.

И вот тёплым апрельским днём дядя неожиданно для меня появился в доме. Чеканно печатая армейскими, слегка скрипящими, сапогами, он вошёл в комнату, которая сразу показалась низкой. Длинная шинель на исхудавшем теле делала его необычно высоким по сравнению с окружающими.

Он первым изо всех выделил меня, подхватил на руки и поднял под потолок. Я радостно взвизгнул, и дядя безраздельно завладел моим сердцем.

Его мать Александра, моя бабушка, ходила за ним, как ни за кем. Те времена были голодными. Мы, детвора, ходили по вязкому прошлогоднему картофельному полю и собирали

вытаявшие с зимы редкие картофелины. Они были мягкие, все покрытые трещинами, через которые выглядывала серовато-белая крахмальная сердцевина. Дома всё принесённое промывали, перетирая руками в воде, процеживали и отстаивали. Затем сливали избыточную воду и из осадка пекли оладьи, добавляя муку и небольшое количество тоже дефицитного молока (ведь на сдачу государству, или, как тогда говорили, «товарищам», молока, масла, мяса и яиц была жёсткая норма). Горячие, шкварчащие оладьи были почти деликатесом, несмотря на гнилостный привкус.

Бабушка для дяди делала необычное блюдо, которое называла «бисквит» – капустные листья, запечённые в тесте с яйцами и на молоке. Дядя делился этой диковинкой со мной. Я семенял «хвостиком» за ним почти всегда, когда он был дома.

Между нашим и соседским дворами стоял ряд молодых стройных берёз. Одна же была очень старая. Она росла на бугре возле верхнего огорода, и там, в затишье, приятно было посидеть на её мощно распластавшихся корнях. Листвы ещё не было, и дядя к моей радости добывал из этой берёзы холодный, сладковатый сок.

Для этого вначале буровом в стволе просверливалось неглубокое глухое отверстие. Затем в него вбивался специально изготовленный в кузнице лоток, свободный конец которого был завёрнут в трубочку. На эту трубочку надевалась горлышком пустая бутылка, куда и стекал сок. Когда соку набиралось до трети бутылки, и он начинал вытекать из неё, бутылка опустошалась – переливалась в большую ёмкость. Мы не только сами лакомились соком, но и приносили домой для всех.

Дома дядя ходил в гражданской одежде, но на выход обычно надевал военную форму с узкими погонами младшего лейтенанта-медика. Он сразу становился строгим и немножко чужим. На правой стороне гимнастёрки эффектно красовались ордена «Красной Звезды» и «Отечественной войны», на левой – медаль «За Победу над Германией». Был у него и штатский

светло-серый в полоску выходной костюм, в котором он тоже гулял, но фронтовые награды при этом перекочёвывали туда.

Однажды, уже в мае, когда деревья покрылись молодыми клейкими изумрудно-зелёными листочками, и берёзы выпустили мягкие желтовато-коричневые серёжки, мы с дядей сидели у берёзы, греясь на солнышке. Дядя читал газету. Потом положил её сложенную рядом, улёгся на спину и мечтательно устремил взгляд в небо. Было тихо. Над нашими головами раздавались звонкие, по-весеннему радостные голоса птиц.

Неожиданно резкий порыв ветра швырнул в воздух лежащую газету. Она толчками стала подниматься вверх, на лету расправляясь в полный лист. Какое-то время длилось ровное сильное дуновение. Газета, сверкая на солнце, поднималась всё выше в сторону соседнего села, становясь едва различимой, пока вовсе не пропала в яркой лазури неба. Такого явления я, пожалуй, больше никогда в жизни не видел. Бывшая неподалёку бабушка суеверно перекрестилась – плохое знамение.

Летом дядя с моей матерью Валентиной ездили к моему отцу, который ещё не вернулся с войны, в Ленинград. Запомнился только с мистическим оттенком рассказ матери, как они растерялись и не могли найти нужное направление.

– Человек, выведи меня отсюда, – произнёс, по словам матери, дядя. И сразу же появившийся прохожий подробно объяснил им, как добраться до Васильевского острова, где в «Крестах» отбывал наказание за какую-то растрату мой отец (он служил на складе химзащиты по причине отсутствия зрения на один глаз и был материально ответственным).

У дяди при операции было удалено несколько рёбер – левый бок представлял сплошную яму. По-видимому, он испытывал сильные боли. К тому же, стало сдавать сердце. К осени дяде Ване стало совсем плохо. Он лежал на кровати, которая толчками вздрагивала, повторяя отчаянные удары его сердца, так что позванивали хромированные шишечки на ней. Боли становились невыносимыми. Дядя просил укол морфия, но сельский фельдшер мог предложить только валерьянку.

Однажды я вошёл в комнату и с опаской и жгучей жалостью поглядел на дядю. Он приподнялся на локте.

– Эх, Рудка, Рудка, вижу тебя, Рудка, ты ещё глуп, – произнёс он на всю жизнь запомнившуюся мне фразу. Я заплакал и выбежал из комнаты.

За два дня до кончины дядя написал стихотворение и просил передать его своей знакомой девушке из Лучкина с просьбой прийти к нему. Однако, она не пришла. Сказали, что её не пустили родители.

Вот какое стихотворение написал мой дядя.

Сугробы жизненных хлопот
И росы тьмы беспросветной.
Я покидаю вас. К чему мне жить? Увы,
Коль умер я давно, и только призрак мой
До сей поры витал в воздухе.
Я в жизни потерял уж всё.
Не для меня горит небесное светило!
Напрасно в тишине искал того,
Чего давно уже постыло.
Луч солнца видел я во тьме
Лишь раз в неделю. Счастье и грёзы,
Когда с Марусей в тишине
Сидели мы под сению берёзы.

Одна ты, милая, мне сердце согревала.
Мечтая о тебе, я только жил.
Всё остальное мне давно уж надоело
И всё давно в могилу я зарыл.

Сегодня вижу я и свой черёд,
В него сойдя уже навечно.
Я телом и душой уж умираю,
Но всё-таки люблю тебя сердечно.

Пусть буду я в могильной тишине –
О многом я просить тебя не стану.
В последний раз ты на свидание ко мне
Приди к предсмертному Солону.

Не всё понятно мне в этой транскрипции, но я воспроизвёл почти дословно запись моей матери.

До сих пор в ушах звучит скорбный, с неповседневным тембром, голос бабушки, каким она рассказывала о смерти сына чужим людям.

– Вздохнул два разка и помер, – говорила она. А было дяде всего-то двадцать два года.

Моя мать работала в посёлке и рассказывала, как, узнав о смерти брата, не чуя ног, почти бежала тридцать километров, отделявших её от деревни, непрерывно рыдая.

– Ву-ву-ву, – дрожащими губами выдыхала она при каждом шаге.

Хотя стоял ещё октябрь, на улице всё было в глубоком снегу. В доме стояла тревожная тишина – готовились к похоронам и поминкам.

Гроб везли на санях. Меня на кладбище не взяли. Младшая сестра Вани, моя тётка Нина, рассказывала, что она сидела на санях, которые на раскатах и колдобинах сильно накренило и заносило, так что однажды гроб едва не свалился – Нина вцепилась в него и навалилась всем телом. Похоронили дядю в соседнем селе Шапкине на кладбище у церкви.

Запомнились поминки с деликатесными по тем временам мясными щами, рисом и «сладкой похлёбкой» (компотом), которую ели ложками из блюда.

На другой год к осени мой дедушка, Алексей Петрович Аксёнов, ладил оградку для Ваниной могилы. Он собирал её на освободившемся после уборки картошки участке у погреба. Вкопал пять столбиков (один для калитки) и сколачивал звенья штакетника Я, конечно, вертелся возле, помогая, чем мог.

– Зачем такая большая оградка? – спросил я.

– А это для меня место, – ответил дедушка.

Его пожелание было исполнено, и через шесть лет дедушку положили рядом с сыном, хотя жили мы в ту пору уже в посёлке, куда после возвращения моего отца перебралась вся семья из деревни вместе с домом, скотиной и скарбом.

Бабушка, Александра Семёновна Аксёнова (Королёва) пережила супруга на тридцать лет, и похоронена на новом кладбище в посёлке. К ней позднее присоединились моя мать Валентина Алексеевна и отец Руф Николаевич.

Велосипед

В тот год лето выдалось жаркое. Да в детстве все летá были жаркие. Или нам так казалось в начале жизни? Пожалуй, нет – так и было. В огородах буйно росли лук и чеснок, морковь и свёкла, огурцы и помидоры. Притом, что никаких удобрений, кроме золы и навоза, а тем более химикатов от всякой напасти типа колорадского жука, фитофтор и прочей нечисти не было и в помине, как и самой нечисти. Да и о парниках-теплицах на селе тогда понятия не имели. Огурцы же солили кадками, а помидоры сначала в сене на сеновалах, а с наступлением холодов – на полатях сохранялись, постепенно убывая, аж до Нового года, а у кого и дольше.

А какие были грозы с тёплыми ядрёными ливнями! И как приятно и радостно нам, детве, было бегать босиком по почти горячей мягкой земле после дождя, а то и прямо под тугими струями!..

В деревне был праздник, кажется даже престольный – Троица. Взрослый люд, вернувшись из церкви и позволив «вина и елея», степенно сидел на завалинках – мужики с цыгарками-самокрутками, а женщины лузгали семечки и, конечно, сплетничали.

Молодёжь кучковалась по концам деревни. Там то и дело вспыхивал смех, взлетали вверх весёлые песни и озорные частушки.

Жил у нас в деревне молодой парень призывного возраста, кажется, Николай. Был он неплохо экипирован – гармонь, велосипед, что вообще-то было редкостью. Хотя, у кого-то была техника и посолидней – наш сосед дядя Гаря, механизатор, имел даже мотоцикл с коляской, но мы на него глядели только со стороны.

А Николай, добрая душа, всегда, казалось, с готовностью катал детей на своём велосипеде. Перепадало такое удовольствие и мне. До сих пор памятно, как Николай лихо съезжал с деревенской торной тропинки на дорогу, всю изъезженную узкими колёсами телег, чтобы перебраться на другую сторону улицы. Велосипед отчаянно прыгал. Я вцеплялся в руль, чтобы заглушить боль от ударов узкой стальной рамы по костлявым ягодицам. Но, когда выезжали на накатанную тропинку, и ветер начинал свистеть в ушах, сердце сладко замирало на спусках, и моей радости не было предела.

Праздник набирал силу. Уже слышалась лёгкая дробь девичьих каблучков в дуэтах с тугими шлепками обуви парней. На утоптанном взгорке начались пляски.

Вдруг стало слышно, как с конца деревни быстро приближается разухабистый голос Колькиной гармони – с другим его спутать было невозможно. Вскоре появился и сам Николай. Он был на велосипеде. Яростно работая педалями, он враскачку мчался по тропинке, одновременно наявивая на гармошке.

Николай нарезал по деревне уже не первый круг. Когда он проезжал мимо нас, мы радостно кричали и какое-то время бежали за ним, но удержаться с ним вровень было невозможно – на велосипеде он был бог.

Неожиданно гармошка Николая смолкла. Там, где он только что мчался по тропинке, раздались крики, смех. Оказывается, парень в азарте наехал на растяпу-гуся. Велосипед перевернулся через руль. Друзья поднимали Николая и его велосипед со смешно скрюченным в “восьмёрку» передним колесом – удар был знатный! Гармонист тупо озирался по сторонам, похоже, с трудом соображая, что произошло. Он едва

держался на ногах от «возлияния», а только что выделял такие цирковые номера! Но пострадала только праздничная рубаха – на велосипедисте ни одной царапины.

Вскоре Николая забрали в армию. Наша семья уехала из деревни, и больше я никогда не видел своего первого велосипедного наставника.

Самостоятельно ездить на велосипеде я научился уже лет в двенадцать, когда отец приобрёл первый наш велосипед «ЗИС». Сначала пытался ездить под рамой (велосипед был мне явно велик), перебирая руками по забору. Затем, потихоньку пересел на раму, а потом и седло. Кстати, велосипед этот жив до сих пор, а прошло уже более полувека. И я, посвятив часть жизни мотоциклу, на склоне лет снова вернулся к старому другу – езжу в загородный сад за пятнадцать километров от владимирского дома.

Лён

Про военные годы у меня, по малолетству, воспоминаний не осталось – только первые послевоенные годы. Жил я в то время в деревне у дедушки с бабушкой. Отца ещё не демобилизовали, а мать работала в детской поликлинике в районном посёлке патронажной сестрой. Хотя она была военнообязанной, но, из-за предстоящего появления на свет меня, её в армию не призвали. От посёлка до деревни было около 30-и км, и виделись мы не часто – транспорт был большой редкостью, и ей приходилось добираться пешком.

С нами жила ещё моя малолетняя (старше меня на 8 лет) тётка Нина, которая училась в школе.

Бабушка работала в колхозе, а дедушка – в обозостроительной артели в соседней деревне, т.е. был рабочим, поэтому меня в колхозный детский сад не приняли. Я был под надзором тётки или соседок-девчонок.

Летом я был постоянно с тёткой, с которой занимался домашними делами. У нас даже была своеобразная скороговорка – дров, воды, картошь, корове. Это значило: принести со

двора дров для печки (топили ежедневно для готовки), воды с колодца-журавля от соседнего дома, картошки из подвала и дополнительного корма корове. Это была сурепка, которая обильно засоряла колхозные поля. За яркое цветение мы её называли «жёлтый цвет». Связывали надёрганный сорняк в два узла («беремья») и, горбясь, тащили в коровий хлев.

Один год мне особенно памятен. Бабушке был выделен для обработки участок, засеянный льном (площадью, наверное, с сотку), а занимались им мы с тёткой. Когда лён подрастал, его за лето пару раз пропалывали от сорняков. Работа была нелёгкой – уставала спина, да и сорняки попадались колючие. В перерывах мы ложились навзничь, смотрели в небо и лакомились сладковатыми жёлто-сиреневыми цветками иван-да-марьи.

Но основная работа начиналась, когда лён созревал. Тогда мы его выдёргивали («имали»), связывали в снопы и устанавливали шалашиками для дозаривания. Бывало, приходилось это делать и в непогоду – вымокали до нитки.

Ни о каких перчатках не было и речи, и от этой работы все руки были в трещинах и занозах. Сказывались, ставшие сухими колючками, бывшие красивыми и сладкими цветки иван-да-марьи (мы их звали «жабрей»). Руки пытались парить с хозяйственным мылом в горячей воде, смазывать дёгтем и тавотом, но это мало помогало – они выглядели ужасно.

Когда лён дозревал, его свозили на ток под крышу (у нас говорили «под ригу»). Теперь там продолжалась наша работа. Головки льна околачивали вальками, похожими на слегка выгнутые разделочные доски прямо в снопах. Образовывались кучки льняного семени с сором. Они совками отправлялись в вёдра а затем на рядом стоящие веялки. Механизмы веялок приводились в движение вращением ручек, как у колодца, и, кому не хватало роста, подставляли ящички. Семя ели горстями.

Околоченные снопы перевозились на пустой луг и растлались в валки (опять нами!) под зиму для созревания

волокна. По весне, когда лён подсыхал, мы вновь собирали его в снопы для отправки на льнозавод.

В уборке льна мне пришлось участвовать и в более позднем возрасте, будучи учащимся техникума и даже в армии. Но тогда уже из процесса была исключена самая неприятная операция – по выдёргиванию льна из земли. Появились льнотеребилки.

Дубинина Анастасия Петровна

Родилась в 1923 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Во Владимир я переехала в 2010 году. До этого времени жила в Санкт-Петербурге, который в годы великой отечественной войны переживал нелегкое время. Несмотря на то, что война давно миновала, все ее ужасы я вспоминаю до сих пор.

Мы жили в Октябрьском районе, по улице Декабристов. Родители рано умерли, мне было 5 лет, и меня воспитывал старший брат, который был старше на 17 лет. Когда началась война, он ушел на фронт, воевал на Ленинградском фронте, защищал город, но был убит. Похоронили его в Синявино, где была братская могила. Я потом ему поставила памятник из нержавеющей стали с блестящим хромом и фотографией. Ленинград того времени не выходит из памяти: голод, болезни, трупы на улицах. Транспорт не ходил, света и воды не было.

В то время было мне 19 лет, пошла работать на завод токарем. Делала снаряды, мины, гранаты. Суточная норма – мины и гранаты по 1500 штук, снаряды (диаметром 500 мм) – 500 штук. Пока не сдана норма, от станка не уйдешь. Когда не стало энергии, крутили шпиндель станка вручную. Работала бригада из трёх девушек-токарей: одна точит деталь, нарезает резьбу, две – крутят рукояткой, дают обороты. Менялись: кому – точить, кому – крутить (тяжело). Когда не успевали, работали до 8 вечера, но норму должны были сделать и сдать мастеру Орлову Михаилу Ивановичу, очень строгий был. Ночевали тут же, на заводе. Уйдем в технический отдел и ложимся прямо на столах, постелив пальтушку. А холодно было. Потом нам дали байковое одеяло, а оно холодное. Умывались утром в туалете.

Раз в две недели отпускали домой помыться, поменять бельё. Утром из дома на работу надо выходить в 6 часов, и два часа идешь пешком под бомбившими самолетами. В 8 часов начало смены, опаздывать нельзя – тут же уволят. Мы

ведь были военнообязанными, на казарменном положении. На заводе кормили: когда жидкой кашей, когда давали суп – маленькую тарелочку, который сварен на одной воде и горсточке пшеничной крупы. А хлеб по виду напоминал глину, а по вкусу – хуже дуранды. А изнемогающие от голода люди сплотились, как могли. Один раз подруга позвала к себе поесть, ее мама приготовила котлеты из картофельных очисток. Так я совсем немного съела и меня вырвало. Настолько вкус был гадкий.

Несмотря на все тяготы, я знала, что мы победим. Эти чувства во мне воспитывал мой старший брат, Фёдор, который погиб на фронте. Когда объявили о снятии блокады, я плакала, радовалась за Россию, которая победила и разбила немцев, значит, и мои гранаты и снаряды, что делала, пригодились. Я преданно всю себя отдавала производству, отработав более 75 лет. Я ведь и уйдя на пенсию, работала. Когда объявили о снятии блокады, был салют, но у нас была смена, и мы смотрели со двора завода. Наш дом не был разрушен, остался цел. Соседи хорошие – я сама человек добрый, ко всем с лаской

А нынешнему поколению хочу сказать: любить надо Родину, как любили мы. И пусть всегда будет мирное небо над вашей головой!

Дубовская Валентина Николаевна

**Родилась 10 августа 1934 года в городе Камешково
Ковровского района Ивановской области (ныне
Камешковский район Владимирской области)**

Я – Дубовская Валентина Николаевна, девичья фамилия – Зубкова, родилась в городе Камешково Владимирской области в 1934 году, 10 августа. В 40-м году отца, Зубкова Николая Михайловича, назначили начальником планового отдела на Гусевском торфопредприятии и мы переехали. Он был коммунистом. Закончил экономическое училище в Сибири и говорил, что оно равносильно институту, образование было хорошее.

Жизнь шла своим чередом, всё было хорошо и прекрасно, а в сорок первом году началась война. Для меня это было не понятно, родители грустили. Собирали пожитки. Я была ещё маленькой и не понимала: почему враг, почему фашист, почему немец... Мне говорили, что советская армия набирает солдат, и мы будем воевать. Моего отца часто забирали и возвращали обратно, так он и остался жив. И это счастье для всей семьи. Жизнь шла своим чередом. На большой политической карте в нашем доме папа отмечал красными флажками ход армии. Всегда, когда наши отступали, это был траур. А если наступали – была радость, было очень трогательно.

В первый день войны отец стал секретарём партийной организации. Всё переменялось. Мы переехали в новое место, где не было ни огорода, ни сада, ничего. Голод. Все ценности отдавали за картошку. Отдали даже самовар, который был ценным для семьи. Съели даже всю траву, которая не горькая была. В сорок втором году всё было раскопано, хотели рассадить какие-то овощи. Всё это было в Гусь-Хрустальном. Отцу давали паёк: хлеб, водку. Водку меняли на рынке на другие принадлежности, чаще всего на мыло. Часто обманывали. Но уже морковка, картошка, свёкла были свои, это спасало.

Были три козы, парное молоко с хлебом на ужин были замечательными. Когда я пошла в первый класс, школа была не достроена, учились на торфяниках среди насекомых. Писали на газетах, книги выдавали на бригаду, учились по очереди. Одежды тоже практически не было. Помню, прикрепили меня к столовой, давали на обед суп, я несла кастрюлю домой. По дороге выпивала, возвращаясь плакала и сознавалась, что еды было больше. Коленьке, брату, было шесть лет, он заболел. Был коклюш и воспаление лёгких, кашель был зверский, но врач спасти не могла.

В 43 году у мамы родился ребенок, и так пошло дальше. В семье было 13 детей. У мамы даже есть медаль «Материнская слава». В школьные годы к нам приходили солдаты, рассказывали, как они борются за Родину, а мы собирали им посылки на фронт. Вязали носки, варежки, носовые платочки, клали маленькие подарочки. Приходил ответ с благодарностью, это было очень приятно и волнительно. Ездили в госпитали, нас кормили там кашей за труд. Время было тяжелое, но всю тягу несли родители, мы еще ничего не понимали, жили своей детской жизнью. На новый год сами делали ёлочные игрушки, пекли простенькие сладости.

Помню, приехала семья Лисицыных из блокадного Ленинграда, они были эвакуированы оттуда. У них была бабушка Ирина, которая учила нас всему: и стихам, и спектаклям, и режиссуре. Мы приглашали родителей и выступали перед ними. Нас учили этикету: как вести себя, как раскладывать приборы на столе. Учили элементарной культуре, потому что родителям этим заниматься было некогда. Когда бабушка Ирина умерла, все сильно плакали, потому что она стала настоящей бабушкой для каждого ребенка. Это благородство. Все жили трудно и бедно, но доброта никуда не пропадала. Когда на посёлок присылали одежду, это была благодать божья. Всё это были мелочи, но, тем не менее, всё это было трогательно.

Когда Красная армия начала продвигаться вперёд, мы все радовались. Со временем в наш посёлок начали пригонять немцев, в баню, мы приходили посмотреть, что же это за люди такие. Толпы женщин нападали на них, трепали за волосы и дрались, хотели отомстить. Разгоняли друг друга. Хоть и враги, но было какое-то чувство порядочности. Иногда немцы делились с нами едой.

Особенно запомнился День Победы. Помню, в полпятого утра папа меня разбудил, говорит: «Вставай! День Победы!» Мы с девчонками оделись как пионеры, взяли тряпки и вымыли все трибуны. Тогда я была ребенком и удивлялась, сколько людей собралось в посёлке. Вино текло рекой, всех угощали, были пирожки, мороженое. Неописуемый праздник. И дети, и взрослые, и старики, и больные, и здоровые, и рыдания, и слёзы, и гармонии, и оркестр! Это была огромнейшая радость.

В пятьдесят третьем году 5 марта умер Сталин. Это была большая трагедия. Все рыдали, плакали, были отменены школьные занятия, мы украшали портреты хвоей. Считали его гением, вождём и были уверены, что только благодаря ему кончилась война. На тот момент я закончила 10 класс и поехала во Владимир. Немецкий язык не стремились учить, потому что это был язык врага. Хорошо сдала экзамены по гуманитарным наукам, а про немецкий язык уговорила, чтобы поставили тройку. Так и получилась, что всю жизнь проработала учителем.

Дядин Иван Андреевич

**Родился в 1923 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

В 1940 году после окончания школы я был призван в Красную Армию и направлен на учёбу в Ленинградское Военно-Морское училище на факультет береговой и палубной артиллерии. Был принят без экзаменов (учли мои успехи в допризывной подготовке и характеристики из школы, а также хорошие знания по математике, что крайне важно для артиллериста).

Началась учеба. И вдруг, 22 июня 1941 года, в воскресенье, в 4 часа утра мы были подняты по сигналу тревоги. Заработала противовоздушная артиллерия, т.к. немецкие самолеты начали наносить бомбовые удары по г. Ораниенбаум, где находились наши казармы. Началась Великая Отечественная Война.

Враг, воспользовавшись внезапностью нападения, вероломно смял наши пограничные заставы и стал быстро продвигаться вглубь страны, стремясь, в первую очередь, захватить Москву и Ленинград. Через три недели враг подошел к границам Ленинграда. На помощь войскам, оборонявшим границы Ленинграда, были брошены курсанты Ленинградских военных училищ. Нашей курсантской роте в 120 человек был отведен участок обороны на рубеже Лужского полигона. 17 июля 1941 г. мы приступили к открытию окопов (каждый для себя). На вооружении имели: малую сапёрную лопатку, винтовку образца 1891 года, по два боекомплекта патронов, по две противотанковые гранаты и по две бутылки с зажигательной смесью. За примитивными нашими инженерными работами наблюдал вражеский самолет – разведчик – Фоке Вульф 189. Не успели мы как следует окопаться (а что можно сделать малой саперной лопаткой), как уже 18 июля 1941 года налетела вражеская авиация. Стали сбрасывать на нас осколочно-фугасные бомбы со встроенными сиренами и металлические бочки со специальными отверстиями, которые при

подлете издавали душераздирающий визг. Затем пошли танки, за танками – пьяная пехота с автоматами на груди. Завязался упорный, кровопролитный бой, переходящий в рукопашную схватку. Немецкие солдаты боялись рукопашного боя, тем более с матросами, а мы все были в матросской форме. Несколько танков мы подбили, но силы были неравные. От полного истребления нас спасли бойцы Ленинградского народного ополчения. Враг был на нашем участке остановлен и отброшен на исходный рубеж.

Поле боя представляло собой ужасную картину: горящие танки, гарь, копоть, стоны тяжелораненых, трупы наших товарищей вперемешку с трупами немецких солдат, фрагменты человеческих тел, разбросанные при взрыве авиационных бомб и раздавленные гусеницами танков.

Из нашей курсантской роты в 120 человек в живых осталось не более 40. Тех, кто остался в живых, сняли с боевого рубежа и направили в другие военные училища.

Впереди у нашего народа был еще долгий путь от Москвы до Берлина. Но это первое сражение оставило самый неизгладимый след в моей памяти. Мне ему в то время 18 лет.

Ежов Николай Иванович

**Родился 19 декабря 1925 года в деревне Сергиевская
Тотемского уезда Вологодской губернии
(ныне Тарногский район Вологодской области)**

Родился я 19.12.1925 г. в деревне Сергиевская Вологодской области. Отец с группой своих товарищей в 1931 г. уехал в город Ленинград на заработки. После того, как он устроился на работу и получил полуподвальную квартиру, он вызвал нас к себе в город.

В 1933 г. я поступил в школу. Учеба давалась довольно легко. В свободное от учебы время, 2 раза в неделю, в вечернее время, посещал кружок «Юного моряка» во дворце пионеров. Я мечтал стать военным моряком или моряком дальнего плавания, но война прервала все мои мечты и планы.

Немецкая группировка «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Кюхлера 10 июля 1941 г. начала наступление на Ленинград. Имея превосходство в личном составе в 2,4 раза, в артиллерийских орудиях и минометах в 4 раза, в танках 1,2 раза, в самолетах в 9,8 раза над нашими войсками. Противнику, несмотря на ожесточенное сопротивление, удалось захватить города Луга, Гатчина, Ропша, Павловск, Пушкин, Петергоф, Красное Село и 9 сентября 1941 г. город Шлиссельбург на юго-западном берегу озера Ладога. Таким образом, город оказался в жесточайшей, голодной, девятисотдневной блокаде.

8 сентября началась бомбежка и арт. обстрел города. Одним из самых крупных воздушных налетов был 19 сентября 1941 г. В нем участвовало 276 немецких самолетов. В течение дня город бомбили 6 раз. Среди разрушенных предприятий и жилых домов были Бадаевские продовольственные склады. Запасы продовольствия для населения (2 миллиона 887 тысяч человек) и армии на 12 сентября 1941 г. составляли: хлеба, крупы и мяса на 35 дней, жиров на 45 суток, сахара и кондитерских изделий на 60 суток, каменного угля и жидкого топлива до ноября месяца.

Спасать Ленинград Сталин послал Жукова. Прибыв в город 10.09.1941 г., он организовал крепкую оборону. На штурм города немцы пошли в начале сентября 1941 г., но встретив ожесточенное сопротивление и потеряв большое количество личного состава, боевой техники, вынуждены прекратить наступление и с 25 сентября перейти к долговременной обороне, о чем и доложил фельдмаршал Кюхлер Гитлеру. Гитлер пришел в ярость, снял последнего с должности командующего военной группировки «Север» и назначил вместо него фельдмаршала Модоля. Чтобы оправдать как-то провал наступлений, он заявил: «Ленинград вымрет сам, тратить силы на его штурм нет смысла».

Наступила лютая со своими 30-35° морозами зима. Самыми трудными месяцами для населения города стали ноябрь и декабрь 1941 г. Иссякли запасы топлива, прекратилась подача электроэнергии, вышел из строя водопровод, остановились трамваи. Жители города ходили за водой к речке Неве, Фонтанке и другим каналам, топили снег. Началась цинга, дистрофия.

Голод, постоянные артиллерийские обстрелы, бомбежки наносили большие потери населению. Только от голода в ноябре 1941 г. в городе умерло 11 тысяч человек, а в декабре более 53 тысяч. Всего за весь период блокады около 641 тысячи.

По городу было выпущено 150 тысяч артиллерийских снарядов, 105 тысяч зажигательных и более десятка тысяч фугасных бомб. С 20 ноября 1941 г. норма хлеба по карточкам была установлена рабочим 250 грамм, всем остальным по 125 грамм, качество хлеба было очень плохим – одни примеси.

Несмотря на все эти трудности в городе, поддерживался порядок. Ленинград жил, работал, защищался! Работал Путиловский завод, который ремонтировал поврежденную боевую технику, изготавливал и новую: танки, артиллерийские системы, стрелковое оружие, боеприпасы и даже самолеты. Работали больницы, госпиталя, радиоузлы. Почти ежедневно по городскому радио выступала ленинградская поэтесса Ольга Берггольц. В своих стихах она поддерживала жителей города, вселяла в них уверенность победы над врагом.

Руководством города были созданы из молодых девушек, санитарные дружины. В их задачу входила обязанность оказывать медицинскую помощь горожанам, попавшим в беду, находить обессиленных от голода людей и особенно детишек в опустевших квартирах и определять их в медицинские учреждения. Так, например, дружинница Вера Щукина за первую блокадную зиму разыскала в мертвых квартирах и определила детские дома 39 осиротевших детей. Семи из этих ребятишек не удалось установить фамилии и им пришлось дать фамилию В. Щукиной.

Я, отец и две сестры в это время жили в восьмиквартирном двухэтажном деревянном доме в Выборгском районе. Для борьбы с зажигательными немецкими бомбами мы создали группу из четырех таких же мальчишек, как и я. Подготовили все инструменты для тушения бомб: лопаты, багор, топор, щипцы, песок, рукавицы. Изучили методы тушения, немного потренировались в практике тушения бомб. Но, к нашему счастью, наш дом не попал под немецкую бомбежку.

В конце ноября 1941 г. я устроился работать на банно-прачечный комбинат сантехником-водопроводчиком. Наша бригада состояла из трех человек во главе с опытным шестидесятилетним пожилым человеком – нашим начальником. Мы обслуживали одну из действующих бань города: таким образом, я стал рабочим и стал получать рабочую хлебную карточку (250 грамм хлеба).

Положение в городе становилось все хуже и хуже. И тогда командование Ленинградского фронта и руководство города стали искать выход из создавшегося голодного положения и пришли к единственному выводу. Надо проложить дорогу через Ладожское озеро на восточный берег.

20 ноября 1941 г., когда толщина льда на Ладоге стала 18 сантиметров, начальник тыла фронта генерал Ф. Л. Лагунов на машине, рискнул, проехал на другой берег озера, о чем доложил Военному Совету.

22 ноября 1941 г. по следу идущих впереди лошадей с санными, нагруженными продовольствием, пошли машины. До

берега многие не доходили – тонули. Все это движение проходило ночью или при надежной дневной дымовой завесе. Ибо немцы систематически бомбили и обстреливали переправу. Начальником Ледовой дороги «Дороги Жизни» был назначен опытный генерал А. М. Шилов.

К концу декабря 1941 г. завоз продовольствия стал немного превышать расход. Тогда Военный Совет Ленинградского фронта по инициативе члена Военного Совета А. А. Жданова принял решение с 25 декабря 1941 г. рабочим выдавать 350 грамм хлеба и 200 грамм всем остальным. Это были слезы радости и надежды населения города на лучшее. 12.01.1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление, прорвав оборону противника шириной 8-11 километров.

За 18 суток здесь была проложена железная дорога от станции Поляна до города Шлиссельбурга, а также и автодорога. Утром 7 февраля 1943 г. ленинградцы встречали первый поезд с большой земли. В город стало поступать в достатке продовольствие, вооружение, воинские подразделения. Город готовился к решающему прорыву. В конце августа 1942 г. нам предложили эвакуироваться из города.

На работу я ходил через рынок. На Светлановском рынке за хлеб можно купить любое золотое украшение, добротную, модную хорошую одежду. Кто имел хлеб, тот был богачом. А такие люди, к сожалению, были.

Как-то на карточки вместо крупы выдали 100 граммовую пачку легкого табака. Отец и я не курили. Без спроса, без согласия я эту пачку табака хотел обменять на хлеб, но никто не менял. Тогда обменял ее на гармошку (Хромку), за что меня здорово отругали дома. Но играть на ней я так не научился.

Мой отец, старшая сестра и я работали и получали рабочую карточку, по которой давали хлеба 250 грамм в день. В общей сложности мы получали хлеба 750 грамм плюс 125 грамм за младшую сестренку. Это уже хорошо. Отец был хорошим столяром. В свободное время он занимался строительством

мебели. Всегда имел большой запас столярного клея в плитках. Из этого клея, добавляя немного корок хлеба, мы варили суп. По вкусу плохой, но все же пища.

Рано утром 28 августа 1942 г. отец, две сестры и я благополучно под мощной дымовой завесой переправились на катере на восточный берег Ладоги. Здесь нас радушно встретили, накормили борщом и настоящим без примеси черным хлебом. Это было какое-то чудо, блаженство. Я никогда этого счастья забыть не могу.

Затем через город Вологда по реке Сухона мы добрались своей родины, деревня Сергиевская. Через пару недель всех мальчишек призывного возраста, в том числе и меня, направили на лесозаготовку. Дерево тоже было нужно фронту. 9 января 1943 г. я был призван в ряды Советской армии. В Вологде прошел обучение в учебном подразделении, после чего был направлен на второй Прибалтийский фронт, в роту ПТР, рядовым бронебойщиком. Участвовал в боях. С обморожением ног попал в госпиталь легкораненых. Здесь меня сагитировали поступить на учебу в Смоленское артиллерийское училище, которое находилось на Урале, город Ирбит.

После годичного обучения в начале апреля 1945 г. я был вновь направлен на 1-й Белорусский фронт командиром огневого взвода 76 миллиметровых пушек в звании младший лейтенант. Войну закончил в предместьях города Берлина.

14 января 1944 г. войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л. А. Говорова после мощной продолжительной арт- и авиаподготовки перешли в наступление.

15 января 1944 г. Волховский фронт под руководством генерала армии К. А. Мерецкова перешли в наступление, соединились под Ропшей, окружив 18-ю армию, и чуть ранее 12 января 2-й Прибалтийский фронт под руководством генерала армии М. М. Попова, ударили по флангам противника. В результате хорошо организованного взаимодействия трех фронтов и Балтийского флота противник был разгромлен.

Советские войска окружили и уничтожили полностью три дивизии противника, а 26 дивизий понесли потери в живой силе и боевой технике. Немцы были отброшены на 60-100 км. В конце февраля 1944 г. Советские войска вышли к Пскову и острову, где был получен приказ на оборону.

27 января 1944 г. Ленинград был полностью освобожден от 900-дневной блокады. 350 тысяч воинов были награждены орденами и медалями, 226 человек стали Героями Советского Союза. 27 января 1944 г. в честь освобождения Ленинграда был дан салют из 324 орудий, 243 залпа.

После войны до 1952 г. я служил в ГСВГ, затем по замене был направлен в Таджикистан, прослужив 5 лет, был направлен в Узбекистан в арт. полк город Термеза, затем в Казахстан ст. Айна-Булак в 125 гвардейскую зенитно-ракетную бригаду, затем в Туркмению город Мары в Радиотехническую бригаду. Прослужив в Средней Азии более 20 лет, я наконец-то получил назначение по службе в город Владимир на ЦОК РТ войск страны.

В 1976 г. уволился из рядов Советской армии в воинском звании полковник. До 1988 г. работал в Ленинской районной организации общества «Знание» г. Владимира.

После сокращения районной организации встал на учет в организацию «Совет ветеранов» Фрунзенского района. По поручению Совета выступаю с беседами по военно-патриотической тематике в школах и в/ч ЦОК, на призывном пункте и других организациях.

В 1952 г. по замене я из ГОР был направлен для прохождения дальнейшей военной службы в Таджикскую ССР город Сталинабад. Следуя туда, я на несколько дней заехал в Ленинград повидать свою младшую и старшую сестер.

Через день я попытался разыскать своего классного руководителя школы. Нашел. Ольга Васильевна Третьякова, уважаемый и любимый учитель, оказалась жива. Я предложил ей организовать встречу учеников нашего класса. Она

дала согласие. На эту встречу пришли всего 7 человек из 23. Встреча была трогательной, но радостная.

«Но где же мой лучший друг, отличник учебы, Дима Милоченко?» – спросил я Ольгу Васильевну. С большой грустью, со слезами на глазах, она ответила, что Дима Милоченко со своей матерью замерз на ступеньках своего дома, прислонившись, друг к другу. Через два дня я поехал в Таджикистан.

Епанчина Анна Алексеевна

Родилась 8 августа 1913 года в городе Санкт-Петербург

Составлено на основе книги:

А. А. Епанчина «Воспоминания», Муром 2003 г.

Составитель: Е. С. Коншина

С самого рождения (в Петербурге) и до 4 сентября 1941 года я жила в Гатчине, пригороде Петербурга. Дома нашего давно нет, он был разрушен в войну. А тогда был деревянный, двухэтажный, с балконами, башней, ведущей на чердак, интересной постройки с большим крыльцом, с двенадцатью крутыми каменными ступенями из больших камней. (...)

Мой отец Алексей Алексеевич Епанчин работал с 1923 года в Гатчинском Дворце-музее помощником заведующего. (...)

В тридцатые годы я училась в Питере и приезжала в Гатчину лишь ночевать...

В августе 1941 года я была, как я узнала позже, на «лужском направлении». Мы жили уже не дома, а в вырытом на лужайке окопе. (...)

20-го августа началось наступление немцев на Гатчину – артобстрел со свистом, с разрывами, с убитыми и ранеными мирными жителями. Три дня мы всем домом сидели в нашей щели (окопе). Папа заболел там... Там, в щели, и готовили, и ели, и спали, а рядом свистели из дальнобойных и бомбили станции.

20-го августа приехала в окоп и моя сестра – Варя, и все мы находили чудом то, что так неожиданно объединились всей семьей – если б мы предвидели, для чего!

22-го августа перебрались к соседке в дом – за огородом, каменный, и там вместе с хозяйкой и жильцами, 12 дней находились в подвале, в который вела лесенка прямо из большой залы. Выбегали лишь за водой и овощами на огород. Хлеба не было вовсе.

3-го сентября, не вынеся ужасов непрерывных бомбежек и артобстрелов, пошли в Ленинград.

Наш дом, как и почти все дома в Гатчине, был разбит рядами. Мы бросили и потеряли все, и, так как поезда уже не ходили, то шли до станции Ижоры пешком. К счастью, нас подвез военный грузовик. Мы приехали в Ленинград 4-го сентября ночью, на Ковенский (переулок в центре Ленинграда). Там за два месяца (декабрь 1941 – февраль 1942), из десяти человек, собравшихся на квартире у тети Н. Н. Епанчиной, остались в живых сама тетя и я, остальные умерли один за другим...

После ухода с места сражений город нам показался мирным раем.

А с 8-го сентября началась беспрецедентная осада Ленинграда, и постепенно начался голод и бомбежки. Вам расскажут об этих ужасах – тревога по радио, жужжание самолетов, треск зениток, свист и уханье упавшей бомбы, качание соседних домов, убитые засыпанные развалинами люди, разрушенные дома. И так три месяца страшного напряжения нервов, жуткого страха и вздоха облегчения после отбоя.

С 7-го по 15-е октября я работала на окопах за Кировским заводом (...). Вокруг свистели и рвались снаряды – а мы строили «баррикады», чтобы – даже не знаю, как назвать бессмысленность этой работы.

Голод наступал постепенно, но с жуткой, медленной точностью. Мы ездили за город, собирали капусту черную и из-под снега откапывали свекольную ботву. Хлеба получали по 200 гр., затем в столовых начали отрезать крупяные и мясные талоны. Потом, с 13-го ноября, стали срезать и за воду, под названием «суп» – талон на 25 гр., а хлеба получали уже по 125 гр.

В декабре начались сильные морозы, и совершенно прекратились бомбежки. Но голод уже свирепствовал, выдачи прекратились, ели лишь «дуранду» – вроде жмыхи – суп, хлеб, «котлеты», «конфеты», все было одного цвета и вкуса – дуран-

довое. Выдача керосина прекратилась еще в сентябре, а тут замерзла вода, перестали давать электричество, замерзли уборные. Начался повальный мор от «ослабления сердечной деятельности», как писали в актах о смерти, т.е. от голода. Кошек, собак съели всех, начали есть столярный клей, ремни кожаные, олифное масло. На рынке 100 гр. хлеба стоило 35-50 р., за 500 гр. отдавали костюмы, обувь лакированную, беличьи шубы. На рынках шла страшная спекуляция, на улицах и в магазинах хлеб вырывали из рук (так что страшно было ходить за хлебом).

Город, окруженный со всех сторон, умирал с жуткой планомерностью – без света, без горячего, без топлива, без удовольствия, со слабеющими от голода и мрущими людьми – жизнь замирала и останавливалась повсюду.

Трамваи перестали ходить из-за отсутствия энергии, тогда люди стали ходить на работу пешком из одного конца города в другой, но от голода ослабевали страшно быстро, и перестали ходить. От этого, а также от отсутствия топлива, света, воды встали заводы, опустели учреждения, остановились занятия в учебных заведениях.

От чугунок и печек, на которых люди варили жидкие супы и кипятили воду, возникали пожары, но тушить их было нечем, и выгорали целые 6-ти этажные дома.

Мор был такой, что людей хоронили в общих ямах, по несколько тысяч в одной. На улицах вереницами везли покойников на санках в гробах и без гробов, забинтованных как мумии. Масса покойников выбрасывалась прямо на улицы в снег, многих занесло снегом. За водой «бегали» на Неву, черпали ведрами из труб на улицах, топили снег, нечистоты выносили в ведрах и выливали прямо на панели. Дома стояли с выбитыми стеклами, окна заколочены фанерой, трамвайные пути абсолютно занесены снегом. Истощенные люди с черными от печей, чугунок и коптилок, грязными от недостатка воды лицами и руками, как осенние мухи медленно ходят по улицам с тупыми, остановившимися глазами – это надо

видеть, чтобы представить себе осажденный Ленинград. Это был не город, а в полном смысле разлагающийся труп города.

Люди потеряли всякую связь между собой, не могли общаться, и умирали, и безумели от всех этих ужасов в своих комнатах, как в тюрьмах, как в гробах.

В техникуме (музыкальное училище) также все умерло, был лишь мрак и холод, занятий никаких, умерли педагоги – Гефенфинглер (?), Белый (в рукописи автора обе фамилии неразборчиво), ряд служащих, главным образом мужчины умирали.

4-го декабря 1941 г. умер муж двоюродной сестры, 13-го декабря умер папа, 23 декабря – мама, 4-го января 1942 г. – тетя Ната (Наталия Капитоновна Самуйловская – бывшая горничная жила на правах члена семьи), 2-го февраля – сестра, 23-го февраля – двоюродный брат, 24-го февраля – двоюродная сестра, т.е. за два с половиной месяца в нашей квартире умерло семь человек. И это было нормальным, типичным явлением, так было везде.

7-го декабря мы съели нашу собаку ... рыжего умника ... ели целую неделю...

Это было 17-го декабря. Было еще темно, наверное, часов 7 утра, пришла Евгения Платоновна (близкая знакомая) с длинной палкой, на которую опиралась. Мы уложили папу в гроб и повезли пешком на Охтинское кладбище – через весь город от Ковенского переулка (около ул. Знаменской ныне – ул. Восстания) до кладбища на б. Охты. Мы с Варенькой тащили взятые у дворничихи большие салазки, а Евгения Платоновна подталкивала палкой сзади. На гробе лежал еще деревянный крест, кто его сделал – не помню. Пришли к кладбищу, наверное, часов в 10. Обедня в маленькой деревянной церкви кончилась, и из ворот выходила среди немногих молящихся и Верочка Златогорская – гатчинская жительница, знакомая с раннего детства. Мы со слезами расцеловались и, уже вчетвером, пошли проезжей дорогой вокруг кладбища и через сломанный забор пришли к домику

кладбищенского сторожа. Накануне Варенька ходила к нему и сговорила о копании могилы за 200 гр. хлеба. Мы зарыли папу там, закидали могилу мерзлыми комками земли и, также пешком, пошли назад. Придя домой, мы легли на служившие нам с Варенькой постелью, доски красного дерева, закрылись одеялом и долго – долго плакали, зная, что все мы умрем от голода, и что это неизбежно, неминуемо.

А у мамы уже были другие глаза... Когда третьего дня она вернулась с похоронными бумагами, я открыла ей дверь и увидела ее глаза – в них было то острое и неподвижное выражение, которое означало близкую смерть. Она умерла через девять дней после папы, и мы опять с Варенькой свезли ее на Охту, и похоронили в одной могиле с папой (тоже в деревянном гробу) 29-го декабря 1941 года. Когда мы клали маму в гроб, то увидели, что почти все ее руки в мелких склерозных складочках. Вспомнила, как в Гатчине мы играли в 4 руки, и мама, играющая левую партию, переворачивала страницы нот, и я видела ее сморщенный локоть, и ловила ее руку, и целовала сморщенный палец, а затем игра продолжалась. И тут, на Ковенском переулке, в замороженной квартире, в последний раз я поцеловала ее ... прежде чем закрыли маму простыней и гробовой крышкой. А под вечер пришла Марианна, ей было 24 года, и это было последнее свидание с хорошей подругой, другом молодости и веселого общения. В середине февраля я узнала, что и она умерла. Потом мы были на кладбище еще один раз – через две недели умерла Капитоша (Н. К. Самуйловская), и 8-го января 1942 г. мы вдвоем свезли ее опять на Охту (но уже без гроба, завернутую в занавеску), и опять похоронили в той же могиле, где лежали папа и мама. Потом мы отдыхали в домике кладбищенского сторожа – стояли, прижавшись к круглой печке, и грели руки. Сторож сказал: «Ну, теперь похоронили всех старых, а вы – молодые, теперь жить будете». Мы невольно взглянули друг на друга и обе прочли в глазах друг друга: «Кто из нас будет следующий?»... Следующей была Варенька...

Когда мы вышли от сторожа, навстречу нам ехала машина с верхом груженная мертвыми людьми, и наверху лежал труп немолодой женщины, совсем голый, с распущенными длинными седыми волосами – длинные роскошные волосы развивались на ледяном ветру.

30-го января 1942 в магазинах не было так называемого хлеба – неизвестно из чего испеченного, странного вида и цвета, зачем люди стояли длинные очереди. Страшно вспомнить эту ночь с 30 на 31 января – всю ночь напролет я стояла в своем пальто и шубе тети Нины в очереди, а утром меня смяли, уронили, не знаю, как не растоптали насмерть, и хлеба мне не досталось.

Мы с Варенькой спали на постели Шушу (Александра Михайловна Модестова – двоюродная сестре автора воспоминаний, ум. 23-го февраля 1942 года, от голода), а она спала на кушетке напротив. Одеядло казалось неподъемно тяжелым. Спали мы одетые, согревая друг друга. В ночь с первого на второе февраля не помню, что Варенька сказала, но язык ее уже не действовал четко, и я поняла, что это тоже конец. Я обняла ее и крепко прижала к себе. Она хрипела, а я ждала конца со странным чувством. Это не было горе от потери, не было слез, но было какое-то необыкновенное состояние возвышенного спокойствия и молитвенной торжественности, и еще чего-то – даже не знаю чего. Отпустила ее, когда она кончила хрипеть. Хоронила я ее восьмого февраля. Завернула в розовую занавеску (с гатчинского окна). Заворачивала ее, ползая на коленях, так как сил и у самой не было, и обливалась слезами. Везла ее на салазках с сыном дворничихи, мальчиком лет двенадцати, наняла за 200 гр. хлеба. Везли от Ковенского (переулк) до Пискарёвского кладбища – через весь город, не знаю, сколько это верст. По мере приближения к кладбищу все увеличивалось число занесенных снегом холмиков – брошенных трупов. Едва втащила Вареньку в огромный сарай, доверху наполненный трупами, и положила на труп мужчины в одеяле, были видны его ноги в носках. Мы вышли из дома утром, а вернулись вечером.

Сейчас туристы и иностранцы, посещающие знаменитое Пискаревское кладбище, находящееся в идеальном порядке, не могут представить себе, как оно выглядело тогда, в зиму 42-го года: все в глубоком снегу и в бугорках трупов, занесенных снегом. И морозы доходили до – 38-40 градусов.

Не помню, зачем и как я попала на эту улицу, где-то недалеко от Ковенского переулка. Там горел пятиэтажный дом, горел ровным, но сильным огнем. А вокруг, не знаю на чем, сидели неподвижные, закутанные в одеяла поверх одежды, люди, сидели и только грелись. Угол Невского – на снегу лежит женщина, вроде молодая, в зеленом пальто, лежит на спине и стонет. Люди проползают мимо. Может быть у них не было сил ее поднять. Не было их и у меня, и я тоже проползла мимо. На Надеждинской улице стоял ящик с замершим песком, и на нем сидел высокий мужчина – поза была мертвого человека. Около Ковенского переулка на улице лежала девочка, лет 14 (на вид) стриженная наголо, в одной грязной ночной рубашке, босые ноги она на закрывала. Девочка уже закоченела, ее выбросили или с крыльца, или прямо из окна. Город был весь занесен снегом, белым и чистым. Мороз доходил до –36-38 градусов. Было очень тихо: немцы не бомбили, решили, что ленинградцы умрут и без их помощи – от голода и холода. Было ощущение какого-то сюрреализма: это несоответствие страшной картины вокруг белизне снега и звенящей тишине чем-то напоминало картины Брейгеля.

В начале марта 1942 года я эвакуировалась через Ладожское озеро.

Переезд через Ладожское озеро и ночевка в пустой холодной церкви на берегу. Потом жизнь в Костроме, жизнь в Моисей-Алабушках Тамбовской области, потом завод Электростали и, наконец, жизнь в Муроме...

В блокаду умерли все мои, а я осталась, хоть также почти ничего не ела. Вынесла путь из Ленинграда до Костромы, вынесла жизнь в Моисей-Алабушках. Хоть ночевала на крыльце

чьих-то изб, ходила во время работы по 36 вёрст с большими ногами...

Когда в Ленинграде в конце сентября стало очень плохо с едой, и об этом говорили вокруг, помню, я вышла из дома в Ковенском переулке (куда шла и зачем – не помню), и, смотря под ноги, помолилась – «Господи, если нам всем суждено умереть от голода, то пошли мне смерть последней, надо ведь всех похоронить, а я пока могу».

Видно моя молитва была услышана – я отвезла в могилы всех – папу, маму, Капитошу, Вареньку, а сама вот живу и сейчас, в 80 лет, а тогда мне было 27 лет.

(1993 г.)

Анна Алексеевна Епанчина родилась 8 августа 1913 года в Петербурге. Дочь тайного советника Алексея Алексеевича Епанчина (1858-1941) и его второй жены Марии Александровны, урожд. Вереха (1878-1941), выпускницы Императорского Павловского Института.

Педагог-музыковед. Окончила Ленинградскую консерваторию. С 1937 по 1942 работала в Ленинграде, а с 1943 по 1989 – в Муроме. Она основатель, первый директор и преподаватель первой Муромской музыкальной школы, в которой проработала 47 лет.

Скончалась 19 мая 1995 года. В 2003 года решением Совета народных депутатов округа Муром детской музыкальной школе № 1 г. Мурома присвоено имя А. А. Епанчиной.

Ершова Евгения Александровна

Родилась в 1939 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Когда началась война, мне было четыре года, а братику Лёвушке – полтора года. Папа сразу ушел добровольцем на фронт. Маму с ее работы должны были эвакуировать на Урал, но она боялась ехать с нами – такими маленькими детьми. А вскоре мы оба заболели, мама не очень переживала, что мы не уехали. Ведь тогда многие считали, что война скоро кончится. Но уже в сентябре участились бомбежки и обстрелы города, стало плохо с продуктами. Конечно, взрослые все старались отдать детям, чтобы сохранить их здоровье. А сами... Первым умер дедушка. Мама отвезла его на детских саночках на Серафимовское кладбище. В конце зимы умерли бабушка и тетя Женя. Их также похоронили на Серафимовском кладбище. До войны мы жили на шестом этаже. Во время воздушной тревоги надо было спускаться в бомбоубежище. Часто спускаться туда было очень тяжело. Я не вставала, была слабая. Брат научился ходить только в три года. Мы ели лебеду, крапиву, котлеты из картофельных очисток. Есть хотелось все время, но об этом не говорили. Потом мы все трое заболели брюшным тифом. Нас положили в больницу. Тогда попасть в больницу было очень трудно, много болели. Мы были в больнице два месяца, нас хорошо кормили – сахар, масло. Как и все, мы ходили за водой на Неву, освещали жильё коптилкой, топили буржуйку, сжигали все, что может гореть: книги, мебель, разбирали половые дощечки. От блокады осталось впечатление одной сплошной зимы. В 1943 году мы с братиком пошли в детский сад, а мама пошла работать. Однако мы часто болели. Помню, как мы испугались первого самолета, особенно брат. Мы не могли понять, почему не прячемся, когда так быстро стреляют. Многие дети боялись и плакали на салютах. В сентябре пошла в школу. Все были худые. И девочки мечтали, когда будут большие, станут пол-

ными. Из эвакуации стали возвращаться дети. Они поражали своим видом и резкостью движений. Мама вскоре заболела и в 1944 году умерла. Брат долго болел, потом выправился.

Рассказываю обо всем этом молодежи, не знающей войны, жуткой блокады, чтобы они запомнили: радостям сегодняшнего дня они обязаны старшим поколениям, которые не жалели себя во имя нас и нашего будущего.

Мы с братом уцелели, конечно, благодаря самопожертвованию взрослых.

Желтов Альберт Васильевич

Родился в 1939 году в поселке Болдино Собинского района Ивановской области (ныне Петушинский район Владимирской области)

Меня зовут Альберт Васильевич Желтов, 1939 года рождения. Мама работала в школе, была учителем физики и математики, а бабушка вела домашнее хозяйство. Отец до войны работал на железной дороге, потом служил в железнодорожных войсках.

Родился я в посёлке Болдино, там прошло моё детство.

Народ, который жил в Болдино, обязали себе соорудить землянку на случай бомбёжки, так как Болдино находится в 140 километра от Москвы, это была военная зона, самолёты часто летали. А почему-то в народе землянки называли «щели». И помню, это было летом, во время покоса загудел какой-то самолёт и стал очень низко летать. Мама была в школе, а бабушка дома. Бабушка говорит: «Ой-ой-ой, это немцы», и меня потащили в эту «щель», а там же в землянке темно, и я говорю: «Не-не, не пойду в щель», мне никак не хотелось туда идти, но бабушка меня туда силой затащила. Взрывы были, пять бомб бросил немец, но почему он там бросил? У нас Пекша – речка, она от посёлка примерно километр с небольшим, и там железнодорожный мост и стоял воинский эшелон на станции, вот немец видимо этот объект обнаружил.

Ну что ещё было во время войны? День победы очень запомнился.

Утром, помню, проснулись, мама ушла в школу, а бабушка пошла на станцию. Вдруг, через какое-то время бабушка прибегает, такая радостная, говорит «Победа, мы победили немцев, всё закончилось, скоро папа приедет». Она нашла палочку, прикрепила к ней флаг, дала записку и говорит: «Иди к маме, скажешь, что победа и отдашь ей записку». Ну,

я пошёл, по пути встречались люди, а я им кричал: «Победа, победа!». И вот когда подошёл к школе, мне сказали, что мама в учительской. После того как я рассказал, маме и другим учителям о победе, всех школьников собрали во дворе школы и объявили: «Занятий не будет, идите домой, сегодня День Победы, победили немцев, война закончилась». Все радостные дети побежали домой. Вот так мне запомнился ярко День Победы.

Во Владимире я окончил школу семилетнюю с похвальной грамотой, после поступил в авиамеханический техникум, окончил его. В 1958 году поехал по назначению в Ковров, ну, и там до армии работал на Малеевском военном заводе. После служил в Германии, сначала в городе Котбус, а потом в Дрездоне, у нас там был штаб первой гвардейской танковой армии шестой танковой дивизии, и как раз это было 1959-1963 года. И вот в 1961 году начался «Железный занавес», а тогда нас подняли, мы были в районе Потсдама, военных действий не было, а просто мы были наготове. Нас послали с Дрездона, танковая дивизия стояла в Берлине, а у нас был дивизион ракетных снарядов, типа Катюш. Мы там стояли со стрелковым оружием, дивизион стоял тоже в стороне, в лесу, а мы как пехота на всякий случай.

После армии приехал во Владимир, устроился на тракторный завод, там проработал до пенсии и после тоже работал ещё 12 лет, в охране МВД работал, а потом в 27-й ракетной армии 4 года.

Раньше люди добрее были, солдаты очень хорошо относились к детям, у них у самих еды почти не было, а они всё равно делились с нами, да и мы тоже помогали им, иногда залезешь дома подпол, наберёшь картошки и несёшь им.

Завьялова Аза Григорьевна

Родилась 3 ноября 1937 года в городе Кострома

Я, Завьялова Аза Григорьевна (в девичестве Соколова), родилась 3 ноября 1937 года. Мы с мамой Костровой Александрой Ивановной жили в Костроме. Отец Соколов Григорий

Александрович был летчиком. Служба его проходила в Москве на Тушинском аэродроме. Когда у мамы в 1939 году родился мой братик, бабушка Анна Галактионовна, чтобы помочь маме, взяла меня в Ленинград к своей дочери Марии, моей тете и ее мужу Николаю Григорьевичу. С нами жил и сын бабушки костров Михаил Иванович, мой дядя, все любили и баловали меня.

И вот началась война, мы не смогли эвакуироваться. Мужчины сразу же ушли фронт. Дядя Коля только что вернулся с финской войны, дядя Миша ушел защищать Ленинград, и больше мы его не видели. Он пропал без вести.

Когда началась война, мне было три с половиной года, и я могла бы помнить это страшное время, но от голода я умираю, долго и мучительно выживала. Свою беспомощность объясняю тем, что память моя просто выболела. Помню очень редкие моменты. А сейчас я делюсь рассказами моей тетушки Марии Ивановна, которая спасала нас от голодной смерти. Остались мы с бабушкой с единственной нашей кормилицей, две иждивенки – старая и малая. Маруся сразу же устроилась на работу – на судоверфь. Это очень опасный участок Ленинграда, который постоянно подвергался обстрелам. Туда заходили большие и малые суда на ремонт, кратковременный отдых. И частенько (потом все реже) Маруся приносила за пазухой сверточек с картофельными очистками. И тогда у нас был суп. Она рассказывала, что пробегала по берегу около катеров в то время, когда матросы готовили обед. «Вон красивая Маруся бежит» – говорил капитан или боцман: «Дай ей очистки, да положи туда картофелинку».

В начале блокады мы с бабушкой при бомбежке бежали в бомбоубежище. Когда бабушки не было, мое убежище было под столом. Большой дубовый стол (до сих пор жив) с тяжелой скатертью до пола. Я это помню. А бабушка всегда была в поисках еды, стояла в очередях, что-то меняла. Услышала, что в пригороде на полях в ямах закопана капуста, и они с Марусей тоже откапывали, но у них украли рюкзак с уже

выкопанной капустой. Но все же что-то принесли. Капуста была вся в песке, воду очень экономила. И поэтому на дне кастрюли всегда был слой песка. Маруся получала 250 гр. хлеба по карточкам, а мы с бабушкой по иждивенческой карточке по 125 гр. хлеба. Бабушка всегда говорила: «Маня, ешь побольше, если ты умрешь, мы с Азулкой пропадем». Наш скудный паек всегда делился на три части: утром, днем, вечером. Люди, которые съедали паек сразу, иной раз даже не выходя из магазина, не выживали. И этот строгий распорядок нас спасал. Однажды, оставшись одна, я съела весь суп, до дна всю кастрюльку, предназначенную для всех. В моей выболевшей памяти это чувство вины осталось. Маруся рассказывала, как однажды она стояла в очереди в булочную. Очередь стояла на улице, а туда пускали по несколько человек. Когда протягивала карточку, мужчина выхватил из ее рук, но она успела зацепиться руками за его ремень. Так и таскал он ее кричащую по булочной, но на улице, услышав шум, на дверь навалились до прихода милиционера. Так Маруся спасла наш хлеб на целую декаду. Рассказывала, что если бы не ремень, не удержала бы.

За стеной постоянно плакал грудной ребенок, потом как-то пищал, пищал и затих. Умер, но долго еще его держали в кровати, чтобы получать на него хлебную карточку.

Однажды Маруся, уйдя на работу, зачем-то вернулась. И увидела, что соседка тюкает топориком в нашу дверь в месте, где с моей стороны была задвижка или крючок. А дырка была уже не маленькая. «Что ты делаешь?» «Азу твою хочу съесть». Таких, обезумевших от голода, сдавали в «приемник». Так называли ленинградцы диспансеры для дистрофиков с помешательством на почве голода. Туда сдали соседку, у которой отнялись ноги, и она передвигалась на ягодицах, и все время просила у Маруси: «дай лизнуть соли». Но, таким, же образом она ушла из «приемника» и вновь появилась в коммуналке.

Маруся рассказывала, как они с бабушкой решили навестить дядю Маруси. На саночки положили несколько поленьев

и пошли на Васильевский остров. Нашли его лежащим на кровати, замерзшим. В руках держал остаток изжеванного ремня. Сил похоронить не было. Завернули в простыню. Похоронная команда забирала умерших в домах и на улицах. В первую, самую суровую зиму 41-42 годов все подъезды больших домов до самых верхних этажей были забиты трупами. Жители ходили «по черному ходу», так назывались в Петербурге лестницы для прислуги, и до сих пор называются. От дяди они привезли самовар, прямо-таки произведение искусства, медный посеребренный, с медалями. Но нужен он был не своей красотой, а как источник тепла. Немного щепочек, и он уже горячий. На наш самовар собиралась в кружок соседняя детвора. У мальчика, который сидел рядом со мной, на лоб вылезали вши, тоже, наверное, погреться. А я его все отталкивала: «Уходи, у тебя вошки». Этот самовар послужил нам с дочкой и в тяжелые 90-е годы. Мы сдали его в комиссионный магазин на Фонтанке около храма святого Пантелеймона, там было условие, что часть выручки магазина пойдет на ремонт храма. А лет через 15 дочь стала жить в доме, в нескольких шагах от храма.

Маруся ехала в трамвае по мосту (в начале войны они еще ходили) и в соседний вагон попала бомба, и они долго грузили развороченные трупы в подошедшие машины. Домой пришла вся в крови, долго плакала с бабушкой и не могла прийти в себя.

Как-то долго не отоваривали карточки, не было хлеба. Вместо хлеба выдали немного шоколада. Он был круглым, американский или английский. Предупреждали, что надо есть понемногу. Так Маруся нам и выдавала. А сама легла спать и не может уснуть, ведь рядом такой соблазн. Встанет, лизнет, ляжет и опять мучается. И шоколада-то почти меньше не стало, а врачи ее еле спасли. Не для голодных эта еда.

Когда стали ходить самые первые поезда по проложенной ветке через болота, бабушка решила со мной уезжать. Маруся уговаривала ее, говорила, что уже легче стало жить,

и хлеба прибавили. «Нет, надо Азу спасать, мать там с ума сходит». Когда, в какое время, я не знаю. Когда все еще были живы, я не спрашивала. А теперь горько об этом сожалею. По моим подсчетам это был март 43-го года, посадили меня на саночки и повезли на вокзал. Маруся очень плакала и до последней минуты уговаривала бабушку не уезжать. Отъехали мы недалеко, и на Ладоге весь состав встал. Это уже со слов моей мамы. Стояли долго без воды и пищи. Люди, которые выжили в блокаду, стали умирать. А когда состав тронулся, на какой-то станции нас накормили: или тем, что нельзя, или много. Но стали умирать и оставшиеся. Маме рассказывали, что из вагонов выжившими были единицы. Мы с бабушкой оказались в больнице, койки были рядом. Когда я очнулась, увидела, что бабушка накрыта серым одеялом и с головой. Я подумала: «А как же ей дышать?». Это я запомнила и еще большой зал со спинками коек. Поезд дошел до Ярославля. Это родной город бабушки, да и я в нем родилась. Здесь были и родные и знакомые. Видимо, и бабушка успела перед смертью сказать кто мы, и медсестра оказалась маминной знакомой, и имя у меня не часто встречающееся. Или все это вместе помогло известить маму в Костроме, что умерла бабушка и я присмерти. Она, да с малым сынишкой приехала, чтобы забрать меня. Врач сказала, что не надо, она умирает. «Тогда пусть умирает у меня» и забрала меня, почти трупик. Мама робко сказала, что наверное с ними были вещи. «Да, конечно, ответила врач: – «Пойдемте». Они подошли к громадному амбару, медработник отперла замок на воротах, и мама увидела, что он доверху набит чемоданами, узлами, кошелками, баулами. Это были вещи людей, переживших блокаду, но не доехавших до мирной жизни. Я не могла есть, пить, я не могла жить! Как могла мама в такое тяжелое, голодное время отпаивать меня куриным бульоном, не понимаю. И как же я горько каюсь, что так мало спрашивала я об этом у мамы. Она говорила: «Что в тебя вольешь, то и выливается». Выживала я долго и мучительно великими усилиями моей мамы.

Когда я уже стала ходить, приехала вторая моя тетушка Елизавета Ивановна Крупко. Они жили под Рязанью в военном городке. Ее муж был военным и учил молодых воинов вождению танков. Там я окрепла, но все время собирала все на помойке и приносила домой, это я уже помню. Детей я сторонилась. Они играли в разные игры, а я из-за угла поленницы все подглядывала за ними, играть я не умела. Была не разговорчива и никогда не смеялась. Мои родные старались меня растормошить, развеселить. Я не доедала и прятала еду в разные хоронушки. Здесь еще были бомбежки, мы с тетей Лизой бегали прятаться в траншеи, оставив почему-то маленькую, родившуюся Танюшку дома. Так и спасала меня вся моя родня. И как-то уже в мирной, взрослой жизни попались мне стихи Агнии Барто:

Глаза девчонки семилетней
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая детская тоска.
Она молчит, о чем не спросишь,
Пошутишь с ней, молчит в ответ
Как будто ей не семь, не восемь
А много, много горьких лет.

Как будто она меня увидела в те годы.

А потом отвезли меня к маме, к братику в Кострому. Там я его научила собирать морковные «попки», есть и приносить маме. Их много валялось на улицах. Хлеб-то по карточкам, а морковка без карточек растет. Научила есть грибы, которые растут на липах в сквере. Отравились, отлежались в больнице. И больше я ничего не подбирала на улице. Только всегда прятала в хоронушку сладкие гостинцы, которыми баловала нас мама. И не ела. Пока их братик не выклянчил. Да и до сих пор что-то от этого осталось, а у тети Маруси до самой смерти.

В 1945 году я пошла в школу. Еще очень отставала от своих сверстниц, была освобождена от физкультуры. Во время

урока учительница говорила нам, чтобы скрутили кулечки, приходила буфетчица в белой спецовке и раздавала нам по 1 ч. ложке сахарного песка и булочку. Кто ел, макая в сахар, а кто уносил домой, том тоже кому-то. Но я уже стала съедать в школе, так учительница велела. У меня долго был плохой аппетит, до 13 лет. Мама переживала и часто водила меня к врачу.

Как-то она велела мне отоварить хлебную карточку, т.е. получить хлеб по карточке. Показала, какой талон вырежут и выдадут хлеб. Я долго стояла в очереди, подошла женщина. Сказала, что в другом магазине дают белый хлеб. «Пойдем, и домой принесешь белого хлеба». Довела меня до какого-то дома, велела подождать, взяла карточки и ушла в подъезд. Я стояла до темноты и плакала. Так остались мы, на целую декаду, без хлеба. Мама как-то выкручивалась, и мы не голодали.

Я росла, крепла. Появились подружки и целый класс девчонок. Школа все 10 лет учебы была женская. И все во мне проснулось: интерес к жизни, общительность, смешливость. Я на скакалке перепрыгивала всех девчонок и записалась во все мыслимые и немыслимые кружки. Но самое главное увлечение – это самодеятельность: я пела, танцевала, даже в школьном балете «Танец маленьких лебедей», в хоре, ансамбле, художественном чтении.

Ленинградцы рассказывали, что в первые же дни полного снятия блокады стали приносить экспонаты для организации будущего музея. Вещи, письма, записи, дневники, фотографии о жизни города в экстремальных условиях. Но просуществовал он недолго, и по указанию местных властей драгоценные экспонаты были уничтожены. Мне трудно понять, наверное, по каким-то политическим причинам, может многое свидетельствовало о неготовности страны к войне. Об этом свидетельствуют и сборы у населения для госпиталей, для армии теплых вещей, боеприпасов, даже посуды. Люди, ожидавшие скорого окончания войны, скорой победы, от-

давали все теплые вещи. И на фотографиях они не в одежде, а в одеялах, шалях, укутанные во что попало.

Когда заново открылся музей, я, часто бывая в Ленинграде – Петербурге, боялась туда пойти, боялась воспоминаний. И все же в 2013 году с дочерью пошла. Она отговаривала. Но музей был рядом с ее домом и я отважилась. Весь музей был заполнен вооружением нашим и немецким, военная форменная одежда, ордена. Блокадному быту была отведена маленькая загородочка, представляющая убогую бедную комнатку блокадного жителя. А ведь коммуналки состояли из больших, ранее господских комнат, которые трудно было отопить. Нет, ничего житейско-блокадного я там не увидела, кроме рвущих душу объявлений: «Меняю посеребренный самовар на две плитки столярного клея», «Меняю кошку на 10 плиток столярного клея». А кошку свою сами съесть не могли и прокормить не могли. И другие объявления столь же печальные.

Из столярного клея варили как бы кисель, студенистую массу, ведь он варился из костей и был очень вонючим. И был как бы блокадной валютой. А еще дуранда. Это спрессованный в блоки соевый жмых. Подсолнечная дуранда, по рассказам моего мужа, для голодных людей была даже лакомством. Муж жил в глубинке Костромской области в деревне и тоже голодал, был дистрофиком. Когда пилили с матерью дрова, тщательно собирали опилки и подмешивали в хлеб, лепешки. Деревня все отдавала фронту. Но весной, летом кормила земля, лес. А у нас был голый асфальт.

В Ленинград к тетушке я ездила каждый год, а летом на дачу с ней и дядей Колей.

И в Ленинграде окончила библиотечный техникум, потом библиотечный институт, об этой профессии я мечтала со школы. К чтению приучила мама. Несмотря на трудное время, она была великой читательницей, а я поначалу за ней читала ей прочитанные романы.

В Санкт-Петербурге живет семья моей дочери и взрослые внуки. Мой муж военнослужащий и, когда мы приехали во

Владимир, взяли к себе мою 80-летнюю тетушку Марию Ивановну, мою спасительницу. Незабываемо ее трепетное отношение к хлебу, еде. Бросить кусочек хлеба, как предательство, кто-то умер, не имея этого кусочка. Похоронили ее здесь во Владимире с военными почестями, как блокадницу. Ей было 102 года. И все эти 20 лет она вспоминала блокадную жизнь, рассказывала все подробности: работали, жили, умирали, но никогда, ни от кого не слышала слов: «Лучше бы сдаться, лучше бы капитуляция».

Как-то ехала в троллейбусе и предъявила удостоверение «Житель блокадного Ленинграда», тогда для нас проезд был бесплатный. И услышала голос: «Батюшки, динозавры и еще не вымерли». Как пуля в сердце.

Уйдет наше поколение и некому будет рассказать об ужасах войны. Потери гражданского населения составили 1,5 млн. человек и только 3% населения от артобстрелов и бомбежек, остальные от голода и холода.

Даниил Гранин писал: «Для меня подвиг блокадников в том, что выстояли, не капитулировали, не расчеловечились. Это единственный пример во всей второй мировой войне».

Захарова Валерия Константиновна

**Родилась 21 марта 1937 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Захарова Валерия Константиновна, родилась 21 марта 1937 г. Когда началась война, я с бабушкой жила на даче в 180 км от города Ленинграда. С большим трудом уехали мы оттуда и добрались до дома. Отец в то время служил на крейсере «Киров», был дважды ранен.

Мама умерла в 1942 году от голода. Она была похоронена в общей могиле на Пискаревском кладбище. Я ходила в детский сад. Бабушка отказалась от эвакуации, и мы оставались в Ленинграде всю войну. Стекла в квартире были выбиты и заколочены фанерой. В комнате стояла печка-буржуйка. Топили ее чем попало: книгами, мебелью, строительными отходами от разбитых после бомбежек домов.

Все, что можно было продать или обменять на продукты, бабушка унесла из дому. Ближе к концу войны стали получать гуманитарную помощь из Америки: консервы, одежду, детские игрушки и др.

Сильное впечатление произвел День Победы. Салют – много залпов, музыка, объятия незнакомых людей, слезы, поцелуи. Продажа булочек с ванилью. До сих пор для меня ваниль – самый приятный аромат выпечки.

На домах Дворцовой площади были натянуты экраны для демонстрации фильмов. В толпе я все время искала отца в форме, но увидела его только в 1948 году.

В 1944 г. пошла учиться в 1 класс. Обучение было раздельное: школа для мальчиков, школа для девочек.

В большую перемену давали хвойный напиток, рыбий жир и молоко непонятного вкуса, белый хлеб. Как хотелось бы сегодня попробовать спустя столько лет эти продукты, тогда они казались невероятно вкусными и съедобными.

А разрушенные дома в городе восстанавливали пленные немцы.

Зацепина Галина Алексеевна

Родилась в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Наша семья жила на улице Крюков канал (в центре города Ленинграда). Во дворе нашего дома был детский сад, где во время войны располагалась воинская часть. Мы их звали «зенитчики». Рассказываю об этом только лишь потому, что эта воинская часть спасла нас, детей, меня и Юру Минаева из кв. 22. Нас и было-то в подъезде всего двое, Юра под дверью своей квартиры все время кричал: «Дайте хлеба». Этот крик очень запомнился, он громко раздавался на лестничной клетке. Так чем же нас спасали солдаты? У нас с Юрой были котелки, и мы ходили в часть, где нам наливали чечевичной похлебки (запомнилась именно она). Иногда «дяденьки», так мы их называли, давали нам по кусочку сахара. Эти кусочки всегда были в махорке. Это уже был праздник! А хлеба не давали – всё просто – его было мало или не было совсем. Вот эту похлебку мама разбавляла водой, и нам хватало на двоих. Это была еда! Мама была еще физически способна передвигаться, и она была обязана один раз в несколько дней обходить квартиры дома, чтобы знать, кто жив, а кто мертв. Жили мы на кухне, дом наш старинный, окно было забито, но на кухне была плита, на этой плите мы спали, мама ее протапливала. Мама приносила стулья, табуретки, какие-то палки, а на растопку шли книги. Мы никогда не ходили в бомбоубежище, мама всегда говорила: «Умрем, так вместе». Папа служил в одной из частей Ленинграда. Иногда он привозил нам хлеба, но мама давала совсем понемногу и всегда прятала от меня так, что я никогда его не находила, чтобы я не съела хлеб сразу. Могут ли дети блокадного Ленинграда много помнить? Думаю, что нет. Ведь нас не выпускали, мы были очень слабы. Было и другое, но это уже другие эпизоды.

Что преследует меня в последние годы? Это сны! Мама, уходя, всегда закрывала меня дома одну. Я ее всегда ждала

возле двери, на полу. Я очень боялась, что она не вернется. Эти сны очень страшные, я боюсь, бегу за мамой, и меня сковывает страх. Такой страх, что даже трудно дышать. Я называю это блокадным синдромом.

Земскова Валентина Александровна

**Родилась 30 мая 1937 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я родилась 30 мая 1937 года в Ленинграде в простой рабочей семье. Отец мой, Солдатов Яков Дмитриевич, 1902 года рождения, работал на заводе. Он умер 5.01.1942 года от голода. Мать моя, Солдатова Прасковья Андреевна, 1899 года рождения, также работала (не помню, где именно), умерла 6.03.1942 года, также от голода. Брат, Василий Яковлевич, 1922 года рождения, на момент начала блокады учился в школе, забрали его на фронт прямо со школьной скамьи. Он погиб 27 июня 1944 года. Из письма его близкого друга: «Василий погиб 27.06.1944 в 12 часов дня на правом берегу Днепра. Похоронили его в деревне. Мы наспех сделали памятник со звездой из консервной банки и приделали его фото стеклом, с надписью его имени. Погиб он на моих глазах после разрыва снаряда, 15-20 метров отбежал, потом упал и тут же, через несколько минут скончался, осколок попал в левый бок и пробил грудь».

Из моих ранних воспоминаний о Ленинграде я помню постоянную нехватку еды, голод и страх. Постоянная бомбежка, крики людей, паника. Мама до последнего боролась за мою жизнь. Она умерла на моих глазах, я начала кричать и бить в дверь, в комнату вошли люди, положили ее в простынь и зашили ее, мы все вышли на улицу, а люди, стоявшие около грузовика с трупами, просили отдать ее, чтобы съесть. На что главный мужчина сказал: «Подождите, дайте мы ее хотя бы за угол завезем и делаем с ней, что хотите, здесь же ее дочь стоит».

Меня эвакуировали из Ленинграда, из дома 15 по улице Швецова, где жила наша семья. Я попала в детский дом города Суздаля. Удочерила меня 17.04.1943 года одинокая женщина – Шубенкова Татьяна Александровна, жившая в деревне Воронцово Суздальского района. Еще в начале войны ее муж

пропал на фронте, а своих детей она не имела, поэтому и решила взять на удочерение девочку. Работала она в колхозе. Она была хорошей женщиной, и я называла ее мамой. Первое время я все не могла забыть Ленинград и часто вспоминала случившееся. В новой семье я ни в чем не нуждалась. Мы жили вчетвером: я, моя новая мама, ее свекровь и золовка, которая работала директором школы в деревне Старый Двор. Из письма моей приемной мамы к моему брату: «Валечку из детдома я взяла очень слабенькую и болезненную, а теперь ее и не узнаешь, стала такая толстушка, как кубарь. Питание у нас очень хорошее, главное молоко, и у нас его сколько угодно. Аппетит у нее очень хороший. В общем, Валечке у нас очень неплохо, всего у нас в достатке».

Закончила я семь классов и уехала во Владимир, где и до сих пор проживаю. Работала я и почтальоном, и каменщиком на тракторном заводе. Затем устроилась во Владхимзавод, где и проработала до своей пенсии. Замуж я вышла в 22 года за Земкова Николая Васильевича 1939 года рождения, умер в 2005 году. Первого своего сына я назвала в честь своего брата Василием, но он умер в возрасте 3-х месяцев. В 1962 я родила еще одного сына Сергея, который умер в 2009. Теперь из родственников у меня остались сноха, внук, внучка и мой правнук. Других родственников я больше не имею. 19.05.1978 года я подавала объявление в газету о поиске своих родственников, но так и никого не нашла.

Каманина Евдокия Дмитриевна

Родилась 19 августа 1922 года в городе Смоленск

По поручению руководства Ассоциации пенсионеров г. Владимира я навестила блокадницу Ленинграда, жительницу г. Владимира Каманину Евдокию Дмитриевну. Сегодня ей исполнился 91 год. Солидный возраст. Я поздравила ее с днем рождения, вручила коробку конфет. Мы пообщались, вспоминая важные в ее жизни события. Нам помогала дочь Евдокии Дмитриевны – Элеонора Александровна. А важных событий в жизни Е. Д. Каманиной было не мало.

Родилась она в г. Смоленске. Окончила с отличием школу. Приехала в Ленинград, поступила в фармацевтический институт. Жила в общежитии. Изучала новые науки в институте с огромным удовольствием. В свободное от занятий время знакомилась с северной столицей России, ходила в музеи, на выставки, в театры. Прекрасное, счастливейшее время было – конец 30-х годов.

Но в 1941 году началась Великая Отечественная война, фашисты рвались к Ленинграду, ежедневно бомбили город с самолётов. Многие ленинградцы эвакуировались. Предлагали уехать из города и Евдокии Дмитриевне. К тому времени она окончила 2 курса института. Но она осталась, разносила по домам новости, посещала в институте лекции, дежурила по ночам на крышах домов, чтобы погасить фугасы. Стало особенно страшно, когда город оказался в осаде, в фашистской блокаде. К тому времени её эвакуировали в г. Балагое, где она работала в одной из аптек помощником провизора. А когда стала военнообязанной, ее перевели в воинскую часть в госпиталь, где в аптеке она уже самостоятельно готовила лекарства для раненых.

Здесь в госпитале воинской части Евдокия Дмитриевна познакомилась с военнослужащим Александром Каманиным. А в 1946 г. вышла за него замуж. Вместе с мужем жила в гарнизонах Дальнего Востока, Прибалтики, в г. Свердловске.

В семье Каманиных подрастала дочь Элеонора, она после окончания школы училась в институте на химика.

В 1964 г. город Владимир стал последним пристанищем для семьи Каманиных. Александр Михайлович вышел в отставку, а Евдокия Дмитриевна долгое время до ухода на пенсию работала провизором в аптеке № 71 на ул. Горького. Страшная война, жизнь в блокадном Ленинграде все последующие мирные годы живут в ее памяти – иногда четкими эпизодами разных событий того времени, иногда размыты и перемешаны с событиями мирного времени. Анализируя события того времени, Евдокия Дмитриевна говорит себе: «Не представляю, как мы вышли живыми из того ада. И уж если я дожила до 90 лет, я счастливый человек. У меня дочь и уже взрослые внуки, есть правнуки. Господи, сделай, пожалуйста, так, чтобы их жизнь катилась только по мирным рельсам».

Вот такой разговор состоялся у меня 19 августа 2013 г. в день рождения (91 год) с Евдокией Дмитриевной Каманиной, побывавшей в 42 г. в блокадном Ленинграде.

*Л. Е. Синицина,
член Союза журналистов*

Камкина Ксения Александровна

Родилась в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Меня вывезли по «Дороге жизни»

В 92 года Ксения Александровна Камкина сохранила привлекательность и цепкую память на прошлое. И это несмотря на то, что в ее судьбе переплелись блокадный Ленинград и театр, смерть на войне близких родственников и гордость за свое, постепенно уходящее в небытие, поколение.

Юноши моей молодости были большими патриотами, все мечтали стать военными. А ныне призывники любыми путями стараются избежать службы в армии. У многих на уме только деньги, машины, иное барахло. Правда, следует заметить, что отношение к жизни в значительной степени зависит от того, какое воспитание получено в детстве, от родителей...

У Ксении Александровны дед – Иван Александрович – был профессором медицины, отец – Александр Иванович – унаследовал лучшие традиции российских морских офицеров, служил в Севастополе, после убийства Кирова был репрессирован. В семье постоянно ощущался особый дух патриотизма, гордости за родную страну, уважительного отношения к отечественной истории, культуре и литературе.

Война застала Ксению Александровну в Ленинграде. Она тогда работала актрисой в «Реалистическом блокадном театре» – именно так он назывался с лета 1941 года. Театр выступал с постановками на предприятиях перед солдатами, уходящими на фронт. Были актеры и нередкими гостями на передовой. Когда здание театра оказалось разрушенным бомбежкой, когда многие мужчины-актеры умерли от голода, Ксения Александровна участвовала в концертах на кораблях, выезжала и к самой линии фронта.

Как и большинство ленинградцев, Ксения Камкина участвовала в рытье окопов, тушила пожары, подбирала на улицах

раненых. Но больше всего в блокадном Ленинграде, кроме страшного голода, ей запомнились десятки и сотни трупов, заполнивших все пространство, куда только можно было бросить взгляд. До сих пор, вспоминая то тяжелое время, Ксения Александровна не может сдержать слез.

Состояние Ксении Александровны было настолько тяжелым, что были принято решение вывезти ее за пределы города по известной на всю страну «дороге жизни». Ехать пришлось в открытом грузовике, под налетами вражеской авиации. Рядом взрывались снаряды, уходили под лед машины, погибали люди, но Ксении Александровне повезло: ее вывезли в глубокий тыл хоть и тяжело больной, но уцелевшей.

Ксения Александровна достает из альбома фотографию молодой женщины в военной форме. Внимательно смотрит на снимок, задумывается. Затем не спеша начинает говорить:

– Эта моя сестра, Татьяна. Была кандидатом искусствоведческих наук, работала художницей в театре. А во время войны стала санитаркой, спасая раненых в боях воинов. Ее муж в первый день объявления войны ушел на фронт, но вскоре погиб в бою, попав в окружение. И моя сестра сделала все возможное и невозможное, чтобы попасть на передовую и тем самым отомстить за смерть любимого. Так она стала радисткой в танковой бригаде. Боевое крещение приняла на Курской дуге. Позже про это сражение написала в одном из писем матери: «Если и есть ад, то я как раз находилась в центре его».

Сестра Ксении Александровны воевала до самого последнего дня войны. А погибла нелепо. Это случилось 9 мая, буквально за несколько часов до объявления Победы. Вместе с бойцами она попала в окружение и была взята в плен. Фашисты всех увезли в неизвестном направлении. Официально Татьяна считается «пропавшей без вести».

...Ксения Александровна продолжает перебирать довоенные и военные фотографии из альбома. На этих снимках история жизни ее и родных. Последней пристанью ее жизненного пути оказался Владимир. С 1981 года она живет в квартире

одна – муж ее, Рудольф Николаевич Жуков, бывший актер областного драмтеатра, умер от инфаркта. Год назад ушла в мир иной из-за болезни и дочь. Теперь бабушку навещает только внучка.

На прощание задаю Ксении Александровне вопрос о том, как ей в таком возрасте удается сохранять бодрость духа, отличную память и прекрасное зрение.

– Своим духовным и телесным здоровьем я, прежде всего, обязана родительским генам. Родители не баловались вином, любили физический труд и нас, детей. У них была хорошая родословная. Я сама никогда не курила, немного вина употребляла по праздникам. Очень любила возиться с тестом и печь пироги. В доме всегда держала собаку – она была общим другом членов семьи. Из еды обожаю овощи, рыбу, молочные продукты, чай с вареньем. А вообще в питании придерживаюсь принципа: «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить». Поэтому во всем необходима разумная мера. Тогда и думается хорошо, и дышится легче, и желание пожить еще не угасает.

Карманова Зинаида Николаевна

Родилась 11 сентября 1940 года в деревне Гарь-Сога Пошехоно-Володарского района Ярославской области (ныне Пошехонский район Ярославской области)

Я родилась 11 сентября 1940 года, в Ярославской области в деревне Гарь – Сога.

Маму звали – Решетилова Нина Геронтьевна, папу – Решетилев Николай Павлович. У нас была многодетная семья. Я и две старшие сестры. Зоя с 1934 г.р. и Женя с 1936 г.р.

В 1940 г. всей семьей мы переехали жить во Владимир. В 1942 г. по болезни умер папа. Я была очень маленькая и отца совсем не знаю и многое не помню. Остались мы у мамы втроем. Шла война. Мама от завода работала на подсобном хозяйстве. Была беднота и голод. Мы жили в коммуналке и занимали две комнаты. Топить их было не чем, и мы поменялись на однокомнатную.

Так вчетвером мы и ютились в 14 кв. м.

На подсобном хозяйстве мама работала и свиаркой, и в коровнике, и полеводом. На работе маме давали обед. Я с сестрами бегала к ней и голодными глазами смотрели на мать. Она всегда отдавала нам свой обед. Летом ели всю съедобную траву: коклюшка, столбунцы, щавель, дикий лук, сосали дуранду-спрессованный соевый жмых, которым кормили скотину. С сестрами в очередях стояли за мизерной долей хлеба. Помню еще ходила я в круглосуточные ясли. Мама приходила ко мне и кормила меня принесенной едой.

В школу пошла в 1948 году (сейчас на этом месте ветеринарная клиника «Валента»). В 1950 г. Выстроили школу № 21, и я пошла в нее учиться. Портфеля у меня не было, тетради и книжки я заворачивала в красную тряпочку.

Закончила семь классов и в 1957 г. пошла работать на завод Почтовый ящик № 50 (сейчас завод «ТОЧМАШ»). Проработала там контролером ОТК, перевели в штамповку, где была штамповщицей, сверловщицей и токарем-операционник. Вечером бегала в школу рабочей молодежи при заводе. Потом работала два года табильщицей и семь лет в отделе кадров – инспектором. Еще восемь лет проработала запресовщицей и учетчицей.

Стаж работы у меня 30 лет. В 1986 г. ушла на пенсию. С 1991 г. занимаюсь общественной работой в микрорайоне при КТОС № 11

Кийкова Ольга Ивановна

Родилась 30 июля 1930 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Кийкова Ольга Ивановна (Микишанова О. И.) родилась в г. Ленинграде 30 июля 1930 года по адресу Невский район, улица Варфоломеевская, дом 39, квартира 5.

Семья была многодетная, последняя девочка родилась в декабре 1941 года. Отец работал на железной дороге, мать домохозяйка. Старшая сестра с 1919 года работала в литографии с художником Чарушиной. Вторая сестра с 1921 года закончила техникум и перед войной их отправили в город Златоуст обрабатывать диплом. Брат закончил ремесленное училище, его тоже отправили в город Златоуст на военный завод.

Оттуда отправили на фронт. Он дошел до Венгрии кавалеристом. Был ранен, после госпиталя вернулся домой. Меня и брата с 1928 года вывезли со школой за город, в пригород. Младших, сестру пяти лет и брата трех лет, вывезли с детсадом. При том, родителям не сообщили, куда вывозят детей. Когда нас привезли за город, брат с утра каждый день искал младших. Через неделю он их нашел. Одни были в Угловке, вторые в Акуловке. Он мне сказал: «Собирай вещи, ночью мы поедем в Ленинград». Приехали мы в пять часов утра, он рассказал родителям, где находятся наши малыши. Отец попросил старшего брата поехать за младшими. Тот поехал и привез их домой, это был последний поезд. Все места, где мы были, заняли немцы.

В этот день, когда мы приехали домой, объявили карточную систему. Мама в первый день пошла за хлебом, и у нее украли карточки. Она рассказала: «Иду по Бабушкину садику и плачу. Из кустов выходит солдатик и предложил ей солдатских сухарей купить». Она их купила, и мы были спасены. 27 сентября, был праздник «Воздвижение Господне», и в это

утро нашу улицу бомбили. Летели два немецких самолета и стали бомбить. На каждый дом бросали бомбы.

На нашем доме дежурили солдаты с зенитками. Самолеты развернулись и улетели обратно. После бомбежки, не было воды и света. В начале войны, когда объявляли воздушную тревогу, мы бегали в бомбоубежище, а потом стали оставаться дома. Началась холодная зима. 25 февраля умирает отец.

Старшая сестра копает окопы, домой не приходила. Брат с 1928 года работал на военном заводе, там и ночевал. Похоронить отца их отпустили. Зашили его в простынь, без гроба, на одно кладбище привезли, не было места. Похоронили в братской могиле на кладбище «Жертвы 1905 года». В воронку очень глубоко, от фугасной бомбы.

После похорон у мамы от переживания отнялись ноги. Началась цинга. Она кричала день и ночь. Я грела горячую воду, макала толстые салфетки и прикладывала к больным местам. Потом массажировала их и она успокаивалась. Дома я стала старшей. Бегала в магазин за хлебом, ходила в сарай, рубила, что было под силу, дрова. Топила печь, всех кормила, ездила на саночках с ведром на Неву за водой. Приезжала один раз в неделю мамина сестра. А ведь у нас была малышка, ей было три месяца. Тетя Маня уговорила маму отдать малышку на время в дом малютки, а когда мама поправится, заберем ее. Позднее брат поехал ее проведать, а ему сказали, что она умерла. Мать училась ходить после болезни. Как-то ночью стучит в стенку соседка: «Помогите!». У нее начались роды, а она одна. Мама попросила меня помочь ей дойти до соседки, чтобы помочь. Я грела воду, светила свечой и она родила девочку.

Ранней весной зацвели одуванчики, стали их собирать и варить с ними суп. Позднее выросла лебеда, ее собирали, варили и делали лепешки. В конце августа 1942, года по приказу Сталина, нас эвакуировали из Ленинграда на барже через Ладогу и повезли в товарных вагонах в Сибирь.

Там нам жилось тоже тяжело. Расселяли нас по квартирам, хозяева были недовольны. Мать шила, что могла, и меняла на картошку.

Закончилась война, ехать было некуда и не на что. Мать, старшая сестра и брат посовещались и завербовались на Сахалин. Там я училась, работала сначала в школе учителем, потом переехала в Южно-Сахалинск, устроилась работать в Союзпечать, инструктором. Вышла замуж, родила двух дочерей. Обе дочки получили высшее образование. Старшая дочка живет в Германии, преподает в университете немецкий язык. Она доцент. Младшая дочка закончила в Ленинграде экономический университет и академию Российской Федерации при Президенте. Работает в белом доме в Счетной палате. У меня пять внуков, у всех высшее образование и шесть правнуков, от одного года и до семи лет. Сейчас живу одна в квартире внука, пока обслуживаю себя сама.

Во время войны под Ленинградом погиб мамин брат и муж старшей сестры. Он работал машинистом паровоза до войны, имел Орден Ленина. А в войну перевозил ценные грузы на фронт. В одну из таких поездок его сопровождал немецкий бомбардировщик. Дорога проходила через лес. Они решили отцепить состав с ценным грузом, а сами ехали и пускали пар, стараясь как можно дальше отъехать от состава. Паровоз разбомбили, машинист с помощником погибли, а состав, который они везли на фронт, сохранили. Друзья нашего зятя нашли его голову, опознали и похоронили его на кладбище «Жертвы 1905 года». Впоследствии ему присвоили посмертно звание Героя Советского Союза.

За Отечественную войну в нашей семье из родственников умерли в блокаде одиннадцать человек. Муж у меня умер в 1984 году. Я в 1988 году переехала жить в Татарию, город Зеленодольск, прожила там 22 года. В 2010 году переехала к дочери во Владимир.

Я Ветеран труда, мой трудовой стаж более 60 лет.

Кирсанова Светлана Владимировна

Родилась в феврале 1938 года в городе
Ленинград(ныне г. Санкт-Петербург)

Глазами ребенка

Я не совсем ясно себе представляю, насколько интересными и ценными для других людей могут быть воспоминания о ленинградской блокаде трех- и четырехлетнего ребенка. Допускаю, что сама основа детских впечатлений, осмысленных по мере взросления позже, может по крупицам воссоздать общую картину пережитого, страшную своей аномальностью. Мне очень нелегко писать об этом.

Я родилась в феврале 1938 года в Ленинграде и стала четвертым ребенком в семье, где дети до меня рождались с интервалом в два года (1928 г. – сын-первенец Борис, 1930 г. – сестра его Тамара, 1932 г. – сестра Кира). Я же родилась через шесть лет после Киры, нарушив тем самым установленные интервалы. Наш отец был кадровым военным, а в мирное время работал в гражданских отраслях. Свою будущую жену, нашу маму, он встретил, когда работал директором дворца-музея в Павловске, где мама была экскурсоводом (примерно в середине 20-х годов прошлого века).

Мы жили на улице Декабристов (4 минуты ходьбы до Мариинского театра), а нашим «буйным соседом» был институт физической культуры имени Лесгафта. Наша квартира располагалась на первом этаже и состояла из двух комнат (одна – большая, вторая – меньше).

Когда началась война, брату было 13 лет, сёстрам – 11 и 9, мне – 3 года.

Я хорошо помню утро 22 июня. Воскресный день был солнечным и теплым, нас, трех сестер, мама отправила в сад неподалеку, и одеты мы были в легкие шелковые платя (у сестер были розовые, на мне было белое). Тамара была за старшую и «командовала парадом». Возвращаясь домой, мы увидели

на нашей улице толпу, собравшуюся под уличным репродуктором черного цвета. Люди стояли молча с напряженными и серьезными лицами. И тут мы услышали по радио слово «война». Мы заспешили домой.

Вечером того же дня мы всей семьей шли пешком по набережной Мойки к Невскому проспекту, чтобы навестить родственников. Из уличного репродуктора доносилась песня с припевом:

«Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море...»

Было грустно и беспокойно. А на следующий день папа был уже в военной форме, и мама прощалась с ним в моем присутствии (где были остальные – не знаю, но дома их не было). Папа и мама были серьезные, тревожны, говорили мало. Для меня мама всегда была эмоциональным камертоном, я заражалась ее настроениями, когда улавливала их. И впоследствии, вспоминая сцену прощания родителей, я подумала: «А вдруг каким-нибудь шестым чувством они осознали, что видят друг друга в последний раз?»

Через неделю мы простились с девятилетней Кирой. Хореографическое училище имени Вагановой, где Кира училась, 1 июля отбыло в эвакуацию в Пермь (тогда г. Молотов). По дороге их эшелон немцы дважды бомбили, но обошлось без жертв. Об этом рассказала по радио лет 10 тому назад одна из балерин в своих воспоминаниях.

Помню первую бомбардировку Ленинграда. Мы с мамой вдвоем возвращались откуда-то домой и уже были на нашей улице, когда репродуктор сказал страшным голосом: «Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога! Воздушная тревога!» И завывли сирены. Впоследствии во время блокады эти сообщения мы слышали по несколько раз в день и ночь. Где-то в стороне слышались взрывы. Милиция уговаривала пешеходов уйти в ближайшее бомбо-

убежище как можно скорее. Пошли туда и мы с мамой. Спустились вниз по длинной лестнице и оказались в подвальном помещении с толстыми каменными стенами. Там уже было много людей, но места всем хватило. Были и дети, некоторые из них не понимали происходящего, играли, бегали, грызли белые сухари домашнего изготовления. Это было до блокады. К счастью, репродуктор дважды сказал: «Отбой воздушной тревоги». Больше мы никогда при обстрелах в бомбоубежище не ходили. У нас дома была кухня «с капитальными стенами», как называли их взрослые, и в ней не было ни единого окна. При бомбежках к нам в кухню приходили соседи с верхних этажей, если взрывы были опасно близки.

Все знают, что блокада Ленинграда началась 8 сентября (точнее сказать, завершилась, охватив город плотным кольцом немецких войск). Вероятно, тот сентябрь был теплым и ясным. Помню, что однажды окно в «маленькой» комнате было открыто, я сидела на широком подоконнике и смотрела на улицу, а рядом со мной молча стояла мама. Мимо прошла седая старушка с клюкой, оглянулась на нас, вернулась и сказала маме: «Ваша девочка не переживет блокаду». Мама, всегда сдержанная, вдруг вскрикнула, разрыдалась, схватила меня на руки, крепко обняла и прижала к себе. И долго не могла успокоиться.

Итак, мы остались вчетвером: мама, Борис, Тамара и я. Мама самым строгим образом обязала нас не ныть, не жалеть себя, не вспоминать вслух о том, ЧТО ели до войны. Она объяснила нам, что нытикам жить труднее. Милая мамочка, как мне это все пригodiлось в дальнейшей взрослой жизни!

Сначала чувство голода было постоянным, до еды и после. Случилось, что меня оставили дома одну. Дело было днем. Ярко светило солнце. Я пробралась в большую комнату и открыла дверцу буфета. Никаких признаков съестного. Я подставила стул, влезла на него и увидела, что полки буфета застелены белой бумагой, сохранившей запахи довоенных специй. Я стала отрывать кусочки этой бумаги, жевать их

и глотать. Каких-либо дурных последствий этого не помню. Кроме одного: дверь в большую комнату заперли на ключ. Теперь мы вчетвером стали жить в «маленькой» комнате, т.к. отапливать обе комнаты было неподъемно: дров не было. (Напомню, что отопление тогда было печным). Осень становилась холоднее. Печка в «маленькой» комнате была средоточием нашей жизни. Около нее по вечерам собирались всей семьей. Жгли все, что горело: старые ящики и газеты, папины грамоты (особенно ценились с деревянными рамками), книги, мебель и вещи, выдавшие виды.

Однажды Борис, греясь у печки, спросил маму: «Почему Света так странно ест хлеб?» (Я отламывала от куска крошки покрупнее и долго жевала каждую, зажмурясь) Мама сказала: «Чтобы продлить удовольствие». Запомнилось. Но в целом чувство голода постепенно притупилось, перестав быть навязчивым, что несколько облегчило существование.

Однажды немцы с особым ожесточением бомбили наш район. Был вечер. Мы все сидели у печки. Мамин стул стоял у самой стены, которой мама касалась спиной. Видимо, желая поменять неудобную позу, мама встала, передвинула стул и пересела. Вдруг из стены вылетел крупный осколок, который наверняка бы убил маму, если бы она не поменяла место.

В осажденном городе работали оборонные заводы. Приказом по городу подростки с 13 лет и старше были обязаны трудиться на них в установленном для них режиме. Борис каждый день ходил на работу, а вечером шел домой. Приходил он очень усталым, был бледным, разговаривал мало. Потом перестал приходить. Маме сообщили, что он в больнице. Через несколько дней мама сказала нам, что Борис умер. Ему было 14 лет. Для всех нас это был удар сокрушительной силы. Но что пережила мама, трудно себе представить. Он был ее гордостью и опорой: красавец, умница, человек благородного склада. Будучи волевой и сильной натурой, мама сдерживала себя при Тамаре и мне. Но вид у нее часто был отрешенным. В январе Тамаре исполнилось 12 лет, и к ней

перешла роль старшего ребенка. Но она давно уже чувствовала себя взрослой.

Потом была страшная и беспощадная зима с морозами под и за 40 градусов. Что такое лютый мороз для голодного человека, объяснять не надо. Все системы жизнеобеспечения были нарушены. Вначале за водой ходили к прорубям на Неве, потом, после многочисленных смертей на льду и по другим причинам, перестали. Я плохо помню это время, у меня был какой-то анабиоз. Мама с большим трудом пережила этот период.

Было уже солнечно по-весеннему, когда мама вывела меня на первую прогулку после свирепой зимы. Далеко мы не ушли, добрались до института Лесгафта и у входа в него сели на низкий подоконник. Мама молчала и как-то особенно, долго и нежно, смотрела на меня. Я услышала вдруг какой-то металлический стук и увидела женщину, которая везла на плоских санках то, что я приняла за большую куклу, с головы до ног обшитую белой материей. «Какая большая кукла», – сказала я. Мама ответила, что это не кукла, а мертвый человек. И мы больше не говорили.

После этого случая маму я больше не помню. Ее забрали в больницу, где она умерла летом 1942 года (в возрасте 38 лет). Мы узнали об этом через полгода.

Нас с сестрой определили в разные детские дома. Все нужные документы собирала 12-летняя Тамара. Мой детский дом был на Театральной площади, д. 1. Туда в первый раз пришла навестить меня Тамара. Ее развлекла моя стриженная наголо голова. Сама она была еще с косой.

4 месяца в детдоме я почти не помню. За исключением двух эпизодов. Однажды меня поразил мальчик лет четырех с глубокой и недетской печалью в глазах. Он пел песню и был окружен ребятами. В песне были слова:

На Дальнем Востоке пушки гремят,
Военные солдатики убитые лежат.

Так я впервые услышала о японских участниках войны. Второй памятный случай связан с тем, что с наступлением лета в детдом стали часто приходиться люди в военной форме и забирать своих детей. Я с грустью думала, что нас с Тamarой это не коснется, ведь папа был на фронте. И ошиблась! Во второй половине июня за нами пришел некий дядя Саша. Он разыскал нас с Тamarой и с эшелонном для тяжело раненных отправился вместе с нами в Оренбург (тогда Чкалов). В то время наш папа был там: он залечивал ранение и совмещал это с обязанностями комиссара Уральского округа.

Но это уже другая история.

Кислякова Дина Александровна

Родилась в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Перрон Финляндского вокзала. Серый дождливый день, серый воинский эшелон. На перроне маленькая девочка приблизительно 1,5 лет на руках у женщины горько плакала, и невозможно было уговорить, чем-то успокоить ее. Посторонние люди, женщины и стоявший рядом, одетый в военную форму мужчина пытались успокоить, чем-то отвлечь девочку. Но ничто не помогало. Казалось, что ребенок и дождь плачут об одном, как будто прощаются с чем-то навеки. Так и было.

Девочка – это была я, а мужчина в военной форме и женщина, державшая меня на руках – это были мои родители, мои мама и папа. Мы с мамой провожали отца на войну с Финляндией.

Видно, чувствовало детское сердце, что им больше не жить вместе никогда.

Я встретила с отцом почти через 30 лет, он рассказал мне об этом.

Я не помню, как и с кем я жила в это блокадное время, что и сколько мы ели, кто к нам приходил, кто навещал нас. Видимо, маме было очень тяжело в это время. Мама не пережила. Да и я наверное тоже бы не пережила, если бы добрые люди не нашли меня, лежащей рядом с мертвой матерью. Когда она умерла и сколько времени я лежала с ней, неизвестно (сколько может жить голодная девочка, лежащая рядом с умершей от голода матерью). Ей было 33 года.

Отец потом рассказывал мне, что была у нас дальняя родственница, молодая девушка, которая иногда нас навещала. Видимо, она и нашла меня чуть живую рядом с умершей матерью и сдала меня в эвакуационный пункт, и сама вскоре ушла на фронт. Я ничего не помню, куда мы ехали, куда нас везли, с кем я была. Документов никаких не было. Мое физическое состояние было на грани между жизнью и смер-

тью. Как и у многих других, лежащих рядом со мной детей, измученных голодом и холодом блокадной жизни. И многие умирали. А я осталась жить.

Из Камешковского пункта приема эвакуированных детей меня распределили в Судогодский детский дом № 3, откуда меня взяла на воспитание и удочерила Булычева Татьяна Константиновна.

После она рассказывала, что, когда приехала в Судогодский детский дом взять ребенка, ей привели несколько девочек, но она медлила с выбором, никак не могла решиться. И тогда Сара Семеновна – директор детского дома – вынесла на руках маленькую, очень худенькую, беленькую девочку – это была я. А почему на руках, потому что я была очень слаба и не могла ни ходить, ни стоять, ни сидеть – только лежать. Кто-то говорил, что мой вес тогда был около 8-ми кг. В этот вечер (а, вернее, ночь) меня на санках по замерзшим колдобинам (был ноябрь 1942 г.) 5-6 км пешком привезли в мой новый дом, в п. Красный Куст Судогодского района, где проживала моя новая мама.

В семье еще были живы бабушка Акулина Петровна и дедушка Константин Федорович. Они очень приветливо меня встретили. Заботились обо мне. Дедушка очень болел и вскоре умер, но незадолго до смерти сказал: «Татьяна, возьми мою толстовку (такая теплая шерстяная рубашка) и шей девочке пальто, ей холодно и не в чем ходить». Мать сшила мне теплое пальто, и я ходила в нем в зимнюю стужу, и она даже давала это пальто, когда ее просили, другим деревенским женщинам, когда их детям нужно было куда-то съездить в гости или в больницу.

Жили мы – не голодали. Мама работала на стекольном заводе. Там давали карточки, по которым получали продукты. Держали козу, несколько кур. Так что я скоро пошла на поправку. Деревенские жители очень по-доброму ко мне относились, особенно женщины – называли меня «сиротка-Ленинградочка», всегда меня спрашивали: «А мама тебя

не обижает?». А я всегда вежливо отвечала: «Нет, не обижает», – и радовалась, что все меня любят.

Мы жили втроем – я, мама и бабушка. Мужской помощи у нас не было, и мне с малых лет пришлось помогать маме – пилить дрова, заготовливать сено козе, копать, сажать, полоть. Бабушка была больная. Она проводила на войну 3-х сыновей, младший не вернулся. И она очень о нем горевала. Я ждала, когда мама придет с работы, и она брала себе большую коробицу, мне вешала на плечо поменьше, и мы с ней шли серпом жать траву в кустах. Тогда косить луговую траву не разрешали. Ломали ветки березы, дуба, какой-то коряжник, и так запасали козе корм на всю зиму. А молочко свое было большим подспорьем к нашему столу. Однажды мне мама сказала: «У тебя отец нашелся». А я уже привыкла, что у меня только мама, как и у многих моих подружек, и не выразила никаких чувств, но в памяти это осталось.

Мне сказали, что отец собирается приехать за мной и спрашивает, как я живу и есть ли у меня ботиночки.

Не знаю, что ему моя мама ответила, но он не приезжал. Но потом через много лет моя родная тетя (сестра отца) сказала мне, что он приезжал, но мама не разрешила ему встретиться со мной. Сказала ему, чтобы он устраивал свою судьбу, а меня лучше не беспокоить. Но я помню такой эпизод. Кто-то чем-то обидел меня, и я с горя написала отцу письмо: «Папа, забери меня отсюда, мне здесь плохо, меня обижают». Я тогда уже училась во 2-м классе. Написала и оставила письмо на столе. А мама его увидела и прочитала. Мне, конечно, было стыдно. А мама сказала: «Возьми конверт и пошли письмо отцу». Долго потом это письмо лежало неотправленным.

В 1954 году я окончила Краснокустовскую семилетнюю школу. Училась я хорошо и в этом же 1954 году поступила учиться во Владимирский строительный техникум, который успешно закончила в 1958 г., получила диплом, и началась моя трудовая жизнь.

В те годы в нашей стране уже шло большое строительство, появлялись новые предприятия, заводы, учреждения. Кадры и молодые специалисты требовались везде. С большой теплотой я вспоминаю доброту, заботу и понимание людей, с которыми сводила меня жизнь. С большим вниманием относились ко мне все, к кому я обращалась за советом или помощью. С 1958 года я работала инженером-строителем, инженером-нормировщиком, инженером-сметчиком.

В последней профессии я проработала с 1965 по 1992 год во Владимирской Архитектурно-проектной мастерской Облпотребсоюза, преобразованной впоследствии в институт «Роспроект». Работала в должности старшего инженера, потом в должности руководителя группы смет. Награждена знаком «Ударник коммунистического труда», отличник Потребкооперации, медалью «Ветеран труда». Личная жизнь складывалась хорошо. В 1961 г. вышла замуж, через год родилась дочь Елена, через 12 лет сын Максим. Муж – Кисляков Лознгрин Николаевич – добрый, уважаемый и ответственный человек – последнее время работал инженером-технологом в институте «ВНИИТИЭМ». Жаль, что рано ушел из жизни. В 1987 г. 1 августа в день моего рождения трагически умер во время оказания шефской помощи подшефному колхозу.

А меня в глубине души всегда точило воспоминание: «У меня где-то живет отец». Это чувство не давало мне покоя. Мне хотелось встретиться с ним, поговорить, узнать, кто он, какой он. И я решила. Муж поддержал меня. Но ехать неизвестно куда, где нас никто не ждал, было страшновато. Поэтому я купила 2 путевки в Ленинград (тогда они стоили по 50 руб.) себе и мужу, и мы поехали. Я не знала точный адрес, и когда мы устроились в гостиницу на ул. Желябова, сразу пошли в адресный стол. Какие чувства овладели мной в ожидании ответа!!! С одной стороны, я радовалась – ведь я в городе, где жили мои родители, и где могла жить я. В то же время, что меня здесь ждало, обрадуется ли отец, увидев меня, жив ли он вообще? И во мне от страха где-то мерцала

маленькая надежда – а, может, не найдут никакого адреса. Я ждала встречи с отцом, и я боялась с ним встретиться. Я боялась, что он не признает меня. В адресном столе мне сказали: «Погуляйте минут 15», – и я удивилась, когда через 15 минут я в руках держала адрес. Все! Назад пути не было. Муж поддерживал меня морально, уговаривал сразу ехать. И мы поехали. Это было 8 ноября 1968 г.

Дверь открыла женщина с добрыми глазами. «А Александра Даниловича можно увидеть?». Она повернулась. «Саша, к тебе пришли». Он вышел, и я говорю: «Я Дина!». Он сказал, как будто знал, что я приду: «А, Дина – проходите». Мы обнялись, я не плакала. Мы потом вместе плакали, когда я рассказывала про свою жизнь, а он про свою. И Мария Александровна – его жена – плакала вместе с нами, и вместе мы проклинали эту проклятую войну. Оказывается, когда я находилась в Камешковском распределителе в ноябре 1942 года, он в это время находился в д. Новки в военном госпитале на излечении после ранения. И уже в это время он везде разыскивал меня. Но отовсюду приходил ответ: местонахождение не известно, в списках не числится, не значится. И вся трагедия была в том, что мы в это время находились почти рядом. Какие-то 15-20 км разделяли нас. Но война распорядилась по-своему. А еще отец рассказал, что когда он по ранению был демобилизован из действующей армии в 1943 году, ему даже некуда было поехать из госпиталя и негде было жить: в Ленинграде еще не сняли блокаду, а под Смоленском, откуда он был родом, еще были немцы. И если бы у него был мой адрес, он сразу же приехал бы ко мне. Но шла война. Потом мы еще много раз встречались. Они приезжали ко мне во Владимир. Познакомились с моей матерью. Но потом он тяжело заболел и в 1976 г. умер. А жизнь продолжалась. В 1985 г. дочь окончила Владимирский политехнический институт и уехала работать по распределению на Выборгский ЦБК. Я после смерти мужа осталась с сыном и еще со мной были две матери – свекровь 81 год и моя мама 72 года. Началась перестройка, тоже тяжелые времена. Я помогала им, они помогали мне.

Все это время я не забывала мою мать и всегда ей помогала во всем. Я благодарна моей матери за заботу обо мне, за ее тепло и доброту. Ее жизнь – это тоже подвиг. Да и не только у нее. Сколько нас было таких разбросанных войной, обиженных голодных детей, которых добрые люди вывели на правильную дорогу, помогли нам стать достойными людьми. Я проводила их в последний путь, свекровь умерла в возрасте 87 лет, прожила со мной 34 года, их них 7 лет после смерти своего сына – моего мужа.

Мать моя Татьяна Константиновна прожила 91 год, умерла у меня на руках. Сейчас мне 76 лет. Сын Максим после службы в армии в Москве остался там, работает, женился. У меня двое внуков: Татьяна – старшая и Денис – младший. Смотрю на них, люблюсь другими детьми и с горечью вспоминаю свое детство, опаленное войной, и молю Бога: «Господи, не допусти больше такого ада, не допусти новой войны, не дай им, Господи, пережить то, что пережили мы.

Коврижных Валентина Яковлевна

Родилась 13 декабря 1931 года в деревне Турдеево Родниковского района Ивановской Промышленной области (ныне Родниковский район Ивановской области)

Войны вживую не видели, только сильно ощущали её последствия. У нас жили эвакуированные дети с Украины. Жили бедно, были большие налоги: в год каждая семья должна была отдать 300 штук яиц, 300 литров молока, 40 килограммов мяса, шкуры убитых животных и определенную сумму денег. В 1941 году мне было 9 лет. Училась я во 2 классе. Работали в колхозе. Работала я с 11 лет. Всю жизнь училась. Я всегда очень прилежно училась, не ходила гулять, никаких кавалеров не было, только сидела и учила.

В семье нас было три сестры: старшая Эвелина 1929 года рождения, я и самая младшая, которая родилась в 1939 году, а умерла в 1940 году от дизентерии.

Мой отец – Коврижных Яков Васильевич – рядовой. В августе 1941 года папу призвали в армию, а в декабре того же года под Смоленском его ранило в голову. Лечили его в Москве. До Москвы везли его на дровнях. В госпитале пытались что-то сделать, но безуспешно.

В апреле 1942 года один из солдат привёз его, так как он был абсолютно слепой. Отцу было 36 лет, когда он лишился зрения. Я тогда и решила стать глазным врачом, чтобы вылечить отца. Особо документов не было, что у него с глазами, но потом, когда стала учиться, я уже смотрела его сама и узнала, что у него пуля вошла в левый висок и выбила зрительный нерв. До войны он всё умел делать: строил дома, ходил на охоту, ловил рыбу, знал все леса и даже сделал пистолет по книжке, однажды, который он прятал. А зимой он выпиливал наличники. Летом он работал на тракторе, так как работать никто на нем больше не мог, сам его ремонтировал. Перед

войной он даже пристроил кухню к нашему дому из материалов разобранного старого моста.

С 1942 года он 3 года просто лежал, не вставая, у него были ужасные головные боли. Он думал даже покончить жизнь самоубийством. Со старшей сестрой мы учились через день, чтобы следить за ним.

Со временем отец стал думать, что ему делать. Известны всякие истории, когда теряешь зрение – легко учишься играть на музыкальном инструменте, так соседи притащили папе баян, но, как оказалось, у него не было музыкального слуха.

И, наконец, он нашёл себе дело. Во время войны папа подшивал всем валенки. Делал он все ночью, чтобы никто этого не видел. В основном подшивал детям, бесплатно, потому что все были бедные, ведь шла война. Потом он стал делать грабли. Он стал строгать и придумал, как делать зубья. Ходили с мамой за сухими елками в лес для грабель. Грабли шли на ура. Зимой стал делать ульи соседу.

Когда я училась в институте, он даже стал делать комоды. У меня даже дома стоит такой, он сделал мне его в качестве приданного. Делал кухонные столы, диваны. Пружины гнуть ему помогали соседи, а оббивать тканью помогала мама – Маркова Анна Васильевна. Мама ухаживала 46 лет за отцом. Отец умер 1963 году.

Училась я в селе Острцево и к концу войны я окончила 7 классов, и пошла учиться дальше в десятилетку районного города Родники, который находился от нас в 15 км. Нужно было 8 км пешком дойти до железной дороги, а потом там ходил поезд от станции Горкино до Родников. В городе Родники был большой текстильный комбинат, где производили военную ткань. Этот поезд собирал рабочих со всех окружающих деревень, потому что город небольшой был, и работала основная часть сельского населения. Я окончила 10 класс в 1949 году и в том же году я поступила в Ивановский медицинский институт, где проучилась 6 лет и у меня была цель – стать глазным врачом, так как отец пришёл с фронта

слепой. В школе мы об институтах ничего не знали, потому что нам ничего не рассказывали. С моей одноклассницей мы пришли подавать документы и не знали, куда точно поступать. Мы читали объявление, где написано: лечебный факультет и педиатрический. Что такое педиатрический, мы тогда не знали, не было в школах никакого разъяснения и подружка говорит, пойдёт в педиатрический, ну мы и пошли. Ну и окончили мы педиатрический факультет. Это был 1955 год.

Вышла я замуж рано, на 4 курсе, за Анатолия Алексеевича Коврижных.

Коврижных Анатолий Алексеевич родился в Кировской области, в 17 км от станции Свеча. В 1922 году 18 августа.

В 1941 году он окончил 10 классов сельской школы. В августе ему исполнилось 18 и его взяли в армию. Редко кто имел образование 10 классов на войне, многие не успели доучиться или не смогли в силу работы и помощи родителям. Прошёл всю войну топографическим разведчиком. Они ползали на линию фронта и высматривали, где скопление техники и людей и передавал в свой батальон. Он получил несколько наград. За эти военные награды после войны платили деньги и, вдруг, отменили и он все медали выбросил, а я подобрала и сохранила.

Несколько раз был ранен, самое серьёзное было в нижнюю часть позвоночника, от которого он страдал всю жизнь. Мобилизовался в мае 1947 года. И после этого поступил в Ивановский медицинский институт, так как в Иванове у него жила и работала двоюродная сестра, было, где остановиться.

Познакомились мы на студенческом марафоне заочно, потому что он услышал мою фамилию по радио на стадионе. А когда у нас были танцы, он нашёл меня и пригласил на танец, так и началось наше с ним общение. Я тогда училась на 2 курсе, а он на 4. На 4 курсе он пошёл работать мед. братом в кожный неврологический диспансер.

Я ещё села на его шею, потому что у отца была пенсия 96 рублей и 400 гр хлеба. Он один тянул всё. Ну вот тётушка

помогала – мамина сестра, которую звали Соня. Своих детей у неё не было. Работала на фабрике, зарабатывала 45 рублей.

Пока я 2 года училась в Иванове, он прошёл курсы по рентгенологии, курсы судмедэксперта, по пат. анатомии и оставился на пат. анатомии.

Через 2 года мы сыграли свадьбу, бедную, студенческую, сыграть которую помог его друг.

Он тогда учился на 6 курсе – заканчивал институт. По распределению его должны были направить или на север, или в Манчжурию, но он схитрил и мы состряпали справку, что я беременна и по распределению его оставили в Ивановской области заведующим райздравом Пестяковском районе Ивановской области. Это сельский отдалённый участок – 120 км, никакой дороги. А по специальности он был дерматовенеролог и поэтому также работал по специальности на полставки.

Жили бедно в деревне, но не голодали. Каждое лето мы работали в колхозе, картошка была своя.

2 года я ещё училась, он учил меня, т.к. я была из бедной семьи, а он из семьи ещё более бедной.

На 6 курсе в день получения диплома я родила сына. В Пестяках, где работал мой муж, педиатр не требовался, а глазного врача там не было. И вместо цикла детской хирургии меня учили на глазного врача по договору мужа, и так я стала офтальмологом

Работала я с керосиновой лампой, т.к. других условий не было. Ко мне ежемесячно приезжал опытный глазной врач, который помогал мне обучаться и консультировал.

Через год я поехала на усовершенствование в Ивановскую клинику, где я 4 месяца обучалась. Я уже знала, какие инструменты мне нужны, чем мне нужно заниматься.

Сын в это время был у моей матери в деревне. К Новому году я уже приехала с хорошими знаниями и стала дальше работать уже глазным врачом. Мне даже присвоили 3 категорию, по результатам экзаменов. Через 3 года отработав там, я поступила в клиническую ординатуру.

В 1962 году у нас родился второй сын. Жили мы уже в Родниках в однокомнатной квартире.

Нас пригласили во Владимир. В январе 1966 года нам дали однокомнатную квартиру.

Отработала я 43 года, в 70 лет я ушла на пенсию, но работала в поликлинике УВД на полставки и оперировала я больных в 3 колонии. Меня ценят до сих пор, я проработала в поликлинике 23 года.

Сейчас мне 88-й год.

Я так долго живу благодаря мужу. Он мне очень помогал по хозяйству, с детьми, доставал мне горящие путёвки в санатории.

В 1976 году мы купили сад на Содышке и 16 лет занимались им. Муж считал сад домашним санаторием, я там только полола и сажала, всё остальное он делал сам.

У него был хороший характер, со всеми хорошие отношения. Он отработал 35 лет и 1 января в 5 утра 2000 года умер от опухоли мозга в день нашей свадьбы. Мы прожили с ним в браке ровно 48 лет, а всего вместе мы были 50 лет. Он стал первым мужчиной в моей жизни и единственным.

Сыну у меня старшему 64 года, он тоже врач, но только анестезиолог, младшему сыну 57 лет.

Ещё родственники, жившие во время ВОВ:

Младший брат Якова Васильевича – Борис погиб на фронте в первый год войны, никаких известий от него не было

В первый же день на войну забрали около 20 молодых людей, которым только исполнилось 18, и из них вернулся с фронта только один без ноги.

Старший брат – Николай – до войны уехал в Москву, умел ремонтировать обувь и всю войну прослужил в войне, ремонтируя обувь.

Муж маминой сестры – Куликов Павел Васильевич – всю войну воевал в ж/д войсках, ранений не было, умер в 1954 году от рака лёгких.

Брат мамы – Марков Василий Васильевич – у него служили 2 сына и оба погибли Леонид и Николай, а старший сын закончил институт технический, построил в Иванове завод ГЗИП, потом его перевели в Орёл. Он вышел на пенсию и умер. Это сказались последствия войны.

Моя миссия – борьба со слепотой и сумела получить ценное образование, научилась глазной хирургии. И я всю жизнь боролась со слепотой. До конца своей работы я ни с кого не брала денег.

Я всегда говорю молодёжи: надо мечтать и мечта может исполниться, если будешь очень к этому стремиться.

Коншин Михаил Сергеевич

Родился в 1938 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Для людей моего поколения детским садом стала война. Родился я в городе на Неве незадолго до ее начала. Здесь, в доме номер 27 по улице Рубинштейна, которая выходит на Невский проспект, делал свои первые шаги. Квартира была коммунальной, и жило в ней немало людей, которые полюбили меня.

Особенно часто ходил я в гости к профессору-невропатологу Ефиму Соломоновичу Боришпольскому и его супруге Анне Львовне. Эти милые пожилые люди относились ко мне очень нежно и трогательно. Ефима Соломоновича я называл просто профессором, при этом ужасно коверкая это слово. Спустя много лет я сделал для себя большое открытие: оказывается, родная сестра Анны Львовны – Ида Рубинштейн – была очень известной балериной. Ее портрет стал одним из шедевров великого русского художника Валентина Серова, а французский композитор Морис Равель посвятил балерине свое знаменитое «Болеро».

Хорошие люди жили вокруг меня, и о каждом из них я могу сказать много теплых слов. Мама же во мне просто души не чаяла. Часто, когда она везла меня в трамвае по Ленинграду, ее спрашивали: «Чем вы его кормите?» Вид у меня был как на картинке – веселый, бравый, жизнерадостный. Я буквально купался в любви всех своих родных и близких. Казалось, что так будет вечно. Но в жизнь миллионов людей ворвалась грозная, жестокая сила – война, которая перевернула и перечеркнула все планы, мечты, надежды.

Что я тогда мог понимать и помнить в свои три года? Почти ничего. Но кое-что в виде отдельных эпизодов сохранилось в памяти, впоследствии дополненное взрослыми, и, прежде всего, моей мамой, которой я всегда восхищаюсь и горжусь. Сколько ей, бедной, пришлось пережить за свою жизнь! Да разве только ей одной!

Самое страшное – это блокада Ленинграда, отсчет которой начался с 8 сентября 1941 года. Холод, голод, бомбёжки, артиллерийские обстрелы, воздушные тревоги. Первая военная зима оказалась на редкость суровой. Морозы доходили до 41 градуса. Дров у нас не было. Чтобы не замёрзнуть, мама топила маленькую печурку-буржуйку мебелью. Не было в квартире, как и во всем Ленинграде, воды и электричества. Вместо лампочек зажигали коптилки.

Дневная норма хлеба на человека – 125 граммов. А еще на один месяц каждому выдавалось 300 граммов сахара, немного крупы и других продуктов в самых мизерных количествах. Конечно же, всего этого не хватало. Плача, я просил хлеба и жалел сам себя словами: «Бедный я, бедный мальчик! Мне нечего покушать!»

А сколько еще было в блокадном Ленинграде вот таких плачущих детей, дрожащими руками берущих корочку хлеба! Они были очень серьезными, не играли в привычные детские игры и походили на маленьких старичков.

Тысячи и тысячи людей умирали от голода. Погибали целыми семьями. У моей мамы была тогда вторая стадия дистрофии. Ее отчим, Леонид Александрович Бажин, который жил вместе с нами, сказал однажды маме: «Наташа, возьми мою карточку и спасай Мишу. Мне время тлеть – ему цвести». И это он сказал тогда, когда люди буквально зверели от голода: ели собак и кошек, даже были случаи людоедства, погромов булочных, когда на улицах и в магазинах могли отнять продуктовую карточку или хлеб, особенно, если его несли в открытом виде.

С высоты пожилых лет я считаю, что мой неродной дедушка, мамин отчим, совершил подвиг. Я его очень любил, называл дидей. 1 марта 1942 года он умер от голода. Юрист по образованию, до войны Леонид Александрович Бажин был полным и даже тучным по своей комплекции человеком. Хоронить же его везли на детских саночках. Это был ссохшийся скелет, обтянутый кожей. Вот что сделал с ним

голод. Прожил Л. А. Бажин всего 63 года. Память об этом необыкновенном человеке для меня свята.

Брат мамы – актер по профессии, хлопотал тогда о нашей эвакуации в глубокий тыл, обращался тогда по этому вопросу к депутату Верховного совета СССР, народной артистке Советского Союза Екатерине Павловне Корчагиной-Александровской, хорошо знавшей его и всю нашу семью. До сих пор бережно храню фотографию нашей спасительницы. Очень многие к ней относились как к родной матери за ее многочисленные добрые дела и помощь.

Итак, 29 марта 1942 года мы с мамой выехали в кузове открытого грузовика по «Дороге жизни» (шоферы называли ее «коридором смерти»), длина которой была 35 километров по льду Ладожского озера. Жив ли тот шофер, который вез на Большую землю угасающие жизни изголодавшихся, измученных людей? Как сложилась их дальнейшая судьба? Не знаю. Хорошо, что в те часы, когда мы ехали по льду озера, случайно не было обстрелов, лед выдержал, и мы проскочили. А ведь были случаи, когда грузовики с людьми проваливались под лед, и все погибали.

Доехали мы тогда до станции Жихарево, а оттуда целый месяц в товарных вагонах добирались до Новосибирска, пункта нашей эвакуации.

В пути наш товарный поезд делал длительные остановки, так как нужно было в первую очередь пропускать военные поезда. Стояли, бывало, полдня и дольше. Мама боялась разлучаться со мной и свою карточку на двоих она передавала тем, кто мог бы принести ей обед прямо в вагон. За эту услугу она отдавала половину обеда. Сколько будет стоять поезд, никто не знал, а поэтому были такие случаи, когда отец или мать какого-то семейства отставали от нашего товарняка. В пути умирали люди. Их трупы выносили в тамбур и на остановках передавали на захоронение.

А тем временем в Новосибирске мамин брат Михаил Альфредович Бибер – актер местного ТЮЗа (театр юного зри-

теля) – встречал поезда, прибывающие с блокадниками из Ленинграда. Он тогда встретил много поездов и, наконец, наш.

Для восстановления сил маму и меня положили на некоторое время в больницу. После выписки из нее мы первое время жили в гостинице, а потом в коммунальной квартире, где услышали радостную весть: победа! Война окончена! Мы победили! Мне уже исполнилось 7 лет. Новосибирск ликовал и праздновал вместе со всей страной. Это было море радости и счастья. Такое невозможно описать!

Страна переходила к мирной жизни, а в госпиталях еще было много раненых, продукты питания выдавались по карточкам, много было всяких трудностей, и люди их с честью преодолевали. Каждый вносил посильный труд в общее дело. Никогда не забуду свои выступления в концертной бригаде, где участвовала и моя мама – певица. Я тоже пел – и почти весь взрослый репертуар, самые популярные песни тех лет. Выступали мы во многих госпиталях. Я был горд и счастлив тем, что принимали меня хорошо, аплодировали, а после концертов нередко даже одаривали кусковым сахаром. Конфет тогда не было.

В Новосибирске в свои 8 или 9 лет я впервые встретил своего отца. Он вернулся не с фронта, а из колымского лагеря, куда его запихнули по 58-й статье за происхождение (сын серпуховского фабриканта). В 1957 году отца реабилитировали, и через два года мы переехали во Владимир, где жил его родной брат с семьей, тоже хлебнувший сталинского ГУЛАГа.

В более позднее время моя мама написала для себя стихи о Ленинградской блокаде. Вот строки из них:

Но мы Ленинградцы, в душе мы герои.
И верили, что победим.
И с этою верою жизнь мы любили,
И жизнь ещё дали другим.

В декабре 1989 года нам с мамой вручили памятные знаки в виде медалей «Жителю блокадного Ленинграда» и удостоверения к ним.

Коншина Наталия Альфредовна

Война застала меня с трехлетним сыном Мишей на озере Селигер, в городе Осташков. В июне 41-го года в Осташкове гастролировал Новосибирский ТЮЗ (Театр юного зрителя), в котором в том время работал мой брат, актер Михаил Бибер. Он и устроил нас в этом месте на летний отдых.

Здесь мы узнали о начале войны.

Брат сразу был вынужден уехать с театром в Новосибирск. Он звал и нас, но я отказалась. Хотелось скорей вернуться домой, в Ленинград. С трудом достала билет и уехала с маленьким Мишей. Тут, в скором времени, началась блокада...

Запасов у меня никаких не было, а из магазинов тут же все исчезло.

Говорили, что разбомбили Бадаевские склады. Это известные продуктовые склады. Они находились в центральном районе города. Люди ходили туда и что-то вокруг собирали. Но все было перемешано с грязью и керосином... Пытались мыть и есть, но есть было невозможно... людей рвало...

Начали выдавать хлебные карточки – 125 гр. на человека. За хлебом ходила в булочную. Бывало, придешь, а в магазине лежит труп. Это человек, дойдя как-то до магазина, вернуться он не смог, там и умер... Никто внимания не обращал, все понимали.

Пробовала варить суп из картона...

Миша сидел целыми днями, как старичок, и все время говорил: «Я есть хочу».

Приходили повестки на рытье окопов, но я не могла пойти – на руках ребенок. Дежурила у ворот во время тревоги. Говорила: «Пройдите, пожалуйста, сюда».

Моя двоюродная сестра Катя и в обстрел ходила по Ленинграду, не боялась. Гудит – гудит, бывало, где-нибудь, значит – бахнет!..

На дом, в котором я жила раньше, на Марсовом поле (дом с колоннами, угловой), упала фугасная бомба. Погиб наш знакомый – врач по фамилии Реле.

Однажды я пошла в бомбоубежище и ... убежала. Страшно! Если прямое попадание – зальет канализацией. В Гостином Дворе был такой случай. Всех залило, только один спасся.

Зимой 42-го года был лютый мороз, а квартиры не отапливались. Я топила буржуйку – жгла мебель... По радио все время звучали военные сводки и голос Ольги Бергольц.

Жили мы в центре Ленинграда, недалеко от Невского проспекта, на улице Рубинштейна, д. 27. Это место называется «у пяти углов». С нами в одной квартире жил мой отчим – Леонид Александрович Бажин, юрист. Как-то он пришел домой и говорит: «Видел немца ... идет по улице».

Леонид Александрович был очень благородным человеком. Всегда спокойный, никогда не раздражался, не повышал голоса. Любил маленького Мишу. За несколько дней до смерти он дал мне свои хлебные карточки и сказал: «На, возьми для Миши. Ему жить, а мне умирать...». Он умирал тяжело. Была агония. Он задыхался и все с себя скидывал, казалось, что все тяжело, даже простыня... Из солидного мужчины он превратился в скелетика. Умер он 11-го марта 1942 года. Я зашила его в простыню. Пришел дворник, взял и увез на саночках...

Все это время в Новосибирске мой брат, освобожденный от воинской обязанности, по зрению, искал возможности нас спасти. Без вызова выехать из Ленинграда было нельзя. Оформить вызов было тоже очень трудно.

В Новосибирске в эвакуации находился Ленинградский Академический Театр Драмы им. А. С. Пушкина (Александринский Театр). Через актрису этого театра Е. П. Корчагину–Александровскую – народную артистку СССР, Депутата Верховного Совета, с которой брат был ранее знаком, т.к. учился в студии этого театра, ему удалось выхлопотать вызов: мне, моему сыну и нашей двоюродной сестре Екатерине.

Мы с Мишей выехали из Ленинграда 29-го марта 1942 года. Сестра ехать отказалась. Она нас провожала и, в последний момент, перед посадкой в грузовик, выхватила у меня из рук

хлеб и убежала. Это было помутнение рассудка, на почве голода... Хлеб нам всем выдавали в дорогу.

Сестра скончалась от голода 3-го сентября 1942 года, попав в неврологическую клинику. еще будучи вместе с ней, в блокаде, мы мечтали как после войны будем даже по ночам вставать и что-нибудь есть...

По Ладожскому озеру нас везли в грузовике. Дорогу бомбили. Были случаи – машины уходили под лед. Но я думала: «пан или пропал». Чем страшней, тем менее страшно было человеку преодолеть страх!

Дальнейшую дорогу в Новосибирск ехали в товарном поезде. В вагоне сидели прямо на полу. С нами рядом ехала еще какая-то семья. На станциях они ходили получать по карточкам какую-то жидкую «еду». Я просила их получать и на меня. За это отдавала им одну карточку. Боялась отстать от поезда.

На каждой остановке (среди поля) из вагонов выносили трупы. Люди тоже выходили и здесь же вынуждены были ходить в уборную... Все – и мужчины, и женщины. Друг Друга не стеснялись, т.к. были уже – чистые души.

Ехали месяц. В дороге все покрылись вшами...

Мише в одежду я везде зашила бирки с именем, фамилией и адресом – куда довести в случае моей смерти.

Брат ждал нас, волновался, почти ежедневно бегал на вокзал – встречал приходившие эшелоны, в надежде, что в одном из них будем мы. Однажды ему сказали, что какая-то женщина с ребенком по дороге умерли. Подумав, что это мы, он, потрясенный, пришел домой и рыдал... Но спустя какое-то время, когда он был на репетиции в театре, ему сообщили, что мы приехали. Он прибежал, но я не хотела даже входить в комнату, т.к. мы были во вшах...

Нас поместили в специальную больницу для блокадников, а нашу одежду взяли на санобработку.

В Ленинград я уже не вернулась. В Новосибирске прожила пять лет. Затем были – Урал, Казахстан и, наконец, Владимир.

Без слез мне мимо не пройти.
Я говорить еще хочу –
И в прозе, и в стихах, и в песнях,
... и в симфонии хотелось мне еще
так много говорить...
Остановитесь, люди, – те, кто хлеб бросает!
Я с болью на него смотрю.
Хлеб, хлеб! Без хлеба люди умирали!
Ребенок, плача, корку брал дрожащею рукой,
И он кричал и плакал: «Хлеба, хлеба дайте мне...!»
...И мать давала, ... что имела...

***

Но мы – Ленинградцы!
В душе мы – герои,
И верили, что победим!
И с этою верой мы жизнь любили,
И жизнь еще дали другим!!!

Копылов Валерий Всеволодович

**Родился 8 июля 1938 года в городе Петергоф
Ленинградской области (ныне входит в состав города
Санкт-Петербург)**

Я, Копылов Валерий Всеволодович, родился 8 июля 1938 г. в г. Петергоф Ленинградской области. Своего отца я не помню, знаю, что он учился в Ленинградском плодоовощном институте, где училась и моя мама Туренко Елизавета Яковлевна с 1934 по 1939 гг.

Мой отчим служил на морском флоте и погиб во время боев за Ленинград. Осталась мама одна со мной и младшей сестренкой Элеонорой. Старшая сестра Инга незадолго до начала войны уехала в гости к бабушке и дедушке в г. Владимир. Вспоминается голодное время блокады. Я никогда не просил у мамы что-нибудь поесть, зная, что это невозможно. Свою сестренку я кормил блокадным кусочком черного хлеба. Он представлял из себя почти наполовину какое-то желе. Как мне было обидно, что все мои деревянные игрушки пошли в печку-буржуйку.

В апреле 1942 г. нас эвакуировали из Кронштадта, где мы проживали по месту службы отчима. Ехали мы в обычных товарных вагонах. Во время движения делалось несколько остановок, чтобы собрать из вагонов умерших во время движения поезда. Во время одной остановки умерла сестренка Элеонора. Вспоминается, что мама одела свою дочку и передала ее похоронной бригаде. Как только наш поезд тронулся в путь, все стали смотреть через щели в вагоне, чтобы как бы проводить своих умерших в последний путь.

Какой же был ужас, когда тела умерших на наших глазах стали раздевать и бросать в общую кучу. Мама хотела приехать в г. Владимир к своим родителям, однако в связи с тем, что немцы были недалеко от Москвы, наш поезд направился на юг в Краснодарский край и остановился на станции Ново-Покровская.

В августе 1942 г. в станицу вступили немецкие войска. В оккупации мы находились 6 месяцев вплоть до февраля 1943 г. Так как мама в это время не работала, ее вызвали в комендатуру. На вопрос, почему вы не работаете, она ответила на немецком языке, что жена офицера должны знать три «К» – церковь, кухню и детей (kirche, kuche, kinder). Комендант очень удивился таким ответом и отпустил, однако, негласно приставил к ней одного жителя станицы. После освобождения станицы нашими войсками, мы выехали в г. Владимир.

Состояние здоровья было катастрофическое (дистрофия). Некоторое время я даже не мог ходить. Постепенно со временем начал понемногу выздоравливать. Конечно, огромную роль в моем выздоровлении оказали моя мама и бабушка. Значительную роль сыграл Ревякин – детский врач г. Владимира.

В 1946 г. пошел в первый класс школы № 2 г. Владимира. После окончания школы пошел работать на ВТЗ электромонтером 4 разряда. В 1959 г. поступил во Всесоюзный заочный энергетический институт. Впоследствии перешел во Владимирский вечерний политехнический институт, который окончил в 1965 году по специальности радио-инженер. Во время работы на ВТЗ дорос до старшего инженера, начальника электронно-вычислительной машины «Сетунь».

В 1966 г. перешел работать во Владимирский филиал НАТИ, позже НИКТИД. Во время работы в институте занимал должности от инженера-конструктора 1-й категории, старшего научного сотрудника до зав. сектором отдела 34. Неоднократно заносился в книгу почета. Награжден почетным знаком Ветеран автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения. Ветеран труда.

В 1998 году ушел на пенсию.

Семья: жена – Зинаида Ивановна. В 2016 году исполняется 56 лет совместной жизни. Сын – Алексей Валерьевич работает на ВЭМЗ. Внучка – Дарья Алексеевна учится в Москве в Российском государственном социальном университете.

Корниенко Луиза Владимировна

**Родилась 10 марта 1939 года в городе Владимир
Ивановской области (ныне Владимирская область)**

Я, Корниенко Луиза Владимировна, родилась 10 марта в 1939 году в городе Владимире на улице Октябрьской, в центре города. Начальное образование получила в школе № 16.

Мой отец, Федосеев Владимир Иванович, также родился в городе Владимире в многодетной семье. За полгода до начала войны папа был призван на военные сборы на укрепление советской финско – литовской границы. С началом Великой Отечественной войны он так и остался в армии на фронте.

Мама моя родилась в селе Хотенское, Суздальского района (раньше Ставровского района) в 1913 году, она из многодетной крестьянской семьи. В тридцатых годах со своими сёстрами переехала во Владимир. Работала на Владимирском химическом заводе, затем на Автоприборе. Также у меня был младший брат Юра, который родился в 1940 году.

Помню, как в нашей детской комнате было большое радио в углу. По нему часто объявляли сигнал воздушной тревоги. По этой тревоге все были обязаны сразу закрыть окна. Помню, как окна закрывали детскими одеялами. Ходили дежурные и проверяли, все ли закрыли окна. Ни в коем случае нельзя было оставлять щёлочку.

Мама часто посылала меня за хлебом в магазин. Очереди были огромные. В одни руки больше одной буханки хлеба не выдавали. На троих норма была – половина буханки. Мама часто кормила нас щами из крапивы, картошкой жареной на маргарине.

Каждую весну сажали картошку на полях за Клязьмой, как семья военнослужащих. Затем ходили пропалывать. И если осенью что – то не выбирали, то весной ходили собирать картошку, которая пролежала всю зиму в земле. Помню, как мама пекла очень вкусные оладьи из такой картошки! Мост был деревянный и на зиму каждый год его убирали. Из-за

этого Клязьма сильно разливалась, а после этого почва была очень плодородная. Поэтому урожаем картошки мы собирали хороший.

Помню, как в детстве видела товарные закрытые поезда. Наверное, и солдат на фронт перевозили.

Зимой ходили через речку напрямую. Морозы зимой стояли очень сильные и всё равно большинство времени проводили на улице: катались на лыжах, на коньках, на санках. Летом играли в классики, в прыгалки. Играли в «пропавшую звено»: дети разбивались на две команды, и одни прятались, а другие искали по указательным знакам. В лото играли, в «чижика». Мальчики ходили в футбол, мы на склоне землянику собирали.

Мы жили втроём: я, мама и младший брат. В школу я пошла в 1947 году. В первый класс пошла в школу № 16, она была прямо рядом с нами. Закончила там 4 класса. Затем нас перевели в школу № 13. Там мы проучились 5,6 и 7 классы. Потом я год болела и пропустила. Потом пошла уже в школу № 1 и там отучилась 8, 9 и 10 классы. Закончила я школу в 1958 году. В школе нам давали по половине стаканчика рыбий жир, сладкий чай и всё было бесплатно.

Мой папа много писал с фронта, весь подоконник был усыпан «треугольничками». Часто видела, как мама плачет над письмами. К сожалению, писем не осталось. Зато осталась папина открытка, в которой он пишет: «Здравствуй, дорогая Таня и детки мои. Таня, открытку твою получил, спасибо, за всё тебя благодарю. Сам жив, здоров. До свидания! Целую, Володя!»

Мой папа был водителем на фронте. Помню, как он писал в каком – то письме: «Милые мои детки, папа ваш воюет с фашистами. Я вожу на машине боеприпасы к линии фронта».

20 июля 1944 года прислали «похоронку»: «Ваш муж красноармеец Федосеев Владимир Иванович, находясь на фронте, пропал без вести 20 июля 1944 года».

Помню, как по радио часто слышала голос Левитана, и бабушка рассказывала, как мой папа и Юрий Борисович учились в одной школе, в школе № 16 и сидели за одной партой.

Про День Победы я записала в своём дневнике: «Помню тёплый весенний день. Много было шума, веселья и солнца на нашей улице. Играла музыка, которая была слышна из открытых окон. Теперь я понимаю, что это была Победа!»

В 1947 году отменили карточки на хлеб. Люди ликовали, что хлеб можно свободно купить. К 1950 году во всех магазинах уже было много продуктов! Помню, как у одного магазина очень ярко пахло колбасой, на всю жизнь запомнила этот запах!

Во время войны я со своей мамой Федосеевой (Красновой) Натальей Васильевной и младшим братом жила на улице Октябрьская. Помню, как мама работала на Автоприборе и ей дали нашей семье, как семье погибшего путёвку в пионерский лагерь. Это был или 1947 или 1948 год. Мы каждый год до моего четырнадцатилетия стояли по две очереди и получали путёвки. И у нас никогда не было никаких происшествий. Я вспоминаю это «золотое» время с большим удовольствием! И каждый завод имел свой пионерский лагерь: Автоприбор, Тракторный завод, Точмаш, ВЗПО. У нас была очень интересная пионерская жизнь: мальчики соревновались по футболу, местные походы были.

Во время войны мама работала в госпитале на Луначарского и Дом Офицеров. До 1958 года она работала в госпиталях, а потом перешла в завод Автоприбор в медный цех. Работала там нянечкой: ухаживала за ранеными, облегчать их состояние. Я ни разу не была у неё на работе.

Бабушка по папиной линии жила тоже во Владимире, жили все в одном доме, но в разных квартирах. Она жил там ещё с другой дочкой. Родилась бабушка в селе Воронино в 1893 году. Она отправила на фронт пятерых сыновей. Первую «похоронку» ей прислали в 1943 году.

После войны Владимир стал расстраиваться. Тогда восточного района (Доброе) и Черёмушек вообще не было. Я сама сейчас живу в доме, который построен в 1962 году. Ну, строить его, наверное, начали в пятидесятых годах.

Я сама начинала работать в библиотеке и получала 80 рублей. Затем меня повысили до старшего библиотекаря и получила 95 рублей. Потом повысили до заведующей сектором и стала получать 135 рублей. У меня росла заработная планка, а цены оставались те же! Поэтому казалось, что жизнь улучшается. Муж у меня работал монтажником. И мы всей семьёй (я, муж и двое детей) каждый год самолетом летали на Кубань.

За время войны помню из праздников только «Первомай», «Новый год» и «Октябрьскую революцию». Но тогда особо не до праздников было. В послевоенное время праздников стало больше, на демонстрации с удовольствием ходили.

Помню, как видела пленных немцев. Это было зимой, но не помню, в каком году. Помню, как их было человек пять и им было очень холодно. Они стояли и просили для себя одежды, чтобы дали им что-нибудь одеть. Один из них стоял в женском платке. И при всём отношении к немцам, русский народ всё равно что-то да давал: кто картошку даст, кто кур держал и яйца давал, кто-то телогрейку дал.

Моя мама была донором, у неё была четвёртая группа крови. Она тринадцать раз сдала кровь для раненых, когда работала в госпитале. Было много раненных, тяжелораненных, но всё равно всех спасали, всех лечили.

Я считаю, что у меня было счастливое детство в каком-то смысле. На не угнетали различные гаджеты, телефоны, телевизоры. Сейчас все стали зависимы от телефонов, телевизоров, различных гаджетов. Мой внук, ему будет 24 года в сентябре, каждый раз, когда ко мне приходит периодически во время нашего разговора что-то в телефоне щёлкает. У него уже как привычка выработалась.

Кочеткова Валентина Алексеевна

**Родилась 16 февраля 1937 года в деревне Новосёлка
Сuzдальского района Ивановской области (ныне
Камешковский район Владимирской области)**

Нас у мамы было трое детей: я, Кочетков Анатолий Алексеевич и Кочетков Александр Алексеевич. Когда папа мой ушёл на войну в 1941 году, мне было 4 года, Толе 6 лет, Саша в 1940 году только родился. Нам было очень трудно, мама работала почти круглые сутки.

Рядом с нами была Ткацкая фабрика, мама там работала на 10 станках, а когда с фабрики приходила домой, к нам приходил колхозный бригадир, просил маму пойти поработать в колхоз, так как людей не хватало, а надо было и косить сено, и убирать хлеб, и картошку, и мама снова бежала на работу в колхоз.

Нам, маленьким, было и холодно, и голодно. Одежды не было, мама сама нам сшила из какой-то грубой шерсти одежду, купила сапоги и вот мы по очереди в этой одежде и гуляли. Шло время, мы подрастали, потом пошли в школу, помогали взрослым собирать картошку в колхозе, колоски, сушили торф для фабрики, складывая кирпичики в штабеля, нам платили по 50 копеек.

Когда я перешла в 5 класс, 7, 8 классы, то нас, всех девочек деревни, просили помогать на фабрике на ткацкой машинке, мы, маленькие дети, стояли и готовили бабины для ткани, а мой старший брат Толя вообще закончил 3 класса и пошёл работать в колхоз на лошади, возил то картошку, то зерно, чтобы помочь маме, а Саше мама оставляла маленький кусочек чёрного хлеба и говорила, положите в марлю и дайте братику в рот, пусть он пока это сосёт. Мы были очень все голодные, помочь нам было некому.

Кулдышева Тамара Васильевна

**Родилась 20 июня 1933 года в городе Владимир
Ивановской области (ныне Владимирская область)**

Я родилась в городе Владимире, улица Верхнее Сельцо (сейчас 8-я линия), в 1933 году 20 июня. Закончила я 4 класса, потом мы пошли учиться, нас трое, в Богослово. Это рядом с нами через дорогу, через речку. Мы пошли там учиться и закончили 7 классов. Три года я не училась. В 1943 году родилась сестренка, и мне пришлось находиться дома. Еще у нас была сестра с 1940 года, и я с ними была. Потом я закончила 7 классов и пошла работать на тракторный завод, там я работала сначала кладовщицей, потом контролером. Потом пошла учиться в машиностроительный техникум – это было в 1962 году. Закончила техникум. Так я осталась работать на тракторном заводе. Работала контролером, потом контрольным мастером, потом я пришла работать технологом.

Когда мне было 8 лет, началась война. Я только помню отца, когда мы провожали в 1943 году в июне или в мае. Его звали Куликов Василий Алексеевич. Мама, Куликова (Куранова) Мария Ивановна, работала в совхозе и я, когда у нас еще была сестра Люба, уже там была. Мы носили с Содышки воду и поливали капусту, потом садили помидоры. А когда родилась в 1943 году сестра, с мамой мы менялись. Детство у меня было – только совхоз. За работу в совхозе мне платили. Когда я первый раз пришла за деньгами, у меня руки тряслись, и я не могла свою фамилию правильно написать в ведомости. Помню, нас там награждали, какие-то подарки давали.

Единственное что помню, у нас был окоп, – вырыли. Туда бегали. Когда все уходило, мы оставались с детьми. Было конечно тяжело маме. У нас не было родственников богатых. Вот так мы и жили. Все равно было голодно. Мама, помню, в деревню ходила дальнюю чего-то менять на продукты. Было нам очень тяжело, когда родилась Люда в 1943 году. Я не знаю, как мы это пережили. Она была пятым ребенком в семье. Когда мама

уезжала, нам нечем было ее накормить, она так кричала. Хлеб соберешь, намнешь, потом мама приходила уже начинала кормить. Потом у нас начал дом падать, это было уже в 1961 году.

Папа до 1943 года работал поставщиком. В выходные дни он брал нас на вокзал. Он принимал цистерны масла подсолнечного. Там были такие сухари от хлеба. И вот он там мокнет и, знаете, такой вкусный был. Он нас угощал этим. Он работал там, а мама работала в совхозе. Потом она перешла в военный городок, потому что совхоз стал распадаться.

А потом папа ушел на фронт. Директор их отправлял в Горький на завод, но они не согласились. Попали на фронт на Курскую дугу и погибли в 1943 году. Нам пришло известие в сентябре месяце, я тогда уже не училась. Он был ранен – ему отрезало ноги. Потом он умер.

Папа часто писал нам письма. Когда я родилась, мама написала ему, что дочку назвала Надей. Я была у него любимой. После того как пришло известие папа мне снился.

В школу я пошла вовремя. Помню, когда был устный счет – я была первая. Учебники все были. Помню, мне отец принес полностью даже сумку. У нас была учительница какая-то не русская, она всегда прихрамывала. Звала она меня «Кулькова», а не Куликова. На новый год нам дарили подарки в начальной школе. Да и после тоже, нам давали платья, пойки, нас угощали, все это было. За хлебом ходили в город. Военные нас переносили через Пекинку. Дорога была плохая почти жидкая – не пройдешь, поэтому нас перетаскивали.

У нас в сельце только трое вернулись с фронта. Мама слез нам не показывала. Тяжело было – помощи ниоткуда, только государственная.

Печку топили дровами, в лес мы с мамой ходили. Там лес был, не так близко, но мы в лес ходили. А еще я работала с подругой. Пришел лесник и набирал людей сажать сосны. У нас там речка протекала и большая гора – мы ее называли Пыхтиловкой. На этой горе была большая лужайка и мы ходили сажать сосенки с Любой и Филиппом.

Нам напекут лепешек. Вот картошку собирали вот такие вот пекли, напекут и нам дадут. Нам свернут лепешечки и пустят на работу «Идите». Все идут вперед – мы идем сзади самые последние почему-то, мы всегда шли сзади. Мы эти лепешки съедим пока идем до леса. Там тетя Шура Катина у нас была, царство ей небесное, она уж умерла – ей было 90 лет. Она была в этом совхозе старшей. Она подойдет: «Девчонки, обед!». Мы пойдем и не едим, она подойдет, а мы скажем «Мы уже пообедали». Вот она нас сжалила, нам то кусочек хлебушка, то по яичку даст нам. Нам заплатили тогда.

А из лесу носили дрова. Брат несет, несет, да бросит – он маленький был. Мама разложит это нам с Любой и себе немного. Мы не покупали дрова – денег не было. Еще у нас что было, у нас был дом пятистенный. Три окошка – мы жили, а два окошка у нас было стены. От двери и до двери это все срубили.

Электричество у нас появилось уже после войны. У нас очень хорошо председатель поступил, Сергей Иваныч, он тоже был на фронте. Вот добивались, и мы помогали вести с Марьинки вот эти вот все провода с коровы. Был бык у нас в совхозе, вот они нам все помогали. Все вручную. Потом свет стали проводить. Вот к маме электрик приходил с военного городка бесплатно.

В 1951 году я поступила на тракторный завод и 46 лет отработала на заводе до пенсии. Работала и контролером, и кладовщицей, мастером работала. А свекор работал на грамзаводе во время войны, «Молотов» тогда назывался завод. И вот зиму работал он на улице на станке. А потом, когда война закончилась их, отправили на тракторный завод всех. Он работал токарем на токарных станках наладчиком. Завод шумел тогда. Сын работал, муж работал, свекор – все работали на тракторном. Сын у меня как техникум закончил тоже работал на тракторном, в том же цеху что и дед. А потом, когда закрывать стали, он в моторный тоже пошел наладчиком на токарных станках.

Дали нам путевку за хорошую работу. Мы работали ночами, в литейку ходили работать: в первую литейку, в четвертую литейку. Там помогали. В первой литейке мы убрали, а в четвертой мы что-то делали – помогали. И за хорошую работу дали нам путевку в Ленинград, а парторги поехали поездом, им тоже дали. Они поездом, а мы поехали в машине грузовой, она была крытая. Мы, когда уже все устали – сена наложили, доехали до Ленинграда. Полтора суток мы ехали. Выехали мы с утра. Когда мы ехали, подъезжали к Ленинграду, дома высотные стояли, все пробитые пулей. Так мы все прослезились, конечно. Это был 1961 год.

Кулькова Анна Васильевна

Родилась 29 августа 1929 года в селе Тепляковка
Базарно-Карабулакского района Саратовской области

Я, Кулькова Анна Васильевна, родилась 29 августа 1929 года в Саратовской области Базарно-Карабулакского района в селе Тепляковка.

Отец мой, Кульков Василий Иванович, 1900 года рождения умер 11 декабря 1941 года от инфаркта.

11 декабря 1941 года я рано ушла отovarивать карточки (хлебные). В Выборгском районе хлебзавод не работал. По карточкам давали муку. Я довольно долго стояла в очереди. И, получив муку, довольная шла домой. Открыв дверь в комнату, я увидела: отец сидел на столе, покрытом белой скатертью, и на него надевали белую рубашку. Я все поняла. Отбросив сумку, я потеряла сознание. Сколько длилось это состояние, мне не сказали. Хоронить папу меня и Женю не взяли, оставив нас следить за Сашей.

Как Валя позже сказала: гроб, рабочие бригады (отец был бригадиром в Политехническом институте, плотником-краснодеревщиком). Его очень рабочие любили и уважали. Гроб несли на плечах, несмотря на очень морозную погоду и глубокий снег. А сзади тянулись сани, в которых лежал деревянный крест.

Когда на следующий день мама с Валею пошли на Пискаревское кладбище, креста не было (сожгли). Моя мама, Кулькова Мария Ивановна, (девичья фамилия Басова) 1903 года 2 февраля родилась в г. Ленинграде (коренная Ленинградка), умерла в 1953 году. Похоронена на Богословском кладбище 26 октября мой дедушка Басов Иван Тимофеевич похоронен в г. Ленинграде на Смоленском кладбище. Моя бабушка Евдокия Семеновна Басова (девичья фамилия Румянцева) похоронена на Богословском кладбище в Ленинграде.

Моя старшая сестра, Кулькова Валентина Васильевна, (девичья фамилия Басова) 17 декабря 1924 года рождения в селе Тепляковка.

Наступили сильные морозы, но моя старшая сестра работала на военном заводе. Она завертывала в спец бумагу снаряды и укладывала в ящики. Ящики были тяжелые, и она с подругой вместе ставили друг на друга.

Несмотря на такое тяжелое время и ее загрузку на работе, Валя умудрялась заботиться о нас. Она шила, вязала и так далее.

Это человек большой силы воли и долга. После выхода на пенсию она на заводе работала еще 10 лет с тем, чтобы нам (Анне, Жене) дать возможность учиться.

Сейчас ей 92 года, она очень больной человек, но держится. За ней ухаживает Женя. Я и Женя желаем Вале крепкого здоровья! Так как мы жили в районе военной академии имени «Буденного» и Политехнического института и детской больницы, нас часто бомбили. Мы, школьники и взрослые, поочередно дежурили на крышах домов, где стояли ведра с песком. Таким образом оберегали от пожара деревянные дома. Это был студенческий городок, где жили и профессора, и студенты. С самого начала войны в сосновке начали срочно строить военный аэродром. Везде стояли флажки с пометкой «минировано», но я и Женя бежали, ничего не опасаясь. Нас задерживали красноармейцы, ругались, запрещали нам появляться, но давали по большому солдатскому сухарю, но, несмотря на запрет, мы снова появлялись. Нас часто бомбили днем и ночью, выла сирена «воздушная тревога». Но недолго длились «хорошие времена». Маму вызвали в исполком и сказали, что мы по распоряжению правительства, как многодетная семья подлежим обязательной эвакуации. Срок на сборы 10 дней. Мама просила, вернее, отказывалась от эвакуации, но все бесполезно! Нам на дом были доставлены ж/дорожные билеты (бесплатные) и рейсовые карточки и на 3 дня сухой паек. Прощай, Ленинград!

В назначенный день за нами пришел грузовик с 2 рабочими. Они погрузили наши многочисленные вещи, посадили нас в машину, и мы со слезами отправились на Финляндский

вокзал и на Ладогу. На Ладоге нас посадили в трюме на баржу, а вещи на палубу. Когда мы переправились на противоположный берег, нас накормили пшенной кашей и отправили на ж/дорожные пути. А я осталась ждать и смотреть, когда будут выгружать вещи. Вещи стали выгружать краном. Когда я видела свои вещи, я их оттащила в сторону (они были заметны, т.к. большие тюки были обшиты брезентом). Когда я все тюки оттащила, я пошла сказать мама и Вале, что их надо перетащить к вагону. Стоял вагон, на котором раньше перевозили животных. Мама наняла 2-х рабочих, и они перенесли к вагону, и, когда была команда грузить, они (рабочие) погрузили вещи и нас. Не помню, как долго стоял наш вагон, но, наконец, нас подцепили к какому-то составу, и мы поехали. Было 8 августа 1942 года.

Когда мы ехали, никакие рейсовые карточки отоварить не смогли, т.к. поезд шел не по расписанию, и мы успевали только заpastись кипятком. Когда поезд стоял, и к вагону подходили люди с продуктами, мама брала вещи и меняла. Однажды поезд стоял долго, и недалеко виднелась деревня, мама взяла узелок с вещами и отправилась в деревню, но вскоре поезд тронулся, и мама не успела вернуться. Мы проплакали 3 дня, и вдруг поезд остановился, и вошла мама с продуктами. Радости нашей не было предела. Оказалось, поезда проходили, но проводники не пускали. И вот однажды остановился военный состав, и красноармейцы вышли покурить, увидели заплаканную женщину и, узнав, что она из Ленинграда и отстала от детей, они оттащили проводницу, подняли маму в вагон и дали несколько сухарей, и мы ожили. От скуки стали вспоминать.

Однажды Гриша не пришел домой, и мы стали волноваться. И вдруг в дверь постучали. Мама открыла дверь, и мы увидели очень замерзшую женщину, и она сказала «не волнуйтесь, Гриша жив, он, когда шли строем (а он был в ремесленном училище), упал, потерял сознание, и его увезли в больницу «Ленина». Он полежит несколько дней и придет к Вам».

Мама хотела ее напоить чаем, но она отказалась. Мы были очень благодарны этой женщине. Вспомнили и то, что когда в начале мая мы пошли с мамой на Богословское кладбище, увидели ужасную картину: вдоль забора Политехнического института лежали многочисленные, в основном молодые, трупы. Был зловещий запах, идти было невозможно, и мы вернулись. Вспомнили Гришу, как он сам, недоедая, приносил в кружечке за пазухой кашу для Сашу. Он очень любил Сашу. Раздевался, мыл руки и грел кашу на буржуйке и сам кормил Сашу. Мы удивлялись, как он быстро ее ел и с большой благодарностью смотрел на Гришу. Мама Сашу не кормила, т.к. не было у нее молока. И поэтому Саше была врачом выписана молочная смесь в молочной кухне. Это довольно далеко от нас. И я ежедневно ходила в молочную кухню за молочной смесью. Как бы мы ни старались, мы простудили Сашу. И он заболел воспалением легких. Спасти нам его не удалось. Перед кончиной он все кого-то искал глазами, я думаю, Гришу. Затем он закрыл глаза и через минуту вновь открыл глаза, в них столько было скорби, и он опять закрыл глаза и дернулся, и из глаз выкатились 2 слезинки. Я и Женя досыта нарыдались. Затем к губам поднесли зеркало, оно не запотело. Значит...

Мы выждали несколько часов, и когда тело остыло, мы его обмыли, одели в чистую одежду и в кровати постелили чистое белье и положили его в кровать, накрыв белой простыней.

У Валиной подруги тоже в это время умер сын Сережа такого возраста. И через 2 дня, вдоволь наредевшись, Валя завернула одетого Сашеньку в махровое одеяльце и унесла Сашеньку на Богословское кладбище. Там нашли готовую свободную могилу и нашли ящик. На ящик Валя от подруги приняла Сашу, а затем Сережу, положив их рядом, и с трудом вылезла из могилы. На следующий день могилу закопали и поставили деревянный крест.

Вспомнили и то, что однажды у меня в подъезде кто-то сверху спустился и у меня отломил половину пайка 375 г. Было горько!

Сколько мы ехали, я не помню. Наконец мы приехали в Ленинск-Кузнецкий район станция Егозово.

Нас встретил председатель колхоза «Красный путь». Поселили нас в отдельную комнату. У хозяйки было много скота, но по воду с дочкой она не ходила. Воду с реки «Иня» носили мы.

Работали в колхозе все. Председатель, кроме коровьего молока, ничего не выписывал. Меняли одежду у колхозников на продукты. Валя работала приемщиком молока от доярок. Случился случай, кто виноват неизвестно, но лошадь дернулась и фляги с молоком опрокинулись. Ущерб был оплачен Валей. Когда мы возвращались в Ленинград, трудодни у 4-х человек не были оплачены. Председатель сказал, когда окончится сезон, и будет подсчитана оплата на 1 трудодень, он нам вышлет деньги, но, увы, этого не случилось.

В Ленинград мы вернулись одни из первых, как только был разрешен въезд. Завод «Севкабель» оформил этот вызов, и мы вернулись.

Завод нам дал комнату в 3-х комнатной квартире.

В 1947 году я окончила школу. В Ленинграде везде были развешены объявления: «Газотопливный техникум приглашает студентов для работы по окончанию в городе Ленинграде».

Мама посоветовала поступить в Газотопливный техникум на плановое отделение. Я сочла это разумным и поступила. Перед нашим выпуском специалистов распустили на самоопределение. А наш выпуск отправили осваивать целину. Я выбрала «Соцгород» будущий «Ангарск» – недалеко от Байкала. Ангарск строили заключенные. Продуктами город плохо обеспечивался. В изобилии было мороженное коровье и овечьё молоко и мороженный омуль.

В 1951 году я вышла замуж за Ленинградского детдомовского 1929 года рождения. Он тоже окончил тот же техникум, что и я. Родители у него умерли от дистрофии. Кизерицкий Борис Ренеардович окончил механо-технологическое отделение и вскоре был назначен начальником «Союзпромонтажа». Работа передвижная, но с этим я согласилась. Монтировал

заводы в разных городах, в т.ч. и во Владимире. Я работала во Владимире с 1967 г. В 1973 г. назначена начальником планового отдела «Завод крупно-панельного домостроения». С этой должности в 1984 г. ушла на пенсию. Трудовой стаж 40 лет.

В 1952 году у меня родился сын в Ленинграде. Кизерицкий Сергей Борисович (фамилию не меняла с целью сохранения ленинградской прописки). Сергей Борисович Кизерицкий окончил в Ленинграде «Высшее военно-морское инженерное училище им. Дзержинского», присвоена квалификация военный инженер-электрик. Служил на Тихоокеанском и Балтийском флотах.

Куриной Леонид Кириллович

Родился 25 мая 1936 года в селе Кислин Буковского района Черкасской области Украинской Советской Социалистической Республики (ныне Уманский район Черкасской области, Украина)

Здравствуйте, меня зовут Куриной Леонид Кириллович. Родился я в 1936 году, а когда началась война, мне было пять лет. В конце ноября 1941 года началась бомбёжка над нашим селом. Когда самолёты начали летать над нашим селом, мы спрятались в погреб. Потом слышим, фронт движется в нашу сторону. Вечером стояли примерно до двенадцати часов, и видели в сторону Увоня сплошное зарево. Так мы простояли до двенадцати и пошли спать.

А утром, слышим, собака залаяла. Я в окошко смотрю, уже во дворе ходят немцы, бегают курей ловят, скотину собирают. В итоге всю скотину в селе угнали. Мы уже начали выносить вещи на улицу. Собака лает, немец наставил на неё автомат, и она успокоилась. Зашли немцы к нам в хату, а у нас потолок завалился и остановиться у нас они не могли, поэтому ушли искать другие места.

После обеда шум, крик по селу пошёл, они стали ловить девушек, парней, в Германию угонять. Нас всех начали сгонять в одно место и один немец, на ломанном русском языке говорит: «Теперь всё, вы теперь свободные, вы будете работать на Германию».

Дальше деда – бывшего кулака, у дома которого мы стояли, избирают старостой, его дом занимает комендант, там, соответственно, помещается комендатура. Оттуда шло управление нашим селом под немцами, так как необходимо было проводить сельскохозяйственные работы, ведь, поспевала картошка, кукуруза и другие культуры. На работы в поле отправляли все взрослое население.

Когда немцы зашли в наше село их расселяли по нашим хатам. В то же самое время и к нам в дом привели двух офи-

церов, хотя кухня у нас была небольшая. Мы спали на печке, а два офицера на нашей кровати. Они у нас немного пожили, но из-за того, что мало места, ушли.

Во всяком случае, с приходом немцев, у нас заработала кузница, сапожник появился, то есть, среди этих немцев были люди, которые более-менее сочувствовали. И казалось, когда первый фронт прошёл дальше на восток, вроде какая-то жизнь появилась. Ведь все селяне на работу хотели, и работали, сколько могли.

В одно прекрасное время, вдруг немецкие танки «Тигры» подъезжают к нашей хате и останавливаются. Из танка вылезают немцы, и пошли опять курей ловить. Всех птиц поймали и перестреляли. Подходит немец к маме и говорит: «Почисти, свари и принеси нам». А мама говорит: «Паразит ты такой, перестрелял моих курей и хочешь, чтобы я кормила тебя». Немцы-то готовились к войне, у каждого немца был маленький набор слов, он понял, что она сказала. И он говорит: «А-а-а, ты не хочешь, значит, будешь нас кормить, поить и ухаживать за нами». Разворачивается танк и прямо под окнами остановился. Один немец из танка вылезает, сразу ногой в стекло. Другой ему снизу подаёт бутылки, а этот стоит и принимает. Одно окно заставили бутылками с водкой, другое заставили гранатами. И их, этих немцев, оказалось семь человек: шесть танкистов, седьмой повар. Ну а так как у нас негде спать, они спали в спальных мешках на земляном полу. Это было самое настоящее зверьё. Это те танкисты, которые потерпели поражение под Москвой. Я один только раз в кино видел что-то подобное.

Значит, что они делали? Сестрѐнка Маруся родилась у меня в июне месяце 1942 года, а немцы на этом танке пришли к нам в конце 1943 года. Она маленькая, кричит на печке, а они до двенадцати часов пьют, гуляют, женщин приводят, на наших глазах на кровати всё это они делают. Ни стыда, ни совести у них не было, одни только пьянки и гулянки. До 12 ночи они гуляют, а потом до 12 дня спят. Немцам не нравилось,

что в доме кричит маленький ребенок. Однажды один из них заставил маму пойти за водой на колодец и потом облил холодной водой нас и сестренку с тем, чтобы мы не издавали звуки. Мы же, конечно, уже тоже стали кричать, а он еще больше раздражаться. Тогда немец взял шомпол и стал стучать им по краю печки и кричать на нас, чтобы мы замолчали. Было страшно тогда...

Когда немецкие танкисты, наконец, просыпались после своих пьянок, они выходили на улицу умываться и обтираться снегом. И вот только тогда нам удавалось слезть с печки, ведь зачастую мы и ели и в туалет ходили только на печке. При этом немцы регулярно нас подзывали к себе, чтобы сфотографироваться с нами, говорили нам вести себя так, будто мы всем довольны.

Но повар был хорошим, он не хотел войны, и пока танкисты не видели, он нам давал покушать. У каждого немца был ранец, в котором собраны были продукты: халва (очень вкусная), тушенка, сгущенка, даже пиво в банках. Повар нам давал то картошки, то хлеба, а помню, дал пол-литровую банку смальца. Он говорил моей матери, что война – это плохо, и что у него дома у самого 4 детей.

Нам еще повезло по той причине, что, хотя и весь скот села угнали или съели, наша корова осталась при нас. В свое время отец, когда работал на сахарном заводе, угнал нашу корову, а взамен сумел найти хорошую дойную корову немецкой породы. Корова была невысокая, но крепкая и красивая, темно-бардового цвета. Так вот немцы оставили ее, чтобы иметь молоко, а так как мама и доила эту корову, у нас периодически было молоко. Немцы, даже когда ушли, не стали ее с собой брать. А вот наши партизаны увели. Но нас самих тогда не было дома, мы вынуждены были бежать, и партизаны, наверное, думали, что корова бесхозная. Уже после войны мы случайно узнали, что наша корова цела, и по суду вернули ее.

Мой отец еще в начале войны ходил в военкомат, просился на фронт. Но его не взяли, так как он был специалист

высокого уровня, и по брони его оставили в тылу. Когда же немцы наступали, и фронт начал ближе подходить, отца и ещё несколько человек перевели в подполье. Отцом была написана тетрадь, где он описывал явочные квартиры, где они собирались, где они были. Партизанский же отряд был примерно за 18 километров от нас в лесу. Когда уже в селе были немцы, отец зачем-то вернулся домой. Дочь кулака, того избранного старосты, заявила на моего отца. Немцы пришли, начали обыскивать дом, но долго не могли найти. Мы отца в дымоход спрятали, так как на Украине в те времена дымоходы делали большие и широкие, квадратные – метра по полтора. Но немцы всё равно, в конце концов, его нашли.

Отца отвели в бывший дом сельсовета и подвергли пыткам, чтобы он выдал партизанский отряд. Позже отец рассказывал, что фашисты втыкали ему в пальцы иголки, зажимали пальцы рук в дверной косяк. У него все пальцы были опухшие. Отец им ничего не сказал. Потом его перевели за пять километров в районную жандармерию, и там его тоже пытали, но ничего не смогли узнать. В итоге его и ещё несколько человек заставили выкопать ямы, чтобы на краю их расстрелять, и было удобно скинуть тела в те самые ямы, а потом закопать. Дело было в июне 1942 года, мама была беременна моей младшей сестренкой. Когда отца и его товарищей уже выстроили на расстрел, моя мама, которая все это видела, так сильно испугалась, перенервничала, рыдала, что у нее начались родовые схватки. И в этот самый момент она родила мою сестру. Отец сказал немцам: «Ну, дайте хоть напоследок посмотреть на ребенка, кто там родился!», и ему разрешили. Пока он смотрел, приехал немец на лошади, и говорит: «Расстрел отменить, на дополнительный допрос». Все это произошло буквально в течение одной минуты.

И за тридцать километров отца увезли на допрос. И кончилось тем, что отец с другом каким-то образом вошли в доверие к коменданту. Отец умел хорошо ремонтировать сапоги, стулья и так далее, а его товарищ был хорошим часовщиком.

И в итоге ночью отец с товарищем крадут у коменданта лошадей, бричку и приезжают обратно к нам в село. Помню, было солнечное утро, мы выходим из дома и видим подъезжающую бричку с отцом. Разговаривать особо было некогда, так и увезла их эта бричка к партизанам.

Так всю оставшуюся войну отец и провоевал в партизанском отряде, если не ошибаюсь, под началом самого Сидора Артемьевича Ковпака. После войны его воспоминания вошли в книгу о партизанском движении, а сам отец получил медаль «Партизану Отечественной войны».

Мы же, как я сказал, вынуждены были бежать из дома. Мы считались семьей коммуниста, а коммунистов и их семьи немцы при отступлении зачастую расстреливали. Когда наши войска уже подходили, за день до отступления немцев повар, который к нам как-то проникся, предупредил маму. Ночью мама сказала собираться, нам для этого немного времени надо было. Я надел свои «модельные» сапоги, какую-то курточку, Вася, средний брат, которому было три года, тоже что-то на себя натянул. Марусю взяли на руки. И тихонько, чтобы не разбудить спящих на полу немцев, спустились с печки на лежанку, с лежанки на пол. Немецкий повар, который спал чуть в стороне от танкистов, приподнялся, чтобы пропустить нас к выходу, и мы тихо прошли мимо и вышли на улицу.

Как потом, я узнал, мы пришли на явочную партизанскую квартиру. Хозяйка квартиры нас приняла и дала переночевать. Далее нас перенаправили к матери отца и его сестрам в районный центр Буки. Увели нас за десять километров через лес, чтобы для немцев мы потерялись, они не знали, где нас искать, и не искали вообще. Но бабушка тоже была под надзором, поэтому она сказала, что мы семья, у которой сожгли дом, и нам негде жить. Так мы у нее и жили, хотя у нее еще квартировались три офицера. Более того, бабушка на чердаке спрятала раненого партизана и ухаживала за ним. А потом уже это стал делать я.

В день освобождения, помню часов в десять шум, стрельбу. Наши бегут с автоматами – наступают, немцы кто в чем (кто-то

в трусах, а кто-то голышом) бегут за речку, отстреливаются. Когда немцы бежали, они по ходу расстреливали тех, кто попадался им. Поэтому один дед в старой ушанке с оттопыренным ухом спрятал нас и еще человек 30 в погреб и надежно закрыл. А сам остался наверху, медленно прохаживался, опираясь на свою палочку. И вот открывается люк, стоит наш солдат с автоматом и командует: «Выходи!» Ведь, среди нас мог и немец спрятаться. Мы все вышли, нас проверили, что все свои, и уже стало спокойнее. Бабушка открыла лаз на чердак, и оттуда спустился уже оклемавшийся партизан. Он доложил о себе солдату, но тот все равно отвел его под дулом автомата в штаб. Прошло минут тридцать, и мы уже видим нашего партизана в военной форме, в шинели, с автоматом. Он подошел к нам, обнялся с нами и ушел с войсковыми частями на фронт. Больше мы его не видели.

Так мы пережили эту войну, остались живы, отец вернулся с фронта. Можно сказать, нам очень повезло. А много позже я уже обрел вторую родину на Владимирщине.

Кучма Зинаида Ивановна

Родилась в ноябре 1934 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Блокадную зиму 1941-1942 гг. – я не забуду никогда – вспоминает Зинаида Ивановна. Мы жили на окраине города, на улице, которую называли в честь землевладельца Щербакова. Наш одноэтажный домик состоял из трех комнат и общей кухни. Недалеко были огороды и церковь. В конце ноября мне исполнилось всего 7 лет. Я помню, мы идем с мамой по кладбищу, стоял сильный мороз, мне было страшно. Мы зашли с ней в церковь, там было холодно и пусто. Батюшка причастил нас Святых Тайн и благословил. В детской памяти сохранилось багровое зарево...

Молитва Ангелу Хранителю:

Ангеле Божий, Хранителю мой Святой,
данный мне Господом Богом с небес на соблюдение.
Ты меня ныне просвети, от всякого зла сохрани,
к добрым деяниям наставь и на путь спасения направь.
Аминь

«Это полыхают Бадаевские склады, все запасы продовольствия горят», – шепчут сквозь слезы соседи, кто-то плачет. Я помню зеленые капустные листья, которые насобирала мама и заквасила их в деревянной бочке. Потом, когда капусту съели, бочку мама спрятала, чтобы ее не сожгли. Моя мама Матрена Кузьминична мечтала о жизни ..., а умерла в начале мая 1942 года. Ночью я проснулась, позвала маму, а она не отзывается на мой голос. В страхе я бегу по темному коридору к соседям. Надо мной – летит женщина в белом. Через много лет я поняла – это мой Ангел-хранитель. Он охраняет меня всю мою долгую, трудную жизнь. Вспоминаю, вот мы стоим у буржуйки, у соседки по ватнику ползет большущая белая вошь, за ней еще... греются вместе с нами. У меня в руках твердый комок дуранды, я пытаюсь откусить немного, но бесполезно, сосу ее.

В конце мая приходит женщина из домуправления, она забирает меня, мы идем с ней по блокадному городу, в руках у меня узелок и кусочек хлеба – горькие слезы текут у меня по щекам. Она приводит меня в детский дом и оставляет. Через месяц нас отправляют по Ладоге на Большую Землю. Нас детей-блокадников, дистрофиков с любовью и жалостью встречают жители древнего Суздаля.

900 дней продолжалась блокада. Мы прожили в осажденном городе 290 дней. У меня хранится выписка из Ленинградского архива города. Это список детей 43-го Ленинградского детского дома, эвакуированного 28 июня 1942 года в г. Суздаль. На здании, где был помещен детский дом № 4, есть мемориальная доска. Когда будете в Суздале, то по пути в музей, увидите это трехэтажное старинное здание, принадлежавшее до революции 1917 года купцу. Теперь там музыкальная школа. Здание капитально отремонтировано в 80-е годы. Парадная лестница, которой раньше не было, ведет на 2-ю и 3-ю этажи. Раньше у здания была пристройка, где находилась кухня и веранда. На ней мы собирались вместе. Пели песни о войне, вспоминали свое блокадное детство, мечтали о будущем.

Сколько же сил, здоровья, тепла и ласки отдали нам сотрудники детского дома, чтобы мы выросли здоровыми, честными и доброжелательными. Около 100 детей-дистрофиков находилось в стенах этого старинного здания. Отопление было печное. Воду возили с Каменки.

После окончания войны прошло 65 лет. Затянулись окопы и раны войны. Много изменилось вокруг. Но неизменным остается одно – подступает комок к горлу и наворачиваются слезы, когда видишь убеленных сединами фронтовиков и тружеников тыла. Их становится все меньше и меньше.

И вы, дорогие наши правнуки и правнучки, оглядитесь по сторонам. Может быть, ваша помощь нужна вашим близким, соседям по площадке и дому. Возможно, рядом живут люди, которым можно помочь. Пожилым людям трудно выходить из дома. Предложите свои услуги. Сходите в магазин за

продуктами, поговорите с ними. Они расскажут вам много интересного из своей жизни. Попросите их фотографии. На них они остаются всегда молодыми и жизнерадостными.

Дорогие дети, наверное, я бы не стала педагогом, если бы не моя первая учительница – Смолина Анна Петровна. Приятный голос, выдержка, доброта, умение поддержать ученика в трудную минуту – все это располагало к ней и вызывало чувство симпатии и искреннего уважения. Четвертушка хлеба, которую мы получали во время войны в школе из ее добрых рук, становилась вкуснее. А ее оценка «отлично», написанная красивым почерком, до сих пор в моей памяти.

Директором нашей школы была Алякринская Тамара Владимировна. Она вела у нас математику. Молодая, красивая, энергичная, требовательная, а математика была моим любимым предметом, и потом, когда я училась в педучилище.

Хорошо помню воспитательницу детского дома Нугис Инну Юрьевну. Она эвакуировалась вместе с нами в Суздаль и работала до окончания войны. Потом она вернулась вместе с другими сотрудниками в Ленинград. Это была высокообразованная, интеллигентная, красивая женщина. Она научила меня читать стихи и с ними выступать в самодеятельности. Инна Юрьевна была лично знакома с Варгановым Д. А. – директором Суздальского музея, который часто рассказывал нам во время экскурсии о древнем Суздале.

Прошло много, много лет. А я до сих пор с благодарностью вспоминаю своих учителей, воспитателей и сотрудников детского дома. И в мыслях повторяю: «Спасибо Вам, мои дорогие, за жизнь, посвященную нам – детям, за сердце полное бескорыстной любви».

А вам, дорогие дети, я желаю расти чуткими, добрыми, отзывчивыми, любить своих родителей, учителей и помнить, какой ценой завоеваны мир и счастье. Счастья вам, здоровья и долгих лет жизни.

Мир дому вашему и хранит вас Господь Бог!

Посвящается моей первой учительнице Суздальской семилетней школы Смолиной Анне Петровне, моей учительнице:

В тот день светило солнце горячо,
Светло желтели клены за окном...
Ты, положив, мне руку на плечо
Сказала: «Ну, давай, дружок, начнем!»
Ты и тогда была уже седой,
С глубокими морщинами у глаз.
И вот мы в путь отправились с тобой,
И ты с тех пор не покидала нас.
Учила буквы складывать, считать,
Стихи учить и справедливым быть
На все глядеть и все запоминать
И все родное, русское любить.

(Вероника Тушнова)

До той, самой памятной весны
С волнением письма с фронта нам читала
И песню про священную войну Тихонько
и с тревогой запевала:
«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...
Идет война народная,
Священная война.»
Мы дружно хором подпевали,
Деля с тобой твою тревогу.
Когда закончится война? –
Известно было одному лишь Богу.
Быль для детей читала в 3 классе нам.
Потом в детдоме я ее учила.

Быль о войне писал нам Михалков.
И те стихи я до сих пор не позабыла.
И от моря, и до моря поднялись большевики.
И от моря, и до моря встали русские полки –
Все советские народы против общего врага.
Все, кому мила свобода и Россия дорога.
Не расскажешь даже в сказке
Ни словами, ни пером,
Как летели с немцев каски
Под Москвой, и под Орлом.
Как на Запад, наступая,
Бились храбрые бойцы –
Наша Армия родная,
Наши братья и отцы.
8 Мая кончилась война.
Об этом ночью мы, детдомовцы, узнали
И долго с криками «Ура!»
Подушки в спальне мы бросали.
Но это будет все потом...
И дня Победы мы 4 года ждали.
Ну, а пока: «Будь проклята война!» –
Замершими руками мы писали.
А на большой холодной перемене
С каким терпением мы ждали их,
Военных лет кусочки хлеба,
Из добрых, ласковых и честных рук твоих.
А древний Суздаль средь разрушенных церквей,
Как – будто варвары его громили,
Детей – блокадников растил, как сыновей,
И тыла тяготы мы вместе с ним делили.

*Владимир 2012 г.
Суздаль 1942 г.*

Лазарева Нина Сергеевна

Родилась в 1936 году в селе Эдемское Камешковского района Ивановской области (ныне Камешковский район Владимирской области)

Когда началась Великая Отечественная война мне было 5 лет, сестре моей 3,5 года. Были и мама, и папа, то есть была семья. Годы военные для меня не прошли бесследно, но мешали осуществить многие мечты, было очень трудно, моя сестра Зоя была слабым ребенком и болела всегда. К этому несчастью присоединилось другое горе, от нас ушел папа к другой женщине и нам пришлось уйти жить к маминой маме, бабушке Ольге, там была большая семья, жили с бабушкой еще 3 незамужние мамины сестры и брат, Николай, которого забрали на фронт и в первый же год войны он героически погиб, нам отвели небольшой уголок в доме, в общем мы были лишние. Отец нас бросил и забыл, а мама была гордая, ничего у него не просила. У нас не было даже участка земли. Мама работала в Камешково на фабрике имени Свердлова, ввиду тяжелого семейного обстоятельства пошла работать в Ковров на завод имени Киркина – ныне Дегтярева.

Было голодно. Мы копали на колхозном поле гнилую картошку и пекли блины, ждали маму с работы, когда она нам принесет сто граммов хлеба, поезда ходили плохо, мама много раз ходила из Коврова пешком. В то тяжелое время в церкви служил широкой души человек, батюшка, как его звать я забыла. У нас в Эдемском очень красивая церковь, мы жили рядом, так вот этот батюшка собирал детей и кормил, покупал кому пальто, кому обувь, в общем хорошо нам помогал, через Эдемское на лесоповал ходили пленные немцы, ходили свободно, с нами разговаривали и очень хвалили нашу церковь, вроде бы такие же люди. Училась до 5 класса в нашей Эдемской школе, дальше надо было ходить в Камешково, это 5 километров, одеть было нечего, мама сошьет какое-то

платье и ладно. 7 классов окончила и решила идти работать, было трудно, жалко было маму. Мамина сестра устроила меня работать на завод имени Дегтярева в отдел технического контроля, немного поработала, сестра без конца болела, денег не хватало, перешла работать на станок токарный.

В 1955 году вышла замуж в поселке Новки, родила двоих детей, выстроили с мужем свой частный дом. Из завода потом я ушла работать в поселок Новки в администрацию, но должность – специалист по социальной работе, затем выбрали меня старостой поселка Новки, затем еще выбрали председателем Совета ветеранов и так по сей день занимаюсь общественной работой, много наград. У меня все в настоящее время хорошо, замечательные дети, внуки, правнуки, на судьбу я не в обиде, я счастлива.

Лапшина Галина Ивановна

Родилась 28 февраля 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Лапшина Галина Ивановна (в девичестве Яковлева), родилась 28 февраля 1938 года в городе Ленинграде. Родителей не помню. В памяти остались отдельные моменты. В 1942 году я два месяца находилась в детском доме № 3 Дзержинского района, потом нас переправили в Костромскую область по Волге, в Гореславку, Гомонику, с. Красное в Подольский детский дом. И с начала 7 класса нас отправляют в Парфеньевский детский дом, где закончив 7-й класс, меня трудоустроили в город Владимир в Ремесленное училище № 9.

С документами мне пришлось повозиться, так как я в Ленинграде ходила в детский сад № 29, и мне написали 29 февраля – день рождения, а место рождения в паспорте указано не было. С таким паспортом я всю жизнь жила, даже по комсомольской путевке ездила в город Находку, а когда нас перевозили в город Владивосток, меня спрашивали, почему у Вас так. И только когда последний раз меняла паспорт, я съездила в Ленинград и в архиве подняли документы. Справка из архива Санкт-Петербурга: родилась в Ленинграде на Невском проспекте 96-7-2. Отец – Яковлев Иван Яковлевич, мать – Алексеева Марфа Алексеевна. Родители умерли. Считаюсь круглой сиротой.

Конечно, пока были в детском доме, а затем в училище, я не ощущала, что у меня никого нет. Но когда от училища отпуск дали, все куда-то уехали, а мне куда? В последнем детском доме мы несколько месяцев были, но меня Нина Арсентьева пригласила к своей матери в Солигачи Костромской области.

В Красносельском детском доме у нас все, включая персонал, были ленинградцы. Конечно, мне тоже очень бы хотелось встретиться с детдомовскими ребятами, они, очевидно, иногда встречаются в Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге.

Левина Зинаида Захаровна

Родилась 4 декабря 1935 года в Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я Левина (Антипова) Зинаида Захаровна родилась в г. Ленинграде 4 декабря 1935 г. и проживала с мамой и папой на ул. Елизаветинской, дом 16 квартира 6.

Папа работал на Кировском заводе, а где работала мама, не знаю.

В 1939 г. папа был призван в армию и отправлен на фронт, воевал с финнами. По окончании войны он вернулся домой.

В 1940 г. родился младший брат Толя.

22 июня 1941 г. немецкие самолеты начали бомбить наш город.

Очень часто объявляли «воздушная тревога» и мама со мной и маленьким братиком на руках бежали в бомбоубежище.

Папу на фронт не взяли, т.к. он работал на военном заводе, который выпускал танки.

С 8 сентября 1941 г.г. Ленинград был окружен и началась блокада.

Самое тяжелое страшное время было суровой зимой 1941-1942 гг.

Голод, холод, отключили: свет, отопление, водопровод и канализацию. Да к тому же постоянные бомбежки.

Норма хлеба в ноябре 1941 г. была 125г в день (тоненький кусочек). Постоянно хотелось есть. Холод в квартире был страшный. Папа принес железную печку (буржуйку), которую топили на ночь, чтобы спать было потеплее, но она быстро остывала. Пока жив был папа, он находил где-то дрова, а потом стали жечь мебель.

По воду мама брала меня с собой, одевала на меня всё теплое, сажала на санки, ставила ведро. А обратно шли пешком, везли воду.

Мама часто отдыхала, ей было тяжело.

На замерзшей земле лежали трупы людей, засыпанные снегом.

В конце января 1942 г. папа ушёл на работу и не вернулся.

А в феврале месяце умерла мама, а через два дня умер маленький братик – ему было 2 годика.

Сосед по квартире сколотил ящик из нашего шкафа и маму с братиком положили в него. Сосед на санках их увёз, на захоронение в общие могилы.

И так я осталась одна, мне было 6 лет 3 месяца. Спасибо соседям по квартире, они взяли меня к себе. У них я прожила год, пока не стали вывозить детей сирот. У соседей была дочь мне ровесница и сын на фронте. В бомбоубежище уже не бегали, все были ослаблены.

После частичного прорыва блокады в конце марта 1943 г. стали детей сирот отправлять на большую землю (так называли жители блокадного Ленинграда).

У соседей вернулся с фронта сын без ноги. И они были вынуждены отправить меня в детский дом. Нас повезли на крытых грузовых машинах по льду Ладожского озера.

Привезли в г. Кашино, там был детприемник распределитель. Немного покормили и отправили на поезде в Ивановскую область до г. Юрьев-Польский, а потом на подводах в село Ратислово. Пока везли в детский дом, несколько раз останавливались в деревнях, чтобы нас немного покормить. Женщины выходили из домов, при виде нас плакали, мы были изможденные, страшно худые. Им разрешали дать нам маленький кусок хлеба и полстакана молока.

Привезли в село 4 апреля 1943 года, там была школа 10-летка на всю округу. 3х этажное здание (бывшее графское имение) разделили пополам. Одна половина школа (7-ми летка) вторая половина детский дом.

Остригли всех наголо и одели всех одинаково (рейтузы и свитер). В детском доме было 100 человек разного возраста, в основном дети блокадного Ленинграда. Сначала кроватей не было, были деревянные раскладушки, обтянутые брезентом.

С сентября 1943 г. все пошли в школу, постоят на 2 этаже, откроют дверь и мы в школе. Кончатся уроки, пускают в детский дом.

Местность, где расположен детский дом, очень красивая. С двух сторон пруды, соединенные каналом (правда заросшим) и плюс еще 4 пруда. Один назывался «банный», где мы научились плавать.

На одном пруду, рядом с детским домом, была построена баня для нас. В банный день воду носили сами, постоят в щепочку, и передаем ведра.

Многому мы научились в детском доме: пилили и кололи дрова, топили печки, мыли полы, сажали и убирали картошку, помогали растить поросят. Ходили с воспитателями в лес за грибами и ягодами. У нас была пионерская дружина, где я была председателем совета дружины. У нас были хорошие воспитатели, особенно пионервожатая, она столько интересного знала и нам рассказывала.

В детском доме я была 7 лет. После окончания 7 классов, нас направили в Ремесленное училище г. Владимира и г. Коврова, т.к. нам не было 15 лет, чтобы мы побыли еще 2 года на гособеспечении.

Я попала в Ремесленное училище № 7 г. Владимира и стала учиться на фрезеровщицу. Распорядок обучения такой – день учеба, второй день практика-работаем.

После окончания РУ (1952 г.) нас твоих девочек из детских домов, направили работать на филиал завода «Автоприбор», где нам сразу выделили места в общежитии завода.

В 1955 г. на базе филиала Завода «Автоприбор» стал завод «Электроприбор», где я проработала 38 лет. Сначала работала механическом цехе фрезеровщицей 5 разряда 4 года. Одновременно окончила вечерний Машиностроительный техникум в 1958 году. И была переведена старшей планировщицей.

В цехе проработала 11 лет и перешла работать в отдел научно-технической информации инженером, ст. инженером, руководителем группы. Закончила заочный институт

повышения квалификации информационных работников, в 1985 году.

В 1957 г. вышла замуж. У меня две дочери, две внучки и внук.

Каждый раз, приезжая в город, в котором я родилась и пережила страшную блокаду, я посещаю «Пискаревское кладбище», чтобы поклониться умершим родителям, братику и всем умершим жителям нашего города.

Мои внуки и дочери тоже посещают город, в котором родилась и провела годы блокады их мама и бабушка.

Я считаю, что мне в жизни повезло на добрых и замечательных людей, которые в какой-то степени заменили мне родителей:

1. Соседи по коммунальной квартире в блокадном Ленинграде Терехова Елена Игнатьевна и Виктор Иванович, которые писали мне в детский дом и много позже.

2. Директор РУ № 7 Николаева Татьяна Дмитриевна

3. Мастер цеха, затем начальник цеха – Усков Виктор Александрович. Я и сейчас поддерживаю связь с его женой.

Светлая память осталась о них.

Добро никогда не забывается!

Лозицкая Майя Евгеньевна

Родилась 7 ноября 1933 года в городе Горький (ныне г. Нижний Новгород)

Я, Лозицкая Майя Евгеньевна, родилась в городе Горький в 1933 году 7 ноября. После чего моя семья уехала в город Ковров в 1936 году. Мой отец, Лозицкий Евгений Александрович (1908-1997), работал во время войны на Ковровском заводе, который разрабатывал и поставлял на фронт оружие Победы. Мать, Лозицкая Вера Константиновна (1913-2006), тоже работала на заводе. В 2011 году городу Ковров указом Президента РФ присвоено почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы». У меня есть две сестры: Наташа, средняя сестра, 1947 года рождения и младшая 1953 года рождения.

Когда началась война, мне было 7 лет, я не понимала, что происходит вокруг, но видела, как паникуют все взрослые. В полях начали копать бомбоубежище, которое выглядело как длинная глубокая траншея, закрытая сверху деревом. Внутри были лавочки, чтобы люди могли присесть. Во всех квартирах и на улице стояли репродукторы. И как только объявлялась воздушная тревога, все рабочие бежали на завод. В домах оставались только дети и старики. Окна заклеивали ленточной бумагой, чтобы при бомбежке они не разбились. Однажды ночью в ноябре 1941 года объявили воздушную тревогу. Все люди быстро начали собирать свои вещи и документы, кто-то плакал, кто-то кричал. Мы все спустились в бомбоубежище, нам сказали сидеть тихо. Ночь, нет света, чистое поле, небо ясное-ясное. И тут я вижу, как летит немецкий самолет в сторону города Горького, возможно, он и не знал про наше существование. Этот момент я очень хорошо запомнила, ведь тогда я впервые увидела немецкий самолет.

В годы войны всем людям выдали продовольственные карточки. Рабочие по карточке получали 700 г хлеба, также были карточки на крупу, муку и подсолнечное масло. Сахара не было вообще, как и колбас, сыров и многого другого. По

детской карточке получали 400 г хлеба. Меньше всего получали иждивенцы и пожилые люди.

Папа с мамой работали практически круглосуточно, я редко видела их дома. У нас был заводской клуб, двухэтажное здание, в котором на первом этаже была библиотека, сберкасса, почта и котельная, а на втором этаже было жилое помещение. Школа находилась далеко, примерно 3 километра от дома. И однажды объявили воздушную тревогу прямо на уроке, учителя сказали бежать нам по домам. Автобусов, конечно, не было, и я бежала 3 километра до дома. Тетрадей в школе у нас не было. Мама приносила из магазина мне оберточную бумагу, я ее резала, складывала, сшивала и разлиновывала, делала так себе тетрадочку. Книги переходили из рук в руки. Никаких красок, были только чернильницы-непроливайки, писали мы перьевыми ручками.

На новый год всем девочкам покупали самые обыкновенные хлопчатобумажные платья, чтобы попасть на елку. Все было очень скромно. После школы я была предоставлена сама себе, могла делать, что захочу. Помню, как по радио играли песни военных лет, которые я постоянно пела, я и сейчас помню все слова наизусть. Единственные, кто следили за детьми, это пенсионеры. После 4 класса я перешла в среднюю школу, она была немного ближе к дому, но там все было беднее. Ходила я всегда в одном и том же штапельном платье. Мама купила овчинку и сшила мне бурки, валенок не было.

Папины родители с братьями и сестрами в начале войны жили в Харькове. Бабушка все время писала нам письма. И в одном из писем она рассказала, что во время фашистской оккупации у них в доме были эсэсовцы. Один из них положил автомат бабушке на плечо и расстрелял из него брата папы. Отец, прочитав письмо, пошел к директору завода, все ему рассказал и попросил, чтобы его отпустили в освобожденный Харьков. Его отпустили, приставив к нему НКВДшника. Когда папа приехал к родителям, он увидел страшную картину: свою мать уже белую от голода и мертвых отца и сестер. Он

забрал маму и перевез ее в Ковров. После чего, немного пожив с нами, она уехала в Киржач, где жила младшая сестра папы с мужем.

Помню, что в день победы, был великий праздник. Все бегали, кричали, плакали. Мне тогда было 11 лет.

Лушкина Любовь Андреевна

Родилась 7 апреля 1934 года (в свидетельстве о рождении указано 12 апреля, но это ошибка, так как раньше рожали дома, а документы получали спустя время) в селе Дмитриев Сад Мордовской автономной области (ныне Республика Мордовия)

Жизнь у нас была тяжёлая. Приходилось много работать. Я помогала своей маме во всём. Помню случай, мне тогда 7 лет было, а мама пошла в лес за сучками, она возвращается с охапкой, а я иду ей на встречу помочь донести. Мне мама тогда смеясь сказала: «Помощница! Ведь только мешаешься!»

Ещё около нашего дома были накинаны брёвна. Мне их надо было убрать. Так я, то за один край подниму, то за другой. Так и перетасила.

Из конопли делали полотенца, мешки. Я помогала маме ткать. Перед этим мы собирали верхушки кустов, мочили их в пруду, потом сушили в бане.

У нас был огород в 40 соток, и там приходилось работать. Был один случай, я копала землю, а мне так есть захотелось, я собралась уходить, а в меня брат как кинет лопатой, разрезал ногу, получилось заражение, сейчас вот хромаю.

В 13 лет уже умела и хлеб печь и корову доить. Тоже случай смешной такой был. Я проснулась рано утром, пошла корову выпускать пастись. А через некоторое время прибегает мама и кричит: «У нас корову украли!», а я смеюсь и говорю: «Да не украли её. Она уже давно со стадом пасётся».

Маму звали – Клавдия Ефимовна Школьниковна. Она была очень трудолюбивой, и я поэтому такая же. Мама была безграмотной, а я бросила школу после 6 класса.

У мамы тоже судьба нелёгкая. Родителей моих выгнали из дома. Приняли их за кулаков. У них в доме жила сирота. Но люди подумали, что это у наёмный работник. Они перебрались в Архангельск.

У моей бабушки все дети были талантливые. Вот мамин брат делал хорошо обувь. В войну шил сапоги генералам, а мне сделал хорошие туфли.

Папа родился в 1913 году. Помню день, когда провожали его на фронт. Он ушёл в военкомат первый раз, потом их отпускали на какое-то время, и вот он мне принёс тогда кисель, а потом пошёл второй раз уже насовсем. Папа тогда сказал маме: «Пока я воюю, стройся! Тебе колхоз поможет!»

Получил он ранение в 1943. Лежал в госпитале в Сасово. Мама ездила к нему, почему-то всё боялась, что её там убьют. Потом его состояние ухудшилось, и папу перевели в Казань. Там из-за плохого обращения, рана стала гноиться, что привело к его смерти. В тот день страшно было смотреть на бабушку, она рвала на себе волосы.

А мой дедушка, папа моего папы, участвовал в Первой мировой войне. И там пропал без вести.

Мамин брат тоже воевал. Его контузило. Он лежал с закрытыми глазами. К нему подошёл немец и кому-то сказал: «Саруп!». Они подумали, что мой дядя умер. Хорошо, что он тогда не открыл глаза. С войны он вернулся. И работал на химзаводе начальником цеха.

В 15 лет я переехала к тёте во Владимир. И тут получала паспорт. Если бы я получила его у себя на родине, мне пришлось бы остаться в нашем колхозе. Первое лето я работала на стройке. Научилась там штукатурить, клеить обои, класть печку, заливать фундамент. Потом работала на Химзаводе в секретном цеху. Из Гусь-Хрустального привозили стеклоткань, и из неё делали элементы для пароходов, ракет, самолётов. Стала плотником четвёртого разряда. После 21 год работала в котельной. Получила медаль «Ветеран труда». Правда, сейчас у меня её нет – украли.

Мой сын электрик, старшая дочь окончила химический колледж, младшая – кулинарный, у неё сейчас свой сад, вышла замуж за врача, внуки замечательные растут, старший внук архитектор. Кто-то и одного ребёнка не может правильно воспитать, а я воспитала троих.

Лыкова Валентина Петровна

**Родилась 22 июня 1937 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Я, Лыкова Валентина Петровна (до замужества Пронкина), родилась в городе Ленинграде 22 июня 1937 года. Почти всю блокаду прожила в Ленинграде. За это время умерли две мои сестры – Настя и Лиза, папу убили и съели обезумевшие от голода соседи. Наш дом немцы разбомбили, так как дом находился рядом с воинской частью. Нас переселили в общежитие рядом со Смольным. Каждый день и ночь бомбили этот район. Две фугасные бомбы попали в дом инвалидов, это было что-то очень ужасное, горело всё. Врачи, сёстры, санитарки вывозили инвалидов из горящего дома, были стоны и крики. Мы, дети, старались коляски отвозить как можно дальше от горящего дома. Я была настолько глупа, что считала, что немцы бомбят только дом инвалидов, пришла я домой очень возбужденная и сказала маме, что немцы бомбят именно этот дом. Мы жили около Невы, а там стояли корабли, которые обстреливали самолеты фашистов. В воздухе были дирижабли, которые защищали город.

Эвакуировали нас с Финляндского вокзала, затем через «дорогу жизни» ехали на машине без света. Одна машина, которая ехала за нами, ушла под лёд. Одна мама оставила своего сына караулить вещи в другой машине, и именно эта машина ушла под лёд. Когда нас перевезли через озеро, она с дочкой осталась ждать на берегу, конечно, они обе замерзли.

Наша мама, она героиня, она нас спасла, хотя я отморозила себе руки и ноги, так как меня потеряли на Литейном мосту. Хорошо то, что в этот день не собирали умерших. Мама до прихода поезда прибежала и забрала меня. Кроме меня было еще два брата – старший Иван и младший Николай. Наша бабушка не доехала, она умерла в поезде. Когда блокаду прорвали, мы были в городе Тула. Нас там накормили, дали паек и отправили в город Рожок Рязанской области, деревню Самарино.

В 1947 году мы вернулись в Ленинград.

Любахина Надежда Григорьевна

Родилась 28 апреля 1926 года в селе Серебряя Джуринского района Винницкой области Украинской Советской Социалистической Республики (ныне Могилев-Подольский район Винницкой области, Украина)

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 15 лет. О начале войны я узнала из сообщения по радио. Этот день был тёплый, солнечный. Я находилась на работе в колхозе, обкаливала поля.

В августе месяце в нашем селе уже были немцы. Приехали они на мотоциклах, машинах, но больше на лошадях. Остановились у нашего дома. Один немец зашёл к нам и спросил про колодец. Папа ему сказал, что колодец есть, о чём потом очень пожалел. Тогда немцы заехали прямо в огород с кухней и всё истоптали, измяли: рожь, картошку и всё, что там росло.

Почти сразу стали насильно забирать народ на работу в Германию: девушек, парней, молодых мужчин, даже женщин 50-55 лет, забирали всех, кого поймают.

В 1942 году в октябре месяце, староста села Юстименко Василий был взят в заложники. А нас, жителей, сначала собрали в районе Джурино и держали там трое суток, так как не было транспорта. Из нашего села Серебряя нас было 25 человек, в том числе 9 мужчин, а остальные девушки и женщины.

Потом пригнали товарные вагоны, погрузили нас всех в один вагон и отправили сразу в Германию. Там, кроме нас, было ещё много народа из других сёл. Сколько ехали, никто из нас не знал. Ели только то, что взяли из дома.

Первая остановка была в Кракове. Там нас сразу отвели в баню, а потом отправили на комиссию. Потом повезли в Германию и там уже распределяли по работам. В городе Висбаден нас, четырёх девочек, отправили сразу на кухню. Там мы чистили картошку, резали капусту и другие овощи,

а также мыли посуду. Так нас продержали около месяца. Потом нас забрали в город Майнц, на его уборку после бомбёжки. Жили мы на пароходе, который стоял на притоке реки Рейн. С этого парохода нас забирали на работу. Этот город полтора года бомбили американцы, а мы так и продолжали его убирать. Кормили нас очень плохо.

Потом нас забрали в деревню Гонт. 15 девушек должны были за 8 часов сделать и загрузить на вагонетки по одной тысяче штук шлакобетонных кирпичей. А вагонеток было 24 штуки. Кормили нас по карточкам, на которые мы закупали продукты в магазине и готовили сами на кухне еду. А жили мы в лесу в бараках от военного завода.

По карточке давали хлеба по 200 граммов на человека, капусту, брюкву, кольраби, очень редко картошку и по 15 граммов маргарина. А спали мы на двухэтажных нарах. Уходить из барakov было некуда и нельзя. Проработали на кирпичном заводе до 23 марта 1945 года, пришёл в барак немец и объявил, что война подходит к концу и на работу идти не надо. А вечером пришли в барак два американца и поляк переводчик. Они сказали, чтобы мы не боялись их, так как знали, как мы сюда попали и забрали нас оттуда в лагерь, о котором мало кто знал, а то неизвестно, что немцы могли бы с нами сделать. В этот большой лагерь свозили всех освобождённых и там собирали по областям, для отправки на Родину. Но перевозили нас потом в другие лагеря, где отправляли на комиссию.

Так нас держали ещё 5 месяцев, и домой я вернулась только 25 августа 1945 года. Был вечер и меня дома встретили мама и папа. Со мной был ещё один мужчина с нашего села. Он постучался и как будто попросился переночевать, потому что на улице шёл дождь. Но сказал, что он не один, а с ним ещё девушка. Мама открыла дверь, увидела меня и заплакала от радости, что я вернулась домой.

Макарова Римма Михайловна

Родилась 10 апреля 1938 г. в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Макарова Римма Михайловна, родилась 10 апреля 1938 г. в г. Ленинграде. Наша семья состояла из 4-х человек: папа, мама, сестра и я. Папа работал директором средней школы. Мама была домохозяйкой. Мы с сестрой ходили в детский садик № 21 Смольнинского района.

Мне было три года, когда началась война. В очередной раз, когда мама пришла за нами в детский сад, ей сказали, чтобы она нас привела на следующий день в отделение милиции, наш садик будут эвакуировать. Можно себе представить, что было с родителями, которым предстояло лишиться сразу двоих детей. Мама пришла домой и сказала нам: «Завтра может прийти милиционер, я вас спрячу в шкаф, вы сидите там и молчите». Действительно, на следующий день пришел милиционер и спросил: «Почему вы не привели детей?» На что мама ответила: «Да вы что, я увела детей». А мы сидим в шкафу. Я открываю дверь шкафа и говорю: «Дядя, а мы тут». Конечно, он стал ругать маму. Пришлось ей нас увезти. На другой день нас сестрой посадили в поезд (детский сад № 21 полностью эвакуировали) и повезли в Челябинскую область. В поезде я сразу заболела. Наверное, очень сказалась оторванность от родителей. Родителей каждый день увозили рыть окопы в любую погоду. Очень часто над ними пролетали немецкие самолеты, и им приказывали ложиться в окопы, а там и глина, и вода, и холод.

Папа очень сильно простудился, и у него 2 раза было крупозное воспаление легких. Он лежал в госпитале. Папа очень ослаб от болезни и голода. Настал день, когда и их должны были эвакуировать. Им повезло. Через Ладожское озеро они проехали, их посадили в поезд, который шел до станции «Ундол» во Владимирской области. На тот момент у папы было полное истощение организма – дистрофия. Сколько-то они

проехали. Папа сидел с мамой, прислонившись к ней головой, она думала, он уснул, а он уже умер. Доехав до станции «Балагое» мама сдала его тело.

Мама приехала уже с другой группой на станцию «Ундол», село Омофорово, в бывший дом отдыха им. Караваяева. Ленинградцев было много. Когда мама немножко окрепла, она устроилась на работу. Её взяли работать поваром. Маме дали маленькую комнату, и она начала разыскивать нас. Мама делала много запросов в Облоно, но ей отвечали, что нас нет. Потом все-таки пришел ответ, что мы находимся в Челябинской области, Далматовский район, село Тамакульское. Вскоре мама поехала за нами. Это был уже конец 1942 г.

Когда мама приехала туда, где мы находились, я ее почему-то не узнала и не подходила к ней. Воспитательница ее успокоила, сказала: «Вы гуляйте со старшей дочкой, и она сама к вам подойдет». Так и случилось. Мама сказала, что у меня все тело было покрыто волосами, что я была похожа на обезьяну. Ужас!

Пробыв там несколько дней, мама собралась с нами в обратную дорогу. Ее уговаривали остаться. Шла война, билетов не купить, кругом бомбят. Но мы все же поехали. Нам дали продуктов на несколько дней, одели, и мы поехали.

С очень большими трудностями мы добрались до станции «Ундол» Владимирской области. Еды у нас не было никакой. Мама вообще еле держалась, так как все старалась нас накормить. Хорошо, что она увидела знакомого мужчину из деревни и попросила его сказать директору детского дома, чтобы за нами прислали лошадь и что-нибудь поесть. За нами приехали. Многие из тех ленинградцев, которых привозили в этот дом отдыха, умерли. И здесь открыли детский дом для детей-сирот. Мама нас тоже определила в этот детский дом. Сама она каждый день с утра до вечера работала поваром. А там надо было и дров наколоть (для плиты), и воды натащить из колодца. Сменщицы у нее не было. Я там жила с 4-х лет до 4-го класса. Школа была рядом. В 1947 году вышел

приказ, чтобы родители, которые нашли своих детей, забрали их из детского дома. На тот момент мама была замужем. Жила в деревне в частном доме. И мы стали жить с отчимом. Но это уже другая история.

Хочется описать несколько случаев:

Это было еще до эвакуации родителей. Раз в день им давали похлёбку, которая состояла из воды, пшена и опилок. И вот мама идёт с этой похлебкой домой, ее от слабости мотнуло, кастрюлька из рук вырвалась, и все содержимое осталось на асфальте. Навстречу в этот момент шел мужчина, очень интеллигентный, в шляпе, он, не стесняясь, нагнулся, стал руками сгребать похлебку с асфальта вместе с землей и отплевывать себе в рот. Вот, что значит голод.

Ленинградцам предложили начать курить, так как курение убивает чувство голода. Мама закурила.

Мама еще рассказывала, как однажды она пришла домой, а папа сидит и ест кусок мыла. Мама в ужасе: «Михаил, что ты делаешь? Ты же мыло ешь». А он смотрит на нее таким отсутствующим взглядом и говорит: «А не все ли равно что есть». Мама, конечно, мыло у него отобрала.

Из рассказов мамы еще помню, что когда немецкие самолеты летали над городом, они бросали на дома зажигалки (по-моему, так они назывались), и жители этого дома дежурили на чердаке, чтобы их гасить.

Вот, что я запомнила.

Малинкина Тамара Сергеевна

Родилась 20 октября 1930 года

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. На нашу любимую Родину напали немецкие фашисты, они вероломно вторглись на нашу землю, без объявления войны, с воздушного пространства. Они крушили все, что попадалось на их пути. Убивали мирных жителей, не щадили ни детей, ни стариков. Гитлер-фашист надеялся на молниеносный захват нашей Родины. Но наш народ, всех национальностей, встал на защиту своей страны. Война началась рано утром. Это было воскресенье, моросил летний дождь. Сама природа оплакивала эту большую беду, которая свалилась на нашу страну и наш народ. Эту весть о войне в нашу деревню принесли тоже утром. Радио у нас в деревне не было, но рабочие, которые работали на фабрике, начальную смену, ее нам и поведали. В первый же день войны мужчинам вручали повестки для отправления на фронт. Женщины и дети – все плакали. Эта участь не обошла и нашего отца – Сергея Петровича Малинкина.

Наша семья, по фамилии Малинкины, состояла из 5 человек. Детей было три девочки – Валя, Зина и Тамара. Папу звали Сергей Петрович, 1902 года рождения, работал на фабрике имени Октябрьской Революции. Когда принесли повестку, его дома не было, был на работе. Когда пришел с работы, мама вручила ему повестку. В этот же день, вечером, он должен был отправляться на фронт. Мама собрала ему вещевого мешок, запрягли лошадь и поехали на станцию Сеньково. Всех участников войны отправляли с этой станции. Папу поехали провожать – Я, Тамара, мама и вредная сестра Зинаида. Ее братья не хотели, но она так плакала, что у папы не выдержало сердце. Он сказал маме, что возьмем ее с собой, оставлять ее в таком состоянии было нельзя, с ней могло быть плохо. Когда мы приехали, было темно, огни в округе нигде не горели. Все подводы, которые привезли мужчин, уже отправили на фронт,

остановившись в лесу, в березовой роще. Ждали состав, который увезет всех мужчин, в том числе и нашего любимого папу. Пока ждали состав, в березовой роще раздавался плач, даже некоторые женщины плакали с притчами, плакали и мы. Состав был с товарными вагонами. Мы стали прощаться со своим отцом. Прощаясь с нами, он тоже плакал, но нам наказывал, чтобы держались, учились хорошо и слушались маму. Папа наш был артиллеристом в молодости, проходил эту службу, и его сначала отправили на переподготовку в город Саранск, в Мордовию. Там он пробыл 2 месяца, писал нам письма, успокаивал нас тем, что они победят фашистов, и он с победой вернется домой, живым. Пока он был в Саранске, мама навещала его один раз. Это было последнее свидание и прощание мамы с папой навсегда.

Папа не пришел с войны, его убили 12 декабря 1941 года. Из Саранска их отправили на фронт. 10 ноября 1941 года он воевал в центре России, защищал Москву. Его убили в Тульской области, там он был и зарыт в землю. Это мы узнали из письма командира взвода. В письме он писал, что они вели бой в деревне Федоровка, выбивали из деревни немцев. Их оттуда выбили, но не всех. Некоторые фашисты засели на чердаках и убивали наших солдат. Папу также убил снайпер. С фронта мы получили всего одно письмо, написанное 17 ноября 1941 года. Когда письмо до нас дошло, папы уже не было в живых. Но мы еще не знали об этом, очень радовались этому письму, но радость была напрасной. Командир взвода писал, что наш отец был отважным солдатом, хорошо знал свое дело, был примером для других солдат. Командир благодарил деда и бабушку (они были еще живы), что они вырастили и воспитали такого сына, и сожалел, что он погиб от рук фашистов. Похоронка на папу пришла после письма командира. Мы все оплакивали папину смерть, и помнили его всю жизнь. Это горе никогда не забудешь!

Мигушина Нина Ивановна

(бывший главный хирург ЦГБ г. Муром)

22 марта 1942 года после окончания Ивановского медицинского института была командирована в блокадный Ленинград в распоряжение Ленинградского фронта.

В Ленинграде не хватало медиков. Ехала почти десять суток, несколько раз попадали под бомбежку, пока не добрались до Ладожского озера. По «Дороге жизни» ехали на автобусе, похожем на решето – сколько в нем было отверстий от пуль и осколков. В Ленинграде получила направление в поликлинику, которая находилась в пяти километрах от передовой. День был загружен полностью. Утром – прием, днем – в стационаре, вечером – на вызовы. В палатах было очень холодно. Больных закрывали одеялами, матрасами. Иногда, помимо болезни, лечили еще и отмороженные конечности. С цингой боролись с помощью хвойного настоя, который пили вместо компота. Жила в пустующем корпусе стоматологического института. Окна выходили на морг. Крыши этого одноэтажного здания не было видно, – кругом возвышались штабеля трупов.

После таяния снега ленинградцы выходили на улицы: кололи лед, убирали от мусора, разбирали завалы, на оттаянной земле копали грядки.

Запомнился день 15 апреля – пустили 1-й трамвай. Несколько раз судьба словно хранила меня, спасая жизнь: снаряд попал в квартиру, откуда вышла несколько минут назад; в другой раз мощным взрывом разворотило вагон трамвая, как только я из него вышла. Но на такие «мелочи» как-то внимание не обращали.

Несмотря на полную занятость, находили время погулять в центре города, выйти в театр. Через три месяца «командировка» закончилась, поспешила вернуться домой.

Митюхляева Раиса Ивановна

Родилась в 1929 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

До Краснодара не доехала

Когда началась война, мне было 12 лет (всего в нашей семье было пятеро детей). Самым тяжелым временем была зима 1941-42 года. Не было воды, света, отопления. Первое время при объявлении воздушной тревоги мы ходили прятаться в бомбоубежище, а потом оставались в квартире.

По карточкам на каждого выдавали маленький, тяжелый кусочек хлеба. Мама нам варила похлебку из хлеба, соли и воды. Но когда ее не стало (она умерла от голода, а потом умер и отец), мы этот паек хлеба выкупали и сразу же съедали.

В то время дети выросли не по годам. Младшей сестренке было всего три года. Мы пытались этот паек разделить ей хотя бы на два раза. Но она кричала: «Отдайте мой паек хлеба!» Она его тоже съедала сразу и до следующего дня есть не просила.

Потом умерла средняя сестра. Начался голод. Люди умирали на ходу. На улицах было много трупов. Их подбирали, грузили на машины и увозили в братскую могилу.

...Мы с сестрой попали в детский дом. Когда прорвали блокаду, нас эвакуировали с детским домом. Везли на грузовых машинах по Ладожскому озеру. Некоторые машины проваливались под лед. На станции нас посадили в товарные вагоны. Пункт назначения Краснодарский край.

Многие дети в пути умирали, болели. Я заболела брюшным тифом, и меня в Ярославле сняли с поезда. После больницы – снова детдом.

В 1943 году я закончила школу ФЗО и работала маляром на мостобазе № 50 в Ярославле вплоть до окончания войны.

Трудная, тяжелая была у нас молодость: почти всегда голодные, усталые, плохо одетые. Но находили время сбегать на танцы в клуб, в художественной самодеятельности участвовали. И ждали дня Победы.

Молотникова Антонина Николаевна

**Родилась 13 февраля 1943 в Посёлке имени Морозова
Всеволожского района Ленинградской области**

Я, Молотникова (девичья Ларионова) Антонина Николаевна, родилась 13 февраля 1943 в посёлке имени Морозова, Ленинградской области, Всеволожского района. Посёлок расположен на правом берегу Невы, у её истока из Ладожского озера. Очень люблю свой посёлок свою малую Родину. О войне и о блокаде знаю по рассказам родных и знакомых.

Когда началась Великая Отечественная война моему папе Ларионову Николаю Ивановичу был 31 год, а маме Ларионовой Анне Ивановне 21 год. Мама и папа каждый день ходили на работу, независимо от обстрелов. Папа работал на заводе жестянщиком, медником-паяльщиком и сварщиком. Когда в посёлке организовали отряд народного ополчения для отправки на фронт, папа тоже записался в него и его семья проводила, но на другое утро он вернулся домой, не прошёл по состоянию здоровья. Так как на работе он проводил сварочные работы на барже и ударился головой, его признали непригодным. А из отряда ополчения никто не вернулся. Все погибли на «Невском пятачке» под Невской Дубровкой. Там погибшим поставленobelisk.

Всю войну папа проработал на заводе и при военной части, только благодаря этому наша семья и выжила. Когда родители рассказывали мне и моей сестре Инне, она родилась в январе 1945 года, про то как они жили в блокаду, мы плакали. Было холодно, голодно, люди ели кору деревьев, крапиву, траву мокрицу. Люди ходили с опухшими ногами. Ежедневно были бомбёжки со стороны Шлиссельбурга.

Мама рассказывала такой случай. В нашем доме посыпались стёкла. Мама прибежала со своими родными к соседям на 1-й этаж, там у соседей на общей кухне у печки все прятались. На 2-м этаже нашего дома жил инженер Завода Морозова Заводский. Он ожидал машину для эвакуации на Урал. Вышел

на крыльцо с чемоданом и мешком и своими вещами. Ждал машину. Вдруг бомбёжка и нет человека. Так и погиб.

И после войны стояли дома, где часть дома была разрушена. Мы в детстве еще дошкольниками играли в войну. Ещё помню, что крошки хлеба со стола не выбрасывались, всё подбирали. Это осталось и по сей день у нас в доме – хлеб не выбрасывается. Запомнила день, когда в 1947 году сказали, что отменили продовольственные карточки. Хотя мне было 4 года, но я это запомнила. Была надежда и радость.

Мама работала на заводе шила мешочки для пороха, а также приходилось рыть траншеи, было очень тяжело физически. Когда в 1943 году у неё родилось трое детей: я, мой брат Коля и сестра Риммочка, мама какое-то время не работала, а потом стала работать на дому, также шила мешочки для пороха, так помогала фронту.

Дома с нами жили папины родители: Иван Иванович и Наталья Ивановна. Они умерли после войны: бабушка в 1947 году, а бабушка в 1948 г. Мне было 5 лет, когда бабушка умерла и я запомнила, как её хоронили. А брат Коля и сестрёнка Римма умерли в ноябре 1943 г. от диспепсии. Все родные похоронены на кладбище около деревни Ганнибаловки, где хоронили в блокаду. Сейчас на месте этих могил установлен обелиск с именами и датами.

Мой папа умер в 1969 году от инсульта, будучи на инвалидности, не дожив до пенсии. Всю жизнь он проработал на заводе, был передовиком производства, и мы с сестрой ходили к заводской доске почёта, где висел его портрет. Мама умерла в 1987 году в возрасте 76 лет. Она всю жизнь проработала на нашем химическом заводе аппаратчицей. Вырастила нас с сестрой и помогла воспитать и вырастить двоих внучек, одного внука и одного правнука, дождалась еще двоих правнуков.

8-го сентября 1941 года немцы захватили Шлиссельбург и часть южного побережья Ладожского озера. Это означало, что Ленинград и территория Всеволожского и Парголовского районов области оказались в тисках сухопутной блокады.

Единственный путь сообщения со страной – это водный путь через Ладожское озеро и по воздуху. На 79 день войны началась героическая оборона Ленинграда. Наши войска заняли оборону по западному побережью Ладожского озера и правому берегу Невы. В эти дни в Шлиссельбургскую крепость был переправлен через Неву гарнизон наших войск.

Когда кольцо блокады вокруг Ленинграда сомкнулось, наш посёлок оказался на первой линии фронта. От немцев нас отделяла лишь Нева. С того чёрного дня они стали бить прямой наводкой из орудий, установленных на противоположном берегу Невы, по домам нашего посёлка и производственным зданиям завода. Высокие каменные дома, стоящие в окружении одноэтажных деревянных строений, были хорошей мишенью.

Тяжёлое положение блокадников усугублялось проблемой доставки продовольствия в осаждённый Ленинград, в связи с окончанием навигации на Ладожском озере. Осенью 1941 года руководством города было принято решение о прокладке по льду Ладоги дороги от мыса Осиновец до Кобоны. 20 ноября 1941 года первый обоз – 350 повозок прошёл по льду Ладоги с западного берега на восточный. А 21-го ноября обоз привёз из Кобоны в Кокорево 63 тонны муки. На каждой повозке было 2-4 мешка. С этого дня началась регулярная доставка продовольствия в осаждённый Ленинград. «Дорогой жизни» назвали её те, кто обслуживал её, и кого она спасала от смерти. С 12 января войска Ленинградского и Волховского фронтов, при поддержке гарнизона Шлиссельбургской крепости, вели ожесточённые бои по уничтожению группировки войск противника.

К утру 18 января сопротивление было сломлено, а к 14 часам Шлиссельбург – последний оплот обороны – был освобождён. Блокада была прорвана. Подразделения железнодорожных и инженерных войск сразу же приступили к прокладке ветки железнодорожной дороги от станции Поляны до Шлиссельбурга и строительству свайно-ледового ж/дорожного

моста через Неву. Все эти работы были закончены за 17 дней, и первый поезд прошёл через Неву уже 6 февраля 1943 года, а 7-го февраля на финляндский вокзал с большой земли по этому участку ж/ дороги было доставлено продовольствие для ленинградцев.

С 23 февраля 1943 г. по карточкам рабочие получали по 600 граммов хлеба в день, служащие – по 500 г, иждивенцы и дети – по 400 граммов. Ленинград стал больше получать необходимого продовольствия, топлива и материалов. Одновременно и по ледовому участку Дороги Жизни продолжались перевозки.

14 января 1944 года началась Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция. В результате этой операции блокада города была полностью снята. 27 января 1944 года в 20 часов в честь одержанной Победы в Ленинграде был произведён салют – 24 залпа из 324 орудий. Это было единственное исключение в ходе Великой Отечественной войны (все салюты проводились в Москве).

Находящийся в нашем посёлке завод был основан в 1884 году и назывался Шлиссельбургским пороховым. После Октябрьской революции завод переименовали в «Государственный Шлиссельбургский пороховой завод». Декретом Совета Народных комиссаров от 28 июня 1918 г. завод объявлен собственностью Российской Советской Республики.

После полного снятия блокады наш завод имени Морозова был удостоен государственной награды. Указами Президиума Верховного Совета СССР «за выполнение (плана/задания) правительства по выпуску боеприпасов в особо сложных условиях фронта» завод имени Морозова награждён орденом Красной Звезды, особо отличившиеся рабочие, инженерно-технические работники и служащие орденами и медалями Советского Союза.

В 1984 году, за достигнутые успехи и в связи со 100-летием, завод награждён орденом «Октябрьской революции». Об этих незабываемых днях напоминают стелы, установленные

на берегу Невы за деревней Шереметьевка. На ж/станции Петрокрепость установлен паровоз, который доставил по дороге Победы первый поезд на Большую землю после прорыва блокады.

Мы с сестрой Инной выросли в очень хорошей, трудовой семье. Мама с папой учили жизни своим примером. Надеяться на себя, никому не завидовать, познавать новое, учиться, трудиться, верить в добро и всегда надеяться на лучшее. Спасибо им за это!

В 1964 году я окончила Ленинградский химико-механический техникум, вышла замуж и приехала с мужем, Молотниковым Евгением Лазаревичем, во Владимир. Он закончил Ленинградский энергетический институт связи имени Бонч-Бруевича. Работал на заводе Электроприбор. Мы вместе 51 год. У нас дочь Инна живёт с семьёй во Владимире. У них дочь и сын. Сын Александр с семьёй живёт и работает в Москве.

Я после приезда во Владимир работала в научно-исследовательском институте (НИИСС), сейчас полимер-синтез. Окончила Ивановский химико-технологический институт. Работа на заводе ВЗПО-Техника в отделе главного металлурга, химиком-технологом. Когда началась перестройка, отделы закрывались, пришлось уйти с завода. Работала в центре по выплате пенсий. После его ликвидации в 1994 году, пришлось поработать на хлебозаводе № 1 до выхода на пенсию 1998 г.

После ухода на пенсию с 1999 года поступила на работу в Палаты, в картинную галерею Владимиро-Суздальского музея заповедника (ВСМЗ). Проработала там 9 лет. Сейчас мы с мужем на заслуженном отдыхе.

Сестра моя Инна Елисева (Ларионова) после окончания химического техникума и химического института (ЛСЗПИ), проработала на заводе имени Морозова. Вначале в техническом отделе, затем мастером отдела технического контроля.

Моя семья, муж, дети, внуки, когда есть возможность, приезжаем к нашим родным на нашу малую Родину в посёлок имени Морозова и город Ленинград (Санкт-Петербург).

Мне на моей Родине малой очень легко дышится, и болезни отступают (сердце, давление). Хожу в музей, встречаюсь с друзьями (к сожалению, их остаётся всё меньше). Очень люблю плавать в Ладожском озере.

В нашем посёлке есть литературно-музыкальный салон «Исток» в доме культуры имени Чекалова (революционер). Привожу стихи моей подруги Тимофеевой Людмилы Ивановны. Мы жили в одном доме, в служащем районе, на Лесной улице. Сейчас там гаражи, а жителей этих домов в 1983 году расселили в новые дома. Людмила старше меня я всегда брала с неё пример. Мы дружим до сих пор. Привожу её стихи:

День снятия блокады
И вот мы с вами собрались
Больные, старые, седые...
Мы собрались, чтоб вспомнить всё,
Как страдали, голодали,
Как дорог был блокадный хлеб,
Как дорога была крапива...
Не будем люди унывать!
Ведь жизнь же наша продолжается,
Мы верим, что плохое всё уйдет,
И возродится вся Россия!
С днём снятия блокады поздравляю,
И долго, долго жить желаю!

Л. Тимофеева

Ежегодно жители Ленинграда и области, делегации многих городов страны отдадут дань памяти ленинградцам, умершим от голода и погибшим в блокаду, возлагают венки и цветы к подножию монумента «Мать-Родина» на Пискарьёвском мемориальном кладбище. Рядом с монументом на стене высечена эпитафия ленинградской поэтессы Ольги Берггольц:

«Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы
здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто».

Мною была использована литература из книги «Ради мира: воспоминания земляков о Великой Отечественной войне».

Санкт-Петербург, 2015

Молчанова Роза Ивановна

Родилась в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Бомбежки, обстрелы, тревоги, голод, очень холодные зимы. Не работал весь городской транспорт, водопровод. Многие умерли от голода, обстрелов, бомбежек. Погибали военные на фронте, в госпиталях, умирали жители.

Соседская девочка умерла ранней весной. Я и ее старшая сестра повезли ее на кладбище, но стало темнеть, и мы ее оставили под кустом, чтобы утром довести. Однако когда на следующее утро мы вернулись, ее там не оказалось.

Покойников было очень много, их возили на грузовиках, как дрова, и сваливали в месте, где теперь Пискаревское кладбище.

По карточкам выдавали по 125 граммов хлеба для неработающих. Хлеб привозили не в каждый магазин, выдавали по очереди. Однажды, подросток выхватил хлеб из рук получивший его женщины, быстро запихивал его в рот и глотал, не прожевывая. Его били, отнимали хлеб, но он не реагировал, заглатывал хлеб, несмотря на ругань и побои. Мы выкапывали картофель из земляных ям в совхозе (залежи прошлых лет). Картошка была в виде крахмала пополам с землей, ее отмывали, готовили и ели.

В 1941-1942 годах школы не работали. Я и моя мама устроились работать в фабричное подсобное хозяйство и получали уже рабочие продуктовые карточки.

В 1942-43 годах я продолжила учебу в школе и закончила седьмой класс далеко от дома.

Однажды я шла из школы, которая находилась далеко от дома, домой. Был весенний солнечный день. Вдруг над головой в небе появился немецкий самолет. Немец стал стрелять из пулемета в меня. Вдоль дороги пролежала глубокая канава, в которой я спряталась, прижалась к земле и тем спаслась.

Рядом с нашим домом при прямом попадании бомбы вместо одноэтажного дома осталась большая яма. От дома и жителей ничего не осталось. Наш дом уцелел, и хотя через второй этаж пролетел снаряд, жильцы дома не пострадали.

Мне казалось, что животные переносили бомбежки тревожнее людей. Во время обстрелов, бомбежек наша семья пряталась в землянке, построенной моим отцом, и наша собака забивалась к стене за мою спину и ужасно тряслась, боялась больше людей.

Мусатов Геннадий Георгиевич

Родился 14 января 1939 года в совхозе № 383 в «10 лет Комсомола Калмыкии» Калмыцкой АССР (ныне пос. Манычский Яшалтинского района Республики Калмыкия).

Меня зовут Мусатов Геннадий Георгиевич, родился в 1939 году 14 января в совхозе № 383 в Калмыкии. Это где Сальск, который расположен между Волгоградом и Краснодаром на полдороги. Там я родился, прожил 1,5 года, и началась война. Моя семья решила эвакуироваться оттуда. Отец, Мусатов Георгий Григорьевич, 1897 года рождения, здесь работал председателем районного исполнительно комитета. Мама, Мусатова Александра Андреевна, 1904 года рождения. Наша семья состояла из 6 человек: мать, отец, и детишки. И вот в эти самые грозные годы, когда немцев разбили под Москвой. Немцы начали готовить основное наступление на Сталинград и на Юг, и в августе 1942 они стояли у ворот города Сальска, где мы проживали. И вот как раз администрация, где работал отец, решили отступать. По дороге в сторону Астрахани мы увидели, как едут на мотоциклах немцы, все женщины опешили, не знали, что теперь делать. Матери отец приказал, чтобы в Ешелту не возвращались, иначе нас расстреляют. Остановились, стали подниматься на холм, смотрим, 3 немца скачут на лошадях, они нас арестовали и повели в деревню, начали отбирать у нас лошадей. Я был самый маленький, три с половиной года, после тифа я не мог ходить, все спрыгнули с телеги, а я остался, немец подошёл, взял меня за шкирку и выбросил меня как щенка на землю, я падая ударился головой, получил открытую черепно-мозговую травму, которая была вылечена только в 1947 году в Сталинграде. На следующий день приехали полицаи, подошли к нашей комнате и спрашивают: «Где находится жена Мусатова?», мать вышла рассказала, что она Мусатова, они

отвели её в сторону, спрашивают: «Где твои вещи?», она показала, где они лежат. Полицаи забрали часть нашей одежды. Через какое-то время они снова приехали и отобрали всё, что у нас было. Некоторое время мы жили в бараке, после бежали оттуда с беженцами.

Летом 1943 года вернулся с фронта отец. Его направили в Малые Дербеты осваивать сельское хозяйство, и мы с ним переехали, вот только после этого начали лечить мне голову, только в 1948 году меня поставили на ноги. В 1946 году со своими сверстниками я не смог пойти в школу, потому что болела голова, и я был слишком тощий.

В школьное время из-за нехватки еды, приходилось ловить сусликов, ставили капканы или выкуривали из норок с помощью воды. В школе писать было не на чем, не было чистой бумаги, букварь был практически один на класс. Закончил в Сталинграде 23-ю среднюю школу, потом пошёл в армию, после армии поступил в Сталинградский Нефтегазовый техникум. Познакомился там со своей будущей супругой, оканчивая техникум, сыграли комсомольскую свадьбу, после приехали во Владимир. Я сразу здесь поступил в Московский Инженерно-строительный институт, который закончил в 1968 году. Участвовал в строительстве крупных газопроводов: Шатлык-Хива.

Отец мой умер в Сталинграде в 1971 году, мать умерла в 1979 году в Волгограде, брат, Мусатов Юрий Григорьевич, умер в 1987 году в городе Краснодар, брат, Мусатов Владимир Григорьевич, умер 1992 году в городе Ахтубинск, старшая сестра, Дайева Любовь Георгиевна умерла в 1997 году.

Назарова Ольга Степановна

Родилась в 24 августа 1942 в деревне Богуславка Могилевской области Белорусская Социалистическая Советская Республика (ныне Могилёвская область, Республика Беларусь)

До войны наша семья имела надел земли, две коровы, лошадь. Выращивали картошку, сеяли гречку, пшеницу, из которой мололи муку и пекли хлеб. Выращивали также лен, пряли ткани и шили себе одежду. Жили натуральным хозяйством.

Когда началась Великая Отечественная война, наша Богуславка одной из первых попала под бомбежки. Она сгорела дотла, и выжившим односельчанам пришлось убежать в лес, вырыть в земле ямы – землянки. В них жили, в основном женщины и дети. А мужчины, в том числе и наш папа, создали партизанский отряд и начали вести борьбу с врагами: пускали под откос вражеские эшелоны, истребляли, как могли, фашистов.

Это было очень тяжелое, страшное время. Я была слишком мала, чтобы ощутить весь ужас нашего положения, только родилась. Чтобы не умереть от холода, люди выстилали землянки изнутри ветками и разводили в них костер. Однажды ночью, когда все погрузились в сон, мою люльку охватил огонь и, на счастье, папа спас меня, оказавшись рядом. Он молниеносно выкинул люльку из ямы. Люлька полетела в одну сторону, я в другую. Все обошлось, и я осталась жива.

Часто по лесам шныряли фашисты с овчарками. Мама рассказывала, что когда я сильно плакала, она тыкала меня лицом в кочку – чтобы немцы не услышали. Они не жалели ни женщин, ни детей, расстреливали сразу. В другой деревне маминого брата, Дмитрия Степановича, который тоже ушел в партизаны, повесили, а его молодую жену вместе с детьми расстреляли.

Ели мы кору деревьев, траву, сладковатые корешки, которые отыскивали в болоте. Так жили долгих четыре года. Я не знаю, как растила нас мама, как спасала, выхаживала, как уберегала от голода, холода и болезней меня, самую младшую на тот момент, четвертую по счету в семье!

Папа наш защищал родную землю. Когда наша армия освобождала Белоруссию от фашистов, он тоже принимал участие в освободительных операциях и потом вместе с регулярными войсками дошел до Берлина, прогоняя врагов с захваченных территорий.

День Победы мы встретили без отца, так как он задержался в Польше на полгода, восстанавливался в госпитале после трех тяжелых ранений. Когда он вернулся – это был самый счастливый момент в нашей жизни! А какую гордость испытывала наша семья за отца, ведь за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистами, он был награжден Орденами Славы I, II и III степеней!

Мы вернулись на родное пепелище. В основном в Богуславке остались женщины и дети. До войны в деревне было 100 домов, а после вернулось только 11 мужчин. Сначала строили шалаши, потом домики, в которых вместо пола – земля, крыша – соломенная. Зато стены были из соснового бруса. Опять завели, корову, лошадь, начали сажать картошку.

В 1951 году отца пригласили работать заготовителем на винный завод, на котором он трудился много лет. В нашей семье к тому времени было уже семеро детей. Папа с мамой прожили всю свою жизнь в родной деревне. Мамы не стало рано, в 1971 году. Всю жизнь она много трудилась. И благополучной-то жизни, как сейчас, так и не увидела. Папа, дожил до своего 90-летия. И мы помним, как он всегда ждал святой праздник – 9 мая. В качестве одного из самых почетных гостей его каждый раз приглашали в Брестскую крепость.

Наумова Валентина Георгиевна

Родилась 19 мая 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Наумова Валентина Георгиевна (ранее Костюкевич), родилась 19 мая 1938 года в городе Ленинград. Мама, Костюкевич Варвара Поликарповна, 1913 года рождения, коренная Ленинградка, работала на заводе. Папа, Георгий Николаевич Костюкевич, был призван на Финскую войну, где был тяжело ранен. На Великую Отечественную войну не призывался из-за ранения. Умер в 1941 от голода.

Я с мамой, сестрой и братом жили в Ленинграде до прорыва блокады. Как и все жители блокадного Ленинграда, жили мы в холоде и голоде. Брат умер в 7 лет от голода. Мама, как могла, старалась нас накормить. Варила кисель из столярного клея, пекла блины из детской присыпки. Как-то мама ушла за хлебом и простояла в очереди целый день, нас оставила с бабушкой. Мне тогда было 3 года, а сестре 5 лет. Мы долго будили бабашку, но она не просыпалась, когда мама вернулась, выяснилось, что бабушка умерла.

В 1942 году, когда прорвали окружение и сделали «дорогу жизни», нас эвакуировали по приказу И. В. Сталина, т.к. было 2-е детей, хотя мама и не хотела. Вывозили нас через Ладожское озеро. Дул холодный ветер и был сильный шторм, нас чуть не перевернуло на нашем маленьком, забитым до отказа людьми пароходе.

Эвакуировали нас в Кемеровскую область, в деревню Черемички. В поезде нам выдали продукты питания на весь путь следования. В следствии пережитого голода и дефицита продуктов многие люди умирали в пути от переедания. Нам мама давала еды понемногу, а мы плакали и просили еще. В Сибири мы прожили до 1946 года. В этом же году мамина сестра нас пригласила жить в город Солнечногорск Московской области.

В Ленинград мы не попали. В Солнечногорске я вышла замуж. Так как муж был военным, нам приходилось постоянно менять место жительства. Так мы оказались в городе Коврове, в котором прослужили до 1981 года. В 1981 году мы переехали во Владимир, где мы проживаем до сих пор. У меня двое детей: сын и дочь и две внучки. Сын живет в Израиле, дочь рядом.

Огурцова Лидия Сергеевна

**Родилась 7 сентября 1935 в поселке Сергеиха
Ковровского района Ивановской области
(ныне Камешковский район Владимирской области)**

До войны наш отец Сергей Михайлович Лопатов (1906 года рождения) работал в Камешковском районе в рабочем посёлке Сергеиха на фабрике имени «Карла Либкнехта» – наладчиком станков. Он часто рассказывал нам, как строил большой дом, в котором мы жили, регулярно кипятил ведёрный самовар и мы все усаживались на лавки за большой стол, и пили чай с сахаром, а большие куски отец раскалывал щипчиками на мелкие кусочки и каждому давал в руки – это было незабываемое занятие. Папа был добрым и веселым и мы его очень любили. И вот 22 июня 1941г объявили, что началась война, и отца отправили на войну с фашистами. В августе 1941года отец прислал нам одно единственное письмо, что его куда-то везут в товарном вагоне, и просил маму беречь нас, писал, что очень скучает. Больше писем от него не было. В 1941 году из военкомата нам сообщили, что он пропал без вести. У нас появилась надежда, что отец живой и ждали его с нетерпением. Но в 1942 году нам сообщили, что защищая границы Прибалтики, отец погиб и захоронен там же в возрасте 34 лет. Мы долго не могли поверить, что папа ушел из жизни и больше никогда не увидимся. Долго плакали и до сих пор скорбим и вспоминаем его с молитвой.

Наша мама Иллариya Гавриловна, работала на той же фабрике, где работал папа – ткачихой. Она рано утром уходила на работу и возвращалась поздно, так как работали по 12 и более часов. Их фабрика вырабатывала марлю. По норме она должна была обслуживать 7 станков, а обслуживала 14. Нас трое детей – давали 800 грамм хлеба на всех. Мама нарезала по кусочкам хлеба на три раза на целый день, а мы их съедали утром и всегда ждали ее. Было страшно, не было

электричества и завешивали окна, чтобы от «пигасика» не проникал свет. Немного легче было летом, когда на огороде появлялись овощи, в лесу ягоды, грибы. Мы маме помогали, как могли: сушили сено, из леса носили сухостей, шишки для печки и самовара. А когда пошли в школу, нам мама мяла картошку и давала немного молока, у нас были 2 козы и это очень выручало. В 9 лет я сама доила коз, выгоняла их в 4 часа утра в стадо, а вечером встречала. Вот так мы жили, холодно, голодно, рано выросли не по своим годам, но не жаловались, терпели и верили в Победу! Так как наша фабрика вырабатывала марлю, нам в школу давали рулоны марли и мы под руководством учителей делали бинты, укладывали в коробки, ящики и отправляли на фронт. Самым радостным днем был тот, когда из черной тарелки – радио прозвучал голос диктора Левитана, что война закончилась нашей Победой. Мы все плакали от радости и от печали, что никогда больше не увидим нашего любимого отца...

Орлова Елена Васильевна

Родилась 12 июля в 1939 году в городе Горький (ныне г. Нижний Новгород)

Я, Орлова Елена Васильевна, родилась 12 июля в 1939 году в городе Горький. Наша семья жила в этом городе в Автозаводском районе непосредственно рядом с центральной проходной автозавода, проспектом имени Молотова. В семье было трое детей: я, мой старший брат Герман 1935 года рождения и сестра Галина 1937 года рождения. Папа Емелин Василий Дмитриевич работал на автозаводе в центрально-конструкторском бюро с американцами, мама не работала. В период войны автозавод работал круглые сутки, был на казарменном положении. Домой отпускали раз в 2 недели, чтобы помыться. Изделия, которые в мирное время изготавливались бы год/два, в военное время были готовы за месяц.

Во время войны наш город очень сильно бомбили, поскольку это был крупнейший город в советском союзе. Бомбежка происходила каждую ночь очень точно и целенаправленно с немецкой педантичностью. Поскольку мужья были круглыми сутками на работе, на жен с детьми легли все заботы о безопасности чад и своего дома. Вечером мы уходили ночевать в бомбоубежище, после, когда бомбить стали сильнее, мы уходили в овраг за городом. Там были вырыты пещеры, что-то вроде примитивных убежищ, и там мы ночевали. С утра расчищали разрушенные здания, а к обеду вывозили погибших людей. Это была безумно страшная картина. Хотя я была и очень маленькая, это сильно отложилось на моей памяти. Я, мои сестра и брат, мама с соседями выходили на балкон и смотрели, как с завода выезжает скорбный эскорт по разбитым дорогам, в котором лежат различные части тел людей, останки. Было страшно представить, что это твой родной человек.

Однажды с утра, вернувшись из бомбоубежища, у нашего дома была воронка с невзорвавшейся бомбой. Дети из любо-

пытства начали бросать камешки в бомбу, и она взорвалась. Погибло несколько детей, много кто сильно поранился. У друзей нашей семьи умер сын, другая девочка стала инвалидом. После взрыва бомбы нам приказали уехать из города в деревню. Мне тогда было 3 года. Перебраться туда стало проблемой, так как нужно было попасть на противоположный берег Оки. В то время река была похожа на автомагистраль с двусторонним движением, везли горючее в сторону Москвы и на север. Ночью бомбили завод, а днем реку, поэтому перебраться через Оку было невозможно. Нашелся один старичок, у которого была ветхая полуразрушенная лодочка, мы в нее сели, там было 9 детей, 3 мамы и он. Лавировать между огромными судами было очень сложно, но кое-как мы доплыли до середины реки. В этот момент налетели немецкие истребители и начали скидывать бомбы. Судна, которые везли нефть, взрывались, все разливалось, загоралось. Было очень жутко и страшно. Вся Ока была в огне, мы гребли уже даже руками и панамками. Противоположный берег был крутой, мы старались быстро на него карабкаться, как мыши, и в итоге выбрались. А нашу лодочку охватил огонь. Мы долго лежали на земле, потому что ноги не могли идти совсем, был очень сильный стресс.

Когда мы добрались до деревни Галябино, нас приняли, как родных, хотя эти люди видели нас первый раз. У нас ничего не осталось, так как рюкзаки сгорели в лодке. Добрые люди дали нам ночлег, еду и одежду. Деревня была небольшая, примерно 20 домов, там жили одни женщины и дети, не был ни одного мужчины. Мы жили у Ематин Марии Алексеевны, чудесной женщины, у нее муж был на фронте, на Орловско-Курской дуге, где и погиб. У нее было 2 дочери и свекровь, которая жила с ней. Питались в основном картошкой с прошлого урожая, так как было лето и ничего еще не вызрело. Тетя Маруся раз в неделю выпекала 7 караваев. Также у нее был скот: корова, овцы, куры, поросенок. Все дети были заняты делом, на прогулки и детские забавы времени не было. Нужно было носить воду из пруда, а так как деревня была на горе,

это становилось очень сложным занятием. Намывали 4 ведра картошки каждый день, чтобы прокормить 10 человек и скот. Для фронта каждый вечер мыли и сушили морковь с картошкой. Нужно было прополоть грядки, нарвать листьев от капусты, свеклы для скота. Я была самая младшая из всех, у меня было задание сторожить цыплят. Никакого ограждения вокруг них не было, я ходила и гоняла прутиком этих птичек. Каждый месяц приезжали уполномоченные и забирали мясо, птицу для фронта. Поэтому вся работа по дому и уход за скотом легла на детские плечи, так как мамы уходили с утра на работу в поля и возвращались только вечером. Дети в то время были умны не по годам. Все лето и до первых холодов мы ходили босиком, можно было пораниться. Так вот эти дети знали все травы: какие съедобные, какие нет, какие лечат и так далее. Самое лакомство – это клевер. Пока ходили за водой, набирали пучок клевера и ели его. Нас обучали, как ходить по свежескошенной траве, как помыть рационально большое количество картошки.

Новости с фронта приносила почтальон, которая приходила 2 раза в неделю. Все всегда ее ждали с тревогой, с надеждой и с опасением. Она приносила письма, похоронки и тому подобное. На месяц на каждое подворье выдавалось не больше литра керосина для освещения. Этого, естественное, не хватало, и чтобы растянуть, мы пользовались уже не лампами, а делали пегасики – своеобразные пузырьки, внутри которых очень маленький фитиль. Спасением от скуки были книги. Удивительно, что в деревне было очень много книг в каждом доме, которыми мы постоянно менялись. Больше всего мне запомнилась книга «Собрание сочинений Л. Н. Толстого», «Анна Каренина». Конечно, в детстве было сложно понять какие-то моменты, но помню, как мама с тетей Марусей плакали. Читали вечером вслух по очереди, пока делали заготовки для фронта.

Все лето 1942 года мы пробыли в деревне. Радостный момент, когда мама разрешала пойти на реку. Хоть река была

и рядом, но мы не ходили туда, так как были заняты домашним хозяйством. Такой поход на речку был своего рода заданием, нужно было собрать ракушки, перловицы. Нас привозили, давали корзины, и их нужно было заполнить до обеда. Это один из счастливых моментов, который остался в моей памяти. Мы с ребятами устраивали соревнование, бегали по берегу, собирали ракушки, и кто первый наполнит корзину, тот победил. В деревне эти ракушки раздавали по домам и варили в печке в чугунах. Когда они сваренные, створки ракушки открываются. Мы вычищали внутренности, там жил моллюск, а створки складывали. Из них потом делали пуговицы для одежды, белья, отправляли на фронт. Также на реке мы ловили маленьких рыб, щурят. Старшие ребята ходили и ловили рыбу с корзинками, а нас, малышей, заставляли мутить воду. Это было очень весело, мы плескались в воде, кричали, били по ней прутиками.

День победы я плохо помню. Наша семья тогда жила уже во Владимире, я сильно болела. Мы жили на всполье в доме напротив пожарной части на улице Горького. Мама меня одела и вывела во двор. Люди вокруг кричали, были радостные, у всех текли слезы.

Осипова Эльвира Викторовна

Родилась 10 августа 1939 в городе Владимире
Ивановской области (ныне Владимирская область)

Мне уже 81 год, но День Победы помню, как сейчас, и всегда встречаю его, как самый грандиозный, самый важный и волнительный праздник и, конечно же, со слезами на глазах...

Накануне 9 мая все уже говорили, правда, очень тихо и с надеждой: «Победа, говорят, Победа, Победа...» Утро 9 мая было холодным, неприглядным, выходить на улицу не хотелось, но где-то около 9 часов, вдруг все стали кричать: «Победа! Победа! Победа!»

Мы тогда жили в доме № 11 барачного типа на улице Всполье. Со всех сторон люди бежали на открытое поле, туда, где сейчас стоит городской дворец культуры. Кто-то пел, кто-то плакал, все обнимались, целовались, раздувая меха, заливались гармошки. В воздухе звенела радость! Победу встречали добрыми приветствиями, говоря не здравствуй, а «С Победой!». К 12 часам на площади появился духовой оркестр и начался митинг.

Рядом были огороды, и наш участок с сарайчиком и подсобным хозяйством тоже был там. Шум голосов, сигналы машин, все это сливалось в один сплошной гул... И в этом шуме я вдруг услышала чье-то надрывное рыдание... Бегу туда, а там, в высокой траве, лежит моя мама, ее утешают, я кричу! Мама получила известие, что отец погиб, и она в 23 года осталась вдовой с двумя маленькими детьми, а в стране страшный голод. Эти слезы я помню до сих пор, и никогда, ни с чем несравнимо ее горе, несоизмеримое даже с победой... Кто-то кричал ей: «Нюра, Нюрка, ты плачь, но и радуйся, ведь Победа!». Я долгое время не могла спросить у мамы, почему ее называли Нюра, если она Аня, так как очень боялась напомнить этот день...

После войны много пленных немцев (фрицев) были у нас во Владимире, они работали, и не знаю для какой цели, очищали

территорию с правой стороны, ближе к реке Содышка (тут со всех сторон были поля). Потом они стали там строить дома, которые до сих пор крепко стоят. Нам, детям, было интересно, посмотреть на немцев, и мы бегали от наших домов (жили тогда на Всполье, напротив теперешнего городского дворца культуры) к ним. Немцев все время охраняли, и они не могли ни с кем общаться и были очень грустные, незащитные. А мы, дети по 7-8 лет, принимали их не за фашистов, которые нам столько бед принесли, а просто за одиноких людей. Не помню точно, сколько нас было детей (человек 5-6), только знала, что никто из наших отцов не вернулся с войны, в каждой семье тогда было горе от потери близких.

Немцы все время просили у нас «ням, ням» и показывали пальцами на рот, и говорили: «Гитлер капут!». Хоть время было голодное (1946-47 год), но, несмотря на это, мы тайком от родителей таскали им маленькие кусочки хлеба. И вот один немец (ему было не более 20 лет), отдал мне немецкий перочинный ножик с оттиском «орла» и свастики. Я считала, что немец сделал мне подарок перед отъездом, больше у него ничего не было, и то, он спросил разрешения у старшего. Этот ножик у нас долго хранился, даже мои дети его помнят, пока к нам на дачу не залезли воры и его похитили. Ведь были немцы и хорошие, которые не хотели войны, да и мы, забыв о вражде, относились к ним с жалостью. Мы даже махали им руками, когда они уезжали.

Когда я родилась, маме было всего 18 лет, а папа (ему было 28 лет), Амосов Виктор Александрович (1911-1941), кадровый офицер из состоятельной семьи. Он закончил военную академию, служил в Федулово под Ковровом в звании лейтенанта.

Мама, Амосова (Гусева) Анна Васильевна (1921-2003), рассказывала, что папе очень хотелось дочку и он говорил ей: «Родится дочка, назовем ее Эля». Когда я родилась, папы не было, мама стала меня регистрировать, а в ЗАГСе не знали такого имени, тем более полного. Думали: Аля, Альбина, Эля –

значит, Эльбина! Так я по документам уже 81 год Эльбина, но для всех, я Эльвира.

Началась война, и папа со своим стрелковым 785 полком первый ушел на фронт. Письма писал каждый день, высылал маме деньги, ведь у нее было двое детей, жить было тяжело. В своих письмах папа очень просил, чтобы мама купила любимой дочке Эле «доху», чтобы она была самая красивая и теплая. (это письмо сохранилось). Мама выполнила папино желание, а потом, когда мне исполнилось 2 года, папа пишет в письме: «Купи Эле большую куклу, сфотографируй и вышли мне». Мама купила обычную куклу-голышку (и то, с большим трудом), и отправила фотографию меня с этой куклой отцу. Вскоре пришло очередное письмо от папы, где он пишет: «Я нахожусь на самой боевой линии фронта, выполняю боевую задачу по борьбе с фашистами. Правда, трудновато, но ничего не сделаешь. Пришлось много сражаться, за это я представлен к правительственной награде и посланы документы на присвоение воинского звания, но точно пока не знаю, какое звание. Сейчас предстоит самая ответственная боевая задача, которую я должен выполнить непременно. Если буду жив, что хорошо, тогда сообщу. Стоим на самой линии фронта. Сентябрь 1941 год». Но писем больше не было...

Фотография с куклой-голышкой вернулась обратно. А спустя несколько лет, нас разыскал папин друг однополчанин дядя Сережа. Он выполнил папину просьбу и привез мне большую красивую куклу, сказав, что это «подарок с фронта». Куклу мы сохранили, и сейчас она в музее Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Паркачева Нина Андреевна

Родилась в октябре 1934 года в городе Тула

Я 1934 года рождения, я в октябре месяце родилась, в городе Тула, поэтому когда война началась, мне 7 лет ещё не было.

Ну что я помню? У нас была небольшая комната и маленький предбанник. Мы жили втроём, мама, папа и я. Когда началась война, папе был 41 год, его на фронт не взяли. Он работал на железной дороге на территории вокзала, был главным бухгалтером. Мама у меня воспитанница детского дома, она была в то время домохозяйкой. Я очень хорошо помню начало войны, первый день, потому что накануне мамина сестра привела брата, моего двоюродного, а он очень озорной. И вот Он очень баловался, и мы прыгали с ним на диване, а мама нас ругала. А в комнате четыре окна таких больших, в которые светило солнце. Я помню очень солнечный день. С правой стороны от окна, рядом, висел чёрный бумажный репродуктор, из которого лилась грустная, классическая музыка. А на улице был такой яркий свет, такой солнечный день! Очень запомнилось, так запало в душу.

Я не помню, как объявляли войну. Именно этих слов я не помню. Но вот это сочетание радостного, солнечного дня воскресного и грустной музыки очень запомнилось.

Второе, что осталось в моей памяти, когда немец подошёл к Туле, – это Московское сражение. Родная сестра моего папы жила в деревне, в 30 км от Тулы, и всё решили эвакуироваться. Мы – семья маленькая: мама, папа и я. Но у папы были сестры и братья. И эвакуацию я помню. Посадили меня в санки, закрытые со всех сторон, высокие такие. Завязали меня, укутали всю, и мы поехали. Помню, что шли мы по железной дороге, по колее. В середине колеи поставили мои санки, справа лес и слева лес. И шло нас много людей. Папин брат, сестра, дети... Человек нас было семь – восемь, вся родня. И всё шли по краям колеи. И вдруг навстречу идут молодые

муж с женой, вот как сейчас помню, и говорят: «Осторожно, над нами сейчас самолёт пролетел и очередь по нам пустил».

И проходим мы какой-то небольшой период, а дорога была не прямой, вдалеке она поворачивала. И вдруг из-за поворота, над лесом, появляется самолёт и летит прямо на нас, пуская очередь. И всё родственники, как увидели его, сразу все бросились в лес, а меня оставили на этой колее. Он не спикировал, но пролетел низко и дал хорошую очередь. И когда самолёт скрылся, и закричала «Мама!», и всё выскочили из леса. Больше я в эти санки не села, и меня всю дорогу вели за руку. Этот самолёт у меня и сейчас в глазах стоит.

И вот мы приехали в одну деревню, где некоторое время потом и жили. Как называлась деревня, не помню. В избе, в которой нас поселили, была большая комната, и ещё небольшая комнатка, а там сенцы. И пустили нас в эту половину. Как мы там спали, на чем спали, не знаю. Пришло время, когда немцы уже подступали к Москве, и шли они как раз через эту деревню. В нашу избу зашли немцы вечером, нас распихали под печку. Видимо немцы были уставшие, спокойные. Им постелили в главной комнате, спали они на полу.

Рядом в небольшой комнатке был столик и лавки стояли по стене, и я помню, как спиной к столу сидел немец белобрысый, голова круглая. Остальные немцы спали на полу в комнате. Помню, что сидела у немца на коленке, он меня посадил. Был он в зелёной одежде. Рядом сидела хозяйка и мама моя. Он достал из гимнастёрки фотографию и стал показывать маме и хозяйке. Показывает и говорит: «Это моя Фрау, моя жена». В центре он с женой, а рядом, справа, две девочки. «Это моя жена и мои девочки».

В руках у него была коробка Монпансье, конфеты. И вот он посадил меня на правую коленку и кормил этими конфетами. И вот я до сих пор помню эту фотографию.

Эти немцы были спокойные, тихие, переночевали и утром тихо ушли. Шума никакого не было, никто не кричал, никто не безобразничал. Мы не видели, как они ушли.

Прошла, наверное, ночь. И утром я просыпаюсь, такой крик в деревне! Гуси кричат, коровы мычат шум вокруг. А это зашли эсэсовцы. Я даже помню, как они зашли, а наш дом справа стоял по деревне. Всю живность подряд они били. Люди кричали, животные кричали. Нас спрятали под печку. эсэсовцы хватили людей, живность всю. Сколько они были в деревне, я не помню, но ушли быстро. Ушли в сторону Москвы.

Немца быстро отогнали же от Москвы. Папа вернулся в Тулу. Он нас как проводил, так мы его не видели, я осталась с мамой. А папа вернулся на работу, он был тоже на военном положении. Сколько мы прожили с мамой в той деревне, я точно не могу сказать.

Ещё помню момент, когда нас уже освобождали. Это, кажется, была зима (через год, кажется). Уже прошёл слух, что наши идут. И вдруг в нашу деревню вошёл полк молодых, отборных ребят! Все в дубленках и светлых валенках, и все говорили: «Сибиряки пришли!». Но они моментально прошли, не ночевали. Они зашли в деревню, и все радовались, все повыскачили на улицу. Больше немцев в деревне не было.

В Тулу мы вернулись, наверно, уже в январе, папа нас забрал. В Туле, я вспоминаю, постоянно были тревоги. Комната у нас была одна и небольшой коридорчик, и в углу всегда стоял чемодан. Узкий и длинный большой чемодан. И в этом чемодане лежала вся необходимая на время одежда. И как только начиналась воздушная тревога, мы брали этот чемодан и бежали в бомбоубежище. А я хорошо помню, как тревога начиналась, – начинает выть, по радио тревога...

Папу я практически не видела, он постоянно пропадал на работе, потому что молодёжь всю забрали. А он был главным бухгалтером на железной дороге. Но тогда не было вокзала, было главное управление железной дороги. Домой он не приходил почти.

В день Победы я уже была в Туле. Я не помню ликования, но всё вокруг плакали. У нас дома, а мы жили в коммунальной квартире, соседи были. И, видимо, у кого-то дети погибли,

мужья. Помню, что кто-то говорит: «А что вы плачете? Что вы плачете? День Победы ведь».

Что я ещё помню... У нас двор очень большой был, и на этой территории были ёмкости, чтобы тушить фугаски, а рядом всегда стояли щипцы. Дети часто хотели баловаться ими. За это их всегда ругали. Не для баловства это все там находилось.

Однажды, это был наверно 1943 год, я шла в детский сад. Летом это было. На мне было светленькое платьице, но я шла босиком, потому что обуви не было. Я уже большая была, в детский сад не ходила, но там была какая-то организация, собирали детей всех возрастов. Подходя, я вдруг увидела, что стоят какие-то повозки, две лошади были запряжены. Я не понимала, что это такое, только потом нам рассказали. Перед нашим садиком стояло четырёхэтажное здание, и во время войны, там готовили младший сержантский состав. Во время тревог они прятались в бомбоубежище, а оно было под этим же зданием. Это здание стояло на краю Одоевского шоссе. И в это самое убежище попала бомба. И вот на этих повозках вывозили трупы молоденьких сержантов. Всё было накрыто плащ-палатками. И потом даже говорили, что кто-то сигналил, чтобы бомбу сбросили, и она попала в первый этаж.

В Туле, в квартире, я прожила практически всю жизнь. Когда я окончила школу, семь классов, материально мы не могли меня дальше учить. Я стала искать техникум, куда могла бы поступить. Мне нравились ребята, которые ходили в горный техникум, такие все нарядные были. И я хотела поступать в горный техникум. А мама (она у меня болела постоянно, с сердцем проблемы были) сказала: «Пойдёшь в фельдшерскую школу, лечить меня будешь». И я поступила в эту школу на фельдшера.

Там же я познакомилась со своим будущим мужем. Николай Александрович, мой муж, сейчас полковник в отставке. А тогда его прислали из Перми в Тулу, в военное училище, и он два года там учился. Мы в это время с ним познакомились, когда он на втором курсе учился.

Я всегда отличницей была, такой активной, была секретарём комсомольской организации, и ещё что-то, и ещё. Кроме того, я занималась в струнном кружке. И однажды приходит руководитель этого кружка, говорит, что 8 ноября нас пригласили на концерт, нужно готовиться. И мы, значит, четыре подружки с фельдшерской школы попали в оркестр. И нас отвезли в военное училище. Дали шикарный концерт, всё ребята были довольны. А потом концерт кончился и нам сказали, подите потанцуйте. Ну, мы, конечно, девочки робкие. А все ведь завидовали тем, кто с курсантами встречался. И ко мне подошёл молодой товарищ, а пригласить он хотел не меня, а мою подружку, но её увели. Он подходит и говорит: «Но только я не умею танцевать», а я ему: «Ну, ничего, сейчас научу». Так мы познакомились.

Как я сказала, сам Николай из Перми, где он жил до 19 лет. Папа его был милиционером, он погиб при боях у Днестра, в 1943 году. Когда объявили войну, его папа прибежал, схватил одежду, попрощался и больше дома он не появлялся. Его похоронили в братской могиле, и все мы ездили туда. Имя его выбито среди всех остальных.

Мама у Николая Александровича была совершенно неграмотной женщиной, работала уборщицей в санэпидемстанции. Детей в семье было двое, Николай старший. В Перми, как везде, голодно было конечно. Семья держалась, потому что мама их работала. Она приносила и хлеб, и молоко, кормила их. Николай ребёнком работал, маме полы помогал подметать, подмывать. А мама у него маленькая, худенькая женщина была. Он ей постоянно помогал окна мыть, стирать что-то. Он трудолюбивый.

Когда Николай Александрович учился в Туле, он часто катался на коньках, и мы с ним и встречались почти всегда на катке. Мы встречались до конца учёбы, вместе закончили, в августе. Не целовались, даже не обнимались. И разъехались...

Я закончила учебу на отлично, и меня без экзаменов приняли в Рязанской медицинский институт, а Николай в это

время тоже закончил училище, и его направили в Грузию. Мы попрощались в августе и долго не виделись, а потом из Грузии он мне написал. Четыре года мы переписывались, он приезжал в отпуск, а на 4 курсе мы поженились, и я перевелась в Тбилисский медицинский институт, который затем закончила.

Николай Александрович – очень творческий человек, необыкновенного ума. Он, будучи в Грузии, решил поступить в Тбилисский институт. Его ведь никто не воспитывал – отец погиб, мать безграмотная была. И заочно он поступил в технологический институт, гражданский. А воинская часть находилась в 16 км от Тбилиси. И вот он рассказывал, через день, после службы, ходил на учёбу. Ему очень помог его командир, увидел в нём парня толкового. Говорил ему: «Учись, только никому не рассказывай», потому что нельзя было. Николай Александрович рассказывал, бывало, идёт с занятий, а сзади машина какая-то, и он падает на землю, грязь не грязь, зима, лето, не важно, главное, чтобы не увидел никто. Но командир его прикрывал.

А потом его перевели в Тбилиси, в воинскую часть, где определили в мастерскую, там он занимался оружием. Он окончил институт в Тбилиси. Мы с ним вместе диплом делали, я ему рисовала всё. А потом поехал в Москву с учётом того, что жена-врач не работает. Меня там распределили куда-то за город ездить, а девочки грузинские говорили: «не думай даже ездить, опасно».

Николая сразу из Москвы перевели на военный завод в Ковров, где мы вместе и прожили с ним 24 года. Он вырос до руководителя приёмки, и потом нас направили в Венгрию, Николай Александрович был техническим инженером. Там мы прожили 4 года. Меня устроили в санэпидстанцию, там была одна русская. Но язык я не изучила, а Николай Александрович выучил.

Он ведь сначала жил один 3 месяца, изучил венгерский язык по силе своих возможностей. Он контролировал изготовление в училище в Венгрии. Подходит, видит неполадки, начинает по-русски говорить. При нём был личный пере-

водчик, венгр. Николай Александрович рассказывал, что появилось недоверие, и решил изучить венгерский, причем никто не знал. И вот они начинают обсуждать какие-то недоделки, на венгерском, он понимает, но молчит. И вот он проработал там около полугода. И на совещании они стали обсуждать недоделки, какие-то детали, и дали слово Николаю Александровичу. А он как начал по-венгерски говорить. Его спросили, а зачем он язык выучил, а в ответ получили: «А чтобы вы меня не обманывали».

Мой муж безумно любил свою маму, безумно. Он однажды рассказал мне такой случай. Как-то он решил маму свою порадовать. По карточкам давали бутылку подсолнечного масла. И вот он взял масло и измазал в нём весь шкаф, чтобы тот блестел. Мама приходит с работы, шкаф блестит, она спрашивает, что это такое, а он отвечает, что такой вот подарок. Она смотрит, а масла подсолнечного больше нет...

Когда его мама приезжала к нам, она любила похозяйничать, женщина такого склада деревенского. И вот он меня приучил, когда она начинает что-то делать, я рот закрываю и молчу. У нас скандалов практически никогда не было, потому что когда мама приехала, надо помолчать. Она любила поворчать, замечание сделать, обидеться где-то возможно. Но я, знаете, понимаю её такой женский настрой: она его воспитала, вырастила, вложила в него силы, а он не успел институт закончить, сразу женился, привёл какую-то девочку домой.

Сейчас мы живем во Владимире. У нас двое детей. Дочка у меня сейчас в Москве, она санитарный врач, работает в управлении как раз по ковиду, статистикой занимается. Она работала во Владимире, в санэпидстанции, и окончила санитарный институт в Москве. У неё есть сын от первого брака, тоже в Москве живёт. Сын живёт здесь, окончил Владимирский технический институт. Работал в горгазе, а теперь частный предприниматель. Ещё один внук здесь живёт, на 1 курсе в нашем техническом институте.

Я считаю, что жизнь нас не обидела.

Пелевина Лидия Ивановна

Родилась в 1935 году в городе Ленинград

Было лето, мне было почти 6 лет. В это время мы всегда находились у бабушки в с. Лигово (это примерно 30 км. от Ленинграда).

К нам в дом пришли военные и сказали, что надо покинуть дом, так как началась война. Всех взрослых мужчин сразу же забрали, остались только дети и старики. Мама, а нас у неё было трое – я (6 лет), брат (4 года) и другой брат (2 года) – стала быстро собирать нас. Взяли кое-какие документы, поест с собой и с узелком пошли к Финскому заливу для того, чтобы переправиться в Ленинград. Но немец уже держал переправу под обстрелом, и мы остались почти на берегу, где было ровное место. Немец видел нас, но пока ничего не предпринимал. А мы, кто в окопе, кто в землянке стали жить там. Неподалеку находились солдаты в окопах. Конечно, через несколько дней еда у всех закончилась, даже солдаты с нами делились едой, тогда взрослые решили пробраться в село. До этих пор немец кружил над нами, но стрелял мало. Как рассказывала мама, когда она пришла во двор, где была скотина, то куры все попрятались в щели, поросенок орал. Мама зарезала двух кур, взяла еще чего-то на еду и вернулась к нам в землянку. Утром немец, узнав, что люди прошли в село, сжег его и начал обстрел переправы. Но однажды переправу не обстреливали, и мы бросились к лодкам, всем хотелось на другой берег в Ленинград. Здесь немец был от нас в 2 км. Началась суматоха, все хотели быстрее переправиться. Мы все же сели в лодки. Приехав в Ленинград, думали, что там тише, но не тут-то было. Весь огонь немец обрушивал как раз на Ленинград. Но вот бабушкина сестра, тетя Лёля, не смогла переправиться, да и многие люди тоже. Немец тех, кто был посправнее, отправил в Германию прислуживать, других убил.

И вот мы в Ленинграде, дом на Писаревой улице, 4 этаж. Только мы вошли в комнату, через короткое время объявляют:

«Воздушная тревога, всем спуститься в бомбоубежище». Такая картина: мама, я держусь ей за подол, брат за руку, другой у нее на руках, бабушка и больной мамин брат спускаемся в бомбоубежище, сидим там 30-40 минут, затем поднимаемся в комнату, проходит еще около часа, опять та же история. Мы устали. Весь народ, глядя на нас, стал выходить в коридор, благо он был длинный. Умирать, так всем вместе.

Как я уже упоминала ранее, нас у мамы было трое. Мы так и сидели на кровати 1,5 года, нас мыть было нечем, воду мама приносила с Невы только на готовку. Под кроватью стоял снег, так как окон не было, они были забиты фанерой.

В ноябре 1942 г. нас эвакуировали и то только потому, что часть, где был отец, находилась во Владимире. Когда автобус шел по Ладожскому озеру, один автобус провалился, ушел под лед. Состав из эвакуопункта вышел в количестве 12 вагонов, а до Петушков дошло только 4 вагона. Ночь ехали, день стояли, так как немец бомбил. Многие умирали от голода, от холода и т.д. По всему пути лежали трупы.

Мы приехали во Владимир, но двумя днями не застали папу. Его уже отправили на фронт. Мы остались сидеть на узле на бывшей улице Ленина (теперь Гагарина). Проходящие мимо люди говорили: «Это, видимо, из Ленинграда». Такие мы были истощенные. Маме в то время было 26 лет, а она выглядела на 50.

Затем, в 1945 г. пришла похоронка на папу, погиб и похоронен в братской могиле (г. Гомель) с отданием воинских почестей. Дедушка умер от голода, так и не придя с работы с Путиловского завода. Мамин брат, шофёр, пропал без вести, он перевозил грузы по Ладожскому озеру, другой брат тоже умер от голода.

Этого никогда не забудешь!!! И дальнейшая жизнь была тоже очень тяжелой...

Пескова Валентина Ивановна

Родилась в 1930 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Пескова Валентина Ивановна (девичья фамилия Фокина), родилась в г. Ленинграде, ул. Кронверская, д. 3, кв. 2. Когда началась война, мне шел одиннадцатый год. Мама нас воспитывала одна с братом. Отец в 1932 году заболел и умер. Мне было 2 года, брату 5 лет. После объявления блокады жить стало очень трудно. Предприятие, где работала мама, закрылось. Я училась в 4-м классе в школе, потом школа закрылась, учительница приходила заниматься в бомбоубежище. Потом и это прекратилось. Однажды я пошла погулять осенью 1941 года с мальчиком. Знакомые доверяли мне. Ему было полтора года. Я самостоятельно без разрешения пошла в парк Ленина. Наша улица упиралась в парк. Когда мы гуляли, объявили тревогу. Начался обстрел, и я побежала в укрытие, когда я открыла дверь, там было много покойников. Я очень испугалась. Схватила ребенка на руки, перелезла через забор в дыру. А когда бежала по улице, осколок от снаряда зенитки пролетел между наших лиц. Домой я прибежала от страха чуть живая. Больше ни о каких прогулках речь не шла.

Наступила зима, голодная, холодная. Мама слегла, брат тоже не вставал. Норма хлеба была 125 гр. 30 января мама меня подняла с кровати, чтобы я сходила за хлебом. наших 3 карточки за 2 дня и соседей 3 карточки. Когда я пришла в магазин, хлеба не было. Я расплакалась. Подошла ко мне женщина и предложила мне помощь, сказала, что работает в булочной. Я со своим детским доверием поверила и пошла с ней. Она завела во двор на Большом проспекте, забрала у меня карточки, сказала: «Жди, я сейчас». Я долго ждала, а когда у проходящей женщины спросила, то поняла, что она меня обманула. Я не знаю, поверили мне соседи, но этот случай мучает меня до сих пор.

Не было ни воды, ни света, ни дров. Таяли красный снег от кирпича, чтобы что-то сготовить или попить. Сожгли всю мебель, чтобы топить буржуйку. В марте умирает с голоду мой родной брат. Мы с соседкой-подружкой завернули в одеяло и увезли на санках в парк. Там много лежало покойников, и мы тоже его там положили. Потом умер мой двоюродный брат.

В апреле 1942 года мы с мамой эвакуировались в г. Кострома к родственникам. Когда переезжали Ладожское озеро, немец бомбил. Одна машина с людьми впереди нас ушла под лед. Когда переехали озеро, мама умерла, и я осталась на дороге одна. Добиралась я до Костромы около месяца. В Ярославле меня хотели определить в детский дом, но потом дали мне сопровождающего и бесплатный проезд до станции Кострома. Добравшись до родственников, я упала, пульс остановился, но брат был фельдшер, и он не дал мне умереть. Жизнь постепенно возвращалась. Мне сейчас 85 лет, но без слез я не могу вспоминать пережитую блокаду.

Петрова Галина Васильевна

Родилась в 1934 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Осенью началась блокада. Город окружили немецкие войска с юга и запада, финны с севера, с востока – Ладожское озеро, которое постоянно контролировалось с помощью авиации. Город подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбардировкам. Уже в начале осени оказались разгромлены и сожжены базы с продовольствием, так называемые Бабаевские склады. Впереди была холодная и голодная зима.

Жили мы тогда на 14-й линии Васильевского острова в коммунальной квартире с печным отоплением. Количество топлива было крайне ограниченным, поэтому в комнате была поставлена печка-буржуйка. Отец был на фронте. В доме оставалось пять человек: мать, бабушка, я (мне было 7 лет), сестра (5 лет) и брат (1 год). По карточке каждому полагалось 125 грамм хлеба. Помню, что этот хлеб съедали утром и до следующего утра оставались без еды.

Все подробности теперь уже не передать. Запомнилось, что зимой от голода умерла бабушка, ей было 45 лет. Она упала в дверях и всё. Её зашили в покрывало и передали людям, которые за хлебную карточку перевезли ее на санках в место для похорон. Чтобы не умереть, мать покупала столярный клей, из которого варила «холодец», и его ели. Некоторое время ели жмых, все ценные вещи мама обменяла на продукты, крупы, хлеб. Мебель была вся сожжена в буржуйке. Помню, как однажды в стену соседнего дома попал снаряд, образовалась дыра, выбитые стекла завешивали чем придется. Во время бомбежек и обстрелов мы прятались под лестницу соседнего дома, бомбоубежища не было. Потом прятаться перестали, страх притупился, да и не хватало сил для того чтобы лишний раз двигаться.

В июле 1942 года нам было предложено эвакуироваться из города. Карточки не выдали, погрузили на самоходную

баржу на Ладоге и перевезли на другой берег. Это было спасение. Дали хлеб и некоторые продукты, но предупредили, чтобы не наедались, иначе смерть. Нас перевезли поездом в Омскую область.

Поташёнков Валерий Сергеевич

**Родился в 1939 году в городе Кронштадт
(ныне входит в состав города Санкт-Петербург)**

Ах война, ах война! Подлая, что ты наделала!

Я, Поташёнков Валерий Сергеевич, 1939 года рождения, с родителями жил в городе Кронштадт (теперь район г. Санкт-Петербурга). Но вот наша мирная жизнь была жестоко нарушена – 22 июня 1941 года началась война. Кронштадт бомбили днем и ночью, так как он являлся форпостом города Ленинград. С питанием с каждым днем было все хуже и хуже. Пока было тепло, отец ловил в заливе рыбку-колюшку (сейчас в Кронштадте есть памятник блокадной колюшке). Началась очень холодная зима.

В марте 1942 года нас эвакуировали: маму, бабушку (мать отца) и меня. Из Кронштадта до Калининской области добрались более 20 суток, пережив тяжелые потрясения. На открытых машинах, следующих по «Дороге Жизни» по уже подтаявшему льду Ладожского озера, было очень страшно ехать. Вскоре немцы начали обстрел машин с людьми, детьми. В машину, следующую за нами, попал снаряд. Мать рассказывала, что было очень жутко: машина уходит под лед, люди кричат, дети плачут, кто-то старается спастись, но всех поглотила ледяная пучина.

Привезли нас в поселок Кобону на берегу Ладожского озера. Нас разместили в церкви, но там уже было народу битком. Нам досталось место у входа. Церковь не отапливалась, и было очень холодно. Я был завернут в ватное одеяло, которое льдом прилипало к моему тельцу, так как длительное время не было возможности меня развернуть. Затем нас посадили в поезд в вагоны «Теплушки». Это вагоны для перевоза скота. Они очень продуваемые.

Не могу больше описывать наши мытарства при поездке по железной дороге. Очень часто поезд останавливался на-

долго, пропускал военные составы. На очередной остановке мать выскочила и побежала менять вещи на еду и опоздала на наш поезд. А я и бабушка поехали дальше. Мы и мать очень переживали и боялись, чтобы не расстались навсегда. Бабушка все молилась, чтобы произошла наша встреча. А мать дошла до военного состава, все объяснила и ей разрешили сесть на платформу с углем. А в случае обхода зарыться в уголь. Так мать добралась до станции Торопово, проехав на большой скорости нужную ей станцию Овинищи. Эту станцию сильно обстреливали, так как она узловая. Поезд приостановился на станции Торопово, она выпрыгнула и шла по шпалам 30 километров до Овинищ. А мы с бабушкой уже были там. Мы очень радовались нашему воссоединению. За нами приехали родственники и забрали к себе в деревню. Там не было немцев. Так всю войну там и пережили.

После войны вернулись в Кронштадт. Послевоенные годы тоже были тяжелые. Учился в школе, потом окончил Ленинградский электротехнический институт связи имени Бонч-Бруевича. Служил на кораблях и подлодках Балтийского флота. Потом с женой уехали на Камчатку, пригласили в научно-исследовательский технологический институт. Растили детей и тридцать лет прожили на Камчатке. Сейчас все живем во Владимире.

Проненко Галина Фёдоровна

Родилась 3 апреля 1933 года в деревне Л. Брайлов
Смоленского района Смоленской области

В 1936 году отчима переводят работать секретарем Стабенского с/с Смоленской области, Смоленского района. Село было маленькое, всего 16 домов. Колхоз имени 1 мая, рядом трасса Минск – Москва, рядом Смоленск. В селе был большой магазин (раймаг), столовая, пекарня, контора. Со Смоленском связывала хорошая дорога, обсаженная вековыми березами. Дорогу эту все называли Большаком. За деревней находился аэродром. Тут же рядом была районная больница.

Когда началась война, Смоленск без конца бомбила немецкая авиация, но почему-то бомбы падали у нас. Все люди нашего села ушли в землю. Построили сильно укрепленные землянки. Спали и ели в них. В окружающих нас лесах находились воинские части. Для них выпекали в пекарне хлеб. Еще шли бои в Смоленске, но по нашему Большаку шли сплошным потоком наши войска. Шли пешком в сторону Белого. Немецкие самолеты, непрерывно бросали какие – то маленькие бомбочки, но войны шли, шли вперед. А тот кто оставался лежать мертвым, того закапывали в воронку от того снаряда, который убил его. На какое-то время шествие прекратилось, но машины за хлебом приезжали. Пришла машина, двое солдат грузят хлеб, послышался гул со стороны Белого (там был наш тыл). Моя мать Новикова Варвара Яковлевна работала на пекарне. Все с ужасом увидели немецкие танки. Их было 9 штук. Военные спрятались. Немцы постреляли, взяли хлеба и быстро уехали в сторону Смоленска.

Танки очень быстро вернулись, но их было уже 8, а не 9. Один танк был подбит из пушки недалеко от районной больницы. Пока здесь не было танков, воин взобрался на березу, и когда «гости» возвращались, он бросил бутылку, а может и две, с зажигательной смесью. Танк загорелся. Немцы сняли солдата с березы, отрубили ему руки и ноги, а сами уже на

7 танках откуда пришли. Воин лежал у танка, который он уничтожил, отдав свою жизнь. В самом начале войны, в нашем селе было начало краха фашизма. Это было лето. Жаркое лето. Когда немного стихло, наш односельчанин Борисов (его в армию не взяли так как он был стар) с женщинами, на одеяле принесли воина в дом. Человек от невыносимой боли сильно кричал. Этот крик я слышала. Он был ужасен!

Рано утром (не знаю, какого числа) появились регулярные немецкие войска. Нам всем приказали выбраться из землянок, а так как там были женщины, дети и один старик Борисов, нам ничего не сделали. По деревне слышна стрельба.

Это «освободители» (так они себя называли) расстреливали собак, убивали кур, у нас застрелили корову (в ухо) у соседей убивали поросят.

Вопрос? Откуда появились немецкие танки в нашем глубоком тылу? Шла молва в то время, что как – будто враги выбросили такой десант с самолетов.

Когда передовые немецкие солдаты, убивали нашу живность в деревне, мы дрожали от страха. Все думали, что и нас станут убивать, но мы им были не нужны. Нас оставили в покое.

Наши воины, которые находились в лесах, не успели уйти к нашим регулярным войскам. Очень много солдат попало в плен. Было много образовано концлагерей. Концлагеря были расположены на полях, обнесенные колючей проволокой. Особенно большой лагерь был расположен у развилки дорог Минск – Москва. Он был виден с Большака, ведущего в Смоленск.

В августе 1942 года было расстреляно очень много военнопленных. Говорили разное. Был построен весь лагерь и будто бы начальство лагеря объявило, что кто житель Смоленской области тот может вернуться домой и помочь убирать урожай родным. Кто вышел из строя, расстреляли. Сколько вышло людей – неведомо. Сколько расстреляли солдат – неведомо. Последовало второе объявление, уже старостам. Наш старо-

ста сообщил нашим женщинам, что они могут пойти в этот лагерь и забрать трупы своих родственников: отцов, братьев, сыновей. Пошли наши женщины туда. Моя мать была среди них. Пред их взором открылась страшнейшая картина! Лежала длиннущая гряда трупов. Этой гряды не было видно конца. Трупы лежали в разных положениях, залитые кровью, чтобы узнать человека, его надо было перевернуть. Они лежали по несколько человек друг на друге. Целый день женщины трудились, но до конца этой гряды не дошли, совсем выбились из сил, но к вечеру Мухина, наша соседка, обнаружила своего мужа Мухина Андрея. Он был ранен в живот. Уже ночью его на лошади привезли в дом. К ним собрались все жители села. Это было общее горе: плач, разговоры, потом похороны. Люди пришли к выходу: «Хорошо, что его похоронят дома, а не на чужой, на могилу можно будет ходить».

В бывшем раймаге у них была расположена комендатура. Мы заметили, что в ней появились люди в черных шинелях с блестящими пуговицами. Они оказались русскими и называли их полицаями. Они стали выполнять поручения немцев. Полицаи оказались зловещими людьми. Они, а не немцы, вели борьбу с партизанами. Сами их расстреливали. Так они убили мою будущую учительницу. Я должна была пойти в 1941 в первый класс. Имени ее не помню. Жила она в деревне Лентево. Застрелили ее на болоте, говорили, что пальто с неё сняли для себя. Это так говорили в то время. Полицаи делали обыски у людей, забирали себе то, что им нравилось. Полицаев люди боялись больше, чем немцев. Это были страшные враги Советского Союза.

Наступил 1943 год. По нашему Большаку сплошным потоком двинулись беженцы. Их выселили из своих домов и гнали в Германию. Какое горе видеть такую процессию. Шли женщины, старики, дети. Зачем?

Дошла очередь и до нас. Нас тоже погнали. К этому времени наш Большак стал нужен самим немцам. Всех беженцев сдвинули на проселочную дорогу, чтоб мы им не мешали.

Теперь весь Большак был заполнен немецкими войсками. Если наши войска шли (отступали), то немцы ехали на машинах, мотоциклах, тащили громадные пушки, которым не было видно конца. На нас уже не обращали внимания, самим бы не попасть в плен. Мы радовались, что скоро придет Борисов, участник Первой Мировой Войны. Когда он пришел, то сказал: «Какую же надо иметь силу, чтобы сдвинуть такую глыбу».

Смоленск был освобожден 25 сентября 1943 г.

Рябоненко Юрий Тарасович

Родился в мае 1935 года на Украине

Родился я на Украине в мае 1935 года. У мамы Ольги Климентьевны и у отца Тараса Васильевича были многодетные семьи. С самого начала отец выбрал военную профессию. Осознавать себя я начал, когда отца перевели по службе в посёлок Борзя около монгольской границы. С тех времён сохранилась старенькая его фотокарточка на полевых учениях. Первый раз я «отличился» в жизни, когда его за отличную службу направили в Москву на учёбу в Высшую общеобразовательную академию имени Фрунзе. В Москву из Пекина ходил поезд, с прицепным литерным вагоном, в котором мы ехали. Вагон был заполнен не полностью, и я свободно бегал по коридору. Как меня занесло в купе, где ехали японские дипломаты, я не помню. Они кое-как объяснялись на русском. Помню, что попросили меня что-нибудь спеть или рассказать стишок, и я им выдал стихотворение о том, что они на нас наступали в полной форме, а ударили без штанов. Японцы, может быть, и не всё поняли, но я был награждён двумя яблоками, и с гордостью отправился в наше купе похвастаться. Когда мама из моего рассказа узнала о моих подвигах, то испугалась, а папа рассмеялся. Впрочем, никаких международных осложнений между нашими странами не последовало. В Москве отец с отличием окончил академию, затем в Ленинграде ускоренные курсы немецкого языка и в 1940 году его перевели служить во Владимир на должность командира 308 артиллерийского полка 144 стрелковой дивизии в звании майора. В ту пору отцу исполнился всего лишь 31 год. Казармы находились в Перекопском городке. Сейчас это просто микрорайон.

Грянула война. Вроде бы, вокруг ничего не изменилось, но люди перестали улыбаться. Я ощущал какое-то напряжение и ничего не понимал. Около домов построили примитивные бомбоубежища, которые никто не охранял и мы, дети, там играли в войну. Мама очень изменилась, и когда я спросил

отца, когда же он, наконец, отправится на войну, разрыдалась. В конце лета полк отправился на фронт. За всё время мама получила всего лишь одно письмо, которое не сохранилось. В городе появилась светомаскировка и патрули. Люди затаились. У нас в квартире стали собираться жёны ушедших на войну и обсуждать тревожные новости с фронта. Стали приходиться похороны, о которых можно было судить по душераздирающему плачу в какой-нибудь квартире. Стали частыми воздушные тревоги. Через Владимир летали немецкие самолёты бомбить город Горький (Нижний Новгород), где делали танки. Во Владимире, захолустном городке, ничего стоящего для немцев не осталось, но слухи ходили, что фашисты сбросили две или три бомбы, которые не разорвались. Появились продуктовые и промтоварные карточки. Когда немцы в 1941 году приблизились к Москве, поступило распоряжение эвакуировать гражданское население Перекопского городка в тыл. Так мы с мамой попали в деревню Печищи на правом берегу Волги, недалеко от Казани. Деревня, – как деревня. Один мукомольный заводик и детский сад, в который меня приняли. Приютили нас в обычной крестьянской семье, приютили с душой, как это было потом часто на Руси. Жили впроголодь. Однажды, всего один раз, хозяйка накануне какого-то праздника решила всё же испечь пироги и при мне в каждый положила кусочек лука, уголёк и десять копеек. Потом я должен был выбрать себе один. С её стороны это была всего лишь игра, желание отвлечь меня, порадовать. Если я не угадал, какая начинка была в пирожке, хозяйка всё равно говорила, что уголёк, – к письму с фронта от папы, лук, – к сытости, а монета, – к победе. Незамысловатый случай, а запомнился на всю жизнь. Ещё запомнилось, как мама, пройдя с километр с картофельного поля, дотащила на себе мешок картошки за её уборку. Мама всё время беспокоилась: а вдруг от отца пришло письмо на старый адрес во Владимире. Это была для неё невыносимая мука. Как она сумела совершить настоящий подвиг, – уму непостижимо.

Как только в 1942 году немцев отогнали от Москвы, она неимоверным образом получила разрешение вернуться во Владимир. Это было время, когда в сторону фронта сплошь шли воинские эшелоны, и железная дорога была перегружена. По возвращении во Владимир нас поселили в комнате, (опять не понятно, как это маме удалось) в доме на несколько семей на улице Малые Ременники, дом 9. На углу улицы сейчас расположена областная библиотека, а другой конец упирается в мост на Октябрьском проспекте. Мама с трудом нашла работу. Мне за отца перечисляли пособие 1200 рублей, мама получала 650. Речь идёт о дореформенных суммах. В ту пору мне пошёл восьмой год, и мне пришлось учиться пилить с мамой дрова, хотя ни навыков, ни силёнок не было. Вспоминая то время, не могу не восхищаться мужеством всех матерей и жён. Могу ошибиться, память начала подводить, но мне, как несовершеннолетнему иждивенцу, полагалось 400 грамм хлеба в день по продуктовой карточке, а маме, как служащей, всего 300. Рабочие на военных заводах получали по 700 грамм. Картошка и хлеб были основной едой. На рынке буханка хлеба стоила 1000 рублей. Да и хлебом, то, что выдавали в магазине, было назвать нельзя. Чтобы придать этому хлебу больше веса, туда добавляли много воды. За этим хлебом надо было ещё постоять. В округе было три хлебных магазина, которые имели ещё дореволюционные названия: Люлинский, Шабалинский, и магазин около стадиона Торпедо. Добывать хлеб была моя обязанность, т.к. мама приходила поздно с работы. После школы я сразу отправлялся во все эти магазины и занимал очередь. Было неизвестно, в какой из них привезут хлеб. И когда это случалось, то встать в свою очередь иногда не было возможности: Люди набивались плотной массой в помещение. Протиснуться сквозь её у меня не хватало сил, и я несколько раз приходил пустым домой. Уставшая мама приходила домой, меня не ругала, а только плакала. Хлебные карточки ценились на вес золота. Процветало воровство. Однажды у женщины вытащили её две такие карточки, и она

на целый месяц с ребёнком осталась без еды. Как она сумела выжить, или покончила с жизнью, я так и не узнал. Сейчас на центральной улице в Рядах есть вход в крупный торговый центр, за которым располагается сквер. Во время войны на его месте находился базар. На базаре стояли навесы, и шла вялая торговля: крестьяне привозили молоко, масло кое- что из еды, но у людей элементарно не хватало денег на покупки. И всё же запомнилось несколько случаев. Маме удалось продать папины командирские часы за большие деньги, и это была единственная возможность выжить, пожертвовав последней вещью мужа и отца. Были случаи обмана со стороны продавцов. Люди покупали пачку чая, но оказывалось, что он спитой, т.е. использованный, вновь высушенный и запрятанный снова в пачку. Про хлеб я говорил. Однажды я стал свидетелем драки. В то время появилось много шпаны. Это были подростки, которые не доросли до призыва в армию. Они сколачивались в банды. Раз при мне такая банда появилась на базаре. Были ли они пьяные, я не знаю, но повели себя нагло: стали отбирать еду у торговков. В это время мимо проходил крестьянин, и сделал им замечание, которое главарь банды принял как оскорбление. Он выхватил финку (тогда так называли ножи), и банда набросилась на мужика. Кроме главаря у него был помощник, и ещё один, совсем пацан. Двое нападали спереди, а пацан, немного всё же труся, но видно обученный, пытался, зайдя незаметно с тыла, подставить подножку. Никакой милиции рядом не оказалось. Чем дело закончилось, – я не знаю, т.к. мама быстро увела меня с базара. Запомнился ещё один случай. Это был уже 1943 год и вместо Красной Армии у нас появилась Советская, и вместо командиров офицеры. Было интересно смотреть на их погоны. И вот один старший лейтенант на моих глазах купил БЕЛУЮ БУЛКУ и на виду у всех, стал с аппетитом есть. Он имел на это полное право, но, этот случай камнем лёг мне в душу. Повзрослев, я много раз задавал себе вопрос, как посмел он это делать на виду и в окружении целой оравы голодных детей?!

А вокруг стали происходить изменения. Появилось много калек и инвалидов, кто с костылём, и деревяшкой вместо ножного протеза, кто без глаза, а то и двух. Инвалид без обеих ног раздобыл где-то 4 подшипника, приладил их к дощечкам, и, отталкиваясь двумя палками, лихо сновал в толпе. Вдруг на базаре построили качели! Вернувшиеся фронтовики вручную их крутили. Появились каталы и напёрсточники.

В 1943 году, в сентябре, я пошёл в первый класс 5-й начальной школы, что находилась на улице Стрелецкой. Близко от школы жили детдомовцы, вечно голодные, несчастные дети. Через год нашу школу перевели на новое место. Это рядом с Авиамеханическим лицеем, только на другой стороне. Там в овражке стоит двухэтажное здание. Я полагаю, что до нас там находился госпиталь. Его куда-то перевели, а здание отдали под школу. В подвале здания соорудили что-то похожее на кухню. Там стали варить картофельную похлёбку: очень мало картофеля на большой котёл воды. Чайное блюдо этого лакомства стоило 30 копеек. Иногда мама мне давала на еду рубль, – это целых три порции, но спокойно насладиться едой получалось не всегда, потому, что детдомовцы тоже хотели есть. У нас было одно правило. Если ты собирался что-то съесть, эту похлёбку, или кусок хлеба, взятый из дома, а около тебя появились приятели, то ты должен был первым успеть сказать: сорок один, – ем один. Если приятель подкрадывался незаметно, или ты замешкался, а он первым успевал сказать: сорок два, – ем два, то надо было делиться едой. В 1944 году впервые за все годы войны, на праздник Советской Армии, нам выдали по 2 конфеты и два пряника. Счастью не было предела: так хотелось сладкого. Но после уроков я спешил домой поделиться с мамой. О подарках узнала шпана, и устроила на выходе из школы пропускной пункт, т.е. просто отнимала гостинцы. Мне повезло, что против меня оказался здоровый парень, и его рука не смогла протиснуться в узкий карман моих штанов, а мимо нас спасались бегством другие пацаны, и он погнался за ними. Ещё запомнилась холодная зима.

В классе занимались, не снимая пальто, в валенках. Запомнились ручки с перьями Рандо и 88. Не хватало тетрадей. Один учебник был на несколько учеников. На железнодорожных путях, где сейчас находится элеватор, останавливались составы, везущие в тыл на ремонт, или просто, трофейную технику. Очевидно, охрана была никудышной, потому, что в школе стали появляться военные предметы: патроны, запалы от гранат, артиллерийский порох и почему-то стекловата. Её свои же пацаны изуверски засовывали тебе за воротник, и шея долго чесалась. Наличие боеприпасов привело к тому, что однажды сыну нашего истопника оторвало два пальца на руке. После этого учитель военного дела провёл масштабную облаву и приказал принести из дома все добытые военные трофеи. Изредка нам удавалось полакомиться колобом. Не знаю, кто его добывал, но это было очень вкусно, ведь это была выжимка от подсолнечника. В 1946 году я окончил четыре класса, и мама перевела меня поближе к дому: во 2-ю мужскую среднюю школу, что у Золотых Ворот. Там сейчас в здании из красного кирпича находится Администрация Ленинского района. В 44 и 45 годах наши власти сумели организовать пионерские лагеря, в которых можно было накушаться. Правда, стригли наголо, чтобы избежать вшей. Ещё существовала Лесная школа на улице Летнеперевозинской. Это около Золотых Ворот. Туда отправляли совсем уже истощённых детей. Жить стало легче, но об отце никаких известий не поступало. И, вот, война закончилась. Как в песне поётся, с сединою и слезами на глазах моей мамы. Об отце никаких известий не поступало. Она, потом я, долго разыскивали оставшихся в живых однополчан отца, писали в Подольский военный архив. Ответ пришёл: Ваш муж пропал без вести в ноябре 1941 года под Смоленском. Позже отыскался комиссар соседнего полка Калининченко Иван Антонович, который подтвердил гибель отца. Это произошло под Смоленском у деревни Пнёво в районе Соловьёвской переправы. Мамы к тому времени не стало. Я написал в Смоленский военкомат. Оттуда ответили,

что в то время в этом районе шли ожесточённые бои. Немцы рвались на левый берег Днепра. 20-я армия под командованием генерала Курочкина попала в окружение. От дивизии, где воевал отец, мало кто вышел живым и дожил до победы. Всех погибших на тех рубежах хоронили наскоро в общих могилах. После моего письма на общем памятнике погибшим написали фамилию моего отца. Всё, что я ещё смог для него сделать, – это отправить сохранившуюся фотографию на сайт «Память народа», которая, так было обещано, будет вставлена в стену Собора Вооружённых Сил России, наряду со всеми не вернувшимися с войны. Прошли годы. Иногда события нынешней сытой жизни невольно заставляют сравнивать её с военной порой. На всю мою оставшуюся жизнь, я не могу равнодушно смотреть, как кормят голубей кусочками хлеба. Я не жадный, и, если во время обеда у меня остался кусочек хлеба, я, на уровне инстинкта выживания, оставшегося с войны, не могу его выбросить. Сейчас в стране есть бедные люди, но не голодные. Последний призывной возраст для людей, может быть успевших повоевать с Японией, – 1926-й. Значит, ещё живущим, сейчас идёт 95-й год. Их осталось единицы, но живы их внуки и правнуки. Их задача: сохранить память о подвигах старшего поколения: солдатах, и их матерях и жёнах, и быть готовыми в любой момент защитить свою страну.

Рогаткина Екатерина Ивановна

Родилась в 1937 году в городе Западная Двина
Тверской области

С чего же начать свой рассказ?

А с самого начала, с детства, которого у меня не было, если учесть, что мне не было и пяти лет, когда началась эта проклятая война.

Жили мы тогда в г. Западная Двина, сейчас это Тверская область. Нас детей было пятеро в семье. Помню, как прятались в цветах «Золотые шары» от бомбёжки, и навсегда запомнила запах вермишелевого супа с тушёнкой. В нашем доме стояли немцы, и была столовая для них. А мы, дети, голодные сидели на печке, и не дай Бог попросить чего-нибудь!

Западная Двина – большой железнодорожный узел. Кругом – леса. Наша жизнь зависела от действий партизан. После каждой их вылазки фашисты жгли дома и расстреливали жителей. Бомбили постоянно. Нашу маму и с ней еще 10 человек расстреляли немцы. Отец погиб в начале 1942 г. под Смоленском. Партизаны не оставили нас. Они собрали детей и вывели в лес. Помню, как шли мы ранним утром по горло в снегу. Нас привели на стоянку партизан, а потом отправили эшелонам в центр России. Подо Ржевом наш поезд бомбили, и у меня на левой руке остался шрам, по которому меня потом нашёл старший брат Николай.

Привезли нас под Москву. Это была осень 1942 года. Там детей расформировали по возрасту, и меня направили в г. Владимир в дошкольный детский дом на ул. Стрелецкой. Здесь я прожила до 1945 года.

После Победы нас перевезли в г. Суздаль, где я окончила семь классов, и в 1951 года была направлена обучаться в ремесленное училище № 7 г. Владимира при тракторном заводе.

По окончании РУ № 7 с 26 сентября 1953 года я начала работать в моторном цехе № 2 тракторного завода фрезеровщицей участка обработки мелких деталей для моторов. Работать

я любила и стала осваивать профессии шлифовщицы и сверловщицы. Мои старшие подруги по цеху постоянно учили меня, как жить, как ухаживать за собой, как вести бюджет, чтобы прожить от зарплаты до зарплаты. Училась жизни, и никогда не забуду наладчицу Надю Сорокину, которая обучала меня профессиям и жизни, любви к работе, к друзьям, к цеху. В дальнейшем я пошла учиться в школу рабочей молодёжи, которую окончила в 1962 года. Тогда я поняла, что успехи в работе и учебе зависят только от меня самой.

Мы послевоенные дети, работали, чтобы поддерживать народное хозяйство и как можно больше сделать для Родины – ведь она спасла нам жизнь, не бросила в военные и послевоенные годы, дала образование и путёвку в жизнь, а всё остальное мы должны делать для себя сами.

Завод рос, строились новые цеха, расширялось производство. Нас перевели в новый корпус 3-го моторного, где обрабатывались алюминиевые детали, головки цилиндров, поршни, крышки распределительные, роторы, направляющие аппараты и др. мелкие детали. В цехе было развёрнуто социалистическое соревнование лучших в профессии, бригадные и сменные соревнования. Мы с девчатами организовали бригаду станочников, которая в дальнейшем получила звание Бригады Коммунистического Труда – это было очень почётно.

В бригаде нас было 8 человек. Все мы освоили смежные профессии, работали без наладчика со взаимозаменяемостью, что помогло повысить производительность труда на 10-18%. Все члены бригады учились: кто – в школах рабочей молодёжи, кто – в техникуме, а я в то время поступила в Московский инженерно-экономический институт им. С. Орджоникидзе.

Завод продолжал расти, начали выпускать тракторы Т-25 и двигатели Д144 и Д21А1. За достигнутые показатели завод награждался государственными орденами и медалями. Мы очень уважали наших директоров П. И. Гришина и А. В. Гришина, которые каждое утро проходили по цехам и здоровались с каждым рабочим. А уж производство они знали до

тонкостей, могли поругать нас за ошибки и похвалить, когда всё получалось. Завод был основой основ жизни всего города, и мы гордились нашими общими достижениями и тем, что мы – тракторостроители.

Встреча с моим старшим братом после войны тоже произошла именно на заводе. Меня прямо со смены в литейке позвали к начальнику цеха, где меня ждал какой-то военный. Им оказался мой старший брат, который много лет искал меня после войны...

С 1971 года я работала ведущим экономистом отдела сбыта, где принимала активное участие в разработке и внедрении хозрасчета в отделе сбыта и в цехе упаковки и консервации запасных частей. Занималась организацией передовых форм и методов труда.

Я постоянно занималась в кружках художественной самодеятельности, особенно любила танцы. И это тоже помогало мне расти как рабочему – специалисту. Всегда благодарю завод, который мне – детдомовской девчонке – дал путёвку в жизнь, помог получить образование и не утратить стержень Советского человека.

За свою длительную работу на заводе я получила звание «Заслуженный экономист Российской Федерации», имею награды: знак «Ветеран Минавтосельхозмашиностроения», медаль «Ветеран Труда», знаки Победителя социалистических соревнований в 1971, 1978, 1979, 1980 гг. по министерству и заводу, грамоты ВЦСПС, ВЛКСМ, КПСС, а также внутри-заводские награды. Являюсь Почетным ветераном труда. Наш завод – это единственное место работы в моей трудовой книжке.

С 2001 года я была избрана председателем Совета Ветеранов – бывших работников завода, участников войны и трудового фронта. Сейчас на учёте состоит 2909 человек. Наш Совет проводит активную работу с ветеранами: организует мероприятия к государственным праздникам, поздравления с юбилейными датами, разъясняет ветеранам их права, в том

числе на льготы: помогает в тяжёлых жизненных ситуациях. И без поддержки администрации завода жизнь ветеранов была бы хуже. Хочу сказать «Спасибо» руководству завода за понимание и уважение старшего поколения, внимание к его проблемам.

Садунина Мария Николаевна

Родилась в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

От лета 1941 года в памяти осталось только то, что мужчины уходили на фронт: папы моих одноклассников, соседи по дому. Летом в Ленинграде было спокойно, но в сентябре громко завывали сигналы тревоги. Я была в это время в школе. Учителя прекратили занятия и быстро вывели нас в бомбоубежище. В городе появилось много военных. В сентябре 1941 года закрылись магазины. С каждым месяцем хлеба на руки выдавали все меньше и меньше.

Мне запомнился огромный пожар среди ясного дня. Мы шли домой из школы. Люди показывали на небо, почерневшее от огромного пожара. Горели продовольственные склады. Мы бежали вслед за толпой к Бадаевским складам. Они действительно пылали. Горело масло, пахло жареной колбасой. Но подойти ближе, чтобы что-то ухватить – невозможно. Милиция стояла стеной на пути к горящим продуктам. Оставалось только наблюдать, как огонь пожирает их. Ощущение жути осталось в памяти навсегда. А очень скоро пришел голод. Ни крупы, ни масла люди почти не видели. На карточку выдавали лишь хлеба 125 граммов на иждивенца и 250 грамм рабочим. Люди думали лишь о том, как растянуть этот кусочек хлебушка, состоящий на две трети из отрубей и опилок, на целый день. Начались ежедневные бомбежки города. Снаряды летели постоянно, но люди к этому постепенно привыкли.

В домах не было электричества, не ходили трамваи, перестали подавать воду в дома. Да еще крепкий мороз делал то, что не могли сделать фашистские пули. 13 апреля 1942 года умер отец. Я не знаю, как мы прожили после смерти папы. Чтобы согреться, собирали все, что можно было сжечь. Ломали остатки заборов и сараев. Мачеха со своими детьми куда-то уехала, мы остались с сестрой одни. До нас никому не было дела. Родственников потеряли. В школу не ходили. А еще,

стыдно признаться, занялись попрошайничеством. Недалеко от дома была воинская часть. Мы подходили к солдатам, протягивали ручонки и просили хоть корочку хлебушка. И они чаще всего делились с нами чем-нибудь. Случалось, и остатки супа выливали нам в кастрюльку. Иногда прогоняли.

А иногда, собрав силы, шли к «Дороге жизни». Не раз видели, как самолеты бомбили машины с продуктами, как уходили машины под лед. Несколько раз, рискуя жизнью (но тогда не думали об этом), шли по льду Ладоги, чтобы найти в снегу хоть что-нибудь съестное. Один раз повезло – нашли 2 банки тушенки. Растянули удовольствие на две недели. Потом с сестрой нашли способ зарабатывать на еду. Кипятили воду и подходили с чайником к воинским эшелонам, предлагали кипяток. А взамен бойцы одаривали хлебом, кусочком сахара, кашей из котелка. Так прошло три месяца сиротской жизни. Потом узнали, что есть детский дом и попросили взрослых нас туда отвести. Помню эвакуацию. Ночью на трех больших военных судах подходили к противоположному берегу, но немцы заметили и стали расстреливать прямой наводкой.

Первый и последний пароходы ушли под воду. Мы добрались до берега. Потом долго ехали на поезде. Высадили нас недалеко от Мурома, где был детский дом. С 14 лет начала работать на производстве, которому отдала почти 45 лет. Вышла замуж, воспитала детей. Сейчас прабабушка.

Сараева Зинаида Евгеньевна

Родилась 16 сентября 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Сараева Зинаида Евгеньевна, родилась в 16 сентября 1938 года в г. Ленинграде. Зимой 1941-1942 гг. попала под бомбежку – блокаду Ленинграда. В это время погибает моя мама, так как бомба попала в наш дом, а меня воздушной волной выбросило на улицу, где комсомольцы подбирали бездомных детей и сдавали в детдома. На моём пальто было вышито ФИО моё. Так как была зима и очень холодно дома, то мы спали в пальто. Так выяснили, что я была Парамонова Зинаида Петровна, и меня оформили в детдом № 34 Володарского района, а 17 июня 1942 г. с детдомом эвакуировали в г. Иваново.

В архиве Ленгороно найдена учетная карточка на беспризорную Парамонову Зинаиду, сведений о розыске нет. О папе ничего не знаю. Мама погибла при бомбежке нашего дома, там же сгорели все наши документы. В г. Иваново (куда нас эвакуировали) всех детей разместили по больницам, чтобы нас подлечить, так как в 4 года мы не ходили, сидели только в подушках, были одни кости, обтянутые кожей, не было зубов, волосы обрили. В больнице были палаты, где лежали женщины. Однажды медсестра взяла меня на руки и пошла со мной гулять по палатам.

В одной палате я увидела женщину, очень похожую на мою маму, я сразу сползла с рук медсестры к этой женщине на кровать и больше ни к кому не подошла. Вот так я встретила свою новую маму, которая удочерила меня и взяла в свою семью, у них были взрослые два сына, они ушли на фронт, новый папа был военный, работал в органах МВД г. Владимира, а мы с мамой жили пока временно в г. Иваново. Мама сразу ушла с работы и занялась моим воспитанием и лечением. Первые дни мама нарезала кубики с ребром в 1 см из хлеба, сверху кусочек масла и, открывая мой ротик, просовывала

внутри, боялась повредить желудок, т.к. стенки желудка были тонкие и сплюснутые, перекармливать никак нельзя было. Иногда ночью я не могла уснуть и просила у мамы кусочек черного хлеба с солью, а если у мамы не было, то она ходила к соседям, и сразу, скушав этот кусочек, я засыпала. Вот так они меня усыновили 3 июля 1942 года в г. Иваново. И стала я Морозова Зинаида Евгеньевна.

Папа привозил нам паёк, но не всегда приезжал, и маме приходилось ходить на рынок и продавать свои вещи. Особенно перед новым годом женщины меняли 2 платья на 1 кг отрубей (грубый помол муки) и 0,5 кг конины, хлеб 2 дня не ели, берегли на Новый год, 5 соевых конфет сберегли на Новый год из пайка папы. Иногда мама оставляла меня одну дома и говорила: «Сиди и жди меня, а когда я приду, испеку тебе блинчики». Я сидела на подоконнике, смотрела в окно и очень боялась крыс, а они такие большие и голодные были, бегали по всему дому, но, когда приходила мама, они куда-то убегали. Новая семья была доброжелательная, все меня любили, особенно мама. Она весь день что-то придумывала, чем меня накормить, и ей удалось меня поставить на ноги. И с 8 лет меня отдали в 1 класс гимназии № 3 г. Владимира на улице Луначарского.

К тому времени папа получил квартиру на ул. Сакко и Ванцетти, и мы с мамой переехали в г. Владимир, где я закончила среднюю школу № 26 и поступила в Пединститут на физико-математический факультет. На 5 курсе института вышла замуж за Сараева А. А. и вновь появилась новая фамилия в моей автобиографии: я стала Сараева Зинаида Евгеньевна. 3-я фамилия. Кто мог найти? Может, кто-то и искал?

Надо жить! Что бы ни случилось!..

Солнце светит или грянет гром,

Надо жить, чтоб чудо совершилось,

Повторяя, всё переживем!

Эту фразу в мыслях повторяйте,

Свиттен Эльвира Павловна

**Родилась 2 января 1938 в городе Великие Луки
Калининской области (ныне Псковская область)**

Когда началась война, мне было только три года, поэтому хорошо помню только с четырех с половиной лет, но мама много что рассказывала. Родом я из Великих Лук. До войны город входил в состав Калининской области. После войны город сделали областным, чтобы восстановить, а сейчас же он входит в состав Псковской области ...

В начале войны отца – Свиттен Павла Федоровича – сразу призвали на фронт, он был военным. Мы остались вдвоем с мамой, а она уже была беременна на седьмом месяце. 5 июля 1941 года наш город уже бомбили. Особых бомбоубежищ не было, прятались в щелях. То есть были выкопаны рвы и вот там прятались. Мама, конечно же, прятаться не могла, она стояла за домом и смотрела, куда попадет бомба. Обстрелы были очень часто. Спустя время в городе стало много беженцев. Мама побоялась, что семьи офицеров в первую очередь пострадают и решили бежать. Мы ушли из города, взяв документы и маленький чемоданчик с пеленками. В двадцати пяти километрах от города жили родственники, но там не остались. Где как шли, где на лошадях, где пешком. Так вышли на деревню, где у мамы начались роды. Родился мой братик и мы пошли до Калинино. Там жила бабушка по маминой линии и мамин брат – Лев Иванович. Он только окончил авиационный техникум и готовился пойти на войну. Дядя Лева помог нам сесть на пароход по Волге, куда пускали женщин с детьми, стариков. Я, мама, бабушка и, конечно, братик, попали на него и доплыли до Казани. Там начали распределять, кого – куда, определили нас в Татарский аул. Выжили только благодаря тому, что бабушка взяла свою швейную машинку. Она очень хорошо шила. Мама с бабушкой обшивали весь аул. Расплачивались продуктами. Началась эпидемия трахомы. Мама написала дяде Лёве, он тогда уже был на войне, чтобы

нас выпустили и мы смогли бы сесть на пароход в Сибирь, там жила мамина двоюродная сестра. Гражданским лицам нельзя было никуда переезжать. Туда шли эшелоны с ранеными. Обратное же с вооружением. Через некоторое время прислали разрешение, между прочим, с подписью Берия. Нас, четвером, посадили на станции в санитарный эшелон. Так до Новосибирска, а потом до Барнаула разрешали так проезжать. У маминой двоюродной сестры было двое детей, ее мама и внучка. Все мы жили в полуподвальном помещении первое время, очень было холодно и голодно. Единственное, что наши мамы и мама двоюродной сестры работали на военном заводе. Братика отдали в круглосуточные ясли, а меня и мою двоюродную сестру в круглосуточный садик. Мы домой приходили только по воскресеньям. У меня до сих пор остался вкус варева, что нам готовили. Лебеду готовили и заправляли рыбьим жиром. Мамам на заводах давали тоже жир, чтобы не было цинги. Очень плохо было. В Барнауле морозы стояли, а бежали в чем были.

В 1945 году уже в школу пошла. 9 мая 1945 года по мосту у реки Барнаулка, что является притоком Оби, бежали люди. Мы очень удивились шуму с братом. На заводе же работали в деревянной обуви, так как начинка для бомб, которую там делали, разъедала все. Вот работники бежали по этому мосту, обнимались и целовались. Кричали: «Ура!», «Победа!», «Война закончилась!».

Во второй половине 1945 года, в августе, дали квартиру всей нашей двойной – тройной семье. В 1946 году объявили, что можно возвращаться в родной город и мама захотела вернуться. У папы была большая семья, и, мало ли, кто остался жив. Бабушка не поехала. Ехали целый месяц через всю страну.

Весь наш город лежал в руинах. На месте нашего дома была большая воронка с водой, даже успела трава на краях ее вырасти. Вместо сада одни пеньки. Где жить? Папина сестра, тетя Валя, жила на Урале и тоже вернулась в Великие Луки. Раньше она работала в суде и по возвращении дали неболь-

шое место для жительства, куда приютила нас. Когда сделали город областным, образовалась организация, туда взяли маму. Дали нам комнату в общежитии. В 1947 году погиб братик, задавила машина... В 1948 году переехали во Владимир. Дядя Лева прошел всю войну, остался жив и помог перебраться.

Часто я вспоминаю события тех лет и каждый раз благодарю папу и дядю, что помогли нашей стране в тяжелое время и горжусь ими.

Сергеев Аркадий Дмитриевич

Родился в 1928 году в Татарской АССР
(ныне Республика Татарстан)

Рассказ-воспоминания о тревожном, увиденном, пережитом очевидца и участника трагических событий на территории блокадного Ленинграда и его окрестностей в 1941-1942 годах.

В этот период я, Сергеев Аркадий Дмитриевич, член семьи беженцев с госграницы с Финляндией, 13-летний подросток, временный «житель блокадного Ленинграда».

После советско-финской войны и заключения мирного договора Финляндией, в марте 1940 года, г. Выборг и его окружающая территория были введены в состав Карельской автономной республики СССР.

После этого акта по вербовке наша семья в составе пяти человек (отец, мать и три сына) переехали из Татарской АССР в Карелию, в пограничную зону Выборгского района, в населенный пункт Топиолла, расположенный на берегу одноименного озера, в 3-х километрах от погранзаставы.

Моего отца, Сергеева Дмитрия Ивановича, активного участника первой мировой войны и Гражданской войны в России, избрали председателем коллективного хозяйства по выращиванию сельхозпродуктов для пограничных военных округов. Мы, три сына – Александр, Аркадий и Борис – были приняты в школу, расположенную в пяти километрах от дома нашего проживания в населенном пункте Сяккярве. Родители познакомились с командованием погранзаставы. Всегда были в курсе событий на своей территории и за ее пределами.

Шел 1941 год. Мы, сыновья, успешно закончили школьные занятия. Наступили желанные летние каникулы и светлые, белые, теплые короткие ночи. 22 июня в 6-м часу утра верхом на коне к нам прискакал заместитель начальника заставы. Разбудил моих родителей и тревожным голосом сообщил о вероломном нападении фашистской Германии на западные и юго-западные территории Советского Союза. На рассвете

немецкая военная авиация и сухопутные механизированные войска вторглись на территорию СССР. Крупные западные города, аэродромы, места дислокации наших войск неожиданно подверглись беспощадному обстрелу и бомбежкам.

О нападении Германии на Советский союз, о начале войны нашим Правительством еще не сообщалось. Пограничники, зная о том, что в Финляндии базируется 25-тысячный немецкий механизированный военный корпус, который совместно с финскими войсками может в любой момент начать боевые действия на нашем участке государственной границы, устно объявили свой приказ о срочной подготовке к эвакуации из пограничной зоны в тыл страны. Официальное заявление по радио о начале внезапной войны с фашистской Германией мир услышал позднее. Днем 22 июня. Оно было объявлено первым заместителем Председателя Совета народных комиссаров, народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым. Трагическое известие о начале Отечественной войны, как разрушительная грозная молния ошеломила сознание всего советского народа.

В нашей пограничной зоне распоряжение местной власти об эвакуации не объявлялось. Окружающая территория ежедневно пополнялась войсками и вооружением. В таком напряжении мы находились до конца июня 1941 года.

На западе, юго-западе страны немецкие войска продолжали захватывать и оккупировать новые территории. Продолжали продвигаться вперед на восток, вглубь нашей страны в Московском и Ленинградском направлениях. На границе с Финляндией боевые действия противостоящих войск пока не начинались, но все было готово к нападению и обороне.

Эвакуация населения, в том числе и семей пограничников, началась без объявления, скрытно, по лесным извилистым дорогам, группами, пешим порядком и конным транспортом. На повозках ехали малолетние дети, престарелые и больные. Остальная масса людей – пешком, с котомками за плечами, детскими колясками, загруженными бытовыми вещами. Подростки ехали или шли с велосипедами. Вся колонна беженцев медленно двигалась в сторону города Выборга.

На вторые сутки, днем, нашу колонну остановили у КПП районного центра г. Выборга. Вооруженные представители милиции и военкомата опустили шлагбаум. Обращаясь к колонне беженцев, они объявили всем мужчинам в возрасте от 18 до 45 лет собраться у КПП с паспортами и военными билетами для построения и проверки их пригодности к мобилизации по законам военного времени.

После регистрации все мужчины, пригодные для мобилизации, в том числе и мой 44-летний отец, были поставлены в отдельный строй. Произвели их перекличку и отпустили к своим семьям, чтобы они взяли с собой все необходимое и попрощались с родными и друзьями. Им было приказано вернуться в строй через 1,5 часа для отправки в пункты формирования подразделений. Не трудно представить, что стало твориться на этом «пяточке» у КПП. Плачь и рыдания взрослых, крики детей, посеревшие лица мобилизованных мужчин. Многие из них расставались со своими семьями навечно. Шла беспощадная война с фашистскими захватчиками нашей Великой Родины.

После отправки мобилизованных мужчин в пункты формирования воинских частей и подразделений руководители эвакуации стали отправлять нашу поредевшую колонну на дорогу в сторону Ленинграда, проходившую вдоль берега Финского залива. Мне и другим подросткам пришлось идти пешком, т.к. в Выборге у всех ребят, которые ехали на велосипедах до КПП, этот вид транспорта мобилизовали для военных связистов. Взамен выдали квитанции и словесные обещания, что после окончания войны велосипеды вернут.

На следующий день нашу колонну обстреляли вражеские самолеты. На колонну было сброшено несколько осколочных бомб. Появились первые раненные и жертвы. Одним осколком была ранена в правую руку наша 40-летняя мама – Евдокия Романовна Сергеева. С этого дня, все обязанности в семье, которые ежедневно выполняла мама, взял на себя старший 15-летний брат Александр.

При подходе к Ленинграду нашу колонну направили на железнодорожную станцию Малая Охта, где на путях стояли два свободных эшелона товарных вагонов. Местные руководители эвакуации населения распорядились, чтобы в один из эшелонов были погружены животные (кони, коровы), повозки и домашние вещи беженцев. В другой состав, где были установлены нары, разместить людей с предметами первой необходимости. Нам сообщили, что поезда пойдут к пирсу у истока р. Невы для погрузки на баржи и переправы по Ладожскому озеру на противоположный берег. Загрузились. Переночевали в вагонах. На следующий день стали ждать отправки поездов по назначению. Но по неизвестной нам причине произошла задержка. Это было 8-го сентября 1941 года.

В полдень первый эшелон с животными, с инвентарем и домашним скарбом отправился к берегу Ладожского озера. Примерно через час пошел туда и наш поезд. Медленно двигаясь по лабиринту рельс в пригородной черте Ленинграда эшелон возвратился на Малую Охту. У нас старшим в вагоне был инвалид по зрению, бывший председатель сельского совета, фамилии не помню. Он встретился с руководителями эвакуации беженцев. Они рассказали ему трагическую причину возврата нашего поезда. Случилось непредсказуемое и страшное событие. Когда первый эшелон прибыл на пирс у истока реки Невы, немецкая авиация совершила массовый налет на военную базу-крепость Шлиссембург. Все, что было на земле: поезда, вагоны, автотранспорт, было разбито или покорезено. Все, что было на воде: баржи, буксиры, корабли, было потоплено или разрушено. В итоге – большие человеческие жертвы на берегу и на воде. Переправа людей и грузов через Ладожское озеро прекратилась.

Ленинград оказался в полном окружении вражеских войск на последующие 900 дней и ночей. Наступили смертельные, незабываемые трудные дни жизни для всех, кто остался в городе. Мы, беженцы с границ с Финляндией, остались жить

в своих вагонах на нарах, без сменной одежды, обуви, без привычных вещей и без каких-либо средств к существованию.

Через двое суток наш неутомимый старший по вагону Дозоров решил собрать группу из нашего и соседних вагонов для поездки на берег Ладоги, туда, где был разбит первый эшелон. Из нашей семьи к Дозорову напросился без разрешения я, 13-летний подросток. Наша группа из 15 человек надеялась собрать на берегу какие-нибудь пригодные вещи. Поездом мы доехали до железнодорожной станции Мельничные Ручьи, дальше пошли пешком до истока Невы. Вскоре стали появляться большие и глубокие воронки от взрывов бомб и снарядов. К берегу озера добрались в сумерках. Вся прибрежная территория была завалена домашним имуществом. Около разбитых ящиков, коробок, мешков были разбросаны предметы одежды, обуви, посуды и т.д. Я старался не отрываться от Дозорова, а он от меня, т.к. плохо видел в сумерках. У него при себе был милицейский свисток для сбора группы в случае необходимости. Мне под руки попался рюкзак с банками. Я их выбросил, а вместо банок положил какие-то рубашки, кофту для матери, подобие полотенца, что-то из постельного. Подобрал себе пальтишко и тут же надел его, т.к. к вечеру стало холодно. Наступила темнота. Мы попросили машиниста медленно проезжавшего мимо нас паровоза, забрать нас на прицепленную к паровозу платформу. На ходу с помощью стоявших на платформе людей мы всей группой были подняты на верх прицепа.

Измученные дорогой и увиденным я сразу заснул на полу платформы. Под голову положил рюкзак с барахлом, укрылся пальтишком. Проснулся, открыл глаза и увидел дневное солнце. На платформе нахожусь один, раздетый, без рюкзака. Видимо, кто-то прихватил. Вокруг на путях стояли товарные вагоны, людей поблизости никого не было. Спрыгнув на землю, стал пробираться под вагонами в сторону вокзала. На перроне, на здании видна надпись «Мельничные ручьи». В зале полно людей с сумками, багажом. Среди них знако-

мых лиц не увидел. У железнодорожников узнал, как мне добраться до Малой Охты. Но когда туда добрался, нашего поезда там не нашел. Видимо, его перевели на другую станцию. Номера своего поезда я не знал. Мне сказали, что искать его надо только по внешним признакам, по расстановке вагонов. Объявили сигнал воздушной тревоги. Одинокие фигуры побежали в бомбоубежище, я за ними. Кто-то поделился со мной куском хлеба. После отбоя тревоги пошел в здание вокзала. И вновь знакомых лиц не встретил. Стал переезжать на другие остановки, расспрашивал железнодорожных рабочих, но никто не видел вагоны, в которых были люди.

В эти дни питался тем, кто что подаст. Ночевал в бомбоубежищах. Так продолжалось трое суток. Состояние было угнетенное, но веры в то, что я их найду, я не терял. Ленинград то был в окружении. На четвертый день я добрался до станции Всеволожск – районного центра. Походил по путям, где стояли товарняки, опять расспрашивал железнодорожников, но никто нашего поезда не видел. В небольшом тупике увидел маленький паровозик-«кукушку». Подошел ближе, увидел прицеп с зенитными пулеметами и пушкой. Около прицепа горел костер, на котором на треноге висело ведро. Рядом стоял военный. У него попросил что-нибудь перекусить. В ответ услышал вопрос, откуда я тут появился такой измученный. Стал ему рассказывать о своей беде. К нам подошли другие солдаты и их командир-лейтенант (по два кубика в петлицах). Все примерно одного возраста. Это был зенитный расчет ПВО. Они меня расспрашивали, и я им рассказал, что и как случилось, что я разыскиваю своих родственников. Они дали мне покушать и напоили чаем.

Пока я ел, лейтенант, посоветовавшись с расчетом, говорит мне, что расчет постоянно перемещается по всем пригородным станциям и тупикам, отражая огнем налеты фашистской авиации. Мне предложили остаться у них, чтобы я на железнодорожных станциях продолжал поиск своих родных, а в свободное время помогал расчету собирать и заряжать

пулеметы. Я с радостью согласился и приступил к своим обязанностям. Отношение ко мне со стороны команды было доброжелательным.

Так продолжалось больше месяца. Наш зенитный расчет опять оказался на станции Мельничные Ручьи. Командир мне стал как отец и заботливо отпустил меня на вокзал искать своих среди многочисленных беженцев. Я пошел по перрону, рассматривая людей, опять никого знакомых не увидел. Зашел в зал ожидания, обозревая всех сидящих. И вдруг, в этом невзрачном помещении среди измученных беженцев увидел своего бывшего соседа – Андрея Фирсова. Он был инвалидом, освобожденным от воинской службы даже в военное время. Увидев его, я громко закричал: «Дядя Андрей!». Он резко приподнялся на ноги и с удивленными глазами, раскинутыми в сторону руками, сильно хромя, пошел ко мне навстречу. Улыбаясь и обнимая меня, тихо сказал, что дома все считают меня пропавшим навсегда, а он, Андрей, друг моего отца, каждый день ходил на этот вокзал, искал меня и ждал этой встречи. В данный момент они все находятся в дачном домике Кировского завода по ул. Пожвинской. Он рассказал, что переезд поезда с Малой Охты во Всевожск произошел после нашего отъезда за вещами. Всевожская районная администрация решила на период блокады Ленинградской территории в дачных домиках промышленных предприятий поселить беженцев, прибывших из приграничных территорий. Нашей семье дали дом в Мельничных Ручьях, куда они переехали пешком.

Я коротко рассказал Фирсову о своих скитаниях. Попросил ждать меня на этом месте, сам побежал к зенитному расчёту, сообщить им о своей радости, что нашёл своего знакомого, бывшего соседа, который помогает нашей семье. Командир со своим расчётом зенитчиков поздравили меня с таким радостным, долгожданным событием. Крепкими рукопожатиями и объятием мы расстались с благодарной памятью о «совместной службе» в трудные дни моей жизни.

Я возвратился на вокзал к Андрею Фирсову, и мы сразу пошли с ним к дому проживания моей семьи. По дороге он рассказал о переживаниях моих кровных родных – матери и братьев, Дозорова, потерявшего меня в этой опасной военной обстановке. Спасибо добрым людям и обстоятельствам, что всё закончилось благополучно. Когда подошли к дому, мои братья увидели хромящего Андрея, что он идёт не один, а со мной. Они выбежали на дорогу. Радостям встречи не было предела. Родная мать, обнимая, целуя и плача от радости, благодарила Андрея за его беспокойство и терпение ежедневного хождения на вокзал с надеждой возможной встречи со мной на железнодорожной станции. И вот результат – встреча состоялась. Теперь будем преодолевать трудности всей семьёй.

Нормы пайка на продукты питания постоянно уменьшались, но проживающих беженцев и местных жителей продолжали привлекать к общественной работе – укреплению и сооружению оборонительных объектов. Мы рыли траншеи вокруг домов, помогали переоборудовать подвал под бомбоубежища, дежурили на крышах домов в период воздушных тревог с целью сбрасывания на землю зажигательных бомб. Для дополнения к хлебному пайку на убранных огородах и подсобных хозяйствах, где выращивались картофель и овощи, перекапывали землю. Так продолжалось до наступления морозов.

В соседнем доме по нашей улице проживала семья из г. Выборга – хозяйка средних лет, два школьника младших классов и их пожилой дед. В последнюю неделю из этого дома никто не выходил. Наша мать знала, что дед умер от истощения, но его не захоронили. Некому было хоронить. Он лежал где-то в коридорной кладовке замёрзший. Дети от слабости и болезни тоже с постели не вставали на ноги – лежали. Поэтому она решила сходить в этот дом и узнать, что случилось. Около дома и на крыльце на снегу следов не было. Открыв входную дверь в промёрзшую квартиру, мама увидела 3 трупа – хозяйки и её детей. Сразу вышла и зашла в следующий дом, где про-

живала её знакомая. Рассказала ей об увиденном и попросила сходить в администрацию сообщить о случившемся. Когда к соседнему дому подъехал грузовик, из дома вынесли 4 трупа. Не захороненный дед, давно застывший лежал в кладовой. Таков трагический конец семьи беженцев. Об этой истории нам мать рассказала позже. Её забота спасти нас и себя от голодной смерти затмила всё остальное.

В начале декабря 1941 года начала действовать сооружённая на льду Ладожского озера «Дорога жизни». По льду начали доставлять в «блокадный Ленинград» продовольствие, вооружение, боеприпасы. Обратным рейсом вывозили осиротевших детей, тяжело раненых защитников города. С наращиванием толщины льда на линии движения транспорта увеличивалась грузовая нагрузка на транспорт. По ледяной дороге стали двигаться грузовые автомашины. Все больше становился объём доставки продовольственной продукции и поток эвакуации. «Дорога жизни» спасла жизнь умирающему от голода населению и укрепила защиту и оборону города Ленинграда.

Наша мудрая, заботливая мать обратилась к нам, сыновьям, с такими словами: «Дорогие дети, местная власть не знает, когда начнётся эвакуация семей беженцев, прибывших из приграничных местностей и расселённых в пригородных районах блокадного Ленинграда. Первыми эвакуируются дети и семьи, проживающие в городской черте. Поэтому, пока мы ещё живы и хватает сил передвигаться, предлагаю всей семьёй попытаться пешком дойти до берега Ладожского озера, до КПП у деревни Кокарёво, а дальше по полю по «Дороге жизни» перейти на противоположный берег озера, иначе мы здесь все умрём, как бывшие наши соседи.

В этот же короткий декабрьский день мы с братом Александром сделали подобие санок из заборных досок. Из тряпок и телефонного кабеля скрутили верёвки. Мать в хлебном ларьке забрала трёхдневный паёк суррогатного хлеба (больше не дали), по 125 гр. каждому на сутки. Дома собрали оставшиеся необходимые пожитки (большой железный чайник, кружки,

ложки). Всё нужное сложили и закрепили на санках. На них оставили место для сиденья восьмилетнего Бори. К санкам привязали 3 ляжки-верёвки, чтобы можно было тянуть свой первобытный «транспорт». Мать покормила нас суррогатной «бурдой» (накрошенный хлеб в кипятке) и горячим мутным чаем. Все легли на свои места одетыми и обутыми. До рассвета подремали, а на рассвете посадили Бориса на санки, привязали, чтобы в дороге не свалился, обмотали свои лица и руки какими-то тряпками (температура была морозная), взялись за петли верёвок и выкатили во двор свой «транспорт» с Борисом. Прихлопнули входную дверь и медленно, как «Волжские бурлаки», потянули свои загруженные санки по узкой санной тропе в сторону накатанной дороги.

Рассвело. Мы вышли на «старт» движения к «Дороге жизни». Пешеходов не было, но гружёные «полуторки», реже «ЗИЛы», двигались в оба направления – и в сторону Ленинграда и в сторону «Дороги Жизни». Мы молча, упорно, очень медленно начали движение вперёд. Попутный, загруженный автотранспорт, нас объезжал не останавливаясь. В первый короткий декабрьский день мы, на пределе своих физических возможностей, преодолели первые 12 километров. Дошли до небольшого придорожного селения странного названия «Борисова Грива». Вблизи дороги стоял небольшой барак. Мы сходу, прямо с санками и привязанным к ним Борисом, втащили свой «транспорт» в помещение, в котором посредине топилась печка-плита. На полу вокруг печки стояли скамейки, на которых сидели какие-то люди, молча греясь у плиты. Мы с матерью решили в этом бараке остановиться до следующего утра. Нам посчастливилось, что кто-то позаботился и обеспечил помещение топливом для обречённых людей, рискнувших пешком добраться до «Дороги жизни». Иначе при такой низкой температуре воздуха длинную декабрьскую ночь без тепла не пережить.

Мы сняли с санок Бориса, посадили его на скамейку у плиты, ближе к горячей печке. Я с железным чайником вышел на

улицу, в него набросал несколько комков плотного, чистого снега. Мать поставил чайник на плиту. Когда снег растаял, в чайник ещё добавили несколько комков снега. Когда вода закипела, она разлила её по кружкам, разделила поровну суточную норму хлеба. Это для нас был обед и ужин. Истощённые, уставшие, но уже согревшиеся в тепле, сидя на скамейках, задремали.

На рассвете мать раздала нам по маленькому кусочку хлеба, разлила по кружкам остатки кипятка. Затем, мы всё сложили на свои места на санки, посадили и привязали Бориса, обмотали тряпками лица и руки. Выкатили санки с грузом, «впряглись» в свои лямки-верёвки и медленным шагом пошли вперёд к «Дороге жизни».

Зашло холодное, низкое, зимнее солнце. Штиль. По главной дороге на Ленинград периодически проезжал гружёный автотранспорт. Попутные «полуторки» проходили реже. Никто из них не останавливался. На обочинах дороги, в сугробах иногда приходилось видеть торчащие из снега замёрзшие человеческие конечности. Это были люди, которым не удалось, не хватило сил в одиночку вырваться из костлявых рук голодной, холодной смерти. Нас впереди ожидала полная неизвестность своей судьбы.

Во второй половине дня мы подошли к КПП. Дальше пешком без пропусков не пропускали. Таких, как мы истощённых, на льду ждала неизбежная смерть. Дежурная команда солдат на руках перенесла нас в кузов грузовика, на котором мы были перевезены в большой деревянный барак для ожидания очереди получения пропуска на эвакуацию. Этот барак был расположен в трёх-четырёх километрах от КПП, на участке торфоразработок. До войны там держали заключённых, которые добывали торф для промышленных предприятий. Когда началась война, когда Ленинград оказался в блокаде, многих здоровых заключённых мобилизовали и отправили на фронт в штрафные части. Многие погибли в боях, а живые реабилитированные продолжали держать оборону города

и его окрестностей. Освободившиеся бараки стали использовать для размещения семей беженцев с последующей их эвакуацией в тыл страны. Внутри барака, вдоль всех стенок стояли деревянные нары из досок и тонких берёзовых брёвен. Сверху разбросана сухая болотная трава, прикрытая кусками старого брезента. Это была постель. Для каждого на нарах выделялся участок, на котором они могли бы спать, не раздеваясь. Посредине барака стояла большая кирпичная печь с металлической плитой, постоянно заставленной разной посудой (банки, котелки, кастрюли). Плита отапливалась посуточно. Около неё всегда лежали кучи торфа.

Нашей семье их 4-х человек досталось место на нарах у входной холодной двери. В бараке постоянно проживало по 30-40 человек. Работник администрации зарегистрировала наше прибытие. Записала в очередь на эвакуацию из блокадной зоны Ленинграда в течение месяца.

Заканчивался декабрь 1941 года. Нам выдали хлебные карточки на январь 1942 года, опять по 125 гр. в сутки на одного человека. Передохнув в тепле на нарах, я с чайником сходил к колодцу за водой, которую мать поставила на плиту для кипятка. Сходил на болото к «островку» кустарников – ольхи, берёзок, ивы. Сорвал их верхушки с почками семян и листьев, отнёс матери для заварки кипятка и еды.

Медленно сменялись морозные, голодные, зимние сутки. Истощённость, голод и холод продолжали лишать жизни изнурённых людей. Почти каждые сутки по ночам на нарах умирали дети, больные и пожилые люди. Многие уходили из жизни обессиленные, без стонов и криков. Их выносили в тамбур коридора барака, складывали рядом, застывших и холодных, для следующей отправки на захоронение. Такая же картина наблюдалась в двух соседних бараках, около которых стоял хлебный ларёк. Еженедельно к баракам подъезжала грузовая машина за умершими. Их переносили в кузов грузовика, укладывали на пол и увозили на захоронение без сопровождающих родственников. Не помню случая, чтобы

по умершим кто-то из родных рыдал или плача всхлипывал. У многих истощённых от голода, обречённых людей утрачивается чувство жалости и сострадания. Для них окружающие люди, даже близкие родственники становятся безразличными субъектами.

В нашей семье, мне иногда мать говорила: «Аркадий, ты у меня самый выносливый, сходи и принеси чего-нибудь». Я послушно делал всё, что в данный момент нужно семье. Хватало сил ежедневно ходить за хлебным пайком, который получал по карточкам в ларьке и сразу прятал его себе за пазуху, чтобы никто не смог вырвать из рук. Приносил его в барак и всё до последней крошки отдавал матери. У брата Александра хватало сил ходить только по бараку. Борис был в то время маленький ребёнок. Приходилось постоянно ходить к колодцу за водой, много раз ходил по снегу на болото за кустарником, за верхушками для заварки кипятка и еды. Но жизненные силы тоже подходили к концу.

Вспоминаются два трагических случая в январе 1942 года, накануне получения матерью долгожданного пропуска на эвакуацию. Я лежал на нарах. В наш барак вполз через замёрзший проём входной двери обросший грязный истощённый мужчина в рваной солдатской шинели. В одной руке он держал замёрзшее конское копыто, а другой рукой, отталкиваясь от пола, двигался мимо наших нар к горячей плите. Лёжа на боку, он открыл дверцы топки. Голой рукой положил на огонь принесённое копыто. Сумасшедшими глазами осмотрел помещение и окружающих людей. Затем из огня достал оттаявшее копыто и сразу же начал его грызть как голодная собака. С большим трудом встал на ноги и с копытом в зубах, покачиваясь, медленно вышел из барака. У плиты сидели и стояли истощённые женщины, но никто из них не обратил внимания на этого субъекта. Это живая, трагическая картина образа человека с конским копытом в зубах сохранилась в моей памяти по сей день.

Вторая картина – самоубийство больного, отёкшего, опухшего от воды, едва подвижного мужчины, сидевшего

одетым для эвакуации у горячей плиты с пропуском для въезда на «Дорогу жизни» по льду Ладожского озера.

Пропуск на эвакуацию был у него, а его жена вышла к подъезду встретить водителей выделенной для их семьи автомашины, чтобы они перенесли мужа до грузовика, положили в кузов их машины для транспортировки. В барак они пришли втроём. Она сказала мужу, чтобы он предъявил водителям пропуск на эвакуацию. Муж, одетый в дорогу, сидел на скамейке у плиты. Медленно начал искать документы в своих карманах – не нашёл. Жена, со слезами, проверила все его карманы и за пазухой. Кроме перочинного ножа, который отдала мужу в руку, ничего не нашла. Всхлипывая, повернулась в сторону своих девочек, стала утеплять и поправлять их одежку для выхода во двор и посадки на машину. Муж, что-то бормоча, раскрыл перочинный нож, медленно приподнял его к своей шее и воткнул перо ножа в артерию. Продолжая резать рану, свалился на пол с перевёрнутой скамейки. Одна из женщин увидела на полу около скамейки небольшой серенький, чуть помятый бумажный листочек. Подняла его, прочитала и крикнула: «Вот ваш пропуск!». Кто-то попытался прикрыть тряпкой кровоточащую шею. Его жена с пропуском в руке и рядом стоящие дети, поражённые случившимся, с ужасом смотрели на умирающего отца. Водители поторопили их выйти из барака для отъезда к КПП и выезда на «Дорогу жизни».

26 января 1942 года представитель администрации по эвакуации людей вручил нашей матери бесценный документ – пропуск для въезда на «Дорогу жизни» на эвакуацию нашей семьи. В пропуске были вписаны все члены нашей семьи. Этот документ стал проездным билетом и продовольственным аттестатом. Мы с нетерпением стали ждать вечера. Машина подъехала к нашему барaku ночью. Это была обычная серийная «полуторка». В кабине – два шофёра-водителя. В открытом кузове – небольшая охапка соломы, прикрытая брезентовым полотном.

Водители вывели нас к своей машине. Руками подняли и по одному положили на солому вдоль кузова. Мать положили

в середину, а меня и Александра по бокам. Сверху накрыли брезентовым полотном. Младшего братишку, Борю, они забрали к себе в кабину, на колени свободного водителя. В таком положении мы подъехали к КПП. После проверки документов у водителей (нас в кузове «не расчехляли»), мы отвечали на вопросы из-под брезента, нашу машину поставили в колонну для движения по дороге на льду. Водители из кабины сказали нам, что наружная температура воздуха около минус 40 градусов. Поэтому мы в кузове, плотно прижавшись друг к другу, медленно поехали вперёд.

Машины шли на одной скорости с включёнными габаритными огнями на установленной дистанции друг за другом. Фары не включались с целью маскировки от немецких ночных самолётов-бомбардировщиков и самолётов-разведчиков. Лёжа под брезентом, нам казалось, что едем мы медленно и долго. Тело ощущало морозную дрожь. Вдруг наша машина забуксовала. Это заднее правое колесо попало в углубление на льду, которое стало как стопорная колодка. Идущие за нами машины, объезжая нас, выезжали на берег озера. Они сообщили водителю дежурного тягача о нашей задержке. Через несколько минут подъехал тягач и буксиром вытянул нас на ровную дорогу льда, по которому мы тоже выехали на берег. Через небольшой промежуток времени остановились. Приоткрыв брезент, увидели, что находимся в лесу, около железнодорожной ветки, на которой стоял небольшой состав разбитых товарных вагонов без боковых дверей, без стёкол, с разбитыми обшивками. Такие вагоны использовались только для перевозки грузов. Встретившая нас группа солдат перенесла всех неходячих, а ходячих перевела в эти разбитые вагоны, где не на что было даже присесть.

Без задержки паровоз потянул свой состав на железнодорожную станцию Волхов. При движении морозный поток ветра выхолаживал всё живое и неживое. На участке от берега озера до станции Волхов через дверные разбитые проёмы вагонов вблизи рельс в снегу мы видели торчащие

конечности людей – замёрзших одиночек. В это время мы с Александром уже не ощущали своих ступней и пальцев ног, они были глубоко обморожены.

В Волхове нас опять встретили солдаты. Истощённых и обессиленных они переносили нас на руках в товарные, специально оборудованные вагоны другого поезда, где были установлены чугунные печки-«буржуйки», деревянные, двухъярусные нары с постеленной соломой и лампочками освещения в ночное время. Нашу семью положили на верхние нары. В вагоне было тепло и светло. Удобно лежать на нарах длительное время.

После посадки в вагоны и устройства работники эвакопункта стали разносить по вагонам суточную норму продовольственного пайка для всех ленинградских блокадников. Нам выдали по 600 гр. белого, ароматного, давно забытого свежего хлеба, по 100 гр. сахарного песка и настоящий заварной чай. Предупредили, чтобы этот суточный паёк за один приём не съедали. Иначе возникнут тяжёлые осложнения голодного организма с опасными для жизни последствиями. В вагон принесли горячий кипяток для чая. Мать нарезала несколько кусков хлеба. В чайнике заварила настоящий чай, всыпала туда треть сахарного песка, разлила по кружкам и передала нам на верхние нары. Мы с нетерпением приступили к долгожданной вкуснейшей трапезе. Это был для нас и завтрак, и обед, о котором долго мечтали.

Вдоль поезда прошёл работник эвакопункта, объявил время отправления поезда на Вологду. Предупредил, чтобы из вагона не выходили. Александр и я, лёжа на нарах, решили снять валенки и проверить состояние своих ног. Размотали влажные тряпки со ступней и пальцев ног и увидели большие лопнувшие волдыри, как после ожога. У Александра на левой, у меня на правой ноге пальцы еле шевелились, вызывая чувство острой боли. Почти до коленного сустава местами были подкожные небольшие волдыри, особенно на ступнях. Мы их показали матери. Она сразу же хотела

позвать медработника, сопровождающего эшелон. Но так как подошло время отправления поезда, решили подождать следующей остановки.

В Вологде мать разыскала медицинского работника, привела его к нам в вагон. Он внимательно осмотрел обмороженные участки ног, особенно ступни и пальцы, сказал, что у нас обморожение четырех степеней, начиная с кожного покрова до проникновения в глубокие ткани, а в некоторых местах и до кости. Нужна срочная госпитализация, серьезное лечение. Предложил матери взять у него в вагоне бинты, вату и специальный раствор для протирания обмороженных участков кожи, которые она принесла до отхода поезда.

Поезд повез нас дальше на Восток, но куда не сообщали. На узловой станции Буй была остановка. Время стоянки не объявлялось, но мама решила сходить на вокзал за кипятком. Она с чайником в руке вышла из вагона и напрямую через свободные линии пошла к вокзалу, но к отходу нашего поезда в свой вагон не вернулась. Вначале мы подумали, что она успела вернуться, но в спешке села в другой вагон поезда. Стали ждать остановки поезда. Наши ожидания не оправдались. Об этой беде вагонные попутчики сообщили начальнику поезда и медработнику эшелона. Младший братишка Борис стал нашим «опекуном». Питанием делились вагонные попутчики. Мы, не поднимаясь на ноги, лежали на нарах.

На третьи сутки, ночью, наш поезд остановился на станции Шарташ г. Свердловска. Там медицинская служба эвакуационного пункта проводила санитарную проверку состояния ленинградских блокадников. Вероятно, это мероприятие проводилось по просьбе нашего начальника поезда. В вагон поднялись три человека. Один из них был наш медик поезда. Все подошли к нашим нарам. Начали расспрашивать и осматривать обмороженные ноги. Один из них сказал, что нас нужно срочно госпитализировать. Из санитарной машины пришли с носилками. Нас сняли с нар, переложили на носилки и отнесли в машину. За Борисом пришла женщина из эвакуационного пункта,

отвела его в «детский приёмник» вокзала. Нам сказали, если мать не найдётся, то ребёнок будет там находиться до нашего выздоровления.

Александра и меня отвезли в 1-ю клиническую больницу г. Свердловска. На носилках перенесли в приёмное отделение. Там дежурные медсестры нас наголо подстригли машинкой, раздели наши «скелеты» догола и отнесли в ванны с теплой водой. С мылом отмыли с нас многомесячную грязь. Одели в длинные, чистые, белые солдатские рубахи без кальсон. На каталке лифтом подняли в хирургическое отделение. В коридоре стояли две раскладушки с чистой постелью. Напоили горячим чаем с кусочком хлеба и переложили на раскладушки. Грязную одежку, оставленную в приемном отделении, санитары отнесли в помещение санобработки. Все это было сделано ночью дежурным персоналом. Вот так заботливо в труднейший военный период в глубоком тылу относилось русское население к эвакуированным жителям блокадного Ленинграда, особенно к малым детям и подросткам.

Проснулись утром, когда стали приходить на работу сотрудники больницы. Нас на раскладушках перенесли в процедурную комнату. Провели врачебный осмотр и санитарную обработку обмороженных конечностей, кожный покров которых начал приобретать синеватый оттенок. Взяли кровь для анализа, сделали какие-то уколы. Оформили медицинские документы с наших слов, так как у нас при себе никаких медицинских карт, справок, документов, удостоверяющих нашу личность, не было. Из процедурной перевезли в 6-местную палату на мягкие койки, разделённые тумбочкой с радио-наушниками, которыми мы сразу же воспользовались – послушали последние известия.

На следующее утро, в начале рабочего дня, нас на «каталках» отвезли в операционную палату, переложили на операционные столы. Молодой хирург и медсестра готовились к операционной работе. В палате, на подоконнике, стояли блестящие ёмкости, в которых кипятились хирургические

инструменты. В это время в операционную вошла группа людей в белых халатах. Хирург, обернувшись в сторону вошедших, пошёл к ним навстречу. Пришедший мужчина пожилого возраста и молодые девушки подошли к нам. Хирург им рассказал, откуда мы такие истощённые и обмороженные прибыли, что случилось с нами в пути, и что он собрался делать. Пришедший, внимательно осмотрев наши обмороженные ноги, обернулся к хирургу, взял его под локоть и отвёл его к дальнему окну. Жестикуюлируя руками, продолжал разговор с хирургом. Затем, резко повернувшись, пошёл к выходу. За ним сразу же ушли девушки и хирург.

Через небольшой промежуток времени, к нам в операционную прикатили «каталку», на которой возвратили в палату на свои места. Операции по ампутации наших ступней ног отменили. Медсестра рассказала, что в операционную приходил профессор из медицинского института и его студентки, мобилизованные для службы в прифронтовых госпиталях. Обмороженные конечности стали лечить ультрафиолетовыми лучами и ежедневной санитарной обработкой поражённых участков. На наши койки поставили над ногами небольшие кабины с ультрафиолетовыми лампами, излучающими свет и тепло. Никаких перевязок и бинтов не применяли. Наше физическое состояние улучшилось. Мы стали поправляться и восстанавливать свой вес.

Нас угнетало главное в жизни – это думы о родителях. Где они находятся, в каком состоянии, живые или их уже нет навсегда. От отца не было известий со дня его мобилизации в г. Выборге, а это прошло уже семь месяцев. От матери, которая потеряла нас на железнодорожной станции Буй, почти месяц не было никаких известий. Поэтому мы с Александром написали письмо в г. Казань своему дяде (младшему брату отца) Сергееву Алексею Ивановичу, работающему заместителем наркома по сельскому хозяйству Республики Татарии. В письме мы ему сообщили о нашей семье, о том, что с нами случилось, где мы находимся и в каком состоянии. Просили

его сообщить нам что-либо известное о родителях. Написали ему наш почтовый Свердловский адрес.

Через пять суток после отправки письма в г. Казань, утром, в нашу палату вошёл седой степенный мужчина. Повернув голову в нашу сторону, улыбаясь, спросил: «Узнаёте меня?». Александр и я, почти в один голос, удивлённо ответили: «Вы Пётр Иванович?». В ответ слышали: «Конечно да! Я – Пётр Иванович Шаталов». Он наклонился, поцеловал нас и напомнил, что они с Алексеем Ивановичем дважды гостили у наших родителей. Он рассказал о неожиданном телефонном звонке из Казани. Алексей Иванович коротко рассказал ему о содержании нашего письма и поручил Петру Ивановичу срочно навестить нас. При необходимости оказать нам посильную помощь. Мы рассказали ему о пережитых трудностях в блокадном Ленинграде, о своём состоянии, о своих родителях. Он заверил, что теперь нам будет здесь лучше, чем было, а родителей, если они живые, найдём.

После его ухода, действительно, стало ещё лучше. Стали больше уделять внимания на процедурах лечения, питания, досуга. У нас стали восстанавливаться физические возможности. Мы стали ходить на костылях по этажам больницы. В первой половине марта 1942 года (точного числа не помню), в солнечный, уже весенний день, после обеда в палату вошла дежурная медсестра и, улыбаясь, говорит нам: «Ребята, эту записку просили срочно передать вам». Александр, взглянув на почерк, воскликнул: «Мама нашлась!!!» На маленьком листке было написано: «Дорогие мои дети, я вас нашла. Вчера Борю, а сегодня вас. Встретимся завтра. Обнимаю, целую, мама».

На следующий день, после долгих объятий и радостных слёз, до предела измученная, похудевшая до неузнаваемости, она долго рассказывала нам, и её слушала вся палата, о своих «хождениях по мукам» в течение 35-ти суток 1942 года. Вот её краткий хронологический рассказ. На узловой железнодорожной станции, когда она с полным чайником кипятка стала возвращаться к своему поезду, на первую свободную линию

пути прибыл для остановки товарный состав. Пришлось ждать его полной остановки. В эти же минуты подходил по второй свободной линии пути встречный состав товарного поезда. Его тоже пришлось ждать до полной остановки, чтобы можно было пройти под вагонами к своему поезду. Наконец, мама перебралась на свою линию, но там нашего поезда не оказалось. Линия была свободной, поезд ушёл. С этого момента начались её муки длительного, проклинающего себя за нелепость поступка, нервного поиска своих кровных детей. От растерянности и испуга она едва устояла на ногах. Не знала, что ей делать, к кому обратиться за помощью. Она не знала номера своего поезда, куда следовал наш состав. Решила обратиться к начальнику вокзала, который оказался у себя в кабинете. Зашла в кабинет с чайником в руке и со слезами. Коротко рассказала о случившемся. На вопрос, какой номер поезда и куда он следует, начальник вокзала ответа не получил. Он знал, что поезда с эвакуированными жителями блокадного Ленинграда следуют на Восток, в сторону г. Свердловска. Решил срочно отправить её на уходящий скорый поезд в г. Киров. Поручил своей секретарше срочно выполнить это распоряжение, с которым она успешно справилась. При себе мать имела свой паспорт и пропуск на выезд из блокады по «Дороге жизни», который служил ей проездным билетом, а при эвакуопунктах – продовольственным аттестатом.

В г. Кирове на вокзале эвакуопункт вёл регистрацию Ленинградских блокадников. Другие эвакуированные регистрации не подлежали. Поэтому в списках журнала регистрации не было нас, т.к. нас везли дальше на Восток. Матери посоветовали искать нас в эвакуопунктах областных центров, где ведётся регистрация направленных в их область эвакуированных людей. Она поехала в г. Пермь. Там тоже в записях журнала эвакуопункта нас не оказалось. Поехала дальше на Восток до г. Свердловска. На эвакуопункте железнодорожной станции Шарташ просмотрели журнал регистрации эвакуированных из блокадного Ленинграда. Нас в списках не нашли. Не нашли

потому, что нас – Сергеева Александра и Сергеева Аркадия, прямо из вагона на носилках унесли в санитарную машину и увезли в 1-ую клиническую больницу г. Свердловска, а восьмилетнего Бориса прямо из вагона увели в «детский приёмник» эвакуопункта, где его зарегистрировали как найденного ребёнка без документов, его фамилию и имя записали с его слов.

Мать поехала дальше на Восток до г. Тюмень. На эвакуопункте ей ответили то же, что и в г. Свердловске – нас в списках журнала регистрации эвакуированных нет. На каждом эвакуопункте она предъявляла свой паспорт, в котором записаны её дети, и пропуск на эвакуацию из Ленинградской блокады, в котором записаны её члены семьи. В списках искали только старших – Александра и меня, а Борис – восьмилетний ребёнок – должен быть с нами.

Мать ездила по всем эвакуопунктам и днём, и ночью более месяца. Её уже помнили по её рассказам, но помочь могли только сочувствием и советом. В третий раз она приехала в г. Свердловск на железнодорожную станцию Шарташ, зашла в эвакуопункт, спросила про регистрацию нас в журналах, ответ получила прежний – нас в списках нет. Вышла в коридор со слезами. На одном из кабинетов прочитала название «детский приёмник», присела на стул и вслух зарыдала. Из «детского приёмника» вышла женщина и спросила мать: «Что случилось? Вам плохо? Зайдите ко мне в комнату». Это была дежурная медсестра эвакуопункта, регистрирующая потерявшихся детей. Мать показала ей свои документы, стала рассказывать о своей беде. Где проживала, откуда приехала, где потеряла детей, наши фамилии и имена, наш возраст, в каком состоянии мы были в вагоне и т.д. Дежурная вспомнила одного мальчика, которого зарегистрировала. Он рассказал ей, что его двух братьев с обмороженными ногами прямо из вагона увезли в больницу, а его привезли сюда. Но это было давно, больше месяца тому назад. Дежурная сказала: «Покажите ещё раз Ваши документы и пропуск на эвакуацию, там должны

быть указаны Ваши дети и даты их рождения». Мать передала ей пропуск. Дежурная открыла журнал регистрации детей начала 1942 года и быстро увидела свою запись – Сергеев Борис. Позвонила куда-то, спросила: «Сергеев Борис у вас?». Ей ответили: «Да, но он с ребятами в другой комнате». Дежурная, улыбаясь, говорит: «Ваш Боря нашелся, он находится в нашем эвакуопункте в детской комнате живой и невредимый. А Ваших старших детей теперь мы тоже найдем. Они находятся на лечении в 1-й клинической больнице в г. Свердловске». Можно представить душевное состояние матери после длительных, мучительных страданий и переживаний.

Она стала просить дежурную о разрешении на встречу с ребенком, но получила отказ. Дежурная объяснила, что в таком виде в детскую комнату пускать запрещено. Необходимо привести себя в порядок – помыться, постираться, покушать и успокоиться. И только потом можно будет идти на свидание к своим детям. Дежурная отвела нашу мать в приемное отделение эвакуопункта. Там был горячий душ, тазики для мытья и санпропускник для белья и одежды. После всех санитарных процедур и волнений, эта добрая, благородная женщина пригласила нашу измученную, теперь уже радостную мать к себе домой на ночёвку.

На следующий день они пришли в детскую комнату эвакуопункта. Им позвали Бориса. Ребёнок, увидев мать, подбежал к ней, прижался, обнял, поцеловал и сказал первые слова: «Мама, а нас тут кормят хорошо». За месяц он посвежел, поправился и повеселел. После радостной встречи с младшим сыном, они пошли уточнять место нашего нахождения. Приехали в 1-ую клиническую больницу, но оказалось, что этот день был не приёмный для посещения больных. Поэтому она написала и передала нам записку – встретимся завтра.

Встреча состоялась. Мать предложила главному врачу больницы свои добровольные услуги в роли санитарки на период, пока мы находились на лечении. Для проживания в больнице он выделил ей отдельную небольшую комнату.

Мать забрала из детского приёмника эвакуопункта Свердловского железнодорожного вокзала младшего сына. Таким образом, вся наша оставшаяся в живых семья в составе 4-х человек стали временными «жителями» 1-й клинической больницы города Свердловска.

Так продолжалось до мая 1942 года. За этот период мы окрепли физически и духовно. Решили ехать в Татарстан. До г. Казани нас сопровождал Пётр Иванович Шаталов. В Казани, погостив несколько дней в семье дяди, Александра Ивановича, переехали в свой район. Все стали работать – трудиться и учиться.

Продолжалась Великая Отечественная война, продолжалась фашистская блокада г. Ленинграда. Наш отец, находясь на передовой с первых дней блокады в обороне, в районе Пулковских высот, воевал до полного разгрома вражеских войск под Ленинградом. Был обморожен, контужен и ранен. К счастью, остался живой. Он был до конца жизни патриотом своего отечества и надёжным защитником блокадного Ленинграда.

Для меня слова «житель блокадного Ленинграда» – это справедливое определение личности, внёсшей посильный вклад в обеспечение обороны города от разрушений его исторических ценностей. Преодолевший все физические, психологические и биологические трудности выживания в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время основную массу людей с памятным знаком «Житель блокадного Ленинграда» составляют те, кто родился накануне и в годы блокады города. Они знают жизнь блокадного Ленинграда по рассказам родителей, родственников, но они достойно чтят чувства памяти и уважения к тем, кто в бою или у станка обеспечивал защиту города, населения и его личную жизнь, кто скончался от полученных ран, от голодного истощения, но морально не сдался в своих убеждениях на милость врагов.

Людям старшего поколения России, которые своей жизнью, своим трудом обеспечили полный разгром фашистских

войск под Ленинградом и освободили город и население от насильственного уничтожения, – ВЕЧНАЯ СЛАВА!

Воспоминания о былом

Время, прожитое в блокадном Ленинграде, вспоминается как кошмарный сон борьбы за свое самовыживание. Тогда мне было 13 лет. Эвакуация нашей семьи из пограничной полосы с Финляндией, затем из фронтовой зоны блокадного Ленинграда, особенно в начале зимы в декабре 1941 года, после рискованной попытки нашего пешего перехода по льду Ладожского озера по «Дороге жизни», была длительной и смертельно опасной для истощенной от голода, измученной семьи... Тогда мы – мать, брат Александр и я, Аркадий Сергеев, впряженные лямками в самодельные, из досок, санки, с привязанными на них восьмилетним Борисом, еле ползущие по снежной дороге, были задержаны на контрольном пункте выхода на лед «Дороги жизни».

Солдаты своими руками перенесли нас в кузов грузовика и отвезли в большой деревянный барак. Этот дом, внутри с деревянными нарами вдоль всех стен, и большой печкой-плитой посередине, был местом проживания заключенных, добывающих торф для отопительных организаций.

В конце 1941 года он стал местом проживания беженцев, ожидающих своей очереди эвакуации автотранспортом по льду сооруженной «Дороги жизни». В бараке всегда временно (по месяцу и более) проживало по 30-40 человек. Обогревающая печка-плита топилась торфом круглосуточно. В помещении никто никогда не раздевался. На нарах лежали и спали все одетыми. Умерших на нарах от истощения или болезни складывали в коридорную холодную кладовку. Раз в неделю приезжал грузовик. В него складывали одетых покойников и увозили на захоронение без провожающих родных, без плача и рыданий...

Известно, что истощенные голодом люди, утрачивают чувство сострадания...

В первом рассказе я говорил о начале Отечественной войны, своих родителях, проживании в пригороде Ленинграда, эвакуации и восстановительном лечении в г. Свердловске (Екатеринбурге). В этом сборнике продолжаю рассказ о своей жизни, работе, службе Отечеству в последующие беспокойные прошедшие годы.

В мае 1942 года наша семья из Свердловской больницы переехала в Татарстан, на свою малую Родину. Мы сразу же включились в посильную сельскую работу. Мать стала трудиться на молочно-товарной ферме, брат Александр в кузнице молотобойцем, а я со сверстниками – ребятами на колхозном конном дворе. Кроме ухода за животными, в летнее время работали в поле... Пахали землю, боронили, возили корма и т.д. В нерабочее время суток, по очереди, уводили коней на пастбища, где была растительность – трава и кустарники.

В 1943 году я поступил на учебу в ветеринарный техникум. Там в течение года по сокращенной программе приобрел необходимые знания и практические навыки по выполнению обязанностей ветеринарного фельдшера. После успешных экзаменов получил удостоверение ветеринарного фельдшера. Стал работать в районной ветлечебнице, но место работы в основном было в селениях на различных фермах.

В мае 1945 года Правительство страны начало возвращать семьи беженцев в пограничные районы с Финляндией, для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Нашу семью возвратили в Карело-Финскую республику в пограничный район г. Суоярви. Я стал работать по специальности в земельном отделе.

В октябре 1945 года администрация поручила мне возглавить молодежную группу из шести человек и выехать поездом на пограничную железнодорожную станцию Вяртсиля для приема от Финляндии эшелона домашних животных (кони, крупный рогатый скот) в соответствии с законом репарации (возвращении) стране – победителю материального ущерба в годы войны.

В назначенный день эшелон не прибыл. Нам предложили переночевать в пустующих домиках. Девушки остались у первого дома, а мы, ребята, втроем, пошли в соседний...

В прихожей дома, около двери в другую комнату, стояла у стены круглая печка с закрытой топкой. Дверь в другую комнату открывалась в сторону печки. Я открыл дверь... в момент перешагивания порога, в это мгновение прогремел взрыв... Сорванная взрывной волной дверь, своей плоскостью ударила мне в спину. Я оказался лежащим на полу под дверью... Сбросив ее с себя, через дверной проем увидел, что шедший за мной Саша Голиков, лежавший на спине, пытается встать... У него с переда были порваны куртка, рубашка и внутренности живота. Я с ужасом смотрел на него, а Саша на меня. Кивком головы в сторону взорванной печки, в наступившей после взрыва тишине, он сказал: «Печку открывал», – и медленно свалился на пол. Прибежали наши девушки, пограничники. Пострадавшего положили на палатку и быстро отнесли к вокзалу на машину. Пограничники отвезли его в ближайший медицинский пункт, где он через четыре часа скончался.

Александр Голиков, 15-летний юноша, скромный исполнительный труженик, стал очередной безвинной жертвой прошедшей войны.

В этот трагический день, как и в блокадном пригороде Ленинграда, судьба ко мне была благосклонна. В этой трагедии я отделался лишь ушибом и душевным потрясением.

Из Финляндии эшелон с животными прибыл на следующий день. После пограничного контроля, представитель СССР от Карело-Финской республики и я – представитель молодого поколения страны-победителя, подписали Государственные акты репарации животных. Тогда мне было 17 лет.

В конце мая 1947 года я был призван на срочную военную службу в воздушно-десантные войска. После принятия присяги и прохождения курса парашютной подготовки днем и ночью, меня отправили на учебу в военное летное училище.

ще в г. Славгород Алтайского края, которое через два года перевелось в г. Пугачев (затем стало филиалом Сызранского ВВАУЛ).

Через четыре года я стал летчиком десантных планеров и самолетов-буксировщиков. Служил в Молдавии в г. Бельцы, затем на Украине в г. Хмельницкий.

В мае 1945 года был направлен в центр переучивания полетам на вертолетах в г. Торжок Тверской области. Назначен командиром экипажа вертолета МИ-4. Летал в районах Северного Урала и на о. Новая Земля. В 1957 г. участвовал при испытании водородной бомбы на полигоне Новая Земля. В 1958 году в составе поисковой группы выполнял полеты в Казахстане в районе Байконура...

С 1959 по 1966 годы служил на территории Польши в составе СГВ (Северной группы войск).

В 1968 году участвовал в военной операции ввода советских войск на территорию Чехословакии. В 1969 году, в период военного конфликта с Китаем, перелетал большой группой экипажей с Запада в Амурскую область для решения возникших территориальных проблем...

Летом 1972 года с экипажами полка обеспечивали локализацию очагов пожаров в Центральных областях России.

В 1974-1975 годах с женой Любовь Ивановной, находился в длительной служебной командировке в Африканском Алжире. Был старшим группы военных специалистов и консультантом на военной авиационной базе, расположенной в пустынной местности на юге страны. Многие офицеры летного состава арабов, прошли учебную подготовку в Советском Союзе и освоили разговорный русский язык.

У них на вооружении была наша авиационная техника – вертолеты и самолеты. Со всеми командирами установились добрые дружеские отношения. В конце декабря 1975 г. мы с женой возвратились в Москву, затем домой к своим взрослым детям.

В мае 1976 года я уволился с военной службы в запас по возрасту в звании полковника. После смены места проживания был принят на работу в Львовском аэропорту ГВФ. Направлен в Кировоградское авиационное училище ГВФ для прохождения курса специальной подготовки управления воздушным движением в аэропортах. После окончания обучения и получения подтверждающих документов стал работать диспетчером и руководителем полетов Львовского аэропорта.

Через год по состоянию здоровья и личному заявлению с этой работы пришлось уволиться.

Был приглашен на вакантную должность в областную организацию ДОСААФ. Принял авиационно-спортивный клуб с самолетами, парашютистами и вертолетами со штатными (35 человек) опытными до фанатизма работниками... Мы готовили спортсменов-парашютистов из категории молодых рабочих и студентов ВУЗов. Работа была увлекательная, интересная. За период работы в клубе происшествий не было.

В то время в стране началась «перестройка». Все ренегаты к власти рвались. Мошенники, жулики, их окружение в борьбе за богатством друг с другом дрались...

Самое трудное русским досталось
Во всех странах СНГ.
Они нацменами там стали,
Без языка, письма, в нужде...
Старший сын нас звал в Россию.
Нам в г. Львове труднее жилось.
Стали искать обмена квартиры...
Но желающих куда хотели, не нашлось...

Возвращение в Россию у нас состоялось в 1997 году. Мы вселились в квартиру сына, полученную от Министерства Обороны, он в то время служил в г. Москве. Проживал с женой в однокомнатной служебной квартире по месту службы.

В г. Владимире, в п. Коммунар, его квартира была в новом доме, расположенном в зеленой зоне загородного парка. Для пенсионеров место – благодать. Вокруг живет русский народ и чистый воздух круглый год...

Все прожитые исторические года
Со мной была моя судьба...
Я счастлив, что тружусь, живу.
Не во сне хожу, а наяву...

Последние 16 лет занимался и занимаюсь общественной работой в Областном Совете ветеранов войны, военной службы, труда и правоохранительных органов...

Являюсь членом Президиума областного Совета ветеранов. Выполняю обязанности в комитете ветеранов войны и военной службы. Встречаюсь с молодежью в учебных заведениях и на призывных пунктах военкоматов...

Напутственные афоризмы молодежи:

Учитесь, Читайте,
Трудитесь, Познавайте,
Стремитесь, Терзайте,
Не ленитесь, Не унывайте.
...Где нет труда-
Сады там не цветут.
Где нет любви к труду –
Там мир – пустыня...

*(Сергеев-Ценский,
классик XIX-XX век)*

Серебрякова Валентина Яковлевна

Родилась в 1933 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Серебрякова Валентина Яковлевна родилась в 1933 году в г. Ленинграде. В начале Великой Отечественной войны 1 сентября 1941 года пошла в школу в первый класс. Но уже 8 сентября 1941 года начались первые бомбовые атаки города на Неве, и все школы закрылись. Скоро фашисты сожгли в городе все продуктовые склады. Была введена карточная система распределения продуктов, и начался страшный голод. Отец воевал на Ленинградском фронте, и из-за этого семья приняла решение не покидать г. Ленинград. Дважды младшая сестра почти умирала от голода, и оба раза её спасала семья.

Каждую ночь несколько раз объявляли о бомбёжках немцев, и была сирена. Мы одевались и спускались на 1 этаж, спать было некогда. А днем очень часто шли обстрелы Ленинграда, часто на крышу или под крышу попадали снаряды-фугасы, которые горели. Я вместе со взрослыми песком тушила очаги пожара.

Однажды снаряд попал в лошадь. Многие жители сумели воспользоваться мясом. Достался кусок и моей тете, маминой сестре. Она, очистив кость от мяса, отдала эту кость нам. Мама нашла воды, налила ее в пятилитровую кастрюлю, положила туда эту кость и одну ложку пшена, больше не было. Потом мы ели и делились с соседями (жили в коммунальной квартире).

В 1941-1942 гг. зимой по карточкам по 150 грамм выдавали зеленоватую прессованную массу где-то 40×40 см., толщиной 8 см, бывшую в прошлом питанием для лошадей. Мама собирала разные травы и варила их. Это мы и ели. Так из лебеды мама готовила лепешки без всяких посторонних добавок. И это для нас было очень вкусно.

За водой ходили на улицу в ямы водоёмов. Трупы были и на улицах, и в подъездах, и в квартирах. Либо некому было хоронить, либо сил на это не было. В Ленинграде организовывали спецкоманды, которые занимались вывозом мертвых, чтобы эпидемия не обрушилась на город.

Сидорова Генриетта Ивановна

**Родилась в феврале 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Гета из блокадного Ленинграда

Для жительницы города Вязники Генриетты Ивановны Сидоровой 27 января – День снятия блокады Ленинграда – особенная дата.

Девочка появилась на свет в северной столице в феврале 1938 года. Изначально девочка Генриетта имела отчество не Ивановна, а Николаевна. Ее отец Николай Иванович Рейко был кадровым военным. Мама Александра Дмитриевна работала главным бухгалтером на фабрике.

Дорога жизни

Семья жила в старом доме на Съезжинской улице на Петроградской стороне неподалеку от Петропавловки. Своих родителей Гета, как ее звали в детстве, помнит плохо. Отец погиб в самом начале войны. Мама умерла от голода 6 мая 1942 года.

Этого кошмара Генриетта Ивановна почти не помнит. Лишь по рассказам знает, что ее, умирающую рядом с уже неподвижной мамой, нашли соседи и отправили в детский дом. Наверное, в детдоме делали все возможное для того, чтобы спасти детей в условиях блокадного города. Но девочка запомнила лишь холод, голод и болезни.

В октябре 1943-го воспитанников решили эвакуировать на Большую землю. Детей-сирот разместили на баржах, которые переправляли через Ладожское озеро. Немецкая авиация атаковала караван. Началась бомбежка. Вокруг утлых суденышек взметнулись столбы воды. Гета навсегда запомнила, как идущая впереди баржа скрылась в облаке взрыва. Ни один человек – ни ребенок, ни взрослый – с нее не спасся.

– Нам повезло, – грустно улыбается Генриетта Ивановна. – В нашу баржу немцы не попали...

С семьей

Детдомовцев из Ленинграда отправили в Вязники и разместили в доме ребенка в пригороде Ярцево. Еле живая пятилетняя девчушка ничего не могла сказать о своих родителях, она даже не знала свое отчество. Лишь на одежде у нее были вышиты имя, фамилия и дата рождения. В марте 1944 года Генриетту Рейко удочерили вязниковцы Иван Петрович и Мария Васильевна Афонины. Глава семейства работал начальником ОРСа пристани «Вязники», а его супруга вела домашнее хозяйство. Своих детей у них не было. Так Генриетта Николаевна Рейко стала Генриеттой Ивановой Афониной. То, что она приемная дочь, девчушка осознала очень скоро. Соседи оказались не слишком тактичны. На улице она не раз слышала: «Вот приемыш Афониных идет».

В Вязниках Генриетта в 1955 году окончила среднюю школу № 3, а потом поступила на работу в Вязниковский торг. Вначале была счетоводом, потом стала бухгалтером. Работала в автотранспортном предприятии и в местном тресте общепита. В АТП встретила свою судьбу – шофера Николая Сидорова, который стал ее мужем. Однажды Сидорову поручили перегнать грузовик для капремонта в Ленинград, Генриетта поехала вместе с ним.

«Найти человека»

Она пыталась найти хоть кого-то из близких в красивом, одновременно родном и чужом городе на Неве. Но в справочной службе неизменно отвечали, что граждане по фамилии Рейко в Ленинграде не проживают!

Потом в Ленинград Генриетта Ивановна ездила много раз, писала в самые различные инстанции. Однако результат всегда был один: не проживают, не значатся, данные отсутствуют! Постепенно надежды таяли.

С 1965 года по инициативе известной детской поэтессы Агнии Барто на всесоюзном радиоканале «Маяк» стала выходить передача «Найти человека» – о поисках семей детей,

потерявшихся во время Великой Отечественной войны. Гета старалась не пропустить ни одной такой передачи. Каждый раз, когда озвучивались длинные списки потерявшихся детей и родителей, она с волнением садилась около радиоприемника. Но год шел за годом, а заветную фамилию Рейко не называли ни разу!

В июле 1981-го Генриетта Ивановна впервые изменила многолетнему обычаю. Жила она (как, впрочем, и сейчас живет) в частном доме, в огороде было множество неотложных дел. И она, вопреки обыкновению, не стала высиживать у радиоприемника. А на следующий день на работе одна из коллег по бухгалтерии спросила ее:

– А ты радио вчера слушала? Там фамилию называли – Рейко. Брат свою младшую сестру искал – Генриетту Рейко!

– Да как же ты услышала? – только и смогла сказать в ответ сослуживице Генриетта Ивановна.

– А я тоже в огород пошла работать, но приемник на подоконник поставила, чтобы можно было все слышать...

Брат Анри

В тот день бухгалтер Сидорова во внеурочное время ушла с работы. Она направилась в местное отделение милиции. Почему – то ей казалось, что идти надо обязательно туда. В милиции внимательно выслушали женщину и, действительно, дали ей адрес редакции Всесоюзного радио. Туда Генриетта Ивановна сразу же послала письмо. Она до сих пор помнит тот день, когда с замиранием сердца опустила конверт с московским адресом в синий почтовый ящик – 15 июля 1981 года. И стала ждать ответ. Вскоре пришел пакет с московским штемпелем. Но это оказалось лишь уведомление о том, что на радио письмо из Вязников получено. Томительно шли дни. Лишь, в сентябре почтальон принес столь долгожданное письмо из Эстонии. Генриетте Ивановне писал ее родной брат Анри Рейко, проживавший в Таллинне. А уже в середине октября женщина гостила у брата, который был

старше ее на 6 лет. Анри и рассказал ей об истории их семейства. Их было два брата и три сестры: Анри, Эдвин, Жанна, Виолетта и Генриетта. До сих пор не понятно, почему Рейко–старший давал своим детям исключительно французские имена. Возможно, его корни как-то были связаны с Францией. В блокадном Ленинграде Анри Рейко, прибавив себе возраст, упросил зачислить его в Красную Армию. Он провоевал всю войну до самой Победы. А когда вернулся домой в квартиру на Съезжинскую, то там уже жили чужие люди! Чудом уцелевшие соседи рассказали молодому человеку, что на его отца Николая Ивановича пришла «похоронка», потом от голода умерли Эдвин, Жанна и Виолетта. Последней угасла мама Александра Дмитриевна. Поведали и о том, что самую младшую Генриетту отдали в детдом. Анри раздобыл адреса всех детских домов, эвакуированных из блокадного Ленинграда. Несколько лет он посвятил поискам, искал даже в Сибири. Но следов сестры так и не обнаружил. Лишь много позже выяснилось, что по непостижимому совпадению Рейко дали все адреса детдомов, кроме одного – как раз того, который вывезли в Вязники! Сам Анри женился на девушке из Таллинна и переехал к ней. Так он оказался в Эстонии, работал мастером на одном из таллинских заводов. Оставалась одна надежда – на радио. И «Маяк» не подвел!

Достучаться до Таллинна

Генриетта Ивановна до сих пор не может забыть ощущение невероятного счастья: в одночасье она обрела множество родных. Помимо брата в Таллинне у нее оказалось еще две родные тети, двоюродные братья и сестры в Ленинграде. У них она тоже гостила не раз, побывала в том доме на Съезжинской, где прежде жила ее семья. Оказавшаяся жительницей Вязников поневоле, она несколько раз пыталась вернуться на свою историческую родину. Но и в Ленинграде, и потом уже в Санкт-Петербурге ей неизменно вежливо, но холодно отвечали: для того чтобы встать в очередь на жилье в их

городе, необходимым условием является проживание там сроком не менее 10 лет. То обстоятельство, что уроженка Ленинграда покинула его не по своей воле во время блокады, чиновниками во внимание не принималось и не принимается. Статус блокадницы, знак «Жителю блокадного Ленинграда», медали и льготы – все это у Генриетты Ивановны есть. Нет лишь «стажа» ленинградской прописки.

– А так бы хотелось провести остаток дней среди своих родных в городе, где появилась на свет, – признается Г. И. Сидорова. – Тем более, что столь чудесным образом обретенный старший брат и его семья десятилетия спустя для меня вновь оказались потерянными. После 1992 года Таллинн молчит. Письма туда почему-то не доходят, по старым телефонам ни до кого дозвониться я не могу. А съездить туда теперь нет возможности. Даже не знаю, жив Анри или нет. Но все равно надеюсь его увидеть вновь!

*Автор текста – Николай Фролов
Газета «Призыв» № 2. 23 января 2013*

Сипакова Валентина Николаевна

**Родилась в 1938 году в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)**

Когда началась Великая Отечественная война, мне было всего три года с небольшим, поэтому все мои воспоминания основаны на рассказах моих родных, которых мне удалось разыскать через «Общество Красного креста» в 1965 году.

В то лето я впервые познакомилась со своими родственниками, они подарили мне фотографии моих родителей и рассказали о них. Так, в свои уже 27 лет, я впервые узнала о том, что мы жили на улице Малая Пороховая, д. 11, кв.7. Это была большая рабочая семья, но после моего рождения родители (Елизавета Алексеевна и Николай Иванович) стали снимать жильё в Павловске по улице III Цветочная.

С начала войны отец воевал на Балтийском флоте. А мама, когда фашисты вошли в Павловск, со мной на руках бежала в Ленинград, к своим родным. Однако в городе уже тогда было трудное время: ежедневные бомбежки, блокада, голод. Люди умирали тысячами. Скорее всего, это должно было случиться и со мной. Но спас случай: дядя Вася, младший брат моего отца, получив повестку на фронт, решил проститься со всеми своими родными. Из его рассказа, уже после окончания войны, я узнала, что дома он застал такую страшную картину: уже умершие от голода моя мама и бабушка лежали на кроватях, а я, плача, ходила между ними, поочередно дергала их за одежду и просила кушать. Он быстро взял меня на руки и отвез туда, где готовили детей для вывоза из блокадного Ленинграда. Так я оказалась в Ленинградском детском доме № 43, откуда в конце июля 1942 года нас привезли на Владимирскую землю, в город Суздаль, и определили в детский дом № 4. Это был специализированный детский дом для блокадных детей из Ленинграда. Из рассказов родственников я позже узнала, что моя мама во время войны работала в госпитале, куда однажды с тяжелым ранением попал и мой отец.

Мама выходила его, отдавая часть своего пайка, и он снова ушел воевать, а она умерла от дистрофии весной 1942 года и похоронена была в общей могиле на Большом Охтинском кладбище. Разыскивая после войны отца, я неоднократно отправляла запросы в разные инстанции, но приходил один и тот же ответ: «Пропал без вести».

Скорее всего, могилой для него, как и для других, воевавших там моряков, стало Балтийское море.

Мне все же повезло: нас вывозили из блокады через Ладогу, и я осталась жива. Конечно, в силу своего возраста, я не помню разрывов снарядов, однако в памяти остался вой сирен, предупреждающий об опасности, а также постоянное чувство голода; это самое страшное чувство из блокадного детства.

Суздаль встретил нас приветливо, многих детей даже взяли в семьи. Работники в детском доме были добрые и заботливые, старались, чтобы не умер ни один из привезенных детей. Ведь мы, по их рассказам, были очень истощены и напоминали маленьких сморщенных стариков. Персонал детского дома сделал все, чтобы блокадные дети вновь научились улыбаться. Я благодарна им за материнскую заботу и теплое отношение к нам. Наше детство уже давно прошло, но воспоминания о том времени живы до сих пор. Помню, как нас отпаивали рыбьим жиром; как выкраивали для нас лишний кусочек масла или сахара, хотя в стране тогда было очень трудно с продовольствием. Помню, как постоянно хотелось кушать; как мы собирали крошки под столом; как ели сырую картошку, и она нам казалась сладкой; так как вместо сахара нам давали высушенную белую свеклу; как ели всякую траву, даже белену, нас потом отпаивали молоком, чтобы мы не отравились; как любили дежурить по кухне, чтобы потом вылизать бочки от каши; как выступали перед ранеными бойцами во Владимирском госпитале, и они угощали нас кусочками сахара (а это в то время было очень дорогим лакомством); помню, как помогали колхозам в прополке овощей и сборе колосков на полях; как уже позже подкармливали пленных немцев,

которые в Суздале были на работах и просили у нас, детей, немного хлеба, по-немецки «Brot». Воспоминаний много, но их невозможно изложить кратко на бумаге... Детство было трудное, не очень сытое, но я вспоминаю всегда с теплотой это время. Ведь главное – мы были далеко от войны и уже не боялись умереть от голода. Нас многому научил детский дом, и мы не выросли белоручками, так как всё делали сами: мыли полы, стирали, помогали колхозам, работали на нашем огороде, ухаживали за животными (в детском доме были лошадь, корова, свиньи, кролики). Детский дом дал нам настоящую путевку в жизнь...

В детских домах города Суздаля я пробыла с 1942 по 1955, где закончила 10 классов и поступила во Владимирский педагогический институт, на филологический факультет. Жизнь была интересной и насыщенной: два лета в составе студенческого отряда работала на целине, неоднократно работала в пионерских лагерях. По окончании института в 1960 году проработала 40 лет в школах нашего города. Старалась работать честно и добросовестно. Имею благодарности за работу, награждена медалью «За освоение целинных и залежных земель», знаком «Победитель соц. Соревнований» за 1973 год, медалью «Ветеран труда». В 1991 году мне вручили значок «Отличник народного посвящения» за успехи в учебно-воспитательной работе.

С 1965 года постоянно ездила в Ленинград и позже Санкт-Петербург к своим родственникам. Однако с 2014 года мне уже негде там остановиться, так как умерли все родственники, у которых я останавливалась.

В заключении еще раз хочу поблагодарить всех, кто не дал нам, детям блокады, погибнуть в огне войне и подарил нам жизнь.

Уже более 70 лет мы живем в мире. Пусть никогда наш народ не узнает ужасов войны, выпавших на долю нашего поколения.

И пусть всегда на земле будет Мир!

Сметанин Михаил Иванович

Родился 12 января 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Сметанин Михаил Иванович, родился 12 января 1938 года в городе Ленинграде. Когда началась война, мы жили в Петроградском районе на улице Кронверкской, дом 20 (сейчас это дом 12 – после блокады многие полностью разрушенные дома снесли), кв. 11. Это коротенькая улица начинается от улицы Горького и доходит до улицы Большая Пушкарская. Квартира была коммунальная, и проживали в ней шесть семей. Наша комната была самая большая – 38 метров, потолки – 4 метра 20 см. В такой большой комнате очень трудно было жить во время блокады – протопить её было не возможно. Поэтому у нас был брезентом отгорожен небольшой кусочек комнаты, где стояла железная печка, её почему-то называли буржуйкой.

Я прожил в Ленинграде всю блокаду, но так как был ребёнком, мои воспоминания отрывочны и весьма малы. Но многое забыть невозможно, и я, конечно, отлично помню постоянное чувство голода и холода, постоянный звук метронома и объявления «Граждане, воздушная тревога!».

Особенно плохо пришлось в первую зиму 1941-1942 года. Выжили мы благодаря моему отцу Сметанину Ивану Ивановичу. До войны он был известным яхтсменом. Занимал призовые места, в том числе и в регатах, проводимых в других странах: Финляндии, Швеции. С началом зимы 1941 г. ему было поручено проложить «дорогу жизни» через Ладожское озеро. Мало кому известен тот факт, что первый мешок муки в блокадный город был доставлен по льду «дороги жизни» на буерах под его командованием. Года 3-4 назад я увлёкся компьютером и в интернете нашёл много документов, подтверждающих его рассказы. Одну страницу из этих документов я прикладываю к своим воспоминаниям.

Так вот я хорошо помню этот день, хотя мне было всего 4 года.

Мама и бабушка, вместе с которыми я жил, да и я тоже, уже были практически при смерти от голода и холода, когда отец с двумя матросами приехал с Ладоги по делам в Ленинград и, конечно, навестить свою семью. Мама рассказывала, что к этому времени дома оставалась только тарелка похлёбки, сваренной из столярного клея. Клей этот в виде плиток, похожих на шоколадные, выдавался по мясным талонам карточек, т.к. он якобы варился из костей. К тому же уже не было сил ездить на санках за водой на Неву. И даже выходить во двор, чтобы набить чайник снегом тоже было очень тяжело.

Сослуживцы отца, узнав, что командир едет в Ленинград, помогли собрать небольшую продуктовую посылку: несколько банок консервов, пару буханок хлеба, несколько килограммов картошки, немного сахара. В этот день я хорошо поел, правда, не досыта. Мне почему-то не давали есть много. К тому же, матросы где-то раздобыли дров для печурки (наверное, на развалинах разбомблённых домов), они же огородили брезентом угол в комнате, забили чем-то и окна, которые были без стёкол, т.к. в дом напротив попала бомба. Благодаря всему этому мы дотянули до весны. Мама и бабушка, вспоминая это время, говорили, что не так тяжело было переносить голод как-то, что ребёнок просил есть, а дать ему было совершенно нечего.

А потом стало немного лучше. Мама устроилась на работу, а меня определили в детский сад, который и сейчас работает, совсем близко от нашего дома, на углу Кронверкской и Большой Пушкарской.

О детском саде я помню не очень много. Там было зимой холодно, и мы всегда мёрзли, хотя были как можно теплее одеты. Зато летом гуляли в ближайшем сквере. Ещё помню, нас водили выступать по радио. Мы долго готовились и разучивали текст сказки Маршака «Сказка о глупом мышонке». Я не помню, за какого персонажа этой сказки я выступал, просто я долго помнил весь текст и мог говорить за любого

персонажа. Также нас часто водили в госпиталь, где лечили раненых защитников Ленинграда. В палатах с ранеными мы рассказывали выученные стихи, пели песенки. Раненые всегда нас хорошо принимали и старались дать кусочек сахара или конфетку в руку каждому. Моя мама не могла без слез вспомнить, как я однажды после такого выступления, придя домой, вынул из кармана три слипшиеся конфетки – подушечки (тогда только и были такие конфеты) и, протянув ей, сказал: «Кушай, мама». Я удивлялся, что большие дяденьки часто плакали, когда обнимали нас. Теперь я понимаю, что обнимая нас, они вспоминали своих детей, свои семьи, которые также где-то переживали это трудное время. А мы таким образом поддерживали боевой дух и злость к фашистам этих защитников Ленинграда и тем вносили свой вклад в его оборону.

Часто на улице я видел трупы людей, но их быстро увозили на грузовиках. Наша улица всегда была очищена от снега, и зимой, и летом всегда были чистота и порядок. Это потому, что наискосок через дорогу стоял, как теперь называют, элитный дом. Весь дом сейчас увешен мемориальными досками. В подъездах, и во время войны и после, дежурили милиционеры. В доме проживали: с 1938 по 1946 год – Николай Васильевич Соловьёв, председатель исполкома Ленинградского областного совета депутатов трудящихся в годы войны; с 1937 по 1946 год – Алексей Александрович Кузнецов, партийный и государственный деятель, один из руководителей обороны Ленинграда; с 1939 по 1950 год – Пётр Сергеевич Попков, председатель исполкома Ленинградского совета депутатов трудящихся в годы войны. Да и после войны около дома всегда можно было увидеть, как теперь говорят «фанатов», которые надеялись встретить выдающего деятеля советского искусства, народного артиста СССР Николая Константиновича Черкасова, который проживал в этом доме с 1944 по 1950 год.

В 1943 г. у мамы родился братик Лёня. К сожалению, он умер в 1949 г. Блокада сказалась, и он после продолжительной болезни умер от туберкулёза.

27 января 1944 г. в восемь вечера над освобождённым Ленинградом прогремел праздничный салют – 24 залпа из 324 орудий. На стрелке Васильевского острова, между Ростральными колоннами в линию расставили 24 орудия стволами в сторону Невы и произвели праздничные залпы. В унисон прогремели залпы из орудий, которые стояли в разных частях города. В тот день прогремел мощный салют! Я хорошо запомнил этот день. Мама со мной на руках поднялась с лестничной площадки нашей квартиры на площадку последнего этажа. Окна лестничной площадки выходили в сторону Зимнего дворца и стрелки Васильевского острова, до которых было не очень далеко. Мама плакала и говорила: «Запомни сынок этот день».

Салют мне очень понравился. Я с друзьями потом часто ходил смотреть салют на Неве, который после войны всегда проводился по праздникам.

К сожалению, мама развелась с отцом в 1944 г. Мы переехали и полгода жили по адресу: улица Разъезжая, дом 2, кв. 4. Потом отчиму дали трёх комнатную квартиру по адресу: Коломенская улица, дом 35/37, кв. 42, где мы проживали вплоть до отъезда из Ленинграда в 1952 г.

В 1945 г. я поступил в 309 школу, в которой закончил 7 классов в 1952 г. В классе я был самым маленьким, сказалась блокада. Почти все мои одноклассники вернулись из эвакуации и были гораздо выше и здоровее меня. Это видно из прилагаемых мною фотографий 1-го и 4-го класса. Я даже был освобождён от занятий по физкультуре, т.к. был очень слабый и не мог выполнять упражнения на уроках физкультуры. Только к середине 50-х годов я стал поправляться и избавляться от последствий этого ужасного времени – блокады Ленинграда.

После войны я всё время поддерживал связь с отцом. Ездил к нему на Кронверкскую и в яхтклуб, где отец продолжал воспитывать молодых яхтсменов. После окончания семи классов отец предлагал мне поступить в Нахимовское училище.

Он говорил, что воевал с начальником училища и всё будет в порядке. Но, к сожалению, здоровье не позволило бы мне пройти медкомиссию.

Отец дожил только до 20-й годовщины Победы. Он умер 30 мая 1965 года в возрасте 57 лет. Я приезжал на его похороны из Владимира. Похоронили его на Серафимовском кладбище торжественно, с почётным военным караулом и салютом на кладбище.

В 1951 г. отчима перевели служить во Владимир (он служил в КГБ). В 1952 г. он сдал квартиру в Ленинграде, и мы с мамой переехали во Владимир. Во Владимире я учился в школе № 17.

В 1955 году 15 декабря поступил работать на завод «Электроприбор», где проработал почти 48 лет. В июне 2003 г. в возрасте 65 лет вышел на пенсию. В 1975 г. заочно закончил Авиамеханический техникум по специальности «радиотехник».

Женился в 1958 г. В 1959 г. родился сын. После окончания восьми классов в школе № 16, сын поступил учиться в ЛАУ – Ленинградское Арктическое училище. Это училище выпускало моряков дальнего плавания. Училище находилось в Стрельне, в Константиновском дворце. Там сейчас правительственная резиденция, где Президент проводит международные встречи. В 1980 г. сын женился, и в 1981 г. у меня появился внук. А в 2000 г. я уже стал прадедушкой. Сын и внук живут в Санкт-Петербурге в Красногвардейском районе.

Каждый год 1-2 раза я бываю в Питере, чтобы повидаться с сыном, внуком и правнуком, побродить по с детства знакомым местам и вспомнить всё. В том числе и те тяжёлые годы блокады, которые невозможно забыть.

Воспоминания И.И. Сметанина

«О развитии буерных отрядов для защиты

«Дороги жизни» на ладожском озере»

Буера постепенно осваивали и акваторию Ладожского озера. Контр-адмирал Ю. А. Пантелеев (сам спортсмен-буре-

рист) получил приказ среди военных опытных яхтсменов-буеристов переправить на озеро все имеющиеся в Ленинграде буера и использовать их для парализации разведывательных групп фашистов. В короткие сроки был создан отряд под командованием опытного яхтсмена-буериста И. И. Сметанина в составе: Е. И. Лодкина, А. М. Михайлова, В. К. Кочегина, К. И. Александрова и других. Прежде всего, буеристы проложили «пионерную» трассу «Дороги жизни», разметив её флажками, а затем они осуществляли военное сопровождение автоколонн и обозов, ежедневно совершали объезды ледовой трассы с целью нахождения пути обхода разбомбленных фашистами участков дороги, оказывали помощь застрявшим во льду машинам.

Вскоре здесь стали действовать уже два отряда буеристов. Один отряд имел на вооружении 19 буеров, второй – 16. В основном это были буера тяжелого русского типа. Напомним, что буера эти были построены по чертежам конструктора Н. Ю. Людевига, умер этот патриот в блокадном Ленинграде в 1942 г. Каждый из буеров нес паруса площадью до шестидесяти квадратных метров. На решетчатой платформе размещались шесть-десять автоматчиков. Вместо десанта можно было брать пять-шесть мешков муки (400-600 кг.). При хорошем ветре буер успевал за день сделать от четырех до шести рейсов (3500 кг. муки, а это – семь тысяч буханок хлеба или двадцать восемь тысяч накормленных по блокадным нормам людей).

Ходили буера и ночью, доставляя в город не только муку, но и медикаменты, патроны и даже бензин. Боевой экипаж буера состоял из пулеметного расчета и рулевого, который обладал опытом вождений яхты.

Буера использовали также и как малое транспортное средство. Никто тогда ни сном, ни духом не ведал, что первый мешок муки в умирающий от голода Ленинград будет доставлен по тонкому льду Ладоги именно на буере. Как уже было указано выше, буеристы первыми произвели разведку будущей «Дороги жизни». Обратно из Кобоны в Осиновец

они возвращались отнюдь не налегке на их платформы были уложены мешки с драгоценной мукой. И позже, когда на лед, еще не доступный автомашинам, вышли санные обозы, буеристы, обгоняя выбивающихся из сил лошадей, летели по глади замершего озера, перевозя в осажденный город тонны ржаной и пшеничной муки. Скольким женщинам, детям – дистрофикам, раненым бойцам спас жизнь тот самый первый хлеб!

Кроме того, из блокадного Ленинграда вывозили истощенных женщин и детей, спасали тех, у кого не было шансов выжить в окруженном врагом городе. Кстати, в этих рейсах ни один буер не был потоплен или подбит. Малые размеры, белый парус и высокая скорость перемещения обеспечивали неплохую маскировку с воздуха и не позволяли вести сколь-нибудь прицельный огонь. Скорость этих спасительных ледовых яхт была такова, что переброшенные на Большую землю женщины устраивали истерику, когда следовала команда на выгрузку. Измотанные до предела люди думали, что их бросают на произвол судьбы посреди озера. Они не могли поверить в то, что дорога от смерти к жизни занимает всего 20 минут. За это время, при отсутствии глубокого снега, загруженный буер успевал пройти 35 километров трассы. И хотя число эвакуированных на буерах было не так велико, как это было осуществлено на автомашинах, но все равно, это был подвиг буеристов такого простого вида парусного транспорта, движимого силой ветра и силой духа русских людей!

Смирнова Лидия Николаевна

Родилась 3 августа 1939 года в городе Иваново

Я родилась в Иваново в 1939 году, 3 августа. Когда война началась, мне не было и двух лет. Я не помню, как родственники уходили на фронт. Мы жили в частном доме у моего деда, жило сразу в одном доме три семьи – сэкономили отопление. Разумеется, отопление было печное. Нас было четверо детей и родители. Отец у меня в 1939 строил тут мост через Клязьму, простудился и заболел пневмонией – на фронт его не взяли. Он жил с нами – все время был на лечении под контролем.

По соседству был аэродром «Южный», там видно было много самолётов. Там было очень много самолетов. Бабушка нас подведет к краю дороги, а самолеты начинают заводиться – шумно, мы боялись этого. Почти каждый вечер приходили к нам в дом военные летчики, у нас два мужчины были – пускали. Особенно зимними вечерами приходили лётчики обогреться, поменять и посушить портянки. Бабушка ставила на стол большой чугунок картошки-нелупешки, сорт «Лорх», угощала летчиков. Они с удовольствием ели картошку, а нам дадут шоколадку. Бабушка разделит – мы лакомились, а они там бабушке все рассказывали, как и что.

Как-то утром, не помню точно, какой это был месяц и день, бабушка нас выгоняет на улицу из дома: «Давайте, давайте, давайте, уходите!». Вышли. По-моему, это было летом 1943 года, но все же было холодно. Мы же любопытные дети – сразу на забор полезли. Летел самолет, в хвосте самолёта было огненное пламя, и сзади черный дым. Мы спрашиваем потом у бабушки: «Чего ты нас выгнала?». Она говорит: «Вдруг искра, а крыша то деревянная, дом-то загорится, а вы в доме». Нас, детей, очень оберегали. Самолет, хоть и был в огне, а летчик остался жив – все хорошо, приземлился. Это нам знакомые летчики рассказывали.

Недалеко от наших домов проходила чёрная шлаковая до-рога, по ней гоняли пленных работать на Кирпичный завод.

Зимы были холодные. Пленные шли строем с охраной. Мы ходили смотреть со стороны, и мои старшие братья бежали смотреть. А у нас бабушка, она такая добрая. Она то кому луковицу, то кому картошину в руки: «Идите дайте им, пленным – тоже люди, они ж не виноваты». Ну вот, мы с братьями им раздавали, и они нам все кланялись: «Danke! Danke!». Мы-то этого не понимали. Идем, рассказываем бабушке, она отвечает: «А они вам «спасибо» говорят».

В огороде у нас был окоп – на всякий случай, мало ли что может быть, мы прятались бы в окопе, но этого не случилось.

Было очень голодно, в основном питались огородным урожаем. Наш дед работал возчиком, у него была лошадь, которой выдавался паёк-овёс. Бабушка мыла овёс, сушила, толкла в ступе, а вечером, когда особенно есть хотелось, грели большой двухведерный самовар, заваривали геркулес, получался кисель, вот нас и кормили. Посадят нас за стол кругом, стол был длинный – нас было много. Два больших блюда, теперь бы я сказала, как тазы большие. Ложки были деревянные, не было железных ложек. И вот деревянными ложками мы поедим из общего блюда. Кто сколько съест и все. Голодно было... Все было из огорода. Щи с капустой, весной – с крапивой, немножечко картошечки.

Бабушка у нас такая умница была: «Пойдемте в огород, ребятишки». Поглядит, где покрупнее морковка, вымоет и на всех разделит – лакомство было. Яблоки были дикие, мы их собирали, ели и были этому рады. Такая жизнь была не только у нас, но и у всех.

Когда закончилась война, по радио объявили о Победе, бабушка встала на колени, плакала и молилась. Все взрослые перед образами плакали. У нас в углу там образа были и плакали все от радости. Радио, помню, было такое черное, Левитан говорил. Они слушали, и слезы от радости были. Вот это я помню все. Все жили в одном доме, собирались. Все родные и соседи – все приходили. Не то что бы праздновать,

а пообщаться, поговорить, встретиться. Рассказывали все – общительный народ-то был.

Помню, как мамины братья возвращались с фронта. У нас в кухне было два окна. Стучится в окошко, бабушка подходит, спрашивает. «Мама, это я – Леша». Она: «А как же мне тебя узнать? Сколько мошенников-то ходит...» Он спичку зажигает над лицом, она увидала. Бабушка сразу на колени перед образами, а мама стрелой с печки слетела дверь открывать – обрадовались, конечно. Ну, слава Богу, все кончилось.

На улице в основном играли мои два старших брата, они меня старше на шесть лет, а нас, маленьких, не пускали. Потому что мошенники были и воры, и детей ведь воровали. Бабушка за нами следила. Я могла ходить только напротив к девочке, она немножко старше меня. Мы дружили с ней с детства. Я бабушке говорю:

– Я пойду к Тамаре.

– Иди, я в окно погляжу, как ты пойдешь.

Вот так мы общались. Выросли, все равно все выросли.

В школу я пошла в 1947 году в Иваново, в школу № 33 на улице Ильинской. А потом нас перевели в другую – переполнены были классы. По окончании 7 классов перевели в школу № 46 на Первомайской. Школа была знатная. Замечательные были учителя.

Потом я пошла работать на швейную фабрику. А уж потом освоила профессию медицинского работника.

Сняtkова Нина Николаевна

Родилась 15 декабря 1939 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Сняtkова Нина Николаевна, родилась в Ленинграде 15 декабря 1939 г. (по записи в детском доме). По словам людей, принесших меня в детский дом, наш дом разбомбили. Маму и старшего брата убило той же бомбой. Меня подобрали санитары и принесли в детдом. Отец работал на Октябрьской железной дороге машинистом. Адрес его был неизвестен. Мне было 3 года.

В 1942 г. меня вместе с другими детьми эвакуировали в г. Иваново в Ивановский детский дом имени Стасовой. Это был один из лучших детских домов в Советском Союзе. Но я не долго в нем пробыла. Меня удочерили Козлова Евгения Ивановна и Сняtkов Николай Иванович. Очень хорошие люди. Они мне рассказывали, что я очень долго прятала корочки хлеба под блюдечки (на завтра). Я ходила в детский сад в Иванове. А на лето наш детский сад вывезли в лагерь. И вот как-то я гуляла, споткнулась и упала, сломав ногу. Меня заковали в гипс, и врачи посоветовали меня определить во Владимирский тубдиспансер. Там я пролежала почти 3 года. Приемные родители перевелись во Владимир и все время меня навещали. А когда мне сняли гипс, поставили на костыли, родители забрали меня домой.

Я поправилась и в 1947 году пошла в 16 школу в 1-й класс. Училась хорошо, потом поступила во Владимирский авиамеханический техникум по специальности техник-электрик. Несколько лет проработала на заводе Точмаш. Потом училась в Военно-механическом институте в Ленинграде. Потом вернулась во Владимир. Работала на Точмаш, ВЭМЗ и др. организациях. Принимала активное участие в общественной жизни. Но Ленинград остается любимым и родным городом.

Сосновская Клавдия Ивановна

Родилась в 1928 году в деревне Крюковское Ульяновской области (ныне входит в Гимовское сельское поселение Майнского района Ульяновской области)

Я родилась в 1928 году в деревне Крюковское Ульяновской области в простой крестьянской семье. Еще до моего рождения папу призвали на службу в Морфлот, он служил в Кронштадте. Когда мне было 2 года, мы с мамой переехали в Кронштадт, где папа остался на службе, так как в деревне в это время было голодно и плохо жить. Мама устроилась работать на склад, я сначала ходила в детский сад, потом училась в школе. Жили очень хорошо.

Но нагрянула война. Мне было 12 лет, я хорошо помню, как начались бомбежки и обстрелы городов, были пожары, начался голод. Хлеба по карточкам я получала 125 грамм в день, мама 250 грамм. Мама меняла вещи какие-то, приносила иногда хлеб, дуранду. В квартире было холодно, жгли мебель, старые газеты. В бомбоубежище ходили редко, больше во время бомбежек сидели дома, дома были крепкие со столетними стенами. Мама после работы я и после учебы ходили в госпиталь, помогали выхаживать раненых, которых было очень много, их постоянно подвозили, лежали они не только в палатах, но и в коридоре. Я писала письма их родным под диктовку раненых бойцов, которые не могли сами писать. Мы устраивали им небольшие концерты: пели песни о войне, читали стихи, они принимали нас, детей, очень хорошо и приглашали еще приходиться к ним.

Один раненый в госпитале, дядя Коля, меня называл дочкой, говорил, что я похожа на его дочь, ей было тоже 12 лет и она находилась, где и вся его семья, в Псковской или Смоленской области, точно не помню, там были уже немцы, и он ничего не знал о судьбе своих родных. Он говорил: «Дочка

моя пришла», – и гладил меня по голове, у него на глазах появлялись слезы, видимо, он вспоминал свою семью. Дядя Коля уже поправлялся, готовился к выписке, но, к сожалению, он так неожиданно умер, мы его очень жалели. Много раненых умирало, но многие выздоравливали.

Папу во время блокады мы видели редко. Он приходил худой, уставший, иногда приносил нам немного хлеба, клей, ведь он тоже голодал и был постоянно на службе. Помню день Победы, как радовались, поздравляли друг друга. К сожалению, вскоре после окончания войны папа умер, сказались тяжелые условия службы и ранения – все это подорвало его здоровье.

По окончании школы я пошла работать на завод. Вышла замуж за моряка, после его службы мы переехали жить во Владимир, на его родину. Родился сын, когда ему было 8 лет, муж, к сожалению, трагически погиб. Умер и сын в 21-летнем возрасте. Осталась я одна, здоровье сейчас плохое, совсем плохо вижу, но потихоньку выхожу каждый день на улицу погулять. По хозяйству помогает мне соседка, она ходит в магазин, готовит обед мне и все делает по хозяйству. Спасибо ей!

Сырская Людмила Ивановна

Родилась 26 мая 1941 в городе Москва

До Великой Отечественной войны жили мы в Москве на улице Чехова дом 23 квартира 36. Мой папа Куркин Иван Андреевич работал водителем в автобазе «Моспочтампта».

Когда началась Великая Отечественная война, папа добровольцем уехал на Ленинградский фронт. Маме прислали извещение, что 29.06.1941 года Куркин И. А. пропал без вести.

Когда немцы подошли к Москве, мама с нами, двумя дочерьми, Валентиной 21.01.1937 года рождения и Людмилой 26.05.1941 года рождения уехала к своей матери в деревню Новинки Петушинского района, тогда это была Московская область. По окончании войны мама поехала в Москву, но нашу комнату в коммунальной квартире заняла женщина с ребёнком и не освободила её.

Мы остались жить в деревне Новинки Петушинского района.

Когда я просила рассказать о моём детстве во время войны мама сказала, что в доме были раненые солдаты и я ползала среди них. Кто даст кусочек хлеба, кто кусочек сахара.

А после окончания войны в моей памяти остались работы в колхозе, полив капусты. Ездили на покос и помогали сушить граблями скошенную траву.

В 1945 году в мае к маме по просьбе отца заехал мужчина, служивший с папой, и рассказал, как он погиб. Они попали в засаду. Папа был ранен в ногу, остался прикрывать их, попросил оставить гранату, патроны, и просил рассказать жене о его смерти. Мужчина рассказал: «Мы услышали взрыв гранаты, несколько выстрелов и всё». Куркин Иван Андреевич был коммунистом и живым бы не сдался. Нас он спас от немцев, а сам погиб. На запрос мой в архив Министерства обороны РФ в г. Подольск я получила дубликат извещения, какой прислали моей матери. Очень хочется узнать, где могила моего отца, Куркина Ивана Андреевича.

Таболина Зинаида Алексеевна

**Родилась в 1 ноября 1933 в селе Новый Свет
Шехманского района Воронежской области
(ныне поселок Новый Свет Мичуринского района
Тамбовской области)**

Я часто вспоминаю детство в годы Великой Отечественной войны. Оно прошло в Иркутской области в деревне Орлова, куда наша семья переехала в 1937 году и оттуда я уехала в 1949 году, когда поступила в техникум.

Папа и мама работали в колхозе. Когда объявили войну, не помню, да и радио у нас тогда не было. Но помню, как всей деревней провожали на войну сначала молодежь лет двадцати. Тогда все мы, дети, шли по лугу, и было много цветов и травы. В 1942 году старшее поколение призвали на фронт, в том числе и отца, Таболина Алексея Федоровича 1904 года рождения. Служил он на передовой рядовым. После первого ранения вернулся в строй, где получил ранение (осколок) в голеностопный сустав.

Вернулся папа с фронта в январе 1943 года и был первый фронтовик в деревне. Я этот день помню ясно. Пришла из школы, протиснулась через толпу народа на кухню! Людей было очень много, а в центре стоял отец, с костылями, рассказывая о боях. Последнее ранение получил отец под Ржевом.

В памяти особенно сохранился и День Победы. В среду в 9 часов утра в школе был митинг, который возглавлял молодой мужчина. В голове осталась и фамилия «Перевалов». Мы, дети, радовались. А у кого погибли родные, те плакали. Нас отпустили домой. Мы принесли эту радостную весть в деревню первые.

Папа и мама работали в колхозе до старости, но на разных работах. Отец сначала был счетоводом, потом заведующим фермой, молотобойцем, а затем ремонтником техники.

Тенёткин Игорь Александрович.

**Родился 18 июля 1940 года в городе Ейск
Краснодарского края**

Мой папа Александр Павлович Тенёткин родился в 1915 году в городе Конотоп. Закончив школу, поступил в Военно-морское авиационно-техническое училище имени В. М. Молотова города Пермь, после окончания которого был направлен в Воинскую лётную часть города Ейск. Где он познакомился с моей будущей мамой, и, где я и родился в 1940 году. В 1941 или 1942 году наша часть была переброшена в район города Безенчук. Я помню, как я увидел отца в первый раз. Уже шла война. Мы с мамой ехали к нему в Безенчук, где была расквартирована его воинская часть. На перроне я увидел бегущего военного и мама мне сказала: «Это твой папа!». Помню аэродром, железнодорожные пути, по которым днём и ночью шли воинские эшелоны, поезда с красными крестами, грохот, развалины дома, который отец приспособил для нашего жилья. И так было везде, куда мы не переезжали за отцом. Сначала он, будучи авиационным техником, улетал со своей частью, а потом мы уезжали за ним в теплушках, в которых мама готовила еду в консервных банках, бегала за кипятком на станциях, предупреждая меня, чтобы я сидел здесь, и никуда не уходил, прибегая порой, когда поезд уже трогался и заставляла меня около двери испуганного и зарёванного. Папу я видел редко, так как он рано уходил и поздно приходил. А, если он приходил иногда пообедать, то говорил маме: «Аллуся, скорее, всё, отправляем самолёты на фронт». Запомнил, как папа подсаживал меня в самолёт, разрешал подержаться за штурвал, но чаще позволял посидеть сзади в кабине, а сам, продолжая работать, говорил: «Не мешай, сынок!». Для меня это были минуты счастья. Помню зимой он буквально ввалился в комнату в обледенелом комбинезоне, упал у двери и сказал маме: «Не буди меня, я посплю часок, перегоняем самолёты». Но память сохранила воспоминания

о том, как тогда таял лёд с комбинезона отца и мама плакала, вытирая оттаявший лёд, приговаривая: «Саша, ну поднимись чуть-чуть, я не могу снять его (комбинезон). Ну, сколько же так можно! Ты же заболеешь, Сашенька». Позже мне мама рассказывала, что таким замерзшим и изможденным, чтобы хоть часок поспать, он приходил очень часто. А потом снова за работу, он был старшим лейтенантом. И так всю войну, не думая о себе ни минуты. Поэтому он и ушёл из жизни, не дожив до 40 лет, а я не успел его расспросить о «его войне». Будучи военным (позже, после войны, ему было присвоено звание майора), папа много переезжал и на запад, и на север, и на юг, а меня отправили к бабушке, и я мало с ним общался и не мог расспросить его, как они перегоняли самолёты в Америку, как наши самолёты летали в начале войны бомбить Берлин. И, когда мы должны были наконец жить вместе, папу перевели в Крым в воинскую часть № 22838 Военно-воздушных сил Черноморского флота, до сих пор помню этот номер... было уже поздно. Я не могу спокойно смотреть кинофильм «В бой идут одни старики». Это чудесный фильм не только о героических лётчиках, но и о чудо-техниках, которые готовили самолёты к вылетам, и от них зависела и жизнь лётчика, и самолёта в бою, и наша Победа, в которую мой отец вложил всю душу и честный, героический труд. Поэтому Родина наградила его орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне» и папу очень ценили сослуживцы, как рассказывала мама. Мы с папой мечтали пройтись по Красной площади. И он прошёл по ней в 2016 году со мной, внучкой и правнучкой – в «Бессмертном полку». Мои девочки несли фотографии: папы, дяди Вали, который погиб в Керченском десанте, освобождая Крым, и дяди Вити, сражавшегося на Дальнем востоке. Это было непередаваемое чувство единения нас, россиян, независимо от национальности, вероисповедания, что мы НАРОД, помнящий ваш Подвиг в Великой Отечественной войне. «Бессмертный полк» – это дань памяти и благодар-

ности пехоте, танкистам, морякам, лётчикам и авиатехникам, всем, кому мы обязаны своей жизнью, а это миллионы людей не только в нашей стране, России, но и в остальном мире. Я, ребёнок войны, помню не очень много, так как мне был год, когда она началась, но тем драгоценнее те моменты жизни, которые навсегда останутся со мной: чувство голода, постоянные переезды, редкие встречи с отцом, и, конечно же, день Победы, нашей Победы! Победы папы. Я горжусь, люблю и помню своего отца, но к сожалению, так и не успел этого сказать ему. Папы не стало в 39 лет и всё из-за войны. Он не увидел своих детей взрослыми, не познакомился со своими внуками: моим сыном Александром, названным в память отнем, дочкой Анной и внучкой Софьей. Ах, эта проклятая война, что ты с нами сделала...

Тимонина Валентина Ивановна

**Родилась 19 октября 1941 года в поселке Ставрово
Собинского района Ивановской области (ныне
Собинский район Владимирской области)**

Я часто вспоминаю папу. В начале войны он работал на оборонном заводе, делал запчасти для танков. На фронт его отправили 27 марта 1942 года. Это фантастика, но я помню, как папу забирали, несмотря на то, что мне было всего лишь полгода. Я всё видела, всё понимала, а когда подросла и рассказывала это другим, мне никто не верил. Позже я сказала об этом маме, и она всё подтвердила. Я помню всё от и до: как тронулись машины, папа сидел во второй, как у него упала фуражка, и мама кинулась поднимать её; как она подбежала поднимать эту фуражку, а папа поднял её за локти и поцеловал... в последний раз.

Нам пришло от папы одно единственное письмо: «Нас везут куда-то на юг, скорее всего к Сталинграду». И вот в конце 1942 года нам пришло извещение: «ваш муж Камышев Иван Павлович пропал без вести под Сталинградом».

Мы долго не могли поверить, что папа пропал. Мама и бабушка много хлопотали, обращались в военкомат, но, увы, никаких данных не нашли. Мне рассказал дедушка, что из тех двух машин, которые отправили на фронт от нашего завода, никто не вернулся...

Я ходила в круглосуточные ясли вместе с братом. В 1944 году в детский сад завезли некачественную муку. Тогда много детей отравилось и умерло. В их числе был и братик. Вот так мы с мамой остались вдвоём.

В 1945 году к нам в семью пришёл Серёгин Степан Филиппович – мой отчим. Он воевал, но его комиссовали и направили на работу к нам на военный завод. С фронта он пришёл весь израненный. Правая рука у него была покалечена. В лёгком был осколок от снаряда, с которым он и умер. Всю свою

оставшуюся жизнь после войны он работал на руководящих должностях. Позже у меня появилось три сестрёнки. Мы все любили друг друга, вместе играли. У Степана Филипповича было очень много медалей – целая огромная коробка. Мы играли этими орденами и медалями, менялись ими между собой. И в итоге доменялись до того, что на руках у нас ничего не осталось. Мне запомнились два ордена – наверное, это были Ордена Красной Звезды. Игрушек у нас не было, мама делала куклы сама из старых одеял.

Жилось нам очень трудно. По весне (в апреле) мы с сестрой Галинкой ходили в поле. Там собирали гнилые картошки, оставшиеся с осени. Приносили их домой, мама нам пекла из этого «тошнотики» – мы их так называли. Когда мы их съедали, нам было так плохо, так болел живот, но есть приходилось.

Вот такое у нас было детство. Учились мы хорошо, родителям во всём помогали.

В дальнейшем Степан Филиппович помог мне устроиться на работу в сферу торговли, так как я очень общительная. Немного поработав в столовой, я поняла, что это не моё и переехала во Владимир. 40 лет я проработала в совхозе «Коммунар».

Я до сих пор пытаюсь отыскать любые сведения о папе, но пока никаких данных не могу найти. Однажды я для своего детского клуба «Искорка» покупала игрушки и увидела на одной из коробок «Улица Ивана Камышева». И я написала туда письмо. Это оказалось в Молдове. Мне ответил сам Иван Камышев: «К великому сожалению, я не ваш папа. Я здесь родился и вырос».

Мне так жаль, что не осталось письма отца и извещения. Они сгорели во время пожара, который случился у нас в 1969 году.

Толстова Роза Антоновна

Родилась 3 августа 1924 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Толстова Роза Антоновна (в девичестве Межецкая) родилась 3 августа 1924 года в Ленинграде в обычной рабочей семье. Папа и мама были рабочими фабрики «Скорород».

В 10 лет я осталась без отца, а в 13 лет и без мамы. Отец был репрессирован. Его арестовали в 1935 г. и больше я его не видела. О том, что он умер в заключении в 1942 г. я узнала только в 50-е годы, когда получила документы о его реабилитации. А в 1937 г. нас с мамой выслали из Ленинграда в Туркменскую ССР. Через месяц мама умерла.

В Ленинграде остались родственники по линии отца – моя бабушка и дяди – 2 младших брата папы. Они быстро оформили разрешение на мое возвращение в Ленинград, и я стала жить в их семье.

В июне 1941 г. я закончила 9-й класс, и мы с ребятами радовались, что в следующем году мы будем старшими в школе. Но мечты наши не сбылись.

С 22 июня 1941 г. мы из детства сразу перешагнули во взрослую жизнь, оказавшуюся страшной и жестокой. У нас не было периода юности. На следующий день после объявления войны мы нашей школьной компанией отправились в Райком комсомола. А там уже был полный зал таких же ребят. И нам дали задание – собирать по квартирам пустые бутылки (их заполняли горючей смесью и использовали для подрыва вражеских танков). Две недели мы занимались этим делом. Выпрашивали у дворников тележки и свозили собранное в указанное место. А потом наши пути разошлись: кого-то родители успели отправить к родственникам, некоторые девочки пошли на курсы санинструкторов, а я осталась в Ленинграде.

В июле ввели талоны на продукты, а затем и продовольственные карточки. Воздушные тревоги уже были, но враже-

ские налеты были пока разведывательными. В конце августа была первая бомбардировка. И бомбы были прицельно направлены в определенное место – это были основные склады, где хранились продукты и другие товары для населения города. Бомбы были только зажигательные, и их было сброшено сотни. С таким пожаром бороться было невозможно, и склады полностью выгорели. Население осталось без продовольствия. Сразу же резко снизились нормы выдачи продуктов.

И с этого дня начались регулярные бомбардировки города фугасными и зажигательными бомбами.

В начале сентября город был полностью окружен, и кольцо блокады сомкнулось.

Мы начали ходить в школу, но через две недели занятия прекратились: началось отключение света и воды, а затем и полностью население осталось без электричества и водоснабжения. Нормы продуктов все уменьшались, наступали холода. К постоянным бомбежкам добавились еще и артиллерийские обстрелы.

И вот – самые страшные ноябрь и декабрь. Продуктов уже нет никаких, кроме крошечных кусочков хлеба, морозы – до 40 С°. Люди для обогрева приспособляли железные печурки (с трубой в окно), но топить нечем, жгли все, что могло гореть – мебель, книги. И случилось так, что мне слабой девчонке, дистрофику, пришлось опекать 3-х взрослых людей. Дяди мои были призывного возраста, но они были рабочими высокой квалификации на военном заводе и их в армию не призвали, а спасти не могли. Мужчины оказались менее выносливыми, чем женщины, они быстро теряли силы и становились беспомощными. Но ведь за этими кусочками хлеба тоже нужно было сходить в магазин, да еще донести их до дома, чтобы по дороге их не отняли. А дяди мои уже сидели у двери и ждали моего прихода. Первой умерла бабушка 25 декабря 1941 г. в свое католическое Рождество. Её я еще отвезла на Волковское кладбище, в братские могилы на санках, завернув в одеяло. Мне помогла соседка (конечно, за пайку хлеба).

В это время уже действовала «Дорога жизни» через Ладожское озеро. Начали понемногу добавлять продукты, но многим это уже не помогло. «Дорога жизни» для некоторых оказалась спасением, но сколько погибло людей подо льдом – никто не знает.

10-го и 15-го февраля 1942 г. один за другим ушли из жизни мои дяди. Их тоже, завернутых в покрывало на санках я отвезила одна без какой-либо помощи на соседнюю улицу, где в одном из дворов был устроен сбор умерших людей. Оттуда их вывозили машинами – кого в братские могилы на кладбища, а кого – на кирпичный завод, который был расположен на месте, где теперь Московский парк победы.

Как я могла справиться с этим делом – я до сих пор не могу понять. Забегая вперед, хочу сказать: когда я позже работала на объектах в этом районе, я видела машины, покрытые брезентом, ехавшие на этот завод.

Как писала Таня Савичева: «Все умерли. Осталась одна Таня». Так и я осталась одна. Без денег, без каких-либо ценных вещей, с карточкой иждивенца. Но ведь мир не без добрых людей. И помог мне отец моей школьной подруги – он устроил меня на работу. Производство там не работало (это была артель «Шорник», но работники, которые могли, приходили, чтобы не потерять право на получение продовольственных карточек и зарплаты).

Мне дали какую-то маленькую зарплату и прод. карточку служащего, но для меня и это было спасением. Работала я в бухгалтерии, переписывая какие-то списки и сверяя какие-то цифры.

И тут опять беда. И снова мне помог добрый человек. Я не знаю его имени и фамилии, но всю жизнь я вспоминаю о нем с большой благодарностью – он спас мне жизнь (буквально). В начале месяца на работе у меня украли продовольственные карточки, которые выдавали вперед на весь месяц. Я понимала, что это конец. У меня нет карточек, нет денег, нет вещей, чтобы продать или обменять. Но, видимо, организм человека настроен в экстремальной ситуации на выживание, и я вспомнила, что люди рассказывали о том, что кому-то карточки восстановили. У меня другого выхода не было. И я пошла в райсовет на

прием к депутату. Он меня выслушал, посмотрел документы, велел написать заявление и сказал, что этот вопрос решает комиссия и велел мне прийти через день. В общем, карточки мне восстановили, правда, иждивенческие, но это было спасение. Без хлеба я была только 4 дня. Бомбардировки и обстрелы продолжались. Приближалась весна и возникло опасение, что таяние снега и льда может вызвать инфекции и даже эпидемии. Из-за отсутствия воды уже несколько месяцев не работала канализация, и все дворы были заполнены отходами жизнедеятельности и нечистотами. Все это крепко сковал мороз. Но что будет при таянии? И руководство города обратилось к населению с просьбой помочь очистить дворы и улицы. Нужно было скалывать лед и вывозить в указанные места. И люди откликнулись. Голодные, обессиленные, еле передвигающие ноги мы выходили и работали. Было очень тяжело, но русский человек делает даже невозможное. И город был очищен. В мае 1942 г. в нашу артель пришло распоряжение отправить человека на оборонные работы. И единственным кандидатом была я. Так я из бухгалтерии попала на строительные работы.

Когда Ленинград оказался во вражеском кольце, руководство города ожидало, что немецкие войска будут штурмовать город. И все силы были направлены на подготовку к нападению. Этими работами мы и занимались. В домах, выходящих на главные магистрали, оборудовали огневые точки для обстрела, на въезде в город сооружали преграды из огромных валунов, цементных глыб и обматывали их колючей проволокой. Я жила на одной из улиц (7-я Красноармейская), выходящих на Международный проспект (теперь это Московский проспект), и выходы этих улиц были перегорожены баррикадами, оставляя только проходы для пешеходов.

Мы оборудовали бомбоубежища. И еще нас посылали на разборку деревянных домов. На окраинах Ленинграда к концу войны не осталось ни одного деревянного дома. Те, что не сгорели от бомб и снарядов, были разобраны на дрова, которые вывозились в воинские части и госпитали.

Но среди этого ужаса и страха были минуты радости. Летом 1942 г. дали талон в баню. После нескольких месяцев ограничения воды это было блаженство. Там была горячая вода и маленький кусочек мыла. А мылись в одном помещении – женщины в одном конце, а мужчины в другом. Но внешне нас было не различить, это были скелеты, обтянутые кожей. Осенью 1942 г. пустили трамвай. Опять проблема. Трамвай – вот он. А на ступеньку подняться нет сил. Кто-нибудь с площадки подтянет за воротник и сначала на коленки, а потом уже на ноги. Но все это вселяло в людей надежду, что наши трудности когда-нибудь кончатся. Нормы выдачи продуктов и хлеба немного, но увеличивались.

Бомбежки и обстрелы продолжались, люди гибли, здания разрушались и горели. В октябре 1942 г. меня вызвали в военкомат, и уже как военнослужащую направили в зенитную часть войск противовоздушной обороны. Мы обслуживали аэростаты заграждения, зенитные орудия, прожектора, телефонную связь. Нас демобилизовали только в апреле 1946 г. И этот послевоенный год мы занимались приведением города в порядок: разбирали разрушенные здания и те объекты, которые сами создавали, убрали дворы и улицы. Все четыре года войны и послевоенный год я принимала участие в жизни города, сделала все, что было в моих очень небольших силах, и для родных и для прекрасного города Ленинграда.

После демобилизации у меня не было специальности, школа не окончена, и я по первому же объявлению пошла работать на «фабрику № 4 фотобумаг», где проработала 21 год. Работая, окончила вечерний техникум и последние 12 лет трудилась в должности начальника смены одного из цехов.

Я прожила в Ленинграде 42 года. В 1967 г. переехала во Владимир. Мне сейчас 91 год. Но в моей памяти сохранились все даты – скорбные и значимые.

Мое большое желание, чтобы следующие поколения никогда не слышали жуткого воя сирены и слов «воздушная тревога».

Это очень страшно!

Федотова Анастасия Алексеевна

**Родилась 14 декабря 1937 в деревне Неданово
Селивановского района (ныне Муромский район
Владимирской области)**

Когда началась война, мне было три года, не помню, как папу забрали, только с маминых рассказов. Со мной осталась сестра, ей было девятнадцать лет, брат, на пять лет меня старше. Сестра была замужем, когда ее мужу пришла повестка, что его убили под Харьковом, мой дед там же похоронен. Сейчас никого в живых не осталось, сестра умерла, ее дочка, осталась только я.

С войны отец не вернулся, пришла в военкомат повестка, что пропал без вести. Деревня, где мы жили, называлась Ильичево, оттуда все мои родственники и ушли на войну.

После войны я стала работать на заводе, семнадцать лет отработала, жили мы не бедствовали, деньги все до копейки отдавала маме. Мама все время хлопотала, я помогала ей. Пошла трудиться в леспромхоз, только в шестидесятых годах приехала в город, устроилась на почту, так и работала.

Во Владимире брат жил, вот и переехала сюда, помогать, пока он не переехал в Коммунар. Война оборвала все связи и забрала последних родных людей.

Филатова Раиса Ильинична

Родилась 23 декабря 1923 года

Я Филатова Раиса Ильинична, 23.12.1923 года рождения. Почти с 1924 года. Но меня умудрились написать с 1923. Так в военкомат и вызвали, когда мне было еще 17 лет. Война началась в мае, а 5 августа я почти сразу же получила путевку. Все потому, что я окончила техникум, 2 года училась на медсестру и уже по направлению (тогда направление давали) работала в больнице. Дали направление в больницу областную старую, тогда она находилась, где хлебокомбинат...

Меня привезли во Владимир из Судогодского района. Там жил отец. Ну, мама тоже нездешняя. Отец из Владимирской области, деревни этой уже нет. Какая-то деревня Судогодского района. Но я там никогда не была, потому что у него там сразу родные были все больны, все умерли. И мы остались безродные, без бабушек, без дедушек. Я никогда не была в деревне, потому что не к кому было. А жили мы во Владимире на улице Фейгина (раньше так не называлась, а называлась улица Кооперативная), в деревянных домах.

Когда мне после обучения дали направление в областную больницу, я один месяц там проработала. Однажды иду с работы и слышу разговор родителей. Папа ругается на маму: «девчонку убьют, девчонку убьют». Я открываю дверь, говорю: «Пап, а кого убьют?». Он отвечает: «А кого убьют, какую девчонку? Да тебя!» А я говорю: «Как? Кто меня убьет?». Он мне: «Как кто? Война началась». Я говорю: «Я знаю, я слышала». Папа говорит: «Но тебе повестка из военкомата! Тебе повестка из военкомата! Завтра являйся!» Я говорю: «Ну а мама-то при чем?». А он отвечает: «Работала бы ткачихой. Все время при доме и при нас. Зачем было учиться медицине?»

Дело в том, что недалеко, где Завод «Точмаш» сейчас, была раньше ткацкая фабрика «Пионер». Папа имел в виду, что я могла бы там работать, а вместо этого выбрала медицинскую профессию. Очень за меня боялся.

И вот по повестке я пошла на следующий день, конечно, сразу же пошла в военкомат. И меня тоже направили в военный госпиталь. Он считался прифронтовой. Большой госпиталь у нас был. Занимал пединститут, все здание, которое находится у Золотых ворот. Внизу штаб, наверху раненые лежали. Также госпиталь занимал всю соседнюю Первую школу всю. Школы там в войну не было. Внизу душ был. Мыли сразу раненых. Привозили особенно много два года – 41-42.

И я сразу там стала работать. На первом этаже несколько столов перевязочных. Врач и медсестра. Нас сразу одели в военную форму. А раненые шли, вот особенно 41, это что-то... Эшелонами. Бесперывно. Нам только давали часа два отдохнуть. Никто никуда домой не уходил, не выпускали. Общежитие было рядом. Раньше Дом офицеров был там, за пединститутом. Там у нас и было общежитие внизу. Скажут отдых, на два часа идешь, другая встает к столу, чтобы перевязывать и носить. Некому носить было, не было еще хозкоманды. Потому что мужчин всех забрали, а помогать некому. Женщины так и таскали. Кто-то возит. Водитель или врач, или медсестра, или фельдшер возит с вокзала к нам. А нести-то кому? Некому. И несут в перевязочную в первую школу. Я прекрасно все помню. И водитель несет, и кто сопровождают, носилки, раненых несут. Сначала в моечную. Там тоже девчонки молодые, как я, раздевают, моют.

Потом, значит, также сами на носилках несли в перевязочную. Раз на носилках, значит, сильно раненый. Я как раз в перевязочной работала. И там уже раненых перевязывали и распределяли по отделениям. Вот в первой школе наверху или пединституте.

Зимой поступало много обмороженных. И потом еще обожженные. Никогда не забуду одного раненый молодой танкиста. Обожженный сверху до пояса. У него ни век не было, ни ресниц, и глаза почти не видели, волосы все обожженные, страшный такой. Я его запомнила, так как перевязывала его. Но он еще щелочками глаз что-то видел, и мог ходить поти-

хоньку до перевязочной. Руки вперед выставит, потому что руки все обожженные, и идет еле-еле.

В общем, всякие были больные и раненые, разные. Тяжелобольных мы оставляли, а тех, что более или менее распределяли. Во всем городе много было госпиталей. И в Красном Кресте были, в Палатах. Наш был основной, и он один оказался, где все участники войны. К нам беспрерывно раненые шли в 41, 42 годах. Это что-то, это невозможно... Легкораненых нам и не попадалось в эти годы. Только потом уже оставляли.

Помню одного майора, раненого в глаз. Моя подружка, которая тоже в госпитале работала, перевязывала его. Вот нам этого офицера оставили. Очень требовалась мужская сила, потому что некому было помочь. Девчонки все молодые, врач и медсестра, и вот они вдвоем. У майора было сквозное ранение глаза, видимо, на вылет сбоку или назад.. Но глаза не было. Поэтому его оставили как хозкоманду. И вот уже к концу 42 нам легче стало. Хозкоманда помогает, носилки помогают наверх поднимать. И все равно больше ложилось на самих девчонок. Некому больше было. Врач помогал, когда совсем сложно было. Но ведь у него другая задача.

Случаи разные были. Страшно вспомнить. Как выживали? Я работала потом то в операционной, то в перевязочной. В тяжелых таких местах, ответственных. Был один раненый – ему оторвало нижнюю челюсть вместе с зубами. Его кормили через трубочки, а вместо челюсти привязывали бинт с ватой, закрывали нижнюю челюсть. Очень тяжело было. Почти все раненые поступали из-под Москвы, тогда было страшно и тяжело. Чуть легче стало, уже как только стали отгонять немца от Москвы.

У нас всех за войну медали. У сотрудников госпиталя имеется боевая медаль за оборону Москвы. У нас у всего госпиталя боевая медаль.

Недавно внуки нашли мой госпиталь и меня в интернете и говорят: «Бабушка, а у тебя тут какое-то звание». А у меня нет звания, я медсестра. Там что-то написано, а дальше на-

писано все-таки, что медсестра. И вот сейчас ведь найдут все они в интернете...

Мы работали до 42 года. В конце 42 года вдруг нас соединяют с другим госпиталем. И мы уже должны были освободить пединститут. Соединили нас с госпиталем, который находился в 4 школе. Рабфак бывший. Мы соединились, и нам объявили, что нас должны эвакуировать. Весь состав госпиталя должен был ехать.

В это время у меня умерла мама. Когда нас грузили в состав (и меня в том числе, никто не освобождал), моя мама в тяжелом состоянии лежала. Она, можно сказать, уже умирала. Я выпрашивалась раньше, она уже была плохая когда. Мне разрешил начальник отделения проведать маму. Я ему рассказала, что мама в больнице умирает, в плохом состоянии. Отпускали все-таки. Но когда наш госпиталь уже погрузили, я думала, маме надо об этом сказать. Я пришла к ней и говорю: «Мама, меня, наверное, могут оставить, я попрошусь. Ты уже в плохом состоянии. Кроме меня еще трое. А папа один останется». В семье все младше меня были, я старшая. Мама говорит: «Не надо, поезжай, как все. Посмотришь все кругом. А если ты не уедешь, отец не женится, ты будешь хозяйкой. Как он сказал, ткачихой будешь и ничего не увидишь».

И на следующий день мама уже умерла. Последние дни я уже каждый день отпрашивалась к маме. А тут мы уже в состав все погрузили, должны выехать, состав стоит на станции. Я вхожу в больницу. Только я на лестницу поднялась, она на втором этаже лежала, говорят «ваша мама умерла, она в морге». Я быстренько в морг. Я была там, когда еще на практике были. Зашла туда, там знакомая мне тетя Феня. Да я всех там знала, потому что учились и ходили в морг. Она мне сразу говорит: «Ну, давай, ищи». Какие-то такие немножко безалаберные. «Давай, ищи свою мать». Занавеску как откроет. А там прямо штабелями лежат умершие. Это не раненые. Мне так страшно стало, я даже не смотрела. Я говорю: «Я не знаю, тетя Феня, Вы сами найдите». И я сразу думаю: ну как

же она найдет? А только потом сообразила, у них же у всех бирки на руках. А я вначале думала, она ошибется, наверное. Но она сразу бирку увидела: «Да вот твоя мать». Мы взяли ее на саночках отвезли в церковь на ночь. А утром похоронили из церкви. В церкви отпевали, наверное, я не помню.

Только мы домой все пришли с подружкой из госпиталя моей. И стали обедать. Кто-то что-то приготовил. Щи, какую-то кашу, картошку. Ну, мы были только свои: семья да подружка моя. На поезд уже мы с подружкой бежали. И еще бежим и говорим, чтобы не ушел бы состав, было очень страшно. Успели мы.

Уже в 43 году мы остановились в Брянской области. Мы ехали, война все еще шла. Но дело шло к концу. Уже наступление, тут уже все освободили. К нам еще госпиталь какой-то присоединился, целый состав набрался.

К концу войны наш госпиталь стоял около Гомеля. После немецкой оккупации там было два целых здания красного кирпича около леса. И нам потом жители сказали, что это «летные дома», дома летчиков, куда они прилетали, отдыхать. Они недовольны были, что наш приехал госпиталь. Вот мы там остановились. Приказ, все приготовить, застелить, ждать раненых. Сами все разгружали. Но у нас уже хозкоманда была. Один украинец, Сова фамилия, продуктами ведал. Мы к нему за медом бегали с подружкой. Был у нас адъютант главного врача, военным врачом был, московский военный врач, наш, владимирский врач тоже с нами. Все, заправили кровати. Ждем-ждем. Никого не везут. Ну, мы уже настроились домой. Думали, значит, не привезут. Кровати пусть стоят. Мы говорим, поедем в Гомель рядом, кровь сдавать. Нам говорят, вы ничего не найдете, там все разбито. Нет, мы все равно, человека три-четыре нас девчонок. Мы поехали. Сдали кровь. По 400 г крови тогда сдавали. Шоколадки в руки дали. И, по-моему, денег дали. Решили Гомель посмотреть, а он весь разбит.. Одни ямы, ухабы. Мы побродили немножко. Увидели только одно единственное здание посреди города. Большущее

здание и покрашено краской красной полосами. Мы как-то так заинтересовались, почему красными крупными полосами? Нас это как-то напрягло. Нам объяснили, что его покрасили красной краской, как будто он горит огнем, пылает. Чтобы сверху вражеские самолеты это видели и уже не разбомбили этот уцелевший дом. Правда это или нет, не знаю.

Вернулись мы очень уставшие в наше общежитие, в какую-то гостиницу – маленький деревянный домик. Чтоб немножко отдохнуть, а потом уже к себе в госпиталь. Пришли мы все трое или четверо, аю напились с шоколадкой и тут же, конечно, уснули от усталости да жары. Все без сознания, спим, ничего не слышим, ничего не знаем. Вдруг слышим шум, крик, беготня. Кричат. Мы все вскакиваем. Первая мысль – бомбят. Нам в дверь стучат. Кто, что здесь? Выходите! Война кончилась! А мы испугались. Шуму столько было! Ну, уж, как осознали, тогда мы встали и пошли тоже плясать, кричать и плакать. И потом уже поехали к себе в госпиталь.

И опять мы ждем в госпитале. Мы думали, нам скажут сворачиваться, отдадут документы. Ничего подобного, работали дальше. Ждем, все злимся. Когда же нам привезут... Наверное, думаем, последние наши раненые где-нибудь. Что вы думаете, кого нам привезли? Пленных, всяких разных: и немцы, и мадьяры, и другие. Одни раненые, другие больные и истощенные. Где-то, видимо, были или в окружении. Большею частью был с плевритами и асцитами. Асцит – это когда жидкость в животе, с большими животами поступали. С асцитами они страшно боялись, так как, конечно, много умирали. Если скажешь по-немецки кое-как со словарем: «понос есть»? Они: «nein, nein», руками замашут. Знали, что это значит, что они умрут сегодня-завтра. Каждую ночь у девчонок умирали, конечно.

Мы ни слова не знали по-немецки, общались поначалу на руках с больными. Но потом, правда, нам словарь достали. Чтоб мы выписали нужные фразы каждый к себе в карман. Врачей было мало. Был, например, врач-узбек один. Так он

и по-русски плохо говорил. В общем, мы и за медсестер и за врачей работали. Больные звали нас «доктор» или по имени. Я Раиса Ильинична, значит «Доктор Раиса», подруга моя – «Доктор Татьяна». Один врач, конечно, не успевал на два заполненных корпуса. Приходилось мне из перевязочной выходить выполнять функции доктора.

Много больных было с плевритами. Плеврит – это гной в легких. Мы, медсестры, поначалу даже не знали, что с такими больными делать. Это уже здесь, после войны, когда стала работать во владимирской больнице, много лет спустя, я уже многое знала. Ну, вот мне врач госпиталя там и говорит: «Делай плеврит, плевральную пункцию, делай». Я говорю: «Я не буду делать, это врачебное». А он говорит: «Я не успеваю всех, я покажу». Плевральная пункция делается сзади со спины сверху. Плохо, но я понимала, я знаю. Говорит: «ребра считай». Показывает, откуда считать. Посчитала, все йодом точками. «Коли!». Я замялась. Сначала он сам первый показал. Я думаю, хоть посмотреть, насколько иглой протыкать, потому что здесь легкие. После того, как врач мне показал мне, я как-то приспособилась и дальше пункцию уже сама делала. Немцы сами, кто может, на руках принесут своего в перевязочную, посадят на стул и придерживают его, а он уже не ходит. Потом стоит их немец, он держит лоточек, гной выходит, и больного. Они же вдвоем, раненого унесут его назад, все нормально.

С асцитом лечить больных нас врач тоже учил. Они же огромные, когда в области живота набирается жидкость, и живот здоровенный. Тоже на руках приносили. Но то были не раненые, ран не было, мы не видели. Ставили ведро между ног. Также доктор мне показал шприц, куда втыкать, от пупка два-три пальца ниже. Я тоже сопротивлялась, говорю: «Я не врач, не буду!» Он понимает, но все равно учит. Я боялась, но все-таки живой же человек. В итоге все равно он показал: от пупка, пальцы свои поставил два, по-моему, или три ниже, точку опять поставила йодом. Уколол. И жидкость полилась тоже, и живот уменьшается, уменьшается, спускается жид-

кость. На какое-то время больному становилось легче, но потом жидкость, видимо, опять набиралась. И они многие умирали.

Утром обязательно девчонки, кто дежурил ночью, скажут, сколько за ночь умерло. Сколько эпикризов, сколько заполнения карт, истории болезни... Каждую ночь они умирали. Но где они были, мы так и не узнали. Истощены, какие-то все высохшие. Цвет лица, не понятно, какой. Желтый.

Короче говоря, я там отработала год целый. А потом нашелся жених у меня там же в Гомеле. Как-то так сложилось, чисто случайно, я даже не понимаю. У меня уже как раз кавалер был военный из МВД, мы с девчонками звали его «Дядя Ваня». А этот, Юрий, не был военный, но он сумел меня просто как-то так обойти. Я регистрироваться не хотела долго, потому что у меня был договор в МВДшником. Он часто уезжал в командировку, и мы с ним договорились, что он должен приехать, и тогда мы пойдем регистрируемся. И уже он будет увольняться, и уже уедем куда-то. И что вы думаете? Этот гражданский меня не выпускал из рук просто. Встречал у калитки, где госпиталь, вводил туда, где он живет. Он работал в горисполкоме.

И как-то без меня в общежитие он приезжает, офицер МВДшник, привозит много подарков и спрашивает: «А где же Рая?». А ему девчонки и говорят в общежитии в шутку: «Она замуж вышла». Он и верить не хотел. Потом девчонки ему тут же все расписали, рассказали. И он сидел, попросил бумаги и написал огромное письмо, которое мне так и не удалось прочитать. Он очень хотел вернуться. А мне моя подружка всегда говорила: «Не вздумай вернуться!». Сама я письмо не прочитала, но девчонки всегда мне говорили, что хорошее письмо было. Мы как приходим, вечером делать нечего, девчонки говорят: «Давай, Рай, мы тебе письмо прочитаем. Это такое письмо, он так просил тебя, так тебе все прощал, только вернись». Вот так все сложилось...

Так и вышла я замуж официально за гражданского, зарегистрировалась уже после войны, хотя и не хотела сначала.

У мужа специальность была бухгалтер. Но он не бухгалтером работал, а в горисполкоме начальником отдела. Юрий был постарше меня, он был ленинградец, у них семья ленинградская. Их было три брата и сестра. У всех у них высшее образование, все интеллигенты, три брата. Первый самый старший бухгалтер, потому что отец у них бухгалтер. Самый старший брат – это и был мой муж. Они все жили до войны в Ленинграде. Второй брат окончил военную медицинскую академию, он где-то начальником госпиталя работал в войну. А третий брат, Анатолий Васильевич, провоевал всю войну. Их мальчишек из 8 или 9 класса сразу забрали всех. Сначала они поехали куда-то в учебку, а потом все на фронт. А сестра мужа окончила университет, стала преподавателем иностранных языков. Было направление у нее. в Харьков в политехнический институт. И они переехали уже с матерью туда.

Мы же приехали в Ленинград. Я туда ехала с удовольствием. Мне всегда хотелось где-то жить в большом городе: в Москве, в Ленинграде. А Владимир был маленький, одна улица центральная, где кинотеатр Художественный. А наша улица во Владими́ре была, по сути, поселок – деревня, а никакая не улица. И вот мы там в Ленинграде. Мы когда вышли на перрон, муж мне и говорит: «Рай, ты знаешь, сколько у меня денег?». Я говорю: «Нет, не знаю». «Пять рублей». Это мало, конечно. А как же мы будем жить, думаю. Ну, проживем. Привез, значит, привез. Мать давала адреса своих приятелей ленинградских, может быть, кто-то приехал, чтобы мы смогли где-то остановиться. Мать у них эвакуировали. А отец у них оставался караулить. Он работал главным бухгалтером тоже. Когда мать моего мужа с дочкой эвакуировали, отец сказал матери: «Катенька, ты не бери ничего с Галочкой. Не бери ничего теплого. Война закончится, месяца через 4 война закончится». Дочке было около десяти лет в начале войны. И они вот так, можно сказать, налегке их эвакуировали куда-то.

Когда мы приехали в Ленинград, они еще не приехали. Третий сын Анатолий он еще из армии не вернулся. А мы уже

жили. Муж работал в большой организации, и мы жили первые. Никого знакомых в итоге по адресам матери не нашли. Хотя искали. Три адреса обошли. Нашли, правда, одних знакомых матери, но они сами тоже ничего не нашли и жили у кого-то. В общем, жить нам было негде и ночевать нам приходилось на работе у мужа переночуем у меня. На столах спали. Несколько дней всего, правда, мы так ночевали. Потом дали бараки тоже. Большущую комнату. Туда уже приехала к нам тоже мать с Галей, потому что ей в институт уже нужно было поступать. Мы жили вместе. А потом сын третий прислал денежки. Мать на них маленькую комнатку купила, и они уже жили одни.

Потом приехал Анатолий. Он всю войну прошел от и до, и мать всегда говорила: «Толечка потому остался жив, что с первого дня и до конца я молилась, война кончилась». Когда был на учебке все мальчишки там выходили гулять, выступали. Он познакомился с девушкой из Тулы. Он приехали к нам, уже будучи майором, со мной познакомился, ну и с матерью повидался. И у него уже было направление в Венгрию. Вот он с нами повидался, и поехал в Тулу за девушкой. После уехали они за границу и, не помню, сколько лет, они там прожили. Там они уже родили двоих детей, приехали они уже с двумя детьми. А мы уже тогда уехали из Ленинграда.

Мать любила Толечку больше всех. Моего мужа она не очень любила. Как-то муж мой поехал к ней уже после всех событий в отпуск. Я не поехала, мы не могли всей семьей ехать, денег мало-вато было. Анатолий тогда уже разошелся со своей женой. И когда вернулся вот мой муж из отпуска, он говорит: «Рая, знаешь, что историческая мамаша моя сказала?» Они ее называли «историческая мамаша», все братья. Он продолжает: «Мамочка моя историческая сказала: «Вот Райку бы Толечке в жены!»». Я говорю: «Юра, а почему она так решила?». Отвечает: «Ну вот еще тебе все знать, не скажу, почему». Я говорю: «Ну ладно, я сама догадаюсь».

Я во Владимир долго не приезжала. А теперь уже живу на своей исторической малой родине.

Чекалина Алевтина Ивановна

Родилась 12 июня 1941 года в городе Иваново

Я родилась 12 июня 1941 года, через десять дней началась война. Мы жили в городе Иваново, я была четвертым ребенком в семье. На третий день войны папа отправился на фронт, а я из родильного дома провожала его на вокзал. Он всю войну считал меня своим ангелом-хранителем и дошел до Берлина. Воевал папа на Ленинградском фронте, когда немец был у Кировского вокзала, Ворошилов, выступая на партактиве, папа был коммунистом, сказал: «Неужели мы сдадим колыбель революции немцам?» – и заплакал. Сам Ворошилов пошёл с ними в атаку, был ранен и отправлен в госпиталь в город Куйбышев (ныне город Самара).

Когда их 605 отделение кабельно-шестовой роты II ударной Армии дошло до Берлина, хозяйка-немка, где они останавливались, подарила папе гуттаперчевую куклу для меня. А когда папа вернулся после Победы домой, я спряталась от него под стол, так как я всех мужчин боялась, и мне под стол папа дал куклу, после чего началось наше знакомство и дружба на всю жизнь.

Папа писал с фронта письма маме – Анне Андреевне, а вот от моего дяди – Антошина Константина Андреевича – не было ни одного письма. И когда моей бабушке Евдокии пришло сообщение о том, что он пропал без вести, то бабушка потеряла зрение и была слепой до конца жизни, а его младший брат Саша потерял слух и голос. Бабушка жила с нами, и когда Саша приезжал к нам, он брал слепую мать за руку, и они вместе плакали, и мы плакали, глядя на них. Моя мама всегда ходила к Вечному огню и относила цветы в горшке в память о моем дяде.

Все родственники давно умерли, не зная ничего о дяде Косте. И только в 2016 году я с организацией «Дети войны», созданной в городе Владимире по инициативе Бундиной Л. А., ездила в музей на Поклонной горе в городе Москва. Там

я нашла данные о захоронении дяди, узнала, что он погиб в бою в мае 1944 года и похоронен в селе Патра в Молдавии. Подробностей пока не знаю, но пытаюсь узнать.

Слава моему дяде Антошину Константину Андреевичу и его братьям по оружию за Победу!

Черноглазова Галина Константиновна

Родилась в 1936 году в поселке Величковка

Краснодарского края

Посвящается моему двухлетнему братику Валере, погибшему на корабле во время эвакуации в г. Бийск.

Начну с того, что нас было у мамы четверо в начале 1942 года, когда немец наступал на Кубань и Каспий – нужна была нефть. Мы жили в посёлке Величковка Краснодарского края, в 30 км от Краснодара.

Я любила утром до завтрака посидеть на солнышке на лавочке. Папы часто дома не было, он лежал в больнице с инфарктом. Но однажды пришёл и сказал, что надо собираться, так как его ввели в состав охраны, потому что он был офицер запаса и имел высшее образование института сельского хозяйства. Все были взбудоражены. Как ехать? Когда? Что брать? Но отец сказал, что нас не оставит и берёт с собой.

Младшему было 2 года, мне 6-й год и 2 приёмных брата (их мать умерла, и мама вышла замуж за отца с 2-мя мальчишками). Одному брату было 11 лет, а старшему 14 лет. Жили мирно, отец внедрял автопоилки для коров.

Собрали узлы и продукты, что были в доме. Все собрались на дороге до Каспия и двинулись. Много было народа, но мы не успели благополучно дойти до корабля. После корабля мы должны были на поезде доехать в г. Бийск. Но не тут-то было. Почти сразу налетели самолёты лёгкие «Мессершмитты». Делали круг над нами и улетали за новыми бомбами. Меня спрятал отец, накрыл меня собой в канаве на обочине, а мама самого маленького 2-ух летнего. Бомбили здорово, валялись руки, ноги, тела. Наши старшие братья убежали за холмы, что были вдоль дороги. Я бы и сейчас узнала эту дорогу и холмы. Раненные кричали ужасно, но красноармейцы оставшихся подвигали вперед. Но самолёт опять летит. Этот гул до сих

пор звучит у меня в ушах. Так он прилетал раза 3-4, но мы шли, бежали вперёд. И вот мы на корабле. Все сидели на полу, а мама кормила малыша кашей. Где она её варила – не знаю. Но только осталось в памяти, как я маленькую кастрюльку скребу ложкой, там, видимо, кое-что осталось по бокам. И ещё помню, как младший заболел на корабле и его уже не кормили. Вскоре он умер, и мы с мёртвым братом продолжали движение.

Когда мы высадились, нам помогли похоронить малыша. Не помню этот пункт, куда мы причалили. Потом мы ехали на поезде до г. Бийск. Приехали и нам дали какой-то домик, он был разбитый, холодный, а отец был со своими солдатами, но приходил к нам часто.

Весной нам дали землю, и мы посадили картошку. Шли мы на свой огород целый час. Далеко от дома дали землю. Ходили все вместе и работали все вместе. Я носила пустое ведро.

Пришёл 1945 год, день Победы! Нас посадили в поезд, и мы поехали кто куда. Отцу дали задание сопровождать колонну немцев в г. Одессу, где они работали строителями и восстанавливали разрешенные дома. Затем отцу дали новое назначение: ехать по районам и восстанавливать сельское хозяйство, в частности он стал директором МТС.

Я пошла в 1 класс в Сербиновцах, затем училась в Сальнице, где и умер мой отец прямо на работе от обширного инфаркта. Старшие ребята учились в военном училище в Одессе.

Моё детство прошло тяжело, оно было «цыганским». Своего жилья не было, так как везде отцу давали ведомственное жильё, в котором он умер, а мы остались с мамой в голодной Украине, пока я после 10 класса не уехала в г. Ташкент к дяде, который брал Берлин на войне. Много родственников было в Ташкенте.

После развала Советского союза пришлось ехать с семьей в Россию. Живём во Владимире с 1993 года. Я училась вечером, а работала на заводе. Сын выбрал г. Владимир, так как был здесь на экскурсии. Сын у меня, Игорь Алексеевич,

скульптор, заслуженный художник РФ, советник губернатора по культуре. А муж – чемпион Советского Союза, мастер спорта международного класса, международный судья в РФ по велотреку и шоссейному велоспорту.

У меня есть награда с медалью «Почётный инструментальщик» и всё связано с заводом, в котором у меня 37 лет стажа.

Чернышова Тамара Сергеевна

Родилась 21 февраля 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Я, Чернышова Тамара Сергеевна, по мужу, родилась в г. Ленинграде 21 февраля 1938 г. У меня не осталось воспоминаний о жизни в Ленинграде, блокаде. Так, видимо, голод и страшные события этих дней вычеркнули все из моей памяти. Все, что я напишу о моих родителях и семье, я узнала из документов, которые оказались в черном чемодане, находящемся рядом с нами при эвакуации. Другие документы были присланы мне, когда начала писать в архивы г. Ленинграда и центр розыска и информации г. Москвы, чтобы восстановить картину эвакуации, узнать что-либо о родных. Я проживала в г. Ленинграде в Смольнинском районе на улице Мытнинской, д. 11, кв. 10.

Мой отец, Шорин Дмитрий Григорьевич, работал на фабрике «Рабочий», умер в блокаду в 1942 году. Член партии. Моя мама, Шорина Августина Александровна, 1898 года рождения, по-видимому, нигде не работала на то время. Никаких сведений об этом не нашла. Брат, Шорин Анатолий Дмитриевич, умер в 16 лет, 12 января 1942 г. Есть свидетельство о смерти. Ничего не могла узнать о старшем брате. Наверное, он был на фронте. Шорина Августина Александровна была эвакуирована 18 мая 1942 г.

Поезд прибыл в г. Ковров (в то время Ивановской области) в августе 1942 года. По пути из г. Ленинграда мама умерла в поезде, похоронена 10 августа 1942 года в городе Коврове. Сначала я была направлена в детучреждение. Затем меня удочерили Черновы Сергей Моисеевич (в годы войны работал 1-м секретарем райкома партии г. Ковров) и Нина Михайловна 18 августа 1942 г. С этого времени я Чернова Тамара Сергеевна. Своих детей они не имели. Я была у них одна. Можно сказать, они подняли меня «с нуля». Воспитывали меня как истинные трудовые люди. В 1949 году я даже ездила в летний пионерский лагерь «Артек».

Об удочерении приемная мама рассказала только, когда я окончила институт в г. Владимире. Мама рассказала и показала фотографии из альбома, который был в этом же чемодане. Этот альбом хранится у меня. До войны я была здоровой, крепкой девочкой. Когда меня сняли с поезда – настоящий дистрофик. Больше лежала, молчала, почти не говорила, даже не плакала.

В Коврове мы жили на улице Володарского. Очень помог мне выздороветь рыбий жир, который мне давали по 1 столовой ложке. Некоторые факты Ковровского детства в годы войны всплывают у меня в памяти. Я очень благодарна моим приемным родителям, которые дали мне вторую жизнь, воспитали, дали высшее образование и вывели в люди.

В послевоенные годы мне больше запомнились друзья, подруги, школа. Также заполнилось, что в 1946 или 1947 году в Коврове я увидела, как на низких тележках на маленьких колёсиках ездили инвалиды, у кого не было ног ездили по всему Коврову. В первый класс я пошла в 1945 году в Коврове.

В 1949 году папу перевели в г. Владимир, где он стал работать уполномоченным министерством по заготовкам. С этого года я живу здесь. Во Владимире мы жили на улице Гагарина, дом 8. В данный момент там проживает мой сын со своей семьёй.

В 1949 во Владимире я пошла в 5 класс в школу № 13. Затем в 8 класс нас перевели в школу № 23, которая находилась у Дома Офицеров. В 1955 г. закончила 10 классов школы № 23, находящейся еще на Соборной площади (площади Свободы), и по совету родителей поступила в пединститут на факультет русского языка и литературы. Проучилась я 5 лет в педагогическом институте, находящемся у Золотых Ворот. Мои одноклассницы пошли работать в высшие инстанции: гороно, облоно, в институты в роли учителей. Я же в 1960 г. окончила пединститут и по направлению уехала на работу учителем в Красноярский край, Ирбейский район, д. Каменка. Я была классным руководителем и учителем русского языка и литературы. Также вела ещё немецкий язык. Там был

хороший молодой коллектив. Школа представляло собой деревянную избу. Через год, в летние каникулы, я приехала во Владимир к родителям, вышла замуж за Чернышова Александра Васильевича и осталась здесь.

Мест в гороно и школах не было, и я пошла работать переводчиком в совнархоз на Луначарского. Там я проработала несколько лет. Затем я пошла работать в школу № 8 воспитателем продлённого дня и проработала там 3-4 года. Затем мне предложили перейти в спец. школу – интернат № 27 для умственно отсталых детей. И я в 1966 году перешла работать туда. Она до сих пор расположена на улице Пичугина. Там я работала воспитателем, учителем и учителем – надомником. Проработала я там почти 38 лет. В 2004 году моя внучка пошла в первый класс и мне пришлось уйти.

В 2002 г. муж умер, но я не осталась одна. У меня большая и дружная семья: сын 1962 года и дочь 1969 года рождения, 2 внука и внучка; помогают мне и заботятся обо мне. Все праздники мы проводим вместе весело.

В 70-х годах я с подругой и институтом учителей поехала в Ленинград на экскурсию мы зашли в дом, в котором я жила и мне встретилась женщина, которая проживала там в послевоенное время. Она тогда сказала: «После войны приходил какой-то военный и спрашивал Томочку». Это может значить, что у меня есть ещё один старший брат, о котором мне ничего неизвестно, даже имени не знаю.

По рассказам моей приёмной мамы: «Когда я тебя взяла ты была очень спокойной, очень тихая». Я сама помню моменты, когда в детстве мне мама заплетала косы и я просто могла упасть в обморок. Мама побьет меня по щекам, я оклемаюсь.

Моя мама работала в госпитале, потом она ушла в сберкассу. Я помню, как она работала в центральной сберкассе, чтобы быстренько бегать ко мне, и чтобы я одна не оставалась.

Учёба мне давалась с трудом. Скорее всего, голод и холод сказались на моём развитии. Но моё трудолюбие и усердие давало знать. Очень много со мной занималась соседка по коммуналке – тётя Катя.

Я очень поздно узнала, что я – приёмная дочь. Как я говорила, мама мне сказала об этом очень поздно, когда я уже работала в институте. Перед моим отъездом в Ленинград мама отдала мне все документы и адреса. Я была удивлена и не могла даже представить такое.

Когда я здесь училась в 5-6 классе, мы сами устраивали субботники, сажали деревья, играли в какие – то игры. Тогда было очень мало машин, на экскурсии ходили.

Помню, когда ещё в Коврове жила, то бабушка привёл корову нам из Якшино (Вологодская область). И сказал, чтобы у нас всегда молоко было. В детстве ещё очень часто рыбий жир давали, я пила его с удовольствием.

Когда жила в Коврове, мы часто ездили в Ковровский санаторий имени Абельмана. Там мы купилась и загорали, но всегда везде с мамой.

В школу в 1 класс пошла в Коврове, было тяжело. Помню, что постоянно сидела и корпела над учебниками, но учебники были на двоих или троих.

В Ленинград я больше после той экскурсии не ездила, хотя это и есть мой родной город. Но я же не знала об этой ситуации, не знаю, но какая обстановка в городе тогда была я представить могу. В Коврове тоже ситуация тяжелая была, там же Завод имени Дегтярёва, его постоянно бомбили. Поэтому «затемнённые шторы» были и в Коврове.

Когда к 75-летию Дню Победы начались различные мероприятия, меня задействовали в Доме Офицеров как экскурсовода в музее Боевой Славы. Там был зал, который посвящён Блокаде Ленинграда. В рамках этой экскурсии там были фотографии детей – дистрофиков, которые были в Блокаде Ленинграда, печка – буржуйка, тёмные шторы, патефон, тарелка по которой слушали радио. Меня просят прийти в школу, в детский садик. Приглашали меня в школу на «День Блокады Ленинграда» 27 января. В школу № 15 меня приглашали недавно.

Самой хочется помнить детство, но холод и голод сказались на здоровье.

Чистякова Римма Николаевна

Родилась 20 сентября 1937 года в селе Гуляево

Моих родителей звали Новиков Николай Васильевич 1905 года рождения и Новикова Мария Ивановна 1904 года рождения. У нас в семье было трое детей, я была младшенькой. Сестру звали Антониной, а брата Николай. Мой отец работал стрелочником на железной дороге. В октябре 1941 года его забрали на войну. Папа очень часто нам писал, но вдруг письма перестали поступать. Через некоторое время письма опять стали приходить. Оказывается, отец попал в плен и теперь находился в госпитале. Отец был патриотом, поэтому после того как выздоровел, сразу же отправился воевать дальше, после чего уже не вернулся. Он погиб 2 декабря 1942 года в городе Залучье. Так же у мамы было три брата, и ни один не вернулся домой.

В 1944 году брату Коле исполнилось 17 лет и его забрали на фронт. Он воевал под Чехословакией. С войны он вернулся, но, к сожалению, не совсем здоровый. Коля был контужен, болел ревматизмом и туберкулезом.

На начало войны мне было лишь четыре года. Мама работала не покладая рук. До 10 лет я помогала чем могла маме и сестре в огороде. Параллельно я училась в школе и училась хорошо, даже несмотря на отсутствие учебников, потому что родители не в силах были их купить. У нас был большой дом и огород с площадью 26 соток. В своем доме мы располагали беженцев, которые нуждались в укрытии. На огороде мы выращивали практически все возможные овощи и злаковые растения, чтобы хоть как-то прокормиться. А в зимнее время нам приходилось ходить в лес за хворостом, чтобы протопить наш большой дом. В то время государство запрещало срывать даже сухие ветки с деревьев, что усложняло и так не простую ситуацию. В 10 лет я уже работала в колхозе, а в 11 лет ходила на дойку вместо мамы. А мама в это время жала серпом зерно. На тот момент моей сестре было 14 лет,

и она работала на добычи торфа. Мы всей семьей работали без продыху. Бывало даже такое, что мы питались лепешками из клевера и крапивы, голод бывал страшный. А в 12 лет я уже работала в санатории.

В 15 лет я впервые побывала в Москве. И мне очень не хотелось уезжать из этого прекрасного города. Меня взяла к себе семья знакомых мамы, чтобы я жила с ними и помогала по хозяйству. Так я осталась в Москве. Я устроилась работать в академию Жуковского в буфет.

Однажды, в академию Жуковского поступил новенький молодой человек 25 лет по имени Чистяков Игорь. На тот момент мне было 18 лет. Вскоре мы с ним поженились и прожили вместе в мире и согласии 46 лет. Игорь скончался в 2001 году от инсульта.

Сейчас я очень люблю работать на даче.

Если бы я сейчас встретила папу, то сказала бы такие вот слова: «Папочка, бывало, захожу в дом, а на картине ты смотришь мне прямо в душу и слезы наворачиваются сами собой. Я тебя практически не помню. Когда ты ушел на войну, мне было 4 года. Я очень хочу просто тебя увидеть и назвать тебя «ПАПОЙ». Я тебя люблю».

Шмуратко Лидия Геннадьевна

Родилась 17 июля 1940 в деревне Пташки Оханского района Пермской области (ныне Пермский край)

Мне ещё не было 2-х лет, когда папу призвали на защиту Родины, поэтому я не помню его голоса, лица, рук, ласкового отношения ко мне. Всё это я знаю только из рассказов родных нам людей и по фотографиям. Я знаю, что папа был красивый, сильный, умный, и работал учителем начальных классов, очень любил свою семью. Моя мама, тоже учительница, вырастила твоих сыновей. Вернулся с фронта только один – младшенький. В письмах папы с фронта, которые бережно сохранила моя мама, в каждой строчке сквозит любовь к семье и уверенность в Победе. Воевал папа в составе Уральского добровольческого танкового корпуса командиром танка, так как учился в бронетанковом училище в городе Казани. В 1944 году он приезжал на побывку, и его руки и ноги носили ожоги, которые он получил в горящем танке. Последние письма мы получили из Венгрии. А потом молчание. Похоронка пришла после дня Победы. Это было неожиданным и огромным горем для нашей семьи.

Мама, учительница по профессии, во время войны попросилась на работу в деревенскую школу, там легче было пропитаться, прожили мы там 6 лет. Жили на квартирах колхозниц, у которых тоже не вернулись мужья с фронта. Не было хлеба пили морковный чай без сахара. По весне на колхозных полях собирали перемороженную картошку, пекли из неё лепешки. Праздник был в те дни, когда мама получала причитающийся ей паек, который состоял из небольшого количества ржаной муки и сахарного песка.

В 1951 году вернулись в свой город. Квартира была с печным отоплением. Мама больше замуж не вышла и часто болела. С малых лет приходилось пилить и колоть дрова, носить воду из колодца. Я окончила тоже педагогическое училище,

курсы преподавания физики и математики в старших классах. Работала учителем.

Прошли годы и страна стала другой, появилась возможность выезда за границу, очень хотелось побывать на могиле отца. Из похоронки я знала, что лейтенант Дроздов Геннадий Моисеевич погиб смертью храбрых и похоронен в местечке Пернек недалеко от Братиславы в Словакии. Дочь с мужем съездили в Пернек, но местные жители сказали, что прах всех советских воинов вывезен, но куда, не известно. В Интернете я вышла на сайт посольства РФ в Словакии. В списке бойцов, захороненных в мемориальном комплексе на горе Славен в Братиславе, имени отца не было. Я написала электронное письмо на имя нашего посла с просьбой помочь в поисках его захоронения. И мне ответили, что папа упокоился в братской могиле мемориального комплекса на горе Славен в Братиславе и имя его будет увековечено на мраморной стелле комплекса. В 2016 году нам с семьёй удалось съездить в Словакию и побывать на могиле моего папы. Я думаю, что он это почувствовал. Мы помним о нем и благодарны за всё, что он сделал для своей семьи и своей страны. Мы очень благодарны посольству РФ в Словакии за помощь в поиске могилы моего отца.

Яремчук Галина Ивановна

Родилась 9 мая 1938 года в городе Ленинград
(ныне г. Санкт-Петербург)

Родилась в Ленинграде 9 мая 1938 года. До войны жили в Ленинском районе (р-н Черной речки). Семья была: мама работала вагоновожатой, папа был печник, очень хорошо клал печи, это у него перешло от дедушки, который также был отличный печник. Но дедушка умер еще до войны. Еще с нами жила бабушка и мой брат (он на три года меня старше). Началась война. Папа ушел на фронт.

Блокадный Ленинград... Страшно вспоминать эти дни, состояние ужасное. Холод, голод – всегда хотела есть. Помню, я заболела и попала в лазарет, где кормили, было хорошо. Когда выписали – хотела еще раз туда попасть. Пошла на хитрость. Приложилась к горячей кафельной печи, нагрела лоб, щеки, сказала, что голова болит, и меня опять положили в лазарет. Паек, что нам выдавали по карточке, был скудный и мама на рынке обменивала все, что можно было обменять на продукты – золотые сережки, ковер и еще что-то из вещей. В 1942 году умерла бабушка. Помню, эвакуировались мы через Ладогу. Нас посадили в машины. От этого движения помню только – вода и лед. По машинам стреляли немецкие самолеты. Некоторые машины до берега не дошли. Уже в мирное время, когда была в пионерском лагере на Ладоге, видела на берегу блиндажи, много вспоминали, много рассказывали про эту «дорогу жизни».

Куда нас потом отправили (мама, я и брат), я не помню. В 1945 году мы вернулись в Ленинград. Нам дали комнату в коммунальной квартире на «Фонтанке» – пр-т Газа, Ленинский р-н. Мама пошла работать в госпиталь. Я после школы закончила Медицинское училище.

Поступила работать в железнодорожную больницу. Даже оформив пенсию – все равно работала по медицине. Общий стаж – более 47 лет. Вышла замуж – муж военный, только что

окончил Академию. Получил направление на Дальний Восток – в Хабаровск. Много нам пришлось помотаться по разным местам. Последняя наша остановка – Владимир в 1971 г. Взяли сюда во Владимир к себе маму из Ленинграда. Она умерла в 2006 году – ей было 92. Муж умер в 2008 году. Работу оставила совсем. У меня две дочери – одна живет в Москве, другая – рядом квартира – в одном доме. Есть внук, правнук. Летом уезжаю на дачу – за Кидекшу, Суздальский район.

СТИХИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Доронова (Данилова)

Галина Алексеевна

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Детский дом... Перестроен, покрашен.
Но узнаю его за версту.
И, пускай, стала возрастом старше,
О нем память в душе не сотру.

Наши души незримы здесь стали,
Но голоса наши, в стенах живут.
А из слёз, что когда-то упали,
В росных травах деревья растут.

В этом мы неповинны, нисколько,
Что родились под грохот и горе страны.
Так пришлось, повзрослели до срока,
Продолжая жизнь тех, не пришедших с войны.

Эту память мы внукам оставим,
Как отцы наши, деды в бой шли.
И в рисунках внучат видим сами,
Все сюжеты здесь, вновь ожили.

Владимир, 2015 г.

Отец воевал на Калининском Фронте, награждён медалью «За ОТВАГУ». Был разведчик. Пять детей воспитывались в детском доме. Мама пострадала на пожаре.

Коншина Наталия Альфредовна

* * *

Город великий наш Ленинград!
Я голову свою на землю приклоняю.
Мы, ленинградцы, помним 41-й год, когда мы
были там – в блокаде.
Людей, которые ходили как тени, но никто не
роптал.
Бомбежки, обстрелы – все было...
И хлеба по сто двадцать пять...,
И радио нам говорило: «Чем жить на коленях –
лучше стоя умирать!»

***

Мы верили в победу нашу,
И силу нам давала – вера наша, -
Мы победим!
Мы победили!!
Остановитесь! Что я вам скажу! –
Погибли миллионы за нашу жизнь –
Не забывайте это никогда!
Но памятники павшим говорят так много!
Без слез мне мимо не пройти.
Я говорить еще хочу –
И в прозе, и в стихах, и в песнях,
... и в симфонии хотелось мне еще так
много говорить...
Остановитесь, люди, – те, кто хлеб бросает!
Я с болью на него смотрю.
Хлеб, хлеб! Без хлеба люди умирали!

Ребенок, плача, корку брал дрожащею рукой,
И он кричал и плакал: «Хлеба, хлеба дай-
те мне...!»
...И мать давала, ... что имела....

***

Но мы – Ленинградцы!
В душе мы – герои,
И верили, что победим!
И с этою верой мы жизнь любили,
И жизнь еще дали другим!!!

Кучма Зинаида Ивановна

Посвящается моей первой учительнице
Суздальской семилетней школы Смолиной
Анне Петровне, моей учительнице

В тот день светило солнце горячо,
Светло желтели клены за окном...
Ты, положив, мне руку на плечо
Сказала: «Ну, давай, дружок, начнем!»

Ты и тогда была уже седой,
С глубокими морщинами у глаз.
И вот мы в путь отправились с тобой,
И ты с тех пор не покидала нас.

Учила буквы складывать, считать,
Стихи учить и справедливым быть
На все глядеть и все запоминать
И все родное, русское любить.

(Вероника Тушнова)

***

До той, самой памятной весны
С волнением письма с фронта нам читала
И песню про священную войну Тихонько и с
тревогой запевала:
«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна....

Идет война народная,
Священная война».

Мы дружно хором подпевали,
Деля с тобой твою тревогу.
Когда закончится война? -
Известно было одному лишь Богу.

Быль для детей читала в 3 классе нам.
Потом в детдоме я ее учила.
Быль о войне писал нам Михалков.
И те стихи я до сих пор не позабыла.
И от моря, и до моря поднялись большевики.
И от моря, и до моря встали русские полки -
Все советские народы против общего врага.
Все, кому мила свобода и Россия дорога.

Не расскажешь даже в сказке
Ни словами, ни пером,
Как летели с немцев каски
Под Москвой, и под Орлом.

Как на Запад, наступая,
Бились храбрые бойцы -
Наша Армия родная,
Наши братья и отцы.

8 Мая кончилась война.
Об этом ночью мы, детдомовцы, узнали
И долго с криками «Ура!»
Подушки в спальне мы бросали.

Но это будет все потом...
И дня Победы мы 4 года ждали.

Ну, а пока: «Будь проклята война!» -
Замершими руками мы писали.

А на большой холодной перемене
С каким терпением мы ждали их,
Военных лет кусочки хлеба,
Из добрых, ласковых и честных рук твоих.

А древний Суздаль среди разрушенных церк-
вей,
Как – будто варвары его громили,
Детей – блокадников растил, как сыновей,
И тыла тяготы мы вместе с ним делили.

*Владимир 2012 г.,
Суздаль 1942 г.*

Рябоненко Юрий Тарасович

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Всем женщинам, проводившим
своих близких на фронт
По мотивам стихотворения
Е. Аграновича «МАТЬ»
Бой солдатской кровью был полит.
Он бежал к немецкой обороне,
И одним снарядом был убит,
А другим снарядом похоронен.

В дом печальное письмо пришло.
Политрук, заведено так было,
Написал, как всё произошло,
И цензура это пропустила.

Дома мать не стала больше ждать,
И откуда появились силы,
Собралась в дорогу, чтобы взять
Горсточку земли с его могилы.

Столько вёрст пешком пройти пришлось,
На попутках, в старенькой теплушке,
Столько горя видеть довелось
Матери убитого Илюшки.

Вот примета, кажется, видна,
Но патруль ей объясняет строго:
Дальше фронт и там идёт война,
Извини, мамаша, ради бога.

И тогда решила всё же мать,
Коль нельзя с сыночком попрощаться,
Горсть земли с чужой могилки взять,
Чтоб пустой домой не возвращаться.

Может быть и чья-то мать потом,
Видя неприметный бугорочек,
Слёзы промокнёт сырым платком
Над могилкой, где лежит сыночек.

Отнесла ту горсть земли сырой
На погост у маленькой церквушки,
Чтоб молиться ей за упокой
И того солдата, и Илюшки.

Отзвучал в селе церковный звон,
Разрывая души на кусочки,
Для России был солдатом он,
Для неё единственным сыночком!

Горя наш народ испил до дна.
Сея смерть и умножая беды,
Шла война, жестокая война,
И ещё так долго до победы.

Если будут нам грозить войной,
Если вдруг опять беда нагрянет,
То Бессмертный полк как часовой
Снова из могил своих восстанет!

*Владимир,
октябрь 2016 г.*

Сараева Зинаида Евгеньевна

***

Надо жить! Что бы ни случилось!..
Солнце светит или грянет гром,
Надо жить, чтоб чудо совершилось,
Повторяя, всё переживем!
Эту фразу в мыслях повторяйте,
И живите счастливо сто лет.
Все, что накопили, не теряйте,
Это мой вам маленький совет!
День начните только с позитива,
Ведь не важно, «что» и «почему».
Просто нужно выглядеть красиво,
Остальное Богу одному всё подвластно
и о нас известно.

Надо жить и верить в чудеса!
Жизнь прекрасна, она словно песня, в ней
слышны и ваши голоса.
Надо жить, замечу, справедливо,
«Не дождетесь!» – скажем мы врагам.
Будет все удачно, всем на диво,
Лишь добра желаю всем я вам!...

Сергеев Аркадий Дмитриевич

Посвящается 70-ой годовщине сокрушительного разгрома нацистских войск, блокирующих город Ленинград и его окрестности в течение 900 дней и ночей в годы Великой Отечественной войны

с 08.09.1941 по 27.01.1944.

Я люблю тебя жизнь
Как создателя фауны, флоры.
Слаблю вечную жизнь
От первичной жизненной споры.

Ты одна на Земле
Живым даришь различные сроки,
Появилась в воде
И находишься в вечном потоке.

Дети, внуки мои
И чудо потомки-правнуки!
С зарождения стали твои
По законам всемирной науки...

Торжествуй, веселись
В своих звуках природного гимна.
Я с тобой, моя жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.

*Владимир,
май 2007 г.*

***

Самое трудное русским досталось
Во всех странах СНГ.
Они нацменами там стали,
Без языка, письма, в нужде...
Старший сын нас звал в Россию.
Нам в г. Львове труднее жилось.
Стали искать обмена квартиры...
Но желающих куда хотели, не нашлось...

***

Все прожитые исторические года
Со мной была моя судьба...
Я счастлив, что тружусь, живу.
Не во сне хожу, а наяву...

Тимофеева Людмила Ивановна

***

День снятия блокады
И вот мы с вами собрались
Больные, старые, седые...
Мы собрались, чтоб вспомнить всё,
Как страдали, голодали,
Как дорог был блокадный хлеб,
Как дорога была крапива...
Не будем люди унывать!
Ведь жизнь же наша продолжается,
Мы верим, что плохое всё уйдет,
И возродится вся Россия!
С днём снятия блокады поздравляю,
И долго, долго жить желаю!

Воспоминания детей войны «с той стороны»

Эмили Пауль

ШКОЛЬНЫЙ ТАБЕЛЬ

Будучи свидетелем событий, автор описывает беспокойное время с 1939 по 1949 гг. на основе своего школьного табеля. За это время она проучилась в девяти школах в различных городах. Простыми словами она описывает, как молодым людям в эти ужасные времена приходилось в одиночку справляться со всеми трудностями, которые им преподносила жизнь.

Рут теперь ходила в школу Фриделя-Шрёна. Идти до нее было недалеко. Ей нравилось в школе. Классная доска больше не использовалась. Все уже писали в тетрадях, и нужно было быть очень осторожным, чтобы не поставить кляксу. По сравнению с прошлым многое изменилось. Молочник со своим бидоном, из которого он раньше разливал заказанное молоко по бутылкам, стоящим перед дверьми, больше не приходил. Вместо этого молоко продавалось по талонам и только в определенных количествах. Даже наш любимый белый хлеб доставался нам очень-очень редко. Как приятно было получить кусочек воскресным утром. Сначала мажешь маслом, потом творогом, а сверху вареньем – как вкусно! Это стало теперь роскошью.

Небольшой холодильник мы переделали в шкафчик для хранения припасов, так как лед больше не доставляли. Как же были счастливы дети, когда доставщик льда приезжал на своей трехколесной машине и вытаскивал острыми граблями длинные прямоугольные куски льда из кузова. Он клал льдину на плечо, защищенное от холода кожаным фартуком, и заносил ее в дом. Когда он доставал лед из кузова, несколько

осколков падало на землю, и дети их поднимали. Этот лед был невероятно вкусным. Даже Дед Мороз больше не приходил и не приносил маленьких пряничных человечков с изюмом вместо глаз. Остались только воспоминания о том, как мы, будучи детьми, сидели вместе под лестницей в подвале, записывали какой-то чай в трубки и с большим удовольствием курили эту смесь, постоянно кашляя. К сожалению, трубки служили недолго. К Рождеству последняя приходила в негодность. Это все было позади. Вместо этого все чаще приезжал «Клюнгельскерль» (сборщик железных изделий) на машине, которая плавилась железо. Начальник блока заранее дал нам понять, что для окончательной победы пригодится даже самый маленький кусочек металла.

Дядя Август, младший сын Ханхен, которого она в тайне звала Бенджамином, заходил раз в неделю, чтобы помочь женщинам с тяжелой работой, например рубил дрова или приносил уголь. Дядя Август был шахтером, и часть зарплаты ему выдавали углём. Дядя Август был худой как спичка. К сожалению, все усилия Ханхен, хоть как-то его откормить, не увенчались успехом, хотя она очень старалась. Она чаще всего готовила савойскую капусту, бобы или густой суп и «рабочие отбивные» – это были куски свиной грудинки, которые панировались и жарились, как отбивные. Он мог съесть большую тарелку, что было удивительно. В дополнение к продовольственным карточкам шахтеры получали карточки тяжелорбочих. Так что Ханхен без проблем покупала мясо для супа. Дядя Август всегда ездил на велосипеде. Когда ему снова приходилось ехать домой, Рут умоляла: «Дай мне тоже прокатиться!» Он крепко держал велосипед, а Рут пыталась достать до педалей через раму. Ей действительно удавалось проехать несколько метров, но затем это становилось слишком трудно для нее.

Как и прежде, до войны, бабушка и внучка по пятницам ходили в сады к госпоже Блехер. Ханхен приносила картофельные очистки и растительные отходы. Однако кормить

здесь было уже почти некого, осталась только пара кроликов. Чтобы прокормить свинью отходов было недостаточно. Многое изменилось. Соседи в садах больше не разговаривали друг с другом так непринужденно. Некоторые бросили сад и переехали незнамо куда. Прибыли новые жильцы, которых к этому призвали нацисты. Нужно было быть очень осторожным при разговоре. До войны рабочие и мелкие служащие сдавали свои участки в аренду. Они проводили выходные в своих садах, выращивали овощи, держали кроликов, которых можно было погладить, а некоторые даже заводили свиней. Они дружили, обменивались инструментами и болтали через садовый забор. В саду миссис Блехер были качели для внуков. Рут с нетерпением ждала каждую пятницу, потому что ей тоже разрешали качаться, а когда они уезжали, Ханхен дарили букет цветов.

Конечно, Рут не знала, что арендаторы этого садового поселения были не согласны с господствующим политическим мнением. Однажды она услышала, как соседи по саду стояли вместе и шептались: «Да, он тоже был коммунистом. Он сбежал неизвестно куда».

Рут считала, что быть коммунистом - это что-то настолько же плохое, как быть убийцей. Тогда это, наверное, хорошо, что он сбежал. Эта история долго не выходила у нее из головы. Однажды в субботу Луиза и Рут направлялись в Фридрихсбад, чтобы принять еженедельную ванну, и Рут спросила маму, что такое коммунист. Луиза подумала и сказала: «Знаешь, это такие же люди, как и мы с тобой, только у них другие политические взгляды, но для политики ты еще совсем мала. Так что сделай мне одолжение и больше не думай о таких вещах, и самое главное – не говори ни с кем об этом».

Рут очень быстро привыкла. Бывшие одноклассники снова сформировали «банду», в которой сильно выделялся малыш Карл из квартиры напротив. Он был уже далеко не малышом, и входил в состав молодежной организации Юнгфольк. Он был умен не по годам и передавал свой опыт банде. Его «му-

дрость» заключалась в следующих идеях: немецкой женщине нельзя краситься, она должна вести себя порядочно и родить фюреру как можно больше детей. Такое мнение не пользовалось успехом у младших детей. Их интерес был по понятным причинам ограничен. Они просто смеялись над этим. Когда они видели женщину с макияжем на лице, они кричали:

«Осторожно, здесь тебе нельзя целоваться! Осторожно, окрашено!»

Их гораздо больше впечатляла униформа Карла, его охотничий ножик, который он с гордостью всем показывал, и его интересные истории об отдыхе в деревне во время каникул, о костре, о прекрасных песнях и о том, как они тренировались стрелять по врагам из деревянной винтовки. Как только он стал достаточно взрослым, он добровольно вступил в организацию, чтобы защитить нашу страну, находящуюся под угрозой. К сожалению, ему пришлось бы долго ждать, потому что ему было всего двенадцать лет. Если бы он знал, что в ноябре 1942 года произойдет Сталинградская битва и что спустя два года 16-17-летние подростки будут призваны воевать, его желание было бы исполнено.

Когда Рут рассказала об этом дома, и также выразила желание стать членом Союза Немецких Девушек (Юнгфольк для девочек), потому что у них тоже была униформа, мама Рут потеряла дар речи. Через некоторое время она сказала:

«Подожди еще немного, пока подрастешь».

Несмотря на усиление воздушной тревоги, дети все еще находили время играть вместе. Но когда звучали сирены, все быстро бежали домой. Обычно оставалось еще немного времени, чтобы достать чемоданчик с самыми необходимыми вещами и добежать до бомбоубежища. Это было ужасно. В этих убежищах люди сидели в страхе, и защита была совершенно недостаточной. С каждым ударом бомбы люди надеялись только на одно – на то, чтобы остаться живых.

Однажды солдат, ушедший в отпуск с фронта, наткнулся на наш подвал и крикнул:

«Хуже, чем на Востоке!»

Только когда сирены затихали, можно было выйти из убежища и выдохнуть с облегчением, если дом еще был на месте. Такие повреждения, как разбитые стекла или частично сорванная крыша, даже не принимали во внимание. Конечно, были убежища и получше, так называемые бетонные бункеры, но их было недостаточно. Ханхен, Луиза и Рут в основном укрывались в убежище рядом с домом.

Рождество 1942 года было очень печальным, потому что это был первый праздник без дедушки. Луиза даже где-то достала маленькую ёлочку и очень этим гордилась. Рут разрешили помочь с украшением. Она следила за тем, чтобы шары развешивали именно так, как это раньше делал дедушка.

Во время праздников было тихо. Только в новом году снова завывли сирены. Это означало очередной побег в убежище, боязнь и ожидание отбоя тревоги. Затем Ханхен бежала в церковь, молилась и благодарила Бога за то, что все снова хорошо закончилось.

Как раз в это беспокойное время, когда надвигалась Сталинградская катастрофа, начальник блока, этот напыщенный парень, пришел к Луизе и заявил, что Гитлер придет в Эссен и ей придется поднять флаг. Под окном средней комнаты находился кованый чугунный держатель для флагштока. Луиза ответила: «Если он действительно придет, он не пойдет по нашей улице». Начальник блока сказал: «Если Вы не поднимете флаг, я позабочусь о том, чтобы Вас здесь больше не было».

У нее не было выбора. Начальник блока, вероятно, думал, что Луиза пойдет в партбюро и возьмет там большой флаг. Но она нашла другое решение. Она поставила горшок с цветами и двумя бумажными флажками на окно - сделано! Луиза была права. Никакой Гитлер через их улицу не прошел.

Новый год не успел начаться, как на людей обрушился очередной воздушный налет. Нервы Ханхен были на исходе. Луиза тоже была на грани. Кроме того, она жаловалась на сильную боль внизу живота. Врач диагностировал опухоль

размером с курицу, которую необходимо было удалить. От отчаяния она решила воспользоваться случаем и эвакуировать своих мать и дочь. Она спросила женскую национал-социалистическую организацию, когда и куда пойдет транспорт. Так, в середине февраля 1943 года Рут и ее бабушка вместе с остальными отправились на поезде в Вюртемберг. Они ехали до Рот-ам-Зе.

Вместе с немногими вещами, которые они везли с собой в двух маленьких чемоданах, был также школьный табель Рут. Табель, который Рут получила в школе Фриделя-Шрёна, пестрил хорошими оценками и гласил: «Духовно активна, очень амбициозна». Подписано ректором Зобелем, учительницей Мюллер и матерью Рут Луизой.

Учеба в школе Фриделя-Шрёна длилась недолго. Однако за эти четыре месяца Рут научилась многому, что не входило в школьную программу. Теперь она знала, что иногда нужно держать рот на замке.

Хайде Маттишек

Родился в май 1939 года в городе Берлин, Германия

ДЕТИ ВОЙНЫ

Люди в Германии и большей части Европы живут в мире и согласии уже более 70 лет. Во многих частях света сейчас войны – в Африке, Азии, на Ближнем Востоке - без какой-либо перспективы на установление прочного мира. В газетах пишут о детях и женщинах, которые особенно страдают в военное время, – о том же вещает и телевидение. Мы им сочувствуем, но помочь мы не в силах.

После Второй мировой войны национал-социалистическая Германия погрузила почти всю Европу в хаос и страдания – 60 миллионов погибших, разрушенные города, побеги и изгнания. Европа оказалась на дне – материальные и, прежде всего, человеческие потери, нужно было каким-то образом восполнять. Новое начало было трудным: Германия должна была расплатиться за войну и Холокост. Несмотря на все трудности, в послевоенные годы удалось заложить фундамент на сегодняшний день почти 75-летнего мира в Европе. Это показывает, что примирение и превращение войны в согласие вполне возможно.

Мы рады, что нашим детям, внукам и правнукам не приходится переживать войну и ее последствия. Мы, родившиеся в 1928-1945 годах, испытали на себе, что такое война, бомбардировки и поиски убежища в подвалах и бункерах, что такое побег и изгнание, что такое потеря родственников, родителей или братьев и сестёр. Несмотря на то, что эти жизненно важные события остались далеко позади, они не были забыты. Они – часть нашей жизни.

Я родился в Берлине в мае 1939 года, незадолго до начала Второй мировой войны. Мои родители только недавно переехали в Берлин из г. Щецин в Померании. Мой отец выучился на оптика и получил степень магистра при известной оптической компании в Берлине. Начало войны разрушило

все планы: вскоре моего отца призвали на военную службу – сначала в Польшу, потом в Россию.

Я не помню своего отца - нескольких недель его фронтового отпуска было недостаточно, чтобы его запомнить. Я знаю его только по рассказам матери и других родственников. Фотографий тоже совсем мало, так как в те годы фотографировались очень редко. Большинство из них – как и письма, которые он писал моей матери, – потерялись в хаосе войны. Маленькая невзрачная коробочка из дерева с типичной польской резьбой – это единственное, что осталось от отца.

Мой брат родился в октябре 1941 года. Как и большинство женщин с маленькими детьми, мою мать эвакуировали вместе с нами в связи с участвовавшими взрывами. Нас послали в район города Познань. Там, в сентябре 1943 года, моя мать получила известие о смерти своего мужа, моего отца, который погибв Запорожье на Украине. Она вернулась с детьми в Щецин к родителям. Щецин также подвергался сильным бомбардировкам. Мы провели много ночей в бомбоубежище – у меня смутные воспоминания о завывающих сиренах, которые нас будили и заставляли бежать в бомбоубежище. Во время одного из этих жестоких налетов, 6 января 1944 года, в наш дом попала бомба; мы выжили, но мой дедушка, который в очередной раз поднялся в квартиру, погиб. У меня до сих пор в голове осталась картина, как нас везли по горящему городу в кузове грузовика. Картина, которая появляется снова и снова в моей памяти, когда я вижу сегодня детей из разных стран, спасающихся бегством из зон военных действий.

Последний год войны мы провели в Хинтерпомерне, в Чарноглови (Зарнглафф), районе Камень-Поморски, на небольшой ферме брата моего деда. Весной 1945 года мы, жители Восточной Пруссии, вновь бежали, по холоду, из родной страны. Мы не были готовы спастись от приближающейся советской армии. Директор крупного известкового завода в нашей деревне взял на себя инициативу и выделил нам грузовой поезд для перевозки извести, в котором местные

сидели спиной к спине с беженцами. Поездка в сторону Свиноуйсьце была очень медленной и проходила под обстрелом. Эту поездку я тоже смутно помню. Из письменного отчета вышеупомянутого директора, я знаю, что поезд, в конце концов, доехал до Дании, которая в то время еще была оккупирована немцами. Мы сошли с поезда в Померании, чтобы добраться до Щецина. Это был долгий и трудный пеший путь, длившийся несколько дней. Моя бабушка, которой было 70 лет, мама с двумя маленькими детьми, которым нужно было найти что-нибудь поесть и место для ночлега. Судьба, которую моя семья разделила с миллионами других семей.

Мы добрались до Щецина, а затем до Берлина, где все еще стоял наш дом. После войны было много потерь. Особенно страдали женщины, которые вынуждены были в одиночестве заботиться о самом необходимом в немыслимых условиях. В нашем доме жило 12 семей, большинство которых потеряло мужчин.

Надо с благодарностью отметить, что державы-победительницы, особенно американцы, помогли минимизировать материальные нужды. Многие гуманитарные организации из США ежедневно обеспечивали детей в Германии горячим питанием, что являлось неоценимой помощью для нуждающихся.

Моя семья оплакивала еще одну жертву. В 1947 году бабушка узнала от сокамерника, что ее сын умер в русском лагере под Нойбранденбургом от голода и болезней. Вместе с братом я посетила мемориал «Пять дубов» – на камне мы увидели имя моего дяди. Но нет такого места, которое бы напоминало о моих отце и деде. Поэтому мы выгравировали их имена на надгробии моих бабушки и матери.

Страшная война не пощадила ни одну семью. В настоящее время миллионы семей во многих частях мира страдают от войны, спасаясь бегством и терпя изгнание, и этому нет конца. Мы, «дети войны», как называет нас Людмила Бундина, глубоко проникнуты желанием мира. Многочисленные

международные контакты после Второй мировой войны, особенно партнерство городов, стали важным шагом на пути к взаимопониманию и прочному миру: далее партнерство с Францией, а затем и с другими городами Европы.

В 80-х годах прошлого столетия были предприняты первые попытки установить партнерские отношения с городами бывшего СССР. Эрланген был одним из первых городов, проявивших инициативу. Партнерство с Владимиром на протяжении уже более 30 лет – это история успеха, несмотря на прошлые различия в системе и сегодняшние непростые отношения между Россией и Германией. Мне посчастливилось стать свидетельницей начала этих отношений, завязать первые контакты. С первого визита во Владимир летом 1983 года у меня до сих пор остались воспоминания: во время посещения рекреационного учреждения под Владимиром я лично беседовала с тогдашним мэром г. Владимира Михаилом Звонарёвым о прошлом Германии и России: оказалось, что наши отцы погибли одновременно в одном и том же регионе. Это был трогательный момент, который на очень личном уровне ясно показал нам безумие этой войны, любой войны. Я никогда не забуду этот момент.

*Хайде Маттишек,
декабрь 2019 г.*

Хелла Рейнке

Город Эрланген, Германия

Родилась в 1935 году в Рудных горах, Германия

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ ВО ВРЕМЯ И ПО ОКОНЧАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Меня зовут Хелла и я родилась в 1935 году в Рудных горах. Сигналом о начале войны являлось то, что многие, включая моего отца, остались без работы. Он был специалистом по точной механике и успешно применял свои знания в фирме Siemens в Эрлангене. Мы с родителями переехали в Эрланген в 1937 году.

Первые годы я провела в центре города, недалеко от площади Боленплатц, которая служила нам детской площадкой. Когда в 1939 году началась Вторая мировая война, мне было 4 года, и я, конечно, не понимала, какое волнение испытывали взрослые.

Когда мне было 6 лет, я пошла в школу, где мы, дети, все больше узнавали о войне. Когда мы шли с утра в школу, нам всегда приходилось здороваться фразой «Хайль Хитлер!», чего я никогда не понимала. А еще нас научили вязать, что было очень сложно, потому что найти хорошую шерсть было невозможно. Мы распускали старые свитера и вязали заново.

Еда выдавалась порциями. Мы получали сахар, масло, хлеб, мясо и т.д. только по номеркам. По воскресеньям родители брали меня в лес собирать чернику, ежевику и клюкву. Также нужно было собирать дрова, если не хочешь замерзнуть.

Моей маме пришла в голову идея помочь фермерам собрать урожай в деревне, чтобы не голодать. Когда у нас не было учебы, я иногда оставалась на ферме на целую неделю. Поскольку больших машин для уборки урожая еще не было, нам приходилось делать многое вручную, например, собирать картофель. Взрослые выкапывали картофель, а мы, дети, собирали его в корзины.

В школе часто отменяли занятия из-за воздушной тревоги или из-за того, что многих учителей призывали в армию и сразу же отправляли на российский фронт. То же случилось и с братом моей мамы. Я помню, как мама страдала. Мой дядя умер через 4 недели.

Мой отец, страстный противник войны, был призван в армию довольно поздно и сразу был переведен на русский фронт.

В то время я очень часто целыми днями была одна. Маме приходилось шить униформу на фабрике, а отец был на фронте.

За это время Нюрнберг, прежде всего Старый город, сгорел дотла. Моя тетя Инге жила со своей семьей в Нюрнберге, и за одну ночь она потеряла все. Наша квартира тоже была невелика, но мама сразу же предоставила спальню тете с семьей, а сама спала в столовой на диване. В целом, народ в то время был гораздо сплоченнее, чем сегодня.

У меня остались плохие воспоминания о нашем бомбоубежище. Оно было так глубоко, и там было так страшно, я всегда боялась туда заходить. Но наш домовладелец настаивал, чтобы все сидели там.

Когда в 1994 году первые американцы вошли в Эрланген с танками, мне было страшно. Я также была очень потрясена, когда впервые увидела цветного солдата. Он очень дружелюбно сказал мне «Hello, Girl» и передал мне шоколадку из танка. Это была первая в моей жизни шоколадка.

Я прекрасно помню, что американцы отдавали свои вещи немкам на стирку. Взамен мы получали мыло, сладости и т.д.

Мой отец был тяжело ранен в последние дни войны, ему выстрелили в живот. Мы вообще ничего о нем не знали. Но свершилось чудо: через год отец вернулся в Эрланген, он бежал из Польши домой.

Я очень надеюсь, что войны больше не будет никогда!

Инге Айхель

Эрланген, Германия

Родилась в 1939 году в Штутгарте, Германия

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ САМОГО РАННЕГО ДЕТСТВА

Мои родители, братья и сестры (я была старшей) жили в маленьком домике в Фойербахер Вег, в Штутгарте.

Нашу первую домработницу звали Тони. Она родилась в Шварцвальде и была католичкой. По воскресеньям она всегда брала меня на богослужение. Мне очень там понравилось, и я захотела перейти в католичество, что мои родители-протестанты считали очень подозрительным. Когда Тони от нас уехала (домработницы обычно работали в одной семье не больше двух лет), моя мама стала давать объявления о поиске новой домработницы в евангельском приходском листке.

Мой отец приехал с фронта домой в своей солдатской форме. Поскольку в нашем окружении несколько мужчин уже погибли, я спросила отца, приедет ли он снова, на что он ответил спокойным и убедительным голосом, что вернется еще не раз. Хотя, конечно, он этого тоже не знал, но хотел прогнать мои плохие мысли.

Поскольку Штутгарт из-за усиленной индустриализации (Mercedes и др.) часто подвергался бомбардировкам, моя мать решила эвакуироваться вместе с тремя детьми. Мы разместились в Шильтах в Шварцвальде у наших родственников, в небольшой квартире в жилом доме, пристроенном к текстильной фабрике. Несколько месяцев спустя наш небольшой дом в Штутгарте был стерт с лица земли. Мы бы все умерли, если бы не переехали в Шильтах. Однажды когда мы с мамой пошли собирать ягоды, в Шильтах прилетели штурмовики. Мы спрятались в кустах, чтобы нас не заметили.

Вторжение французских войск в 1945 году является до сих пор одним из моих самых ужасных воспоминаний. Они разбили окна фабрики, и один из них вошел в нашу маленькую квартиру и захотел взять лежащую на кухне полбуханки хлеба. Тогда моя

мать встала на его пути и сказала по-французски, что это наш последний хлеб, и у нее трое маленьких детей. Француз положил хлеб обратно и сказал: «Извините, мадам!», и скрылся из виду. Только потом я поняла, что это была чрезвычайно опасная ситуация. До свадьбы моя мама полгода работала в аптеке в Ренне и очень хорошо говорила по-французски – это нас спасло.

Мой отец некоторое время был в плену у англичан. Он приехал к нам в Шильтах в начале 1946 года. Затем мы вернулись в Штутгарт. Там мы с мамой скрывались у бабушки с дедушкой в пригороде Вайлимдорфа. Было очень тесно, но мой отец должен был снова пустить в ход свою компанию, а это было возможно только в Штутгарте. Меня отдали в школу, и я должен был идти около 3 км до школы в Корнтале. В одном классе было около 60 школьников. В первом классе нас учили домохозяйки, потому что учителя либо погибли, либо находились в плену, либо еще не были освобождены от нацистского режима.

1946 год был очень печальным для нашей семьи, так как моя младшая сестра Дорис в два с половиной года внезапно умерла от столбняка. Не было ни врача, ни лекарств. Маленький гробик был украшен майскими ландышами из сада дедушки и бабушки. Даже сегодня запах ландышей напоминает мне о смерти моей младшей сестренки.

Когда Дорис умерла, моя мама уже была снова беременна, и в декабре того же года на свет появился мой брат Клаус. В первый год своей жизни Клаус доставлял нам много хлопот. Он постоянно болел, и следовало ожидать, что он не выживет. Однако примерно через год мы обрели надежду, потому что ему стало лучше. Он встал на ножки и хотел пойти, но не смог. Косолапость с раннего детства препятствовала его движению. Если бы этот дефект распознали сразу после рождения, то проблему могли бы решить с помощью перебинтовки, но, так как малышу было уже больше года, ему пришлось пережить две крупные операции. Но на этот раз удача была на стороне Клауса, ведь после операции он мог ходить и заниматься спортом как и любой другой ребенок.

Отмар Кох Эриннерюнген

Родился весной 1941 года в городе Мельк на Дунае, Австрия

ВОСПОМИНАНИЯ

Так как я родился весной 1941 года в городе Мельк на Дунае, война не была для меня такой драматичной как для многих. Несколько раз был воздушный налет, и нам приходилось укрываться в близлежащем подвале одного из фермеров. Чаще всего мои мама или бабушка несли меня на руках, чтобы быстрее добраться до подвала. Мы должны были сидеть в темноте, чтобы нас не смогли найти.

Напротив нашего дома находился штаб русских войск. Поэтому мы постоянно общались с солдатами, играли с ними и смеялись. Нам часто давали еду. Однажды нам дали по куску хлеба с толстым слоем сливочного масла, обильно посыпанным сахаром, от чего нам с сестрой стало плохо, и солдаты отвели нас назад, пожимая плечами.

Иногда нам не хватало еды, хотя мама трудилась на заводе, а бабушка работала неполный день на фермеров, за что получала хлеб, молоко и яйца.

Когда моя мама вышла замуж, мы переехали в Верхнюю Австрию. Эта австрийская провинция в то время была американской оккупационной зоной. Мой отчим работал на пивоварне. Работа ему не нравилась, и из-за этого дома были проблемы. Наша квартира находилась рядом с небольшим ручьем. Однажды мы, дети (нам было тогда по 4 года), стояли на мосту и наблюдали, как американцы мочатся в ручей. Мы рассказали об этом дома, после чего нас отругали и наказали. Несколько раз американцы давали нам консервы и сыр, который был слишком соленый и плохо пах, и поэтому мне не нравился.

С первого учебного года я снова жил с дедушкой в Нижней Австрии. Дедушка был инвалидом из-за ранения, полученного во время Первой мировой войны. Он управлял небольшой фермой на окраине разрушенного военного аэропорта. Это

была небольшая деревушка всего с тремя фермами. До соседней деревни было 2 км пешком.

Нижняя Австрия была советской оккупационной зоной. Через несколько недель у нашего двора стояло несколько танков и военных машин русских солдат, которые всегда с удовольствием со мной играли и были моими хорошими друзьями. Иногда они разрешали мне залезть в танк и часто давали сладости. Зимой 1951-1952 гг. на наших яблонях еще висели яблоки, замороженные и гнилые. Несколько солдат съели эти яблоки, от чего им стало плохо. В тот вечер к нам пришел мэр и велел всем женщинам и детям покинуть дом и спрятаться, потому что русский командир придет к нам из-за инцидента с яблоками. Мэр боялся худшего. Мы бежали по темноте в соседнюю деревню. Командир пришел, и мой дедушка был вынужден отвечать на его вопросы, в то время как солдаты окружили его и держали оружие наготове. Мой дед сам был командиром на военном аэродроме во время 1-й мировой войны и знал, как действовать в такой ситуации. Вопрос, почему солдатам стало плохо, прояснился, и на следующий день мы смогли вернуться домой. Солдаты были отстранены и заменены другими.

Во время полевых работ часто взрывались лежащие в земле патроны, от чего лошади очень пугались и даже подсакивали. Иногда приходили военные и проверяли, все ли в порядке.

Одним осенним днем во время сбора урожая свеклы лошади не смогли вытащить полностью загруженный прицеп из земли. Проходящие мимо солдаты пытались помочь, но ничего не вышло. На помощь приехал военный грузовик с солдатами, которым удалось в итоге вытянуть прицеп с ценным грузом, и все были этому рады.

Это мои воспоминания о войне. Я почти не боялся ни русских, ни американцев.

Я много лет пытался найти хоть какую-то информацию о своем пропавшем отце. Несколько лет назад я узнал, что он умер и был похоронен во Владимире.

В 2015 году благодаря Петеру Штегеру я смог съездить во Владимир и посетить рабочее место и лагерь моего покойного отца.

Благодаря поездке во Владимир мне удалось с умиротворением завершить мои поиски отца, с которым мне так и не довелось встретиться.

Вальтер Росс

**ЭТО НЕ СКАЗКА: АЛЬТРУИЗМ И МОДЯ.
ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ 1942-1945 ГОДОВ**

Это случилось весной 1942 года в западном пригороде Франкфурта-на-Майне. Помощницу работавшего там врача общей практики перевели в военный госпиталь. Доктор Р. в одиночку отвечал за Соссенхайм, Сульцбах, Эшборн, два поселения штурмовиков и 85 французских военнопленных = 10 000 человек, а жена доктора была вынуждена оставить троих детей (10-ти, 8-ми и 4-х лет) и работать фельдшером. Доктор надавил на национал-социалистическую общественную организацию, пригрозил раскрытием «тайны сверхурочных» и через месяц перевел женщину на работу на дому.

То, что привезли, было едва ли 160 см высотой, кареглазое, толстошее, до смерти напуганное, без знания иностранного языка.

В транспортном билете сказано:

16 лет, иностранная работница. МОДЯ КУРИЛЬКО из села ЛЕПИСКЕ, Золотоношский район, Украина, СССР.

Дети Доктора взяли Модю за руку, привели ее на 2-й этаж дома, где справа и слева были комнаты, и объяснили ей жестами, что правая комната принадлежит ей. 16-летняя девочка не могла поверить, что она одна в своей комнате, и никто ее не беспокоит.

Как только наша мама, жена Доктора, увидела одежду Моды, она тут же ринулась в гардероб. Жесткое одеяло мышино-серого цвета, которое Модя носила вместо юбки, держалось на полуметровой булавке; одеяло было в ужасном состоянии. У Моды были проблемы с общением, с доверием, с культурой одеваться, да и с языком... Но мама троих довольно любопытных детей, которой к тому же внезапно пришлось воспитывать Модю, привыкла обучать, объяснять, наглядно все показывать снова и снова... пока Модя не научилась маминой «вчерашней моде». Девочка будто сияла, когда надевала новую одежду, и очень гордилась своими нарядами.

Меньше чем через полгода Модя обжилась, начала сама готовить, выучила немецкий язык настолько хорошо, что могла сама принимать звонки и записывать поручения Доктора, которого она теперь звала «Господином».

Модя готовила, чему научилась у матери, ухаживала за детьми, как старшая сестра, даже помогала по дому в тайне от родителей; Модя была «старшей», и дети любили ее как родную сестру.

Во время семейных поездок в папином полуторалитровом автомобиле Opel Olympia умещались 6 человек – Модя всегда была с нами.

Так, счастливейшая жизнь Моды в семье Доктора продлилась всего 3 и 3/4 года, пока ее не коснулся приказ военного правительства США «о репатриации иностранных рабочих».

С двумя большими дорожными чемоданами и наплечной сумкой, в которой находились бумаги, паспорт, справка о месте жительства и работы, свидетельства и все то, что нужно культурному человеку для путешествий, включая приличную сумму денег и несколько дорогих украшений на случай обесценивания денег: украшения можно обменять на одежду, косметику и средства личной гигиены – со всеми этими вещами Модю насильно забрали американцы. Поздней осенью 1945 года.

Когда грузовик с Модей и остальными репатриантами повернул за угол, Модя и ее семья из 6 человек не могли сдерживать слезы.

Мы больше никогда не видели Модю, ничего не слышали и не знали о ней. Даже бесконечные запросы в службу розыска пропавших, запросы в Украину, в их консульство ничего не дали.

Таким образом, Модя Курилько из села Леписке Золотоношского района Украины, бывшего СССР, оставалась и остается до сих пор в грустных воспоминаниях из детства, которые все еще, спустя 8 десятилетий, живут в памяти. И пока мы ее помним, Модя для нас жива!

*Написано
в конце 2019 года*

Работы Лолы Васильевны Анисимовой

Во время ночных налетов

Голод

Дети согреваются у буржуйки

Жизнь города во время войны

Ленинград. Летний сад

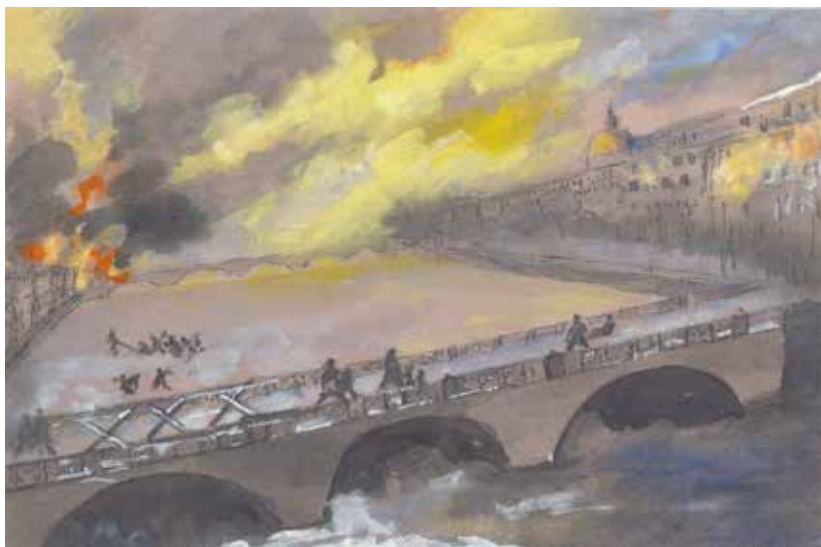
Ленинград. Голод

Ленинград. Во время бомбежки снаряды упали с двух сторон дома

Ленинград. По нашей улице Гусевой везли
обнаженные трупы на Серафимиевское кладбище

Ленинград. Суровые будни города во время войны

Перед отправкой на Большую землю под непрерывными бомбежками и обстрелами

Блокадная норма хлеба

Салют в честь полного освобождения Ленинграда
от фашистской блокады

ДЕТИ ВОЙНЫ – ВЛАДИМИРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Сборник воспоминаний юных свидетелей
Великой Отечественной войны

Подписано в печать 20.09.2021
Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печать лазерная.
Усл. печ. л. 24,65
Тираж 650 экз.
Заказ № 5953

Издается в авторской редакции

Отпечатано в ООО «Аркаим»
г. Владимир, ул. Кирова, 14-г
E-mail: print@arkprint.ru